

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

142

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 142

TRIMESTRIEL

III - 1984

LE MESSEGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н.А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условия подписки на 1984 год	180 Фр.
AIR MAIL	250 Фр.
с целью поддержки	300 Фр.

цена отдельного номера	60 Фр. или 15,- \$
------------------------	--------------------

чеки выписывать на имя: **LE MESSEGER**

Подписчики, живущие во Франции, могут делать денежный перевод также и на текущий почтовый счет:
ССР - LE MESSEGER 23-601-57 U Paris

ИЗДАНИЕ

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Адрес редакции: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.

LE MESSEGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ, 2

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

142

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001504

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 142

TRIMESTRIEL

III - 1984

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ НА ЗАПАДЕ

Битой посуды будет много. Но нового здания не выстроится... Строит тот один, кто способен к изнуряющей мечте... строил Микель-Анджело, Леонардо да Винчи; но революция всем им покажет прозаический кукиш и задушит еще в младенчестве, лет 11-13, когда у них вдруг окажется "свое на душе"...

В. Розанов. "Уединенно", 1912 г.

Всех гениев задушить в младенчестве революции не удастся. Сквозь расставленные тенета то и дело проскальзывают мечтатели "со своим на душе". Как только они выявляются и требуют права на существование, революционное государство, остепенившееся в своих репрессивных мерах, лишает их гражданств и вытуряет за пределы СССР. Оно больше не говорит им "умрите", но "убирайтесь вон". С поразительной легкостью дряхлеющая, но верная себе система выкидывает, как ненужный балласт, — не научно-технический мозг, за него она цепляется мертвой хваткой, вот почему она с таким остервенением морит на своей земле академика Сахарова, — но именно "мечтателей": гениев, служителей, ремесленников красоты. Exit одним из первых поэтов, осужденный за тунеядство, Иосиф Бродский; "выдворение" Солженицына обернулось торжеством, — а Брежнев удивлялся западным людям: "Что вы все о Солженицыне, есть дела и поважнее его"; за ними, до них, потянулись волей-неволей другие писатели с именем; не вернулись лучшие из музыкантов, шахматистов, танцоров; ринулись на Запад художники; пришел теперь черед деятелей театра и киноискусства. Exit Любимов, exit Тарковский.

Можно по-разному относиться к творчеству Андрея Тарковского в целом и к каждому из его семи фильмов в частности. На страницах "Вестника" были высказаны разноречивые суждения о наиболее популярном и доступном из его фильмов, "Андрее Рублеве".* Для одних он — откровение, раскрепощение от фальши и мертвечины

* См. нашу восторженную статью в "Вестнике" №№ 95-96, 1970, стр. 107-111, и суровый разбор А. Солженицына в № 141, стр. 137-144.

Copyright © Le Messager. Paris 1984.

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 620 16

соцреализма (1965 года, а режиссеру всего 30!), первое духовное слово советского кинематографа, первое разоблачение на экране 40-летнего истребления России; для других — дань моде, бесцеремонное использование русской истории и религиозного материала, их снижение для посторонних целей. Как бы то ни было, и "Андрей Рублев", и несколько заумно-непроницаемые поздние картины Тарковского все ставят ребром проблему духовной жизни в условиях не только советской действительности, но и всей современной цивилизации. Сам Тарковский подчеркивает в своих выступлениях: "Мои картины — крик о катастрофическом разрыве между цивилизацией и духовными ценностями". В подневольной России Тарковский не шел легким путем инсценировки классических романов и пьес (обыкновенно их искажающей) или бытовых картин, а упорно нащупывал новый язык, новые кинетические ритмы, чтобы выразить свой мистический ужас от цивилизации без культуры, без духа, без свободы (три взаимосвязных термина). Если зона в "Сталкере" изображает прежде всего советскую повседневность, где у зоны двойное зловещее значение подавления и запустения, и где обескультуренная цивилизация саморазрушается, то она имеет свое отображение и на Западе, где цивилизация перестает творить культуру, захламляясь пошлостью и дешевкой и задыхаясь в техническом изобретательстве.

Но говорить об этом, даже вполголоса, в стране разгромленной, с одичавшими массами и железной властью — нельзя, как нельзя творить мечту, летописать историю, словом-образом заклинать злых духов или отображать сияние красоты.

Бессильная рука сменяющихся безликих властителей бессмысленно машет прирученным толпам с безобразного мавзолея. А между тем, год за годом, изгоняются в страны чужие или загоняются в подполье последние мечтатели России. Сколько их еще народится? Сколько их еще уйдет? Не наступают ли сроки, отмеренные ясновидцем Розановым: "...и новое здание, с чертами ослиными в себе, повалится в третьем-четвертом поколении?"

СЕРГЕЙ СКОКОМ

Никита Струве

МОСКОВСКИЙ И МИНСКАЯ

ЭТО — ЭТО ЭТО

МОСКОВСКИЙ И МИНСКАЯ

Богословие, Философия

Прот. Александр ШМЕАН (1921–1983)

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К КРЕЩЕНИЮ*

1. Значение приготовления

В течение последних столетий в практике Церкви крещение совершается почти исключительно над младенцами. Тем более замечателен тот факт, что, несмотря на это, обряд этого таинства сохранил те же форму и структуру, которые имел во времена, когда большинство крещаемых составляли взрослые. Это особенно очевидно для тех частей обряда, которые имеют подготовительный характер и описание которых в наших богослужебных книгах приводится в разделе "Молитвы, во еже сотворити оглашеннаго".¹

Эта, сравнительно короткая в настоящее время, часть обряда представляет собой последний сохранившийся элемент длительного приготовления к крещению, которое в прошлом занимало от одного года до трех лет, в зависимости от местной традиции. Готовившиеся к принятию крещения, так называемые катехумены, или оглашенные, постепенно вводились в жизнь Церкви посредством их участия в специальных обрядах, таких как экзорцизм (изгнание нечистых духов), в молитвах, обучением их Священному Писанию и т. п. В этом приготовлении участвовала вся община, которая сама, таким образом, готовилась к принятию новых членов. И именно это двойное приготовление — оглашенных и Церкви — дало начало длительному преддасхальному периоду, который мы в настоящее время называем Великим Постом.² Это был период напряженной завершительной подготовки к "святой ночи", назначением которой было "просвещение" приходящих ко Христу и ищущих в Нем спасения и новой жизни.

* Первая глава из книги "Водой и Духом. О таинстве крещения". Перевод с английского осуществлен в Самиздате. Полностью книга выйдет в издательстве YMCA-Press в 1985 г.

Каково же значение этого приготовления? Вопрос важный, поскольку может показаться, что крещение младенцев, преобладающее в настоящее время, делает некоторые приготовительные обряды ненужным анахронизмом. Однако существенное значение, которое они имели для ранней Церкви и имеют до сих пор при совершении таинства, а также сохранение "взрослой" структуры обряда крещения, ясно показывают, что, в глазах Церкви, это приготовление является неотъемлемой частью таинства. С него, поэтому, мы и должны начать наше исследование.

Прежде всего мы должны понять, что приготовление является существенной и постоянной составной частью всякого богослужения, а также служения Церкви в целом. Невозможно проникнуться духом литургии, понять ее значение и быть ее истинным участником, не поняв предварительно, что она вся построена, в основном, в двойном ритме приготовления и исполнения и что этот ритм соответствует двойной функции самой Церкви.³

С одной стороны, сама Церковь есть приготовление: она "приготавливает" нас к жизни вечной. Ее назначение — преобразовать всю нашу жизнь так, чтобы она сама стала таким приготовлением. В своем учении, в своих проповедях и молитвах Церковь неизменно открывает нам, что высшая ценность, придающая смысл и целенаправленность нашей жизни, находится "в конце", еще должна "явиться" и составляет средоточие всех наших надежд и упований. Без этого основного "приготовления" просто-напросто нет христианства и нет Церкви. Таким образом, всякое церковное богослужение началом своим есть всегда приготовление, оно всегда указывает на нечто, что находится за его пределами, за пределами настоящего, и его функция заключается в том, чтобы помочь нам включиться в это приготовление и, таким образом, преобразовать нашу жизнь, конечной целью которой является ее исполнение в Царстве Божиим.

С другой стороны, Церковь есть исполнение. События, которые вызвали ее к жизни и которые являются источником ее веры и существования, действительно имели место. Пришествие Христа уже совершилось. В Нем человек был обожен и вознесен на небеса. Святой Дух сошел с небес, и Его сошествие положило начало Царству Божию. Нам была дарована благодать, и Церковь есть поистине "небо на земле", так как в ней мы имеем доступ к трапезе Христовой в Его Царстве. Мы получили Святого Духа и можем участвовать, здесь и теперь, в новой жизни и пребывать в общении с Богом.

Эта двойная природа Церкви открывается и сообщается нам в ее богослужениях. Истинное назначение церковного богослужения —

осуществить приготовление и явить нам Церковь как исполнение. Таким образом, каждый день, каждая неделя, каждый год преобразуются и приобретают двойную реальность, осуществляя связь между "уже" и "еще не". Мы не смогли бы приготовить себя к Царству Божию, которое "еще только грядет", если бы это Царство "уже" не было дано нам. Мы никогда не смогли бы сделать конец объектом любви, надежд и чаяний, если бы он не был явлен нам как славное и лучезарное *начало*. Мы никогда не смогли бы молиться "Да приидет Царствие Твое", если бы вкус этого Царства не был нам уже сообщен. Если бы литургия Церкви не была "исполнением", наша жизнь никогда не смогла бы стать "приготовлением". Итак, этот двойной ритм приготовления и исполнения не случаен, а составляет самую сущность не только богослужения Церкви в целом, но также и каждой его составной части, каждого ожидания праздника, каждой службы, каждого таинства. Чем была бы Пасха без светлого покоя Великой и Святой Субботы? Торжественный мрак Страстной Пятницы — без предшествующего длительного поста? И разве печаль Поста не становится "светлой печалью" благодаря свету, исходящему от Пасхи, к которой он готовится? Если сегодня церковное богослужение перестало быть для многих людей глубочайшей необходимостью и радостью их жизни, то это произошло, прежде всего, потому, что они забыли или, быть может, и не знали никогда об основном литургическом законе приготовления и исполнения. Они не знают исполнения, потому что они пренебрегают приготовлением, и они пренебрегают приготовлением, поскольку у них нет стремления к какому бы то ни было исполнению. А в таком случае богослужение действительно кажется излишним пережитком устарелых обрядов, который желательно оживить каким-нибудь "концертом" или искусственной и безвкусной "торжественностью".

Крещение не является исключением из этого основного правила. Оно требует приготовления, даже если человеческому существу, принимающему крещение, всего несколько дней от роду и оно не способно понять, что с ним происходит. Православная Церковь, в отличие от всевозможных рационалистических сект, никогда не ставила "понимания" условием крещения. Более того, она утверждает, что истинное "понимание" становится возможным только благодаря крещению, что это понимание является скорее плодом и следствием крещения, чем его условием. Мы весьма далеки от поверхностной идеи, что крещение является недействительным, если оно не "понято" и не "воспринято", а потому может совершаться только над "взрослыми" людьми. Быть может, высшей благодатью крещения

является как раз то, что оно превращает нас в детей, восстанавливает в нас "младенчество", без которого, по словам Самого Христа, невозможно войти в Царство Божие, ибо вся Церковь изменяется, обогащается и исполняется, когда еще одно чадо Божие включается в ее жизнь и становится членом Тела Христова.

Как мы уже сказали, крещение — это Пасхальное таинство, а Пасха означает "переход". Этот переход начинается уже в подготовительных обрядах и делает их истинным началом таинства, приготовлением к тому, что найдет свое исполнение в таинстве Воды и Духа.

2. Оглашение

В служебнике молитвам об оглашенных предшествует следующее описание: "Разрешает священник пояс хотящего просветитися, и совлачает и отрешает его, и поставляет его к востоку во единой ризе непрелюбана, непокровена, и необувена, имущаго руце доле, и дует на лице его трижды, и знаменует чело его и перси трижды, и налагает руку на главу его...".

Эта рубрика нуждается в пояснении, а описанные действия должны быть рассмотрены в контексте всего предкрещального приготовления.

В ранней Церкви человека, пожелавшего стать христианином, приводили к епископу местной Церкви его восприемники (поручители),⁴ т.е. те члены христианской общины, которые могли свидетельствовать о серьезных намерениях кандидата, об искреннем характере его обращения. Само по себе обращение, разумеется, находится за пределами возможных объяснений. Что приводит человека ко Христу? Что заставляет его уверовать? Несмотря на все попытки проанализировать и описать различные "типы" обращения, всегда остается тайна неповторимого взаимоотношения между Богом и каждой человеческой личностью, созданной Богом для Себя. Поэтому наше объяснение начинается с момента, когда мистический процесс привел к осязаемому решению: войти в Церковь, принять крещение.

Новообращенного приводили к епископу, который в ранней Церкви был священником, пастырем и учителем местной христианской общины. Получив заверения в серьезности намерений обратившегося, епископ вносил его имя в список оглашенных.⁵ Затем он трижды осенял крестным знаменем лицо новообращенного и возлагал руку на его голову. Этот первоначальный ритуал, называвшийся

зачислением, означал, что Христос принимает этого человека в Свое достояние и вносит его имя в Книгу Жизни. Во времена св. Иоанна Златоуста это происходило в самом начале Великого Поста.⁶ Сейчас эти действия составляют первый шаг чинопоследования крещения, и их смысл разъясняется в первой молитве об оглашенных:

О имени Твоем Господи Боже Истины, и Единородного Твоего Сына, и Святаго Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего, сподобльшагося прибегнути ко Святому Имени Твоему, и под кровом крил Твоих сохранитися. Отстави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любви: да уразумеет, яко Ты еси един Бог истинный, и Единородный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Святыи Твой Дух. Дажь ему во всех заповедях Твоих ходити и угодная Тебе сохранити: яко аще та сотворит сия человек, жив будет в них. Напиши его в книзе жизни Твоея, и соедини его стаду наследия Твоего: да прославится имя Твое Святое в нем, и возлюбленнаго Твоего Сына, Господа же нашего Иисуса Христа, и животворящаго Твоего Духа. Да будут очи Твои вззирающе на него милостию выну, и уши Твои еже услышати глас моления его. Возвесели его в делех руку его, и во всяком роде его, да исповестся Тебе покланяся, и славяи имя Твое великое и вышнее, и восхвалит Тя выну во вся дни живота своего. Тя бо поют вся силы небесныя, и Твоя есть слава, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Итак, в этой самой первой молитве, в самом начале крещального богослужения, нам даются действительные измерения и истинное содержание обращения. Прежде всего это бегство из "мира сего", который был похищен у Бога врагом и стал тюрьмой. Обращение — это событие не из сферы и не на уровне идей, как многие считают в настоящее время. Это не выбор "идеологии"; это даже не ответ на "проблемы" (слово, столь гениально игнорируемое ранней Церковью и Священным Писанием). Это — действительно уход от темноты и отчаяния. Человек приходит ко Христу, чтобы спастись, и потому, что нет иного спасения. И первый акт крещального богослужения — это акт защиты: рука епископа — рука Самого Христа — защищает, дает прибежище, "берет под крыло". Ибо предстоит смертельная схватка, и в первой же молитве говорится об ее крайней серьезности.

Новообращенный "зачислен", вписан в Книгу Жизни и вскоре будет "причислен ко стаду наследия Божия". В то же время ему также

сообщена высшая цель крещения: восстановление истинной жизни — жизни, утраченной грешным человеком. Эта жизнь описывается как "поклонение, восхваление и прославление великого и высшего Имени". Но это и есть описание "небес" и "вечности", — того, что, согласно Писанию, силы небесные вечно творят пред Престолом Господним. Спасение, восстановление жизни, дар жизни вечной — таковы те стороны крещения, которые приоткрываются нам в этом первом пригласительном обряде. Таково начало решающего события в человеческой жизни.

3. Изгнание нечистых духов

Приготовление к крещению состоит из наставлений в вере и в *экзорцизме* (изгнании нечистых духов).⁷ Поскольку в настоящее время, ввиду того, что крещение происходит в младенческом возрасте, наставления в вере по необходимости переносятся на более позднее время (после крещения), мы начнем наше исследование с обряда изгнания духов, который в телерешном чинопоследовании следует непосредственно за первой молитвой.

"Современный человек", даже православный, бывает весьма удивлен тем, что обряд крещения начинается со слов, обращенных к диаволу. В его религиозном мировоззрении для диавола нет места, это понятие, по его мнению, принадлежит суеверному средневековью и низкому интеллектуальному уровню. Поэтому многие люди, в том числе и священники, полагают, что изгнание нечистых духов может быть попросту пропущено, как акт ненужный и несоответствующий нашей просвещенной и "современной" религии. Что касается неправославных, то они идут еще дальше: они утверждают, что необходимо "демифологизировать" сам Новый Завет, освободить его от устаревшего мировоззрения — "демонологии", которая только затемняет его настоящий и вечный смысл.

В нашу цель не входит изложение, даже поверхностное, православного учения о диаволе. Фактически Церковь никогда не формулировала его систематически в виде ясного и четкого "учения". Однако для нас имеет огромное значение то, что у Церкви всегда был опыт, подтверждающий наличие демонического, т.е., говоря попросту, у нее всегда было знание сатаны. Если это непосредственное знание не нашло своего выражения в четком и систематическом учении, то это объясняется трудностью, если не невозможностью, рационально определить иррациональное. А демоническое или, вообще говоря,

лукавое (*злое*) как раз и является реальностью иррационального плана. Некоторые философы и богословы, пытаясь объяснить и таким образом "рационализировать" опыт и существование зла, объясняли его как некое отсутствие: отсутствие добра. Они сравнивали его, например, с темнотой, которая есть не что иное, как отсутствие света, и которая рассеивается с появлением света. Эта теория принималась последовательно деистами и гуманистами всех оттенков и до сих пор является неотъемлемой частью современного мировоззрения. При этом лекарство против зла обычно в "просвещении" и "образовании". Например, стоит только объяснить подросткам механизм секса, устранить "тайну" и "запреты", как они будут пользоваться им рационально, т.е. хорошо. Стоит только увеличить количество школ, как человек, который добр по своей природе, будет жить и вести себя рационально, т.е. хорошо.

Однако такое понимание зла чуждо духу Библии и опыту Церкви. Наоборот, зло — это не только отсутствие. Это именно присутствие: присутствие чего-то темного, иррационального и вполне реального, хотя источник этого присутствия может быть неясен и не сразу осознаваем. Так, ненависть — это не просто отсутствие любви; это присутствие особой темной силы, которая в действительности может быть чрезвычайно активной, знающей и даже творческой. И безусловно она не является следствием недостатка знания. Мы можем знать и ненавидеть. Чем более некоторые люди узнавали Христа, видели Его свет и благодать, тем более они Его ненавидели. Это опущение зла как иррациональной силы, как чего-то, что овладевает нами и направляет нас, согласуется с опытом Церкви и опытом тех, кто пытается, хотя бы понемногу, "улучшить" себя, противоборствовать своей "природе", вести более духовную жизнь.

Итак, наше первое утверждение заключается в том, что демоническая реальность существует: существует зло как темная сила, как присутствие, а не только отсутствие. Но мы можем пойти дальше. Ибо точно так же, как не может быть любви без любящего, т.е. без личности, которая любит, так и не может быть ненависти без "ненавистника", т.е. без человека, который ненавидит. И если высшая тайна добра заключена в человеческой личности, то и высшая тайна зла должна также иметь личностный характер. Носителем темной и иррациональной силы зла должна быть личность или личности. Должен существовать личностный мир тех, кто выбрал ненависть к Богу, к свету, кто выбрал быть против. Кто эти личности? Когда, как и почему выбрали они путь против Бога? На эти

вопросы Церковь не дает точных ответов. Чем глубже реальность, тем труднее она представима с помощью формул и утверждений. И поэтому ответ прячется в символах и образах, говорящих о восстании против Бога в сотворенном Им духовном мире, среди ангелов, которых заставила восстать их гордыня. При этом в качестве источника зла упоминается не неведение и несовершенство, а, напротив, то знание и та степень совершенства, которые делают возможным искушение гордыней. Кто бы он ни был, "сатана" принадлежит к самым первым и лучшим созданиям Бога. Он, так сказать, достаточно совершенен, мудр и силен, можно даже сказать, достаточно *божественен*, чтобы знать Бога и не подчиниться Ему — знать Его и все же сделать выбор против Него, пожелать свободы от Него. Но поскольку эта свобода невозможна в любви и свете, которые всегда ведут к Богу и свободному подчинению Ему, она неизбежно осуществляется в отрицании, ненависти и бунте.

Конечно, эти жалкие слова далеко не соответствуют той страшной тайне, которую они пытаются выразить. Ибо мы ничего не знаем о той первоначальной катастрофе в духовном мире — о ненависти к Богу, вызванной гордыней, и о возникновении чуждой и злой реальности, которая не была создана Богом, не была вызвана Его волей. Или, точнее, мы знаем об этом только благодаря нашему внутреннему опыту зла, нашему собственному столкновению с этой реальностью. Этот опыт всегда ощущается как падение, как отказ от чего-то ценного и совершенного, как измена самой его сущности. И когда мы наблюдаем зло в себе и вне себя в мире, какими невероятно дешевыми и поверхностными кажутся все рациональные объяснения, все попытки объяснить зло четкими и рациональными теориями. Если мы можем что-либо узнать о зле из нашего духовного опыта, так это следующее: нужно не объяснять зло, а противостоять ему и бороться с ним. Так обращается со злом Господь. Он не стал объяснять его. Он послал Сына Своего Единородного, чтобы Он был распят всеми силами зла и тем самым сокрушил их Своей любовью, верой и послушанием.

По этому пути должны следовать и мы. В то самое мгновение, когда мы примем решение следовать за Христом, мы неминуемо встретим на этом пути сатану. В крещальном обряде, который есть акт освобождения и победы, прежде всего совершается акт изгнания духов (или запрещения сатаны), поскольку на нашем пути к крещальной купели мы неизбежно сталкиваемся с темной и могущественной фигурой, преграждающей нам этот путь. Если мы хотим продвинуться вперед, ее нужно прогнать. В момент, когда рука

священника касается головы чада Божия и осеняет ее знаком Христа, сатана оказывается тут же, чтобы защитить украденное им у Бога и объявленное им своей собственностью. Мы можем не видеть его, но Церковь знает, что он здесь. Мы можем не ощущать ничего, кроме теплой семейной атмосферы, но Церковь знает, что сейчас развернется смертельная битва, высшей ставкой в которой являются не объяснения и теории, а вечная жизнь или вечная смерть. Ибо, хотим мы этого или нет, знаем мы это или нет, но мы все вовлечены в духовную войну, которая ведется от сотворения мира. Разумеется, Господь одержал решительную победу, но сатана еще не сдался. Напротив, согласно Писанию, именно смертельно раненный и поверженный, он готовит последнюю и самую кровавую битву. Он ничего не может поделаться против Христа, но он может многое против нас. Поэтому "запрещение" сатаны есть только начало борьбы, которая составляет первую и существенную сторону христианской жизни.

Мы обращаемся к сатане! Именно здесь проявляется христианское понимание слова как силы прежде всего. В десакрализованном и секуляризованном мировоззрении современного человека слово, как и все остальное, обесценено, сведено лишь к его рациональному значению. Но в библейском откровении слово — это всегда сила и жизнь. Бог сотворил мир Своим Словом. Слово есть сила созидательная и сила разрушительная, ибо оно не только сообщает идеи и понятия, но прежде всего порождает духовные сущности, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. С точки зрения "мирского" понимания слова, "обращаться" к сатане не только бесполезно, но и смешно, поскольку не может происходить "рациональный диалог" с самим носителем иррационального. Но "запрещение сатаны" — это не объяснение, имеющее целью доказать что-либо некоему существу, которое извечно ненавидит, лжет и разрушает. По словам св. Иоанна Златоуста, это "ужасающие и удивительные"⁸ заклинания, действие "пугающей и ужасающей" силы, которое рассеивает и уничтожает злую власть демонического мира:

Запрещает тебе, диаволе, Господь пришедший в мир, и вселившийся в человецех, да разрушит твое мучительство, и человеки измет, Иже на древе сопротивныя силы победы, — солнцу померкшу, и земли поколебавшейся, и гробом отверзающимся, и телесем святых восстающим: Иже разруши смертью смерть, и упраздни державу имущаго смерти, сиешь тебе, диавола. Запрещаю тебе Богом, показавшим древо живота, и уставившим херувимы, и пламенное оружие

обращающееся стрещи то: запрещен буди, Оним убо тебе запрещаю, ходившим яко по суху на плещу морскую, и запретившим бури ветров: Егоже зрение сушит бездны, и прещение растаывает горы: Той бо и ныне запрещает тебе нами. Убойся, изыди, и отступи от создания сего, и да не возвратишия, ниже утаишия в нем, ниже да срящещи его, или действуещи, ни в нощи, ни в дни, или в часе, или в полудни: но отиди во свой тартар, даже до уготованнаго великаго дне суднаго. Убойся Бога, седящаго на Херувимех и призирающаго бездны, Егоже трепещут Ангели, Архангели, Престоли, Господства, Начала, Власти, Силы, многоочитии Херувимы, и шестокрилатии Серафимы: Егоже трепещут небо и земля, море, и вся яже в них. Изыди, и отступи от запечатаннаго новоизбраннаго воина Христа Бога нашего. Оним бо тебе запрещаю, ходящим на крилу ветренню, творящим Ангелы Своя огонь палящ: изыди, и отступи от создания сего со всею силою и Ангелы твоими.

Это запрещение — поэма — в глубочайшем смысле этого слова, которое по-гречески означает творческое слово. Оно поистине являет и совершает то, что являет; оно превращает в действительную силу то, что утверждает; оно снова наполняет слова божественной энергией, от которой они происходят. Запрещение совершает все это, потому что оно произносится во имя Христа. Оно истинно наполняется силой Христа, Который "вторгся" во вражескую территорию, воспринял человеческую жизнь и сделал человеческие слова Своими, потому что Он уже разрушил злые силы изнутри.

И, изгнав злую силу, священнослужитель совершает следующую молитву:

Призри на раба Твоего; възщи, испытуй, и отжени от него вся действия диаволя. Запрети нечистым духом, и изжени я, и очисти дела руку Твоею, и острое Твое употребивый действие, сокруши сатану под нозе его вскоре, и даждь ему победы на него, и на нечистые его духи. Яко да от Тебе милость получив, сподобится безсмертных, и небесных Твоих Тайн... Приими в Царство Твое пренебесное: отверзи его очи мысленныя, во еже озаряти в нем просвещению Евангелия Твоего...

Освобождение от злых сил — начало восстановления человека. А завершение — Царство Небесное, куда человек был принят во Христе, так что вознесение на небеса, соединение с Богом и "обожение" поистине стали высшей судьбой и призванием человека.

Изгоняя злых духов из оглашенного, священник, согласно обряду, "дует на уста его, на чело и на перси". Дыхание есть основная физиологическая функция, которая поддерживает в нас жизнь, но при этом обрекает нас на полную зависимость от мира. А мир безнадежно заражен грехом, злом и смертью. В раннехристианском воззрении на человека не было строгого разделения на физическое и духовное, что является характерным для нашей современности. Первые христиане рассматривали человека в его целокупности, в органическом единстве и взаимозависимости духовного и физического. Весь мир отравлен и болен, и поэтому акт освобождения имеет не только "духовный" характер, но и "физический": он очищает самый воздух, которым мы дышим и который, в результате изгнания духов, становится снова чистым и Божьим даром; он восстанавливает жизнь как зависимость от Бога, которую Бог дал человеку изначально.

И священник продолжает:

Изжени из него всякаго лукаваго и нечистаго духа, сокрытаго и гнездящагося в сердце его... Духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения, и всякаго лихоимства, духа лжи, и всякия нечистоты, действуемья по наущению диаволу, и сотвори его овча словесное Святаго стада Христа Твоего, удчестен Церкви Твоея, сына и наследника Царствия Твоего: да по заповедем Твоим жительствовав, и сохранив печать нерушимую, и соблюд ризу нескверную, получит блаженства Святых во Царствии Твоем...

Изгнание духов завершено. Наступило первое освобождение. Человек восстановлен как свободное существо, способное иметь истинную свободу — не ту, которую мы называем свободой и которая на самом деле превращает человека в постоянного раба своих желаний, а свободу снова принять истинную жизнь, исходящую от Бога и ведущую к Богу, свободу совершить единственный истинно свободный и поистине освобождающий выбор — выбор Бога. Этот выбор и представляет следующее священнодействие крещального приготовления.

4. Отречение от сатаны

Этот обряд, а также непосредственно следующее за ним исповедание Христа, обычно совершался в Страстную Пятницу или в Великую Субботу.⁹ Таким образом, оба обряда составляли конец

и завершение приготовления к крещению. В настоящее время они совершаются сразу же после экзорцизма.

И совлечену и отрешену крещаемому, обращает его священник на запад, горе руке имуща...

"...Обращает на запад...". Здесь запад — это символ тьмы, местопребывания сатаны.¹⁰ Крещаемый не боится стать с ним лицом к лицу, т.к. изгнание нечистых духов сделало его свободным для того, чтобы, прежде всего, он смог отвергнуть сатану, бросить ему вызов, отречься от него. Обращение лицом к западу есть акт свободы, первый свободный акт человека, избавленного от рабства сатане.

"...Совлечену и отрешену, горе руке имуща...". Крещаемый лишен всего того, что скрывало от него его положение раба, что делало его лишь по видимости свободным человеком, даже не знающим о своем рабстве, о своей нищете и о своей тюрьме. Теперь, однако, он знает, что он был пленником — "а пленники ходят раздетыми и разутыми".¹¹ Он снял с себя все, что маскировало его рабство, его принадлежность сатане. Он "знает, от какого зла он избавлен и к какому добру он спешит...".¹² Его вознесенные руки показывают, что он подчиняется Христу, хочет быть Его пленником, ищет плена, который, по словам Иоанна Златоуста, "превращает рабство в свободу... возвращает с чужбины на родину, в небесный Иерусалим...".¹³

И священник глаголет:

— Отрицаеши ли ся Сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его и всея гордыни его?

И отвечает оглашенный, или восприемник его, и глаголет:

— Отрицаюся.

(Этот вопрос и ответ повторяются трижды).

Вопрошает священник крещаемого:

— Отреклся ли еси Сатаны?

И отвечает оглашенный или восприемник его:

— Отрекохся.

(Этот вопрос и ответ повторяются трижды).

Таже глаголет священник:

— И дуни, и плюни на него.

В период возникновения этого обряда его значение было очевидно как крещаемому, так и всей христианской общине. Они жили в языческом мире, жизнь которого была пропитана *potra diaboli*, т.е. поклонением идолам, участием в культе императора, обожествлением неодушевленных предметов и т.д.¹⁴ Оглашенный не только знал, от чего он отрывается, он сознавал также, к какой трудной жизни —

поистине "неконформистской" и радикально противоположной "образу жизни" окружающих — обязывает его это отречение.

Когда же мир стал "христианским" и отождествил себя с христианской верой и христианским культом, значение этого отречения стало постепенно забываться, так что в настоящее время оно рассматривается как древний и анахронический обряд, как нечто почти забавное и не требующее к себе серьезного отношения. Христиане так привыкли к христианству, как неотъемлемой части их мира, и к Церкви, как религиозному выражению их мирских "ценностей", что само понятие напряжения или конфликта, существующих между их христианской верой и миром, исчезло из их жизни. И даже в настоящее время, после страшных крушений, которые потерпели все так называемые "христианские" миры, империи, народы, государства, многие христиане все еще убеждены, что, по существу, с миром все в порядке и можно с успехом принять его "образ жизни" и его иерархию "ценностей", и при этом выполнять свои "религиозные обязанности". Более того, сама Церковь и христианство рассматриваются, главным образом, как средство для достижения успешной и спокойной мирской жизни, как духовная терапия, снимающая все напряжения, разрешающая все конфликты, дающая тот "душевный покой", который обеспечивает успех, стабильность, счастье. Сама идея, что христианин должен отречься от чего-то и что это "нечто" заключается не в нескольких явно греховных и безнравственных действиях, но прежде всего есть определенное видение жизни, некая система ценностей, суть его отношения к миру, что христианская жизнь — это "узкий путь" и борьба, — эта идея позабыта и не является больше ядром нашего христианского мировоззрения.

Страшная правда состоит в том, что подавляющее большинство христиан попросту не видит присутствия и действия сатаны в мире и поэтому не испытывает нужды в отречении от "дел его и служения его". Они не замечают явного идолопоклонства, пронизывающего идеи и ценности сегодняшней жизни и формирующего, определяющего и поработавшего их жизнь в гораздо большей степени, чем открытое идолопоклонство древнего язычества. Они закрывают глаза на тот факт, что "демоническое" состоит, главным образом, в фальсификации и подделке, в отклонении даже положительных ценностей от их истинного смысла, в представлении черного белым и наоборот, в тонкой и порочной лжи и смещении. Они не понимают, что такие, по видимости положительные и даже христианские, понятия, как "свобода" и "освобождение", "любовь", "счастье", "успех", "достижение", "рост", "самоусовершенствование", — понятия, которые

формируют современного человека и современное общество, — могут на самом деле не соответствовать их действительному значению и быть орудиями "зла".

А сущность зла всегда и была и есть гордыня, *rompa diaboli*. Правда о "современном человеке" заключается в том, что независимо от того, является ли он законопослушным конформистом или мятежным противником конформизма, он прежде всего есть существо, полное гордыни, сформированное гордыней, поклоняющееся гордыне и ставящее гордыню на первое место в своей шкале ценностей.

Таким образом, отречься от сатаны не значит отвергнуть мифическое существо, в чье существование даже не верят. Это значит отвергнуть целое "мировоззрение", сотканное из гордыни и самоутверждения, из той гордыни, которая похитила человеческую жизнь у Бога и погрузила ее во тьму, в смерть и ад. И можно быть уверенным, что сатана не забудет этого отречения, этого вызова. "Дунь и плюнь на него!" Война объявлена! Начинается битва, исход которой — либо вечная жизнь, либо вечная гибель. Именно в этом и состоит христианство. Именно это, в конечном счете, определяет наш выбор.

5. Исповедание верности Христу

И сие сотворшу, обращает его священник к востоку, доле руце имуща...

"...Обращает его к востоку...". Если обращение на запад во время отречения означает обращение к сатане и его мраку, то обращение к востоку означает обращение человека к райскому саду, возвращенному на востоке, обращению ко Христу, свету мира. "Когда же ты отрицаешься сатаны, — пишет св. Кирилл Иерусалимский, — разрывая совершенно всякий с ним союз, и древнее согласие со адом, тогда отверзается тебе рай Божий, на востоке насажденный, откуда за преступление изгнан был наш праотец. Означая сие, обратился ты от запада к востоку, стране света".¹⁵

"...Доле руце имуща...". Мятеж против Бога сменяется теперь покорностью, послушанием и согласием. "Обратись к востоку, опусти руки, поклонись", — таковы были слова, адресованные епископом ко крещаемому в древнем крещальном обряде Константинопольской Церкви.¹⁶

Затем совершается исповедание верности Христу.

И глаголет ему священник:

— Сочетаваеши ли ся Христу?

И отвещает оглашенный, или восприемник, глаголя:

— Сочетаваюся.

(Этот вопрос и ответ повторяются трижды).

"...Сочетаешься ли со Христом...". Здесь употреблено греческое слово *συνταξις*, означающее связь, принадлежность, сочетание и прямо противоположное слову *απόστασις*, буквальное значение которого "отпадение, разрыв". Это исповедание личной верности Христу при вступлении в ряды тех, кто служит Христу, клятва, подобная солдатской присяге.¹⁷

Таже паки глаголет ему священник:

— Сочетался ли еси Христу?

И отвещает:

— Сочетахся.

— И веруеши ли Ему?

— Верую Ему, яко Царю и Богу.

Это решение и эта клятва принимаются раз и навсегда, они не подлежат пересмотру и переоценке "время от времени", ибо "никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия" (Лк. 9:62). Таково значение второго вопроса: переход от настоящего времени к совершенному.

На языке христиан это решение называется верой. И это слово (*πίστις* по-гречески, *fides* по-латински) имеет более глубокое значение, чем то, которое придают ему люди сегодня, — согласие ума с набором аксиом и утверждений. Прежде всего, оно означает доверие, безусловную преданность, полную отдачу себя тому, кому должно повиноваться и за кем должно следовать, что бы ни случилось.

Крещаемый исповедует свою веру во Христа как Царя и Бога. Эти титулы не являются синонимами. Веровать во Христа как в Бога недостаточно, т.к. "и бесы веруют" (Иак. 2.19). Принять его как Царя или как Господа означает стремление и решимость следовать за Ним, посвятить всю свою жизнь служению Ему, жить в соответствии с Его заповедями. Вот почему раннехристианское исповедание Христа было исповеданием и провозглашением Его Господом, *Κύριος*. Это слово на религиозном и политическом языке того времени содержало в себе идею абсолютной и полной власти, требующей безусловного подчинения. Христиан преследовали и осуждали на смерть за то, что они отказывались называть "господом" Римского императора. "Ты един наш Господь", — возвещается в одном из самых древних христианских песнопений, Великом Славословии, которое мы поем

на каждой утрени, забывая иногда, что в этих словах заключен вызов всем земным властям и "господам". Исповедовать Христа как Царя означает, что Царство, которое Он нам открыл и явил, — это не только Царство некоего далекого будущего, находящееся "по ту сторону" и поэтому не вступающее в конфликт или противоречие со всеми нашими земными "царствами" и верноподданностями. Мы принадлежим этому Царству здесь и сейчас, и мы принадлежим и служим прежде всего ему, а потом уже и всем остальным "царствам". Наша принадлежность, наша преданность чему бы то ни было в "этом мире" — государству, нации, семье, культуре или каким-либо иным ценностям — действительны лишь постольку, поскольку они не вступают в противоречие и не искажают нашу главную преданность, наше "сочетание" Царству Христа. В свете этого Царства ни одна наша привязанность не является абсолютной, ничто не может претендовать на наше безусловное подчинение, ничто и никто не является "господином" нашей жизни. Особенно важно помнить об этом в наше время, когда не только "мир", но даже сами христиане так часто абсолютизируют свои земные ценности — национальные, политические, этнические, культурные, рассматривая их в качестве критерия своей христианской веры, вместо того, чтобы подчинять их единственной абсолютной клятве, которую они дали в день своего крещения, в день, когда они были "занесены в список" тех, для которых Христос — единственный Царь и Господь.

6. Исповедание веры

И он читает Символ веры.

Речь идет о Никео-Цареградском Символе веры, принятом на I Вселенском Соборе в Никее (325), дополненном на II, в Константинополе (381) и с тех пор служащем универсальным выражением веры Церкви. Однако стоит отметить, что символы веры возникли и вначале использовались как краткое изложение наставлений, получаемых ежедневно готовящимися к крещению в течение семи недель, предшествовавших пасхальному совершению крещения.¹⁸ Одной из наиболее важных составных частей этих наставлений являлось объяснение христианского учения и тайноводство, т.е. объяснение литургических "таинств".

Эта *traditio symboli* (передача символа) — объяснение основ церковной веры и жизни новообращенным — начиналась в первые дни Великого Поста и заканчивалась в Страстную Пятницу, после

отречения от сатаны и "сочетания Христу", торжественным чтением самим новообращенным Символа веры (*redditio symboli*)¹⁹ как выражения уже его собственной веры. То, что ему дала Церковь, теперь он возвращает Церкви, членом которой он собирается стать. Теперь знание о Христе должно быть знанием Христа: истина, хранящаяся Церковью в ее Предании, должна стать верой и жизнью нового члена Церкви. Именно по этой причине и в наше время, когда все собрание поет "Символ веры", каждый произносит "Верую", а не "Веруем...". Церковь — это тело, организм, но организм, составленный из отдельных личностей. Каждому дана вера во всей ее полноте, и каждый ответствен за всю полноту ее. Все в этой общей и неизменной вере должно быть принято лично, чтобы стать силой, преобразующей жизнь.

И егда исполнит Святыи Символ, и глаголет паки к нему:

— Сочетался ли еси Христу?

И отвечает:

— Сочетахся.

(И этот вопрос и ответ повторяются трижды).

— И поклонися Ему.

И поклоняется, глаголя:

— Поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней.

Отречение от сатаны было "скреплено" тем, что крещаемый дунул и плюнул на него. Наша преданность Христу скрепляется теперь поклонением Святой Троице. "Поклонение" есть древний и универсальный символ благоговения, любви и послушания. Сегодня нас учат, что достоинство и свобода человека состоят именно в том, чтобы не склоняться ни перед кем и ни перед чем, в постоянном утверждении себя как единственного хозяина своей жизни. Но как ничтожны, как мелки эти "достоинство" и "свобода"! Что за карикатура на человека — этот маленький человечек, которого осыпают похвалами, которому льстит и которого боготворит вся наша "культура" и который думает, что он полностью выражает себя в этой самонадеянности и самодостаточности, в самовосхвалении и самодовольстве! И как поистине благородны, истинно человечески и подлинно свободны те, которые все еще умеют поклоняться Высокому и Святому, Истинному и Прекрасному, которые знают, что такое поклонение и уважение, которым известно, что поклонение Богу есть необходимое условие свободы и достоинства. Действительно, Христос — единственный истинно свободный человек, ибо Он был послушен Отцу до конца и следовал лишь Его воле. Стать

членом Церкви всегда означало войти в послушание Христово и найти в этом поистине божественную человеческую свободу.

"...Троице единосущней и нераздельней". Знание Христа есть знание Его Отца и Святого Духа, Бога как Троицы. Это основное содержание всего знания и сама сущность жизни вечной. И снова: как важно помнить об этом теперь, когда так много людей делают из "Христа" символ и ярлык их собственных "человеческих, слишком человеческих" ценностей, стремлений и пристрастий, умаляют "Иисуса" до своих преходящих увлечений и эмоций. Давайте честно признаем, что не может быть истинного "возрождения" религии без возрождения, прежде всего, собственной религии Христа, которая есть исповедание Отца, Сыном которого Он является, и Святого Духа, которого Он посылает от Отца, т.е., иными словами, без возвращения к тайне всех тайн, откровения всех откровений, к дару всех даров и радости всех радостей: к Троичному Богу, Святой и Животворящей Троице единосущной и нераздельной.

Теперь приготовления подошли к концу. Уже все готово к совершению великого действия: смерти и воскресению "по образу" Смерти и Воскресения Христа.

"Благословен Бог, — возвещает священник, — всем человеком хотя бы спастись, и в познание истины прийти..." — и в заключительной молитве обращается к Богу со следующими словами:

Владыко Господи Боже наш, призиви раба Твоего ко Святому Твоему просвещению, и сподоби его великия сея благодати, Святаго Твоего Крещения: отрешн его ветхость, и обнови его в живот вечный, и исполни его Святаго Твоего Духа силы, в соединение Христа Твоего; да не ктому чадо тела будет, но чадо Твоего Царствия, благоволением и благодатию Единороднаго Твоего Сына: с Нимже благословен еси, со пресвятым, и благим и животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Требник. Изд. Московской Патриархии, 1970.
2. См. мою книгу "Великий Пост". YMCA-Press, Париж, 1981. Об институте оглашения см.: H. Leclercq, "Catéchèse, catéchisme, catéchumène" в Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de Liturgie 2, 2 (1910), с. 2530—2579; J. Daniélou, L'institution catéchuménale aux premiers siècles (Институт оглашенных в первые века), Дижон, 1957, с. 27—36. Также La Maison Dieu 10 (1947): "L'initiation chrétienne", и 58 (1959): "Du catéchuménat à la confirmation" (От оглашения до конфирмации).
3. О богослужении как "приготовлении и исполнении" см. мою книгу "Великий Пост".
4. Поскольку институт восприемников стал фактически носить условный характер, весьма важно понять его значение и роль в прошлом, а также подумать о возможной и, по-моему, существенной пользе, которую он может принести в настоящее время. Восприемники упоминаются уже в Апостольском предании св. Ипполита Римского (15): "...пусть спросят их о причине, вследствие которой они обращаются к вере. И те, которые их привели, пусть засвидетельствуют, что приведенные готовы к слушанию Слова. Пусть спросят об их образе жизни..."

О. Finn в своей книге "Чинопоследование крещения в Огласительных словах св. Иоанна Златоуста" пишет: "Необходимость в восприемниках стала особенно острой начиная с четвертого столетия, в связи с ... резко возросшим числом людей, приходящих к Церкви. В таких больших городах, как Антиохия, представители Церкви были уже не в состоянии исследовать поведение и образ жизни многих желающих креститься и не имели возможности уделять внимание каждому в его формировании как христианина. Таким образом, восприемник, помимо предоставления гарантий за принимаемого, становился его учителем и наставником..."

Феодор Мопсуестийский пишет:

"Что же касается до вас, приходящих ко Крещению, то в должное время ваше имя вписывается в книгу Церкви, а также туда записывается имя вашего крестного, который отвечает за вас и становится вашим проводником во Граде и споспешником вашего гражданства в нем. Сие же совершается для того, чтобы вы знали, что, еще находясь на земле, вы заранее приписываетесь к небесам и что ваш крестный, который уже там, должен усердно учить вас, странников и пришельцев в тот великий Град, всему, что сему Граду и гражданству в нем подобает, дабы вы хорошо ознакомились с его жизнью без особого труда и беспокойства"... (Огласит. слово 12, цит. у Финна, с. 55).

По-гречески слово *ἀναδεχόμενος* (восприемник) имеет также значение "поручитель за должника". Св. Иоанн Златоуст объясняет это восприемникам:

"Если хотите, обратим слово и к восприемникам вашим, чтобы могли увидеть и они, какого удостоится вознаграждения, если проявят о вас великое усердие, и, напротив, какое им последует осуждение, если они впадут в беспечность. Подумай, возлюбленный, о тех, кто принял поручительство

о деньгах, что они большей подвергаются опасности, чем должник, взявший деньги. Ибо если должник явится благоразумным, то кредитору облегчит бремя; если же станет неразумным, то ему большую опасность уготовит. Поэтому и некий мудрец наставляет, говоря: "Если поручишься, заботься, как обязанный заплатить". (Сир. 8, 13). Если же принявшие поручительство о деньгах считают себя ответственными, то насколько же больше те, кто причастен к духовному, те, кто приняли поручительство о добродетели, должны проявить великую заботу, убеждая, совствуя, исправляя, проявляя отцовскую любовь. И пусть они не думают, что происходящее не имеет для них значения, но пусть узнают точно, что и славы они станут соучастниками, если своими наставлениями приведут наставляемых к пути добродетели, а если впадут в праздность, снова многое им будет осуждение. Ибо поэтому существует обычай называть их отцами духовными, чтобы они узнавали через сами дела, какую любовь должны проявить в наставлении о духовном. Ибо если похвально привести к ревению о добродетели тех, кто никак не является родственником, то насколько же более должны мы исполнить положенное в отношении того, кого мы принимаем как чадо духовное. Узнали теперь и вы, восприемники, что немалая вам угрожает опасность, если впадете в беспечность". (Огласительные беседы св. Иоанна Златоуста, 2, 15–16, русский перевод в ЖМП, 1972, 5, с. 72).

В своих комментариях к приведенному отрывку Финн пишет:

"Принятие восприемником новокрещенного в качестве сына ясно свидетельствует о его обязательствах следить за дальнейшим формированием христианского мировоззрения у своего "чада" после крещения. К сожалению, Златоуст не говорит конкретно о его обязанностях перед крещением. Однако из его наставлений следует, что восприемник поручался за характер, поведение и образ жизни кандидата в момент его занесения в список и что восприемники и крещаемые вместе слушали наставления. Можно также с уверенностью сделать вывод о том, что восприемник играл важную роль в нравственном формировании крещаемого в период его оглашения и, возможно, принимал какое-то участие в его догматическом и литургическом обучении". (op. cit., с. 57).

В настоящее время восприемники ограничиваются лишь выполнением некоторых функций при совершении крещения: они держат младенца во время обрядов, предшествующих крещению, отвечают за него на вопросы, читают Символ веры и принимают младенца из купели. Выбор восприемников стал сугубо семейным делом и чаще всего диктуется соображениями, не имеющими ничего общего с Церковью, ее верой и духовной ответственностью за крещаемого. И поскольку от них ничего не требуется и никто не обременяет их какими-либо обязанностями или ответственностью, то требование, чтобы они были православными, действительно производит впечатление излишнего. Но я, однако, убежден в том, что институт восприемников необходим в наше время более, чем когда бы то ни было. Мы уже не живем в рамках православного общества и православной культуры. И если мы, как правило, все же крестим наших детей, проблема сохранения их в Церкви, их религиозного воспитания и обучения становится поистине насущной и жгучей. Необходимо, чтобы Церковь не выпускала детей из виду, особенно когда они, приняв крещение, не участвуют в церковной жизни из-за равнодушия или небрежности своих родителей. Необходимо

вести гораздо более систематические наставления в вере для новообращенных в Православие. Наконец, необходима более тесная взаимосвязь между образовательными заведениями прихода (Церковными школами, курсами для взрослых и т.п.) и его сакраментальной и литургической жизнью. В связи с этим мы выносим на рассмотрение следующие предложения, которые в случае, если будут найдены приемлемыми и полезными, должны быть представлены Иерархии для утверждения:

а) По крайней мере, один из восприемников должен выбираться не семьей, а назначаться священником из наиболее активных и образованных прихожан, причем Церковь должна проверять их компетентность для такого ответственного, с духовной точки зрения, дела.

б) Назначенный Церковью восприемник обязан следить за ребенком, доверенным ему Церковью, и сообщать священнику обо всех возникающих проблемах (пренебрежение родителей в приобщении ребенка к таинствам, невозможность записать в церковную школу, переезд семьи в другую местность).

в) Помимо обычной приходской регистрации, следует завести специальную книгу, в которой бы находила отражение религиозная жизнь каждого окрещенного ребенка, с тем чтобы любой новый священник или новая группа церковных учителей могли получить о ней полное представление.

г) Помимо обучения новообращенных по обычной программе, каждый обращенный должен быть прикреплен к какой-нибудь семье из данного прихода, с тем чтобы последняя помогала ему в приобщении к приходской жизни.

В основе этих предложений лежит убеждение в том, что институт восприемников выполняет важную духовную функцию внутри Церкви, и поэтому именно Церковь, а не семья, должна его определять и контролировать.

5. Эта "Книга Жизни", как она называется в описываемом обряде, или "книга небес" (св. Иоанн Златоуст), или "Книга Церкви" (Феодор Мопсуестийский, см. J. Daniélou, Bible and Liturgy, с. 19–23) и есть именно такая книга, которую я предлагаю завести (см. предыдущее примечание).
6. См. Finn, op. cit., с. 50–51.
7. Об экзорцизме см.: F. J. Dölger. "Der Exorzismus in altchristlichem Taufritual" (Экзорцизм в древнехристианском обряде крещения) в Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums 3, 1–2, Падерборн, 1909; H. Leclercq, "Exorcisme, exorciste" в Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne 2.2 (1910), с. 968–978; J. Forget. "Exorcisme, exorciste" в Dict. Théol. Cath. 5.2 (1913), с. 1762–1786; J. Daniélou, Bible and Liturgy, с. 23–25.
8. Огласительные слова Златоуста 2, 14. В ранней Церкви были специальные служители для совершения экзорцизма, причем обязательно имеющие духовный сан. "Постановления св. Апостолов" содержат следующее правило:

"экзорцист не рукополагается: ибо славный подвиг заклинания есть дело добровольного благорасположения и благодати Божией чрез Христа найдем Святаго Духа; потому что получивший дарование исцелений показуется чрез откровение от Бога, и благодать, которая в нем, явна бывает всем. Если же нужно, чтобы он был епископом или пресвитером или диаконом, то рукополагается". (кн. 8, 26).

9. См. св. Иоанн Златоуст:

"Завтра, в пятницу, в девятом часу вам зададут некоторые вопросы и вы должны будете представить ваш договор (отречение от сатаны и сочетание со Христом) Господу. Я напоминаю вам этот день и час не без умысла. Вы можете извлечь из этого таинственный урок. Ибо в пятницу в девятом часу разбойник вошел в рай; тьма, длившаяся от шестого до девятого часа, рассеялась, и Свет, воспринятый как телом, так и душой, был принят в качестве жертвы за весь мир. Ибо в этот час Христос сказал: "Отче, предаю дух Мой в руки Твои!" И тогда солнце чувственное, узрев Солнце Правды, просиявшее с Креста, отвратило свои лучи". (Огласит. слова 11,19). См. также обряд Константинопольской Церкви (Codex Barberini), переведенный Финном, *op. cit.*, с. 114–118: "отречение от сатаны и сочетание со Христом совершается в Святую Пятницу Пасхи под началом архиепископа в присутствии всех оглашенных, собранных в самой святой церкви...". О проблемах, связанных со временем "отречения", см.: Finn, *op. cit.*, с. 88 и далее в: A. Wenger, Jean Chrysostome, Huit catéchèses baptismales inédites (Восемь неизданных огласительных слов Иоанна Златоуста), Sources Chrétiennes, 50, Париж, 1957, с. 80 и далее.

10. Св. Кирилл Иерусалимский. Тайноводственные поучения к новопросвещенным, 1,4: "Понеже место видимыя тьмы есть Запад: сатана же, будучи тьма, во тьме и державу имеет: для того прознаменовательно смотря на Запад, вы отрицаетесь того темного и мрачного князя". (Цитата по русскому изданию).

См. также J. Daniélou, Bible and Liturgy, с. 27 и далее.

11. Св. Иоанн Златоуст. Огласительные слова 10, 14.

12. Там же, 10, 15.

13. Там же, 10, 15.

14. По поводу *pompa diaboli* см.: K. Rahner, "Pompa Diaboli" в: Zeitschrift für Katholische Theologie, 55 (1931), с. 239–273; J. Wuzink, "Pompa Diaboli" в: Vigiliae Christianae, 1 (1974), с. 13–41; J. Daniélou, Le démon dans la littérature ecclésiastique jusqu'à Origène, в: M. Voller, Dictionnaire de la spiritualité, 3 (1957), с. 151–189; M. Boismars, "I renounce Satan, his Poms and his Works", в: Baptism in the New Testament: a symposium, Балтимор, 1964, с. 107–114.

15. Св. Кирилл Иерусалимский. Cat. Mystagog. (Тайноводственные поучения к новопросвещенным), 1,9; см. также J. Daniélou, Bible and Liturgy, с. 32, и From Shadows to Reality, англ. перевод, Лондон, 1960, с. 22–29 и 57–65.

16. Finn, *op. cit.*, с. 116.

17. "Затем, после этого договора, отречения и соединения, после того как ты, исповедав эту власть, через глаголы языка соединился с Христом... помазывает иерей на челе миром духовным", – св. Иоанн Златоуст. Огласительные слова 2, 22. О воинской клятве см. комментарии Р. Harkins'a к англ. переводу Огласительных слов Златоуста в Ancient Christian Writers, 31, с. 214, п. 3.

18. О происхождении и ранних редакциях Символа веры см.: J. Kelly, Early Christian Creeds, Лондон, 1960; J. Jungmann, Handing on the Faith, англ. перевод, изд. 2, Нью-Йорк, 1959.

19. По поводу *redditio symboli* см. J. Kelly, *op. cit.*, с. 32–37; Finn, *op. cit.*, с. 110.

О. МАТТА ЭЛЬ-МЕСКИН

К ПРАВОСЛАВНОМУ ЕДИНСТВУ

1. Сохранение вероисповедания

Бытие любой конфессиональной церкви обусловлено ее верой. Например, коптско-православная церковь существует благодаря наличию коптско-православного исповедания. Более того, если ее исповедание пребудет неизменным, то и коптская церковь сохранится без изменений. Вера же церкви заключается не в простом перечне пунктов и параграфов церковных канонов, но прежде и глубже всего она раскрывается в духовности и живой вере, означенной рядом специфических черт и свойств. Именно эти-то черты и определяют особый характер исповедания каждой церкви, и чем крепче церковь удерживает его, тем продолжительнее будет ее жизнь. В противном случае изменения коснутся и внешней формы церкви, что поведет к изменению самого ее названия и даже может привести к полному концу данной церкви.

Отличительные особенности церковного исповедания переживают века, и это объясняется не столько тщательным хранением их, или в силу их отстаивания путем словесных дебатов, сколько любовью и живой практикой веры, сопровождаемой вероучением, назиданием, пространными определениями, размышлением и открытием потаенных глубин правды, сокрытой в вере. Все это вместе взятое становится драгоценным живым наследием, передаваемым из поколения в поколение и затем закрепляемым письменно. Таковы условия устойчивости любой вероисповедальной церкви. Веками каждая деталь церковного верования со всеми его определениями, объяснениями и законоположениями тщательно регистрируется, так что историю любой церкви можно прочесть в истории развития ее исповедания, а повествование об ее возглавителях и выдающихся учителях есть рассказ об их верности или несогласии с ним. Однако вошло в обычай рассматривать церковное верование как строгий канон, который нельзя обойти или изменить, считая, что он содержит само бытие церкви и выражает ее наличие, ее историю, ее дух и любовь.

Благодаря поместному характеру развития выражения веры, и само христианство, или, лучше сказать, сам Христос, претерпело локализацию: от каждой страны Он воспринял присущие ей образ и

характер, отдав ей таким путем Свою жизнь. В Африке Он черен, а в северном полушарии привлекательно светлокож; в Индии Он смугл, а среди эскимосов Он может оказаться очень малорослым. Но под этими внешними различиями Он остается все тем же единым Христом — Христом Голгофы, гроба и воскресения. Христом всего мира.

По этой причине усилия, направленные на соединение церквей за счет изменения канонов исповедания той или иной церкви — будь то убавление или прибавление к ним, — окажутся бесплодными. Это было бы все равно, что содрать кожу с африканца или выкрасить в темный цвет европейца; такая попытка была бы равносильна упразднению опознавательных признаков человека с тем, чтобы обнаружить Христа вне человека.

Но значит ли это, что мы должны отказаться от надежды христианского единства? Боже сохрани! Единство является одной из величайших вершин христианства. Жажда его пульсирует в нас, возбуждая наши сердца и чувства. Мы слезно молимся о нем, потому что таким образом мы молимся о пришествии Христа. Мы желаем жить единством в духе и истине, потому что оно есть вкушение Христа, желаем жить Его любовью и ощущать радость Его единства с Отцом, в котором заключается сущность божественной любви. Сам Христос подвигает нас молиться об этом единстве, наставляя нас, как просить:

Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их; да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...

Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны во едино... да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них. (Ин. 17:20,21,23,26).

Необходимо очень основательно постичь глубину этой молитвы. Ясно, что Христос просит в ней не о единстве по букве, но о единстве в духе; не о единстве идей и мнений, но о единстве по любви. Он не обуславливает единство общностью нашего восприятия Его, но проходит прямо к нашему единству в самом Себе, которое осуществляется не тогда, когда мы собираемся в Его присутствии в качестве комитета по примирению разномыслия на чисто теоретическом уровне, но когда в нас осуществляется — "да любовь в них будет, и Я в них".

Значит ли это, что мы должны отменить конференции и совершенно оставить молитву о единстве? отменить встречи для рассмотрения и обсуждения верований, обмен мыслями, борьбу за примирение различных точек зрения? Боже сохрани! Мы здесь только поднимаем вопрос относительно оправданности наших встреч: от буквы они

исходят или от Духа, от закона или из жизни, из формально-доктринальной области веры или из ее сущности? Необходимо осознать, что если мы начнем от буквы, то убьем Дух, и наши встречи окончатся лишь формулировками и словами. Если мы начнем от закона, то он всегда покажет, что права одна, своя, сторона и неправа другая. И так мы будем ходить по кругу, пока время и жизнь не утекут сквозь пальцы. Если мы начнем с внешней формы вероучения, то никогда не достигнем ее сущности, потому что Дух определяет букву, а не наоборот, и Он один властен наполнить ее жизнью; это жизнь во Христе, отлитая в нашем сознании, оформилась и вылилась в символ веры, а не наоборот, и потому только жизнью во Христе можно растопить замороженные законнические формулировки, вернув их к жизни в еще более расширенном, исчерпывающем виде. Что же до сущности того или иного вероисповедания, то она есть сам Христос, Чье внешнее выражение не подлежит ограничению.

2. Выход из тупика разделений

Значит, прежде чем начать объединение различных исповедальных выражений и определять внешнюю форму единого исповедания, необходимо начать конфессиональный диалог, исходя от Духа, а не от буквы, путем совместной жизни в сущности исповедания каждой стороны, чрез оживотворения в едином Христе.

Но сущность веры, или, правильнее, самого Христа, есть любовь и самоотдача, искупление и полный отказ от своего статуса — вплоть до состояния раба. Внутри таких рамок диалог между сердцем и совестью может привести к заключению, изумляющему рассудок, но зато верному, потому что оно явится выражением Христова ума. Возможность такого диалога требует наличия трех ступеней:

1) Необходимо, чтобы все церкви одновременно упразднили взаимные анафематствования, потому что отлучение от церкви противно воле Св. Духа. Анафематствования явились вследствие непонимания духа и мысли отлучаемой церкви, а также вследствие привязанности к букве, вместо прилепления к Духу. Наши взаимные отлучения являются основным препятствием во всех попытках установить единство, что обнаруживалось на всех съездах и конференциях по единению, которые до сих пор имели место, ибо, как можно договориться о какой бы то ни было формулировке о

примирении, а тем более единении, когда церкви продолжают находиться под взаимным отрицанием друг друга?

2) Следующим шагом должно быть взаимное и одновременное признание верований халкидонских и нехалкидонских православных церквей на основе не внешней формы, а сущности исповедания, объективирующейся на спасении и вечной жизни, утверждаемых той или другой церковью и дарованных Иисусом Христом, действующим одинаково в них обеих, невзирая на вариации их исповедальных выражений.

3) За этим должен последовать диалог об исповедальной форме, в котором бы все неясные моменты того и другого исповедания были обстоятельно растолкованы — без умаления или добавления к существующим формулировкам каждой церковной традиции. Таким путем общая формула может быть достигнута по согласию в Духе и в единстве общения, а не за счет вычеркивания из писаний и постановлений той или другой церкви, явившихся в результате развития ее исповедания.

Это значит, что православные, находящиеся в настоящее время в оппозиции друг к другу, должны обоюдно и одновременно признать конфессиональную правильность друг друга и таким образом согласиться на общение во Христе, или, скорее, принять Христа в свое общение. Мы должны приобщаться из единой чаши не на основании четких формулировок, зарегистрированных в наших символах, а на основании вселения в сердце каждой церкви живого Христа и Св. Духа, действительно действующего на спасение каждого. А после этого уже можно приступить к обсуждению формул и параграфов, не вычеркивая ничего из духовного наследия и богословского понимания той или иной церкви.

Таким образом, единый Христос, в Котором мы духовно объединимся любовью Божией и общением Духа Святого,* заставит или, скорее, вдохновит нас мыслить обще и говорить на одном языке без ущемления специфических богословских черт, присущих той и другой церкви, ибо они есть черты одного и того же Христа, живущего в обеих церквях. Повторяя вышеприведенное сравнение, это будет содружество в едином духе, достигнутое без принуждения черного сбрасывать его кожу или белого красить свою в черный цвет.

* Сравни 2 Кор. 13:13 — "Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами", — целиком повторенное в греко-православной литургии св. Иоанна Златоуста. (Здесь и далее прим. пер.)

Христос, сделав своим обитанием и север, и юг, воспринял специфику человечества обоих.

Возлюбленный мой бел и румян,
Черна я, но красива...

(Песн. 5:10; 1:4).

3. Церковь и мир

Когда церковь выходит навстречу миру, ее не останавливают никакие ограничения, и мир есть поле ее духовной деятельности, независимо от его идеологий — положительных или отрицательных, — ситуаций, политических курсов и государственных систем. "Идите по всему миру" (Мр. 16:15), "Во всех народах (должно быть проповедано Евангелие)" (Мр. 13:10), "Идите, научите все народы" (Мф. 28:19) — обращено к каждому человеку. Человек как таковой, независимо от его концепций и образа действий, есть предмет забот Церкви. Деятельностью же церкви в мире является ее собственная жизнь во Христе, ее радость в Нем, ее опыт Христа, являемый прежде всего святостью жизни в качестве примера для подражания. И только при наличии святости ее жизнь предлагается миру во вдохновенных словах подлинной любви, в актах доброй воли и милосердия, согревающих и обращающих сердца сыновей к отцам и сердца отцов к детям (ср. Мл. 4:6), чтобы привести ум и сердце человека в покорность лучшей жизни.

Христос пришел не в одну определенную церковь с ее храмовым, именным, либо обстоятельством ограничением, и не к особому народу с его частной психологией и духовно-культурным наследием. Нет, Отец послал Его во весь возлюбленный Им мир — всему творению, ставшему неограниченным святилищем: "Этот храм — вы". (1 Кор. 3:17). И никогда, как сейчас, мир не был так голоден в своем отчуждении от Бога. Он изголодался по правде, по справедливости, по миру и любви. Изголодался настолько, что уловляется любой новой идеей или движением. А ведь у Церкви есть хлеб жизни для всего мира. Она есть Вифлеем* для всех народов. Христос вручил ей корзину с семью хлебами, все еще сохранившими силу утолить голод пяти, семи и больше миллиардов людей, которые алчут не земного хлеба, но слова истины, и любви, и жизни. И если бы они только сознавали свое алкание Бога, как бывало в прежние времена,

* Вифлеем в переводе означает "дом хлеба".

и даже не так давно, всего лишь лет 50–100 тому назад! Но нынче у людей развилось извращенное алкание: душа отчаянно нуждается в Боге, но отворачивается от Него по разным причинам, важнейшей из которых было и остается нерадение церкви, скудость пастбища и невежество пастырей. Христова притча о наемнике исполнилась в наше время, ибо овцы бегут от наймитов и впадают в волчьи лапы. Хлеб жизни, если не замешан с потом благочестия и не выпечен в огне испытаний и подлинного опыта, отвергается душой человека.

В древности в храме стоял светильник, олицетворявший присутствие Бога среди народа, просвещавшего его ум среди окружающего его невежества языческого мира. В христианскую эпоху таким светильником стала церковь, которую Бог поставил освещать путь к жизни и бессмертию каждому человеку и которая сильна рассеять тьму людского невежества во всем мире. Никакая тьма, как и в каком бы размахе она ни тиранствовала — от индивидуума до целого народа или государства, — не представляется непроницаемой средой для ее света, за исключением тех случаев, когда церковь сама ослабевает или уклоняется в тень от собственного света.

В настоящее время тьма борется со светом, и он падает побежденным. Лампада Божия почти погасла в руках проповедника и учителя, потому что свет церкви больше не питается елеем из кладовых благочестия и благодати, и оттого сердце свидетеля не избыточествует словом, исходящим как бы из уст Божиих, как бывало: "Мы говорим пред Богом во Христе". (2 Кор. 12:19). Такое вот слово было бы способно рассеять помыслы сердец, обманутых и согбенных пресыщенностью миром человеческого разума и технологии, извратившими простоту жизни по Духу во Христе. Одно лишь искусное слово уже больше не трогает людское сердце, потому что люди теперь остро нуждаются в духовном свидетельстве и силе, что должно быть удовлетворено прежде, чем проповедник начнет им словесно представлять Христа распятого, искупляющего, имеющего силу заполнить пустоту сердца, ума и души всеми радостями духа.

Какова же роль проповедника? Проповедуя Христа, он представляет не себя, "ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса". (2 Кор. 4:5). Настанет ли время, когда церковь поставит себя на место раба для людей? И мы говорим "раба", а не "слуги", потому что слуга обладает правами и получает жалование, тогда как раб знает только долг — и никаких прав. Он обязан верно служить, не ожидая ничего ни за труд, ни за верность. С него довольно радости пребывания в доме его господина и полной готовности положить свою жизнь за него и за его детей.

Вот так-то церковь стояла и стоит: на фундаменте своей готовности к мученичеству ("За Тебя нас умерщвляют всякий день" — Рим. 8:36), а не на словесном основании.

По Евангелию и по мысли Христа Церковь есть невеста. Так вот, если невеста не блюдет свою чистоту и не живет свято — а ее представляет каждый, кто носит ее имя и ее одежды, — то кто станет любить чистоту и святость, кто будет стремиться к Жениху? И кто осудит тех, кто вошел в церковь и затем оставил ее в огорчении?

По книге Откровения, церковь, как и ее Учитель, есть источник приснотекущей жизни ради Духа, обитающего в ней. "И Дух и Невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждающий пусть приходит, и жаляющий пусть берет воду жизни даром". (От. 22:17). Так вот, если источник Духа, любви и благочестия иссохнет в церкви, то что останется ей возвещать? А если она и взывает, кто станет слушать ее и придет напиться? И куда идти тем, кто жаждет праведности? Если они молятся и испрашивают себе удобств и счастья у источника Сатаны — кто их осудит? Кого в этом винить, как не церковь? Мир полон знаний, наук и бесчисленных идеологий, но только церкви Бог вверил единственный источник, текущий в жизнь вечную.

В непреходящих притчах Христа о Царстве церковь представлена уникальной жемчужиной, которую, нашедши, разумный купец приобрел ценой всего своего состояния. Она стала для него источником нескончаемого богатства, потому что эта жемчужина, по книге Откровения, есть дверь, ведущая в небесный Иерусалим (От. 21:21); а из учения Христа ясно, что Он Сам есть эта дверь, эта жемчужина, ведущая в жизнь вечную (Ин. 10:9).

Но если сознание церкви уведено от простоты во Христе (как и Ева была обманута лукавством змея), если сердце ее склонилось к славе сего века, если она стала полагаться на богатство и силу, на множество практических предприятий и возжелала земной власти — т.е. всего того, что со временем развращает — то устоит ли жемчужина? Останется ли вообще какое-либо знание дороги или пароля, которым можно пройти в нее? И когда неудача налицо и каждый идет своей дорогой, когда взгляды, мнения и ложь умножились, кто посмеет раздавать упреки или кого будет обвинять? И как исправить возникшие идеи, ибо идею не исправишь контр-идеями — но только жизнью, основанной на правомыслии. Священное Писание, Евангелие, проповеди есть выражение веры; без таинственного присутствия Христа в устах проповедника они становятся делом, ведомым в собственных интересах, а не в интересах Христа.

Христос вручил церкви таинство Своего Тела, поэтому она есть Тело Христово, "полнота Наполняющего все во всем" (Еф. 1:23); в противном случае она была бы пуста, будучи заполнена ничем. Величайшим отличительным знаком на Теле Христовом является то, что в церкви оно все еще ежедневно открыто смерти и воскресению: "За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают за овец, обреченных на заклание". (Рим. 6:8). Поколение за поколением живет в смерти и воскресении; но та церковь, которая трусит и бежит от крестной смерти за себя или за мир, теряет дар воскресения и способность возвыситься над миром. В конце концов она рухнет, будучи ослаблена мирской силой и потеряв способность управлять им.

Величайшая сила, скрытая в Теле Христовом — в церкви, а также в нас, потому что "мы от плоти Его и от костей Его" (Еф. 5:30) — есть мистическая сила привлечения, которой Христос пользуется независимо от обстоятельств ("И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе" — Ин. 12:32). Поэтому задача церкви — собрать всех во Христа божественным привлечением и наполнить собою всех в таинствах, традиции и истории, служа человеку любого разряда и положения в церкви, чтобы всякая душа жила в ее объятиях. Каждый раз, когда церковь возвышается духом и разумом над прахом земным, в ней возрастает божественная сила привлечения, и вместе с собой она возвышает верующих в таинстве креста, исполняя по воле Господа таинство Его вознесенного на кресте Тела. Крестной смертью Христос самым делом возвысился над землей, и потому церковь может подняться и привлечь к себе — любым образом: будь то через сознательный, добровольный акт самопожертвования, или в силу немощи и полной отдачи себя Тому, в Чьих руках и жизнь, и смерть: "Ибо хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божию". (2 Кор. 13:4). Св. Павел открыл секрет привлечения в такой немощи и даже в самой этой смерти: "Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение" (Фп. 1:2), "и потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова" (2 Кор. 12:9). Христос основал церковь в Своей немощи, а не в Своей силе.

Если таинство божественного привлечения, заключенное в Теле Христовом в церкви, есть основа существования и жизни церкви, то у нее нет иного пути, как принять немощь, а также и смерть, ради наполнения Тела Христова, которое мы должны мыслить безграничным и не имеющим имен. Как может та или другая церковь смириться и довольствоваться тем, что она живет отдельно от другой церкви, носящей то же самое Тело Христово со всеми его язвами и страданиями, со всеми пережитыми скорбями, с Его крестной смертью

ради воскресения и привлечения всех к Себе? А кто такие "все" в устах Христа, хотелось бы знать? Халкидонцы или нехалкидонцы? Христианский Восток или христианский Запад? Северяне или южане? Белые или черные?

4. По поводу Халкидонского раскола

Политические специалисты в христианском мире* следят за международными событиями, как в плане идеологического развития, так и в плане неизбежных последствий, могущих вызвать кровавые конфликты между странами и народами и даже между гражданами одной и той же страны. Но большинству из них недостает разумения, что главная ответственность за эти несчастья падает на церковь, как на несправившуюся со своей основной задачей примирения мира с Богом. Она ослабла духовно и нравственно по сравнению с прошлым, когда у нее было достаточно могущества, чтобы облечь своих святых силою, покоряющею людскую гордыню — и даже самих царей — в послушание Божьему разумению, как оно выражено в Евангелии ("Мы пленяем всякое помышление в послушание Христу" — 2 Кор. 10:5), для того, чтобы народы жили в страхе Божиим и шли бы одним путем в интересах человека и согласно Божественной воле. Слабость церкви распространилась также и вглубь богословской мысли. Уважение к Библии поколебалось во всех современных богословских школах; люди живут теперь не в страхе Божиим, но в страхе за Бога, чтобы Он не потерял Свою честь и даже самое Свое бытие в программах этих школ и в сердцах многих своих богословов. В результате церковь утратила то благоговейное к себе отношение со стороны мира, которое заставляло его прислушиваться к ее голосу, потеряла власть, дарованную ей Духом Святым — Упрочителем единства мысли, слова и дела. Таким образом, само основание церкви, этого "столпа и утверждения истины" (1 Тим. 3:15), в глазах мира было поколеблено.

Это крушение и разделение сегодняшнего церковного сознания не явилось из ниоткуда. Оно есть лишь звено целой серии последствий великого раскола, унаследованных нами не по нашей вине, от споров, прений и разделений Халкидона, начиная с V века. И мучительным вопросом, не получающим ответа, остается все тот же: как могут возлюбленные о Господе великие церковные вожди спорить между

* Трудно удержаться от поправки: "в бывшем христианском мире".

собой? Как могут братья во Святом Духе разделяться и становиться во враждебную оппозицию друг к другу? И более того: на кого же Бог возложил надежду на примирение с Собором мира?

Но есть еще более тяжелый и мучительный вопрос: каким образом вышло так, что все они собирались в Халкидон в надежде договориться о единоверии, единомыслии и о единстве учения, собирались с тем, чтобы избавиться от всякой небогоугодной мысли, а оставили Собор отлученными, униженными, с побитыми лицами и выбитыми зубами?*

* Ссылка на коптскую передачу обстановки Халкидонского собора, отсутствующую в византийском (и, следовательно, славянском) варианте. По коптскому источнику, патриарх Диоскор при удалении с собора был заушен, причем ударом ему были выбиты зубы, которые он послал александрийской церкви в качестве наглядного свидетельства, сопроводив его словами: "Такова цена исповедания правой веры". По унаследованному от византийцев варианту, у Болотова ("Лекции по истории Древней Церкви", С. Петербург, 1918 г.) и у Карташева ("Вселенские Соборы", 1963 г.) обстановка Халкидонского собора была исключительно мягко-нейтральной; гражданские власти, обычно творившие на месте суд и расправу (рукоприкладством и оружием), не присутствовали в помещении, где заседал собор, таким образом устраняя гражданское давление на ход церковных дел. Эта нейтральность подтверждается старинным византийским изображением Халкидонского, по-видимому, собора, недавно воспроизведенным на обложке сборника ВСЦ, посвященного межправославному экуменическому диалогу ("Does Chalcedon divide or unite?", WCC, Geneva, 1981). На нем гражданские блюстители порядка представлены лишь двумя оруженосцами, совсем теряющимися на заднем плане, позади чинно восседающих святителей во всем великолепии их облачения и регалий, с нимбами святости вокруг голов. На переднем плане изображена сцена вывода с собора александрийского патриарха Диоскора (одетого по-монашески и, разумеется, без нимба) и сопутствовавших ему единомысленных монахов, где роль блюстителей порядка выполняют... сами святые отцы (во всем блеске святительских отличий и нимбов святости): один из них, очень похожий на свт. Николая, наносит патриарху Диоскору оплеуху (вероятно ту, что стоила ему зубов), другой толкает в спину монаха с опечаленным лицом и смиренно скрещенными на груди руками. В связи с этой темой представляется вероятным, что случай заушения действительно имел место на Халкидонском соборе, а не на I Никейском, документы которого никак не отражают его, а также "ни один из источников, ни одно из сказаний о Никейском соборе, хотя с слабою претензией на древность, не упоминает в числе его участников имени Николая, епископа Мир-ликийских". (Болотов). По-видимому, произошло историческое смещение событий, отражающее тот факт, что эпитет "монофизит" закрепился за именем патриарха Диоскора не сразу и не единодушно, а, вероятно, после прочно установившегося церковного, политического и исторического разделения, тогда как монофизитство в церковном сознании было неразрывно связано с именем Ария. Если это так, то можно без натяжек и оправдательных историй называть свт. Николая "правилом веры и образом кротости".

За этим началась история величайшего на весь христианский мир раскола, в результате чего этот мир был подорван и ослаблен. Восток был парализован и сделался добычей любого грабителя. У Запада были свои заботы и он не был в состоянии помочь или поддержать Восток. Но то, что обнаружилось в наше время, делает эту трагедию еще большее и бессмысленное. Некоторые из виднейших и блестящих православных богословов, встречаясь на конференциях по примирению между халкидонцами и нехалкидонцами — таковы конференции в Орхусе (Дания, август 1964 г.), Бристоле (Англия, июль 1968 г.), Женеве (Швейцария, август 1970 г.) и Аддис-Абебе (Эфиопия, январь 1981 г.), — пришли к заключению и заявили в качестве рекомендаций к предлагаемому единству признать все это ужасное 15-вековое разделение, ослабившее и опозорившее весь христианский мир, неоправданным по существу! Да ведь это наиболее трагичный аспект бедствия!*

Однако, чтобы быть позитивным, надо сказать, что эти конференции явились со стороны церкви первым с начала раскола шагом к устранению отчаяния разделения и трагедии изоляции и первым изъяснением воли хоть к какому-то примирению. Искра надежды начала вспыхивать на восточном небе, неся добрую весть о том, что духовная сила христианского единства возобновляется и что язвы истории могут быть залечены в церкви. Души святых, оставивших землю в чаянии этого дня, обретут покой, как и сердца новых поколений, выросших слабосильными в разобщенном и замкнутом мире, перенесшими болезнь изоляции. В итоге они доставят радость сердцу Божию.

5. Ценности и потенциалы единства

1) В духовном отношении отмена отлучений устранит препятствия к действию Св. Духа в обновлении церкви путем изливания на них новых даров на благо утомленному миру и их самих.

* Автор здесь, очевидно, не имеет в виду необходимость поднятия старых споров ради установления правоты, на чьей бы стороне она ни оказалась. Его недоумение вызвано тем, что вышеназванной рекомендацией зачеркивается вся многовековая история, весь полуторатысячелетний горький опыт, без учета которого нельзя устранить возможность повторения тех же ошибок. Такой подход не менял бы нас и не делал бы выше тех, кто явился виновником раскола.

2) Общение в единой чаше соединит нас в одно через крест, ибо сила Крови Христовой уже сама по себе способна устранить вражду и довести примирение до совершенства, т.е. до полноты в единстве тела.*

3) Принятие примирения означает принятие новой власти прощения, дарованной Богом взамен прощения, которое совершится обоюдно обеими церквами. Это снимет с нас бремя долга, который, помимо нашего сознания, был источником слабости и той и другой церкви. "И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим"; "Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный". (Мф. 6: 12, 14).

4) Отказ церковей от вражды, в которой они пребывали 15 столетий, может рассматриваться как коллективное покаяние. Такое покаяние уже само по себе явится источником великой силы, о которой возрадуются небеса; оно принесет передышку и мир всему миру. "Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы загладить грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времени совершения всего, что говорил Бог устами всех святых своих пророков от века". (Деян. 3: 19–21).

Настало ли время для исполнения всех пророчеств, согласно полноте воли Божией? Будем надеяться, что Сын Божий в Свое пришествие не найдет нас разделенными в вере, чтобы нам не лишиться лицемерия Его, как Он есть.

5) Если православные смогут преодолеть препятствия, до сих пор крепко стоявшие на пути к их единоверию, любви и благочестию, то сила, выпущенная в мир самим этим примирением, свалит в сторону все остальные бремена, отягчавшие душу и ум человека и воздвигавшие барьеры не только между церквами, но и между отдельными людьми.

Когда в V веке в Халкидоне возник первый раскол в православии, церковь не сознавала еще, какие огромные последствия он будет иметь для христианского мира. Первый раскол привел ко второму расколу в XI веке между католиками и православными, за что мир до сих пор расплачивается дорогой ценой еще большего ослабления, распада и разделения, идущих вглубь и отраженных внешне. Церковь тогда не сознавала, что сеяла дух вражды и разделения во всем мире. Этот же дух потом захватил христианские нации, народы и отдельных людей, став нормой взаимоотношений между

* Ср. Ин. 17: 23: "да будут совершенны воедино".

правительствами, странами и блоками государств. И потому на церкви, уже пожавшей горькие плоды, лежит ответственность действия со всей верой и любовью Христовой по поднятию на себя бремени разделенного и опустошенного мира, склонного к самоуничтожению.

Но церковь не сможет, не будет правомочной или избранной Богом молиться и нести бремя разделения, мучающего мир, пока сама она остается разделенной в самой себе, потому что в этом случае у нее на это не достанет сил — она обязана нести только ответственность за разделение! Поэтому примирение церковей есть сегодня настоятельная необходимость, и мир ждет его с нетерпением, пусть не сознавая и не подозревая, какие могучие и широкие последствия выйдут из этого.

6) В сердцевине наших восточно-православных церковей не лежит индивидуализм или разделение; напротив, мы искренне убеждены, что являемся членами друг другу. Проведение в жизнь этого убеждения между православными кажется труднодостижимым из-за продолжительности нашего разделения и влияния политических факторов, властвовавших над всеми в V веке и давших основание духу враждебности взять власть. Но единство все еще остается неотъемлемой частью нашей духовной, психологической, бытийной и даже богословской природы. Одним из главных моментов, характеризующих православие, является твердая вера в общение святых.* Церковь настоятельно учит, что она представляет собой духовную семью, или же, говоря словами ап. Павла, "народ дома Божия" (ср. 1 Тим. 3: 15), который включает в себя как жизнь отдельного человека, так и общины, церковь и символ исповедания.

Эта концепция есть та особая черта, которой в наше время недостает в западном мире. Запад страдает от господства индивидуализма в обществе, семье, религии, молитве и труде. Если такое положение будет прогрессировать, то оно вконец подорвет сплоченность церкви. Это, в свою очередь, затруднит передачу жизненно важной информации людям, затерянным среди машин и городских громад, что сузит возможности для их спасения. Человек уже целиком захвачен средствами секулярной информации и бесчисленными развлечениями, помогающими приканчивать в человеке то, что еще оставалось в нем похожим на принадлежность к церкви, к обществу и даже к семье. Дух любви и дружбы, дух тоски по небесному отечеству в нем убиты.

* Слово "святые" употребляется автором в евангельском понимании и, следовательно, включает всех верующих членов церкви вообще.

Если мы, православные, соединимся, то наша вера в общение святых станет действенной и примет практическую форму. Тогда в церкви восстановится ее первоначальный духовный характер и она станет образом тайной вечери с Христом, сидящим посреди учеников. Такой дух церкви вполне согласуется с нашим собственным духом и естеством, и потому в состоянии напитать все тело новым пониманием божественной любви во всей ее широте. Любовь о Христе станет тогда достоянием не одних аскетов и отшельников, но будет обильным даром, изливающимся так же широко, как и его Даятель, чтобы собрать в дом всех, имеющих одно подобие. "Бог одиноких вводит в дом" (Пс. 67:7), т.е. в церковь, собранную в духе подлинного общения. И тогда православная церковь будет в состоянии полностью выполнить свое призвание в любви Бога и Христа, как было на заре ее истории.

Вот почему мы верим, что достижение единства между православными церквями создаст новые возможности к распространению Евангелия в отчужденном от Бога мире. Появятся новые факторы, которые силою Св. Духа станут средствами пробуждения мирового сознания, так что люди будут обращаться массами в поисках лица Божия. "Сердце мое говорит от Тебя: ищите лица Моего; и я буду искать лица Твоего, Господи". (Пс. 26:8).

Наше единство окажется вполне осуществимо, если мы действительно подчинимся воле Св. Духа, не ставя препятствий на пути Божию. Бог ожидает от нас подлинных действий ради единства, чтобы совершить во сто раз больше, чем мы сами можем совершить, ибо церковное единство, хотя оно и зависит от нашей инициативы, доброй воли и желаний, в конечном счете может быть осуществлено исключительно силой и изволением Св. Духа.

7) В духовных вещах действует закон, отличающийся от равнозначного закона в вещах материальных. В физическом мире одно А плюс одно В равняются двум: $A+B$; или же: способность + усилие = продукции. Но в духовных вещах, когда духовные дары одной группы людей или церквей, А, соединяются с духовными дарами другой группы, В, результат получается удивительный. Это уже не $A+B$, но единое АВ, потому что в духовных вещах соединение приводит к единству. В итоге мы обнаружим, что сумма духовных даров А и В есть АВ, ВА. Таким образом, результат невероятно увеличится, потому что каждый будет обладать дарами другого как своими собственными, объединенными с дарами, присущими ему.

Значит, каждая церковь может выиграть от объединения способность прогресса к духовным высотам, которых ей никогда не достичь

одной. Еще более удивительно то, что соединением церкви достигают вещей, недоступных собранным вместе, но не объединенным церквям. В этом заложен секрет новой силы, исходящей из вечной природы Бога, в которой мир сегодня так нуждается, но не может обрести ни в одной церкви, как бы могущественна она ни была. Великая сила Христа достижима только в полноте возраста Христова, т.е. в единстве Его Тела — того Тела, которое нынешняя церковь представляет раздробленным и разобренным.

Единство, заложенное в мистике общения, которому сейчас препятствует раскол, фактически есть сила преобразования, которую мир силился явить веками горьких мук и смерти. Эта сила ожидает своего нового рождения, когда прозвучит: "царство мира сделалось Царством Господа нашего и Христа Его". (От. 11:15). Но мистика преобразования есть мистика вечности, содержащая единым Телом Христа. Отсюда ясно, что одно общение уже представляет силу, которая явится предпосылкой к преобразению мира и явлению в нем Бога, чтобы спасти его от спирали разрушения, по которой он движется. Под напором этих реальностей необходимость требует, чтобы церкви сломали свою негибкость, удалили из себя эгоизм, индивидуализм и трусость, таким образом подчинившись требованиям единства.

8) Вполне очевидно, что усилия мира постоянно направлены на высвобождение от церкви, и не кто другой, но сама церковь всегда предоставляет этому случай в соответствии со степенью ее собственной свободы и независимости от Бога. Поэтому возвращение мира к духу церкви обусловлено возвращением церкви к Духу Божию. Но мир сам никак не сможет соединиться с Богом помимо церкви, ибо только в церкви праведность Божия открывается через веру в Христа в покаяние, спасение и прилепление к Богу.

Тот, кто познал вкус подлинного покаяния и открыл тайну спасения, понимает, что человеческий мир вертится не вокруг себя, но что он продолжается, чрез время, за себя. Мир претерпевает изменения с невероятной быстротой, и те, кто живут таинством спасения, понимают, что мир выходит за себя не в неизвестность или ничто, но что глубины духовного существа человека направляют его к Богу — даже если этот прогресс осуществляется через серии горестных провалов. На этой мучительной тропе встречаются озаренные личности — великие люди и святые, — но их осталось бессильное меньшинство. А если церковь, будучи крайне ослаблена, не способна указать миру путь к Богу, то кто может это сделать?

Церковь — любая церковь: халкидонская или нехалкидонская — держится ошибочного убеждения, что она должна действовать в

интересах своей общины. Она страдает самовлюбленностью и не желает видеть, что ее собственная незначительная выгода не идет в сравнение с важностью мировых судеб. Забота каждой церкви о своем благополучии и небрежение о судьбе мира и благополучии других ведет к тому, что церкви сами вручают себя горечи раскола. Это значит также, что причастной чаше в церкви недостает духа приобщения и что присутствие Христа в церкви не включает весь мир, который Он спас и искупил.

9) Молитвой Христа было: "Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня". (Ин. 17:21). Эта молитва о единстве включает в себя всех: каждого человека, каждую церковь, всех тех, кто пожелает быть включенным в ее сферу, кто захочет откликнуться на зов Христа, или, вернее, на эту Его великую заповедь. Это есть единство высочайшей мистики. Ум человеческий не может постигнуть ни условий, на которых оно зиждится, ни классифицировать его, ни определить его границ. Всякая попытка включить его в наши рамки достаточна для того, чтобы впасть в слепоту к Христовой тайне, да и к мистике христианства вообще. Оно — единство того же типа, что и пребывание Христа в Отце и Отца в Христе, причем в Христе не только как вечном Слове, но и как Человеке Иисусе Христе. Это то единство, ценой которого была кровь Христа, пролитая на кресте. И только в таком аспекте можно заглянуть в тайну вечного спасения, совершенного могуществом силы Божией. Силой этого единства совершилось воскресение Христа, которое в свою очередь стало источником силы, дарованной человеку, церкви и всему миру на попрание смерти, прекращение нашего уничтожения и вступление в полноту жизни с Богом — поверх времени со всем, что с ним связано, с его террором, угрожающим человеческому существованию.

Христос определяет Свое единство с Отцом и Отчее единство с Ним, чтобы указать на форму и подлинный характер требуемого Им от нас единства в Нем и друг в друге: "да будут в Нас едино". Предвидя, что достижение такого единства будет выше наших способностей, Он настойчиво молил его у самого Отца и продолжает умолять Его Своей Кровью.

Церковное единство, которое мы ищем, не есть, таким образом, единство временных или географических масштабов, оно не может быть также построено на человеческом или интеллектуальном основании. Оно прежде всего есть единство с Отцом через Христа, Чье

действие и сила явятся, как следствие единства, среди нас, бытующих во времени и пространстве. Зная, что единство, которое привяжет нас в Нем к Отцу, будет наделено дарами и силой, имеющими воздействовать на весь человеческий род, Христос прямо заявляет о его влиянии на веру мира в Него: "И они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня".

Короче говоря, можно прямо сказать, что сила, получаемая в результате соединения церквей, есть евангелизация мира без возвышения голоса. Церкви в этом отношении до сих пор были слабы, потому что в прошлом пользовались словами Христа, чтобы открыть миру не Его, а самих себя. Но в божественном мистическом единстве, о котором молился Христос, церкви откроют самого Христа миру через свое единство в божественной любви. Единство может быть достигнуто и установиться через умерщвление самости, или "я", каждой церкви, чтобы таким образом Христово Я могло жить в них. И тогда из церкви наглядно изыдет в мир сила, которую можно назвать силой воскресения. Это та же сила, что воскресила Христа, или, лучше сказать, сила, в которой Он стоит воскресшим напоказ всему миру. Христос ждет наступления этого единства, чтобы преобразиться перед миром. При нашем теперешнем расколе Христос как бы мертв и скрыт от мира, погребен в замороженной пустыне неприязненности наших церквей друг к другу. Он ждет, и мир ждет вместе с Ним, чтобы вражда окончилась и чтобы потекли теплые источники любви. Через эту любовь Он восстанет и даст всем жизнь. Все человечество увидит Его, и мир не умрет, но будет жить: "ибо Я живу, и вы будете жить". (Ин. 14:19). "В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам". (Ин. 14:20,21). Мы истинно веруем, что через такую вот церковь — живущую во Христе и Отце, очищенную, соблюдающую заповедь единства и любви — мир увидит Христа таким, каков Он есть, и будет очищен, и привлечется к Нему, и последует за Ним. Разве Бог не возлюбил мир и не отдал Своего едиnorodного Сына, чтобы спасти его от гибели? Разве Христос не воспринял от мира тело и тем не соединился с ним, чтобы обеспечить сохранение его через мистическое родство с Богом, влекущее к Нему? И разве, в таком случае, Бог не доверил таинство Своего Тела церкви, возложив на нее ответственность за это родство и непрерывность привлечения человека к Богу?

6. Великое препятствие к единению

В ходе неофициальных переговоров, имевших до сих пор место между халкидонскими и нехалкидонскими церквями, было решено, что христологический спор в определении божественной природы Христа может быть разрешен путем доктринальной формулы, приемлемой для обеих сторон, и что поэтому ее достаточно, чтобы начать процесс подготовки к формальному единству. Но я не верю, чтобы это привело к чему-нибудь. Евангелие свидетельствует о подобном случае ложного мышления. Однажды, незадолго до распятия, Христос спросил учеников: "А вы за кого почитаете Меня?" Ученики согласились на формуле, выраженной Петром: "Ты — Христос, Сын Бога Живого". (Мф. 16:15,16). Это было прекрасное заявление, вполне в духе правой веры и даже прямо инспирированное Богом, по слову Самого Христа: "Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах". (Мф. 16:17).

Но эта точно ортодоксальная и вдохновленная свыше формула не помогла единению учеников в чем бы то ни было: ни в мыслях, ни в практическом выражении их веры. Сам Петр, высказавший ее, отрекся от Христа, говоря, что не знает Его. Ученики рассеялись, вернувшись каждый к своим заботам, а иные — к своим первоначальным занятиям. Мы читаем, что они даже спорили между собой, кто из них больше (Лк. 22:24). Отсюда ясно, что безупречное заявление веры во Христа, прямо и единодушно исповеданное, — даже вдохновенное небесным Отцом, — еще не достаточно, чтобы объединить учеников, а также церкви, в единство общения с Христом, в единство подвига любви, самопожертвования и умирания с Ним.*

Удивительно, как в той же главе, где Петр исповедует правую веру во Христа, мы читаем, что его поведение вынудило Господа сказать ему: "Отойди от Меня, сатана! ты Мне в соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое". (Мф. 16:23). Не здесь ли кроется секрет бессилия правой веры вызывать правые поступки? "Ты — Христос, Сын Бога Живого" — и тут же поступок, заставивший Христа одернуть его: "(ты) думаешь не о том, что Божие,

* Ср. литургическое выражение подобной мысли у греко-православных: "Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедуем Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную". (Из литургии св. Иоанна Златоуста). Т.е. взаимная любовь является условием единомыслия (и, таким образом, единения), а не наоборот.

но что человеческое". Христос проник в этот разрыв между верой и действием, и потому дал заповедь примирения: "Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя". (Мф. 16:24). И даже несмотря на нее, ученики пришли и спросили Его: "Кто больше в Царстве Небесном?" (Мф. 18:1), что заставило Христа снова говорить — но в иной, более решительной форме — о необходимости примирения: "Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное". (Мф. 18:3). Отсюда ясно, что объединенное, согласованное заявление веры будет еще недостаточно, чтобы явиться средством подлинного церковного единства — даже в случае крайней необходимости в нем.

Раскол отразился на духовной жизни, на чувстве обоюдного сродства, на духовном наследии, на материальном бытии и даже на политической ориентации церквей. Это не по Христу, и никогда таковым мы Его не знали. Т.е. наше христианское поведение, как видно, непричастно Ему. Зло лежит в ядовитом корне разделения, который будет и дальше питать разобщение и раскол, сколько бы раз мы ни соглашались по вопросу о чудном и правильном выражении веры, подобном Петрову выражению.

Состояние же церкви сегодня более тяжелое, чем оно было у апостолов до сошествия на них Св. Духа. Если апостолы только желали знать, кто из них больше в царстве небесном, то сегодняшние церкви уверены, что имеют ответ на этот вопрос. Каждая церковь видит себя бесспорно больше в царстве небесном, потому что она обладает наиболее правильным, наиболее точным определением веры! Что же касается самоотказа, долженствующего сопровождать веру, и возвращения к уму и сознанию детства, заключающимся в силе бесхитростной веры во Христа, — тут мы должны признаться, к своему стыду, что ни в одной из нынешних церквей их не сыщешь, и ни на единого церковного делегата не была возложена миссия действовать согласно этим заветам.

Таким образом, у нас нет церкви, поступающей по Христу, т.е. отрицаясь себя, неся свой крест и умирая за грех разделения (и, значит, за других), чтобы жить. Самая опасная недостаточность сегодняшних разделенных церквей заключается в недоставании самого Христа — Христа распятого. Иными словами, они не способны нести ответственность за ошибки прошлого, чтобы таким образом освободить себя и других от греха настоящего, т.е. раскола и распада. Найдись такая церковь — и совершилось бы долгожданное примирение и единство, восторжествовала бы любовь.

Но разговор о добровольном принятии смерти, о принятии уничтожения и креста — трудный разговор. И кто его поймет? Это та же

проблема, что встала перед учениками, когда Христос говорил им о необходимости принять Его уничижение, крест и смерть — т. е. принять взятие Им на Себя всеобщего греха, совершаемое ради примирения человека с Богом: "Вот, мы восходим в Иерусалим, и совершится все написанное через пророков о Сыне Человеческом: ибо Его предадут язычникам и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить, и убьют Его; и в третий день воскреснет. Но они ничего из этого не поняли; слова сии были для них сокровенны, и они не разумели сказанного". (Лк. 18:31–34). Поэтому слова ап. Павла будут чрезвычайно важны в нашем диалоге о единстве: "Я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1 Кор. 2:2) — в том смысле, что церкви должны выступить в Духе Господа, Иисуса и, как Он, взаимно и одновременно взять на себя грехи друг друга ради примирения. Диалог и неофициальные переговоры, которые тянутся годами, при всем уважении к их стараниям и рекомендациям, не могут вызвать в церквях побуждения стать в Христово положение и понести на себе ошибки других. Такой подход выходит далеко за рамки интеллектуального диалога, длинных заседаний и академических решений. Церкви стоят перед лицом прежних отлучений, а потому их встречи проходят в ясно выраженном отсутствии Св. Духа, почему совещания об единстве в состоянии сделать не больше, чем открыть старые раны и усилить боль.

7. Нужда в Духе Святом

Наши церкви встречаются и официально заявляют, что их переговоры "неофициальны". Почему такое ударение на неофициальности переговоров? Для того ли, чтобы не связывать "официальные" церкви с их результатами? Или чтобы никакая делегация не смогла изменить хоть на иоту каноны и традиции своей церкви? А может быть для того, чтобы отрезать делегатам все благоприятные возможности отступления от позиций, занятых их церквями, чтобы не признать какие-либо ошибки, совершенные их церковью в прошлом или настоящем, и, наоборот, признать правильность позиций противной стороны; или просто простить ошибки других? И наконец, для того ли, чтобы не дать делегациям полномочий убрать анафемы и разрешить другую церковь?

Такая "неофициальность" встреч означает, что они проходят при формальном ("официальном") отсутствии Св. Духа, чтобы ситуация

оставалась неизменной! На память приходит собрание смущенных, испуганных апостолов в Сионской горнице за закрытыми дверями: Св. Дух еще не присутствовал среди них, а Христос лежал в гробнице мертв, как они знали, ибо воскресение еще не было возведено. Ученики боялись всего и боялись иудеев, потому что Господь оставил их.

Кого же теперь бояться церкви, что запирают нынче двери своего рассудка? Христос разрушил всякую вражду, стоявшую между наиболее претенциозными общественными формациями, между различными законами и традициями мира — между иудеями и язычниками. Он сделал из двух одно по разуму, сердцу и поклонению. Он разорвал завесу, от вечности отделявшую Бога от человека, и примирил небесное с земным. Он разрушил врата ада и освободил души заключенных в нем властью дьявола. После всего этого могут ли церкви все еще воздвигать барьеры и держать себя и других взаперти?

Но вот, воскресение было возведено апостолам, и Христос явился им во плоти с свидетельством пронзенных рук и ребра и сказал: "Мир вам". И несмотря на это ученики возвратились к своему первоначальному состоянию страха и колебания. Иные из них сомневались, а иные оставили собрание и вернулись к своему прежнему занятию рыболовством.

В неофициальных совещаниях мы видим, что делегаты целиком поглощены заботой о составлении точной формулировки примирения в подготовке к единению. Но в свете опыта мы думаем, что даже если бы сам Христос явился и стал среди них, даже если бы они осязали Его своими руками, не исключено, что и тогда бы у них оставалось сомнение; до сих пор не исключено, что иные делегации оставят содружество, потому что единства по дару Духа Святого в нем все еще нет. Он, Дух, единственно был бы властен с самого начала устранить все, что устарело и одряхлело в сердце и разуме человека — все, что противоречит любви Христа и задерживает шествие Церкви по пути к вечной жизни. Он один в состоянии расторгнуть узы и оковы, задерживающие единство церкви и серьезнее всего препятствующие ее работе в мире, предоставив дьяволу в течение долгих веков все возможности опустошать и север, и юг, и восток, и запад, так что теперь почти можно сказать, что мир нуждается в совершенно новом начале и новом рождении.

По этой причине подчинение Духу Святому стало сегодня жизненной необходимостью, если мы хотим приобщиться к лучшим возможностям не только примирения между собой, но и для

введения новой закваски в мир, чтобы поднять его к новой жизни. Разделение и раздробленность в мире въелись до глубин человеческого сознания и духа, проникнув и его умозрение и организации до такой степени, что даже подчинение церковью власти Св. Духа составляет сегодня наиболее трудный, наиболее важный шаг, который когда-либо вставал перед ними от начала их бытия. Но этот шаг, если он будет сделан, явится решительной битвой с силами дьявола, задавшего целью разделения и разрушения всего в мире — вплоть до полного его уничтожения, зная, что "всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит". (Мф. 12:25). На церковь же с самого начала была возложена ответственность за разжигание огня Духа Святого в мире: "Вы — свет миру". (Мф. 5:14). Этот свет соткан из духовных ценностей, он есть духовность Духа и дела любви. Если эти ценности отсутствуют, если единство Духа разделено и сила любви растрачена благодаря расколу, то кто восстанет против духа зла и лжи? И каким образом воздыхания мира достигнут слуха Божия?

Мир по природе не знает Бога и познать Его может только через церковь. Это значит, что церкви дано являть Бога миру — не словами убеждения, а свидетельством Духа, путем могучего подвига искупления, путем проявления любви, благочестия и чистоты. Вот что является средствами, которыми она сможет вдохновить и превозмочь мир.

Любовь является мистической силой церкви. Она никогда не иссякнет, но она и не может перелиться в мир без единства духа и единства сердца. Церковь может сообщить эту силу и бессмертные ценности миру, но не через блестящих богословов, а скорее всего через простых святых человек, по которым можно равняться. Святой Дух любит таких святых и из них Он творит церковь Христову.

А потому, сколько бы мы ни возлагали ответственность за единство и другие духовные ценности на Господа Духа Святого, в конечном счете она падет на плечи святых. Когда мы молим об ускорении начала единения, взор наш всегда ищет одаренных избранников, сокровенных в каждой церкви, и отыскивает их, как бы старательно они ни укрывались от общественного взора.

1983 г.

Мать ЮЛИАНИЯ

Несколько слов к русскому читателю от переводчика статьи о. Матты Эль-Мескина

Статьей о. Матты "К православному единству" рядовой русский читатель вводится в далекую и малоизвестную ему область истории и жизни вселенской церкви,* членом которой является его, русская православная церковь. До сих пор вопрос, поднятый в этой статье, был достоянием богословов-специалистов, единственно имевших право выражать суждение о нем и о всей запутанной многовековой истории православного раскола. Рядовой верующий получал уже готовый катехизический ответ, требующий лишь его запоминания, не вдаваясь в факты, что ограждало его от вовлечения в опасные изыскания правды по этому вопросу. А запомнить было просто, потому что вся проблема укладывалась в коротенькую формулу: "нехалкидонцы — монофизиты", — и это еще для тех, кто знал, что такое Халкидон. Время и традиция закрепили ее в сознании и освятили авторитетом церкви. Поэтому ни русские, ни греки никакого раскола не ощущали, связав все православие исключительно с греко-православной церковью. То, что оставалось вне ее, армяне, копты, эфиопы и другие, мыслилось как нечто не совсем полноценное и уж во всяком случае непричастное православию.

В связи с православностью русских интересна глава "Халкидонская проблема в понимании русских мыслителей" в книге проф. А.В. Карташева "Вселенские Соборы" (1963 г.). По четким категориям православия и неправославия (а их до сих пор никто не мог доктринально определить!) в монофизитство, несторианство и даже пантеизм впадали такие мыслители, как Гоголь, Достоевский, В. Соловьев, Леонтьев, Федоров, Розанов, Мережковский, Бердяев, о. С. Булгаков и С. Франк. Окажись они в ситуации и страстях Халкидонского Собора — всем бы им не миновать анафемы, ссылки и, может быть, более крутых репрессий только за то, что Бог наделил их ищущим умом и жаждущим истины духом (а многих — и сердцем), за то, что они бескорыстно пытались постичь "тайны Богочеловечества, христологии в ее новейшем понимании и переживании" (Карташев) и соскальзывали в ошибки вследствие человеческой ограниченности.

* Под "вселенскостью" разумеется мировой охват, а не Константинополь.

Но постигнута ли тайна Богочеловечества настолько, чтобы закрепить ее в катехизической формуле и ее категориями измерять каждое движение мысли, каждое выражение ищущего духа человека? Проф. Карташев, византиец с головы до пят, халкидонец не менее ревностный, чем халкидонец V века, признает, что "ясного, церковно-одобренного, общепринятого катехизического ответа мы не имеем".

Наше невежество в отношении иных православных исповеданий может быть простительно для всей массы рядовых верующих, как мирян, так и людей духовного звания, которым неоткуда почерпнуть сведения, кроме того же катехизиса. Мы не очень глубоко разбираемся даже в домашнем, старообрядческом расколе, больше зная о нем с внешней стороны и скорее из светских источников. Но и катехизис сегодня доступен немногим, а остальные и понятия не имеют о каких-то коптах, антиохийцах, сиро-малабарцах. И потому мы не ощущаем лишения опыта единства, не чувствуем своей ущербности, как слепорожденный не ощущает недостатка в вещах, без которых зрячий жить не может.

К стыду нашему, мы лучше осведомлены о более далеких от нас, но тоже братьях во Христе, католиках, баптистах, пятидесятниках и других христианах и нехристианах, — даже об иудаизме или буддизме мы знаем больше, чем о ближайших к нам по исповеданию, по благочестию, по умозрению так называемых нехалкидонцах. А ведь, например, Армения у нас не просто под боком, но является интегральной частью нашего отечества уже не один век. "Мы ленивы и нелюбопытны", — сказано о русских. Что мы знаем об армянской церкви? Будь у нас любопытство — уже бы завязалось (пусть пока на "низовом" уровне) духовное общение, которое могло бы послужить первой ступенью к общению с другими нехалкидонскими православными. Ленъ наша относится к любопытству, а не к реакции, ибо сердце у нас достаточно чуткое и отзывчивое — вон как ратуем за право на любое убеждение, которого сами не придерживаемся!

Но однажды в истории русской православной церкви ленъ к любопытству по совершенно необъяснимой причине была преодолена и Синод заинтересовался православием коптской церкви для рассмотрения возможности одностороннего признания ее. Для исследования православия коптов в середине прошлого столетия в Египет был послан архимандрит (впоследствии епископ) Порфирий Успенский. Исследования привели его к положительной оценке коптского православия, о чем он подал обстоятельный отчет в

Св. Синод. Что случилось дальше с этим документом — неизвестно, но на этом наши попытки к сближению остановились вплоть до последнего времени, когда необходимость заставила снова заняться вопросом о междуправославном единстве. К чести русской православной церкви, инициатива в прошлом, первый шаг, принадлежит ей. Но и в настоящем ничто не мешает ей (речь идет не о формальной стороне дела) развивать и дальше эту инициативу в евангельском духе церковного единства, или соборности, которому посвящена статья о. Матты.

СТРАСТНАЯ И ПАСХА В КОПТСКОМ МОНАСТЫРЕ

Христос Воскресе!

... Мне довелось провести великий пост в монастыре преп. Макария Великого в Скиту. Ежедневно служились поздние обеды, главным образом ради тех, кто должен был физически работать в те дни (весенняя полевая страда, стройка), чтобы они могли сосредоточиться на молитве. Иные отцы затворились по кельям, а иные ушли в гору, т.е. в пещеры, печоры. Как бывало в старину, каждый проводил пост по-своему. А с Лазаревой субботы до Пальмового (тут верб нет) воскресенья уже все сошлись в церковь. У многих отцов лица сияли.

И началась Страстная, духовную красоту которой трудно передать. Сравнительный подход к коптской литургике (да и не только к ней) был бы ошибкой, отчего непременно бы теряла то одна, то другая сторона, потому что они принадлежат к различным духовно-этническим традициям с их своеобразной культурой. Можно было бы провести много параллелей между ними и подчеркнуть много общих мест, потому что они родились из общего источника, но это составило бы целое исследование. Но каждая из этих традиций сама по себе хороша, закончена, красива. Сто душ, пламенеющих духом, — а казалось, что тьмы тем народа, как в книге Откровения, едиными устами и единым духом поют пред Богом. Я пережила вселенскость церкви, ее земнонебесную полноту: не ощущалось различия между ангелом и человеком, небо и земля были одно. Все было Небо, все — Красота.

Египтяне — мастера плача. Тут сказывается традиция тысяч лет, отразившаяся и в церковном пении. Иные мелодии взяты целиком из дохристианского погребального чина. Пели на два клироса (клирос — все присутствующие) в великой церкви преп. Макария, где хорошая акустика и был микрофон, потому что не у всех отцов-священников громкие голоса. Кажется, самые красивые мелодии копты приберегли для Страстной. Пение прокимнов требует большого мастерства, очень тонкого слуха и приятного голоса. Поются они очень долго, т.к. каждая гласная короткого стиха выпевается на разные лады, на что требуется колоссальная слуховая память. Недаром у древних египтян хор погребальных процессий вели слепцы (их изображения сохранились на стенах древних гробниц), у которых

слуховая память развита сильнее, чем у зрячих. Поются прокимны соло священником или диаконом перед каждым евангелием, т.е. в каждом часу. Главная служба на Страстной — часы, причем на каждый час читаются паремии и избранные проповеди. В Великий Четверток на 1-м, 3-м и 6-м часе читают по четыре евангелия, т.е. всего 12 по количеству, но по содержанию они разнятся от наших.

Часы объединяются так: обычно 3-й и 6-й за службу; затем 9-й, 11-й и 1-й. Но иногда распорядок менялся в зависимости от содержания дня. Перерывы между службами в несколько часов, чтобы чуточку отдохнуть и подкрепиться тем, кто мог есть в те дни.

Во время великого поста все сосредоточено на Христе, и потому доксологии святым поются в сокращенном виде, а на Страстной вовсе оставляются. Богородичные в последнем случае ограничиваются лишь "Радуйся, Мария, прекрасная голубка, родившая нам Бога Слово", являющееся эквивалентом нашего "Честнейшую херувим". Вот это "Радуйся, Мария" поется так красиво и так грустно. Запевает канонарх первую четверть стиха, вся церковь поет вторую четверть, затем снова один канонарх и кончает стих церковь. Канонаршил всю Страстную о. Кирилл, первосвященник монастыря, один из его столпов. Он один из первых учеников о. Матты, вместе с ним подвизался в монастыре преп. Самуила, а потом в Райянской пустыне. Ни на ком другом я не видела такой явной, "осязаемой" благодати священства. Часто, когда он служит литургию, особенно по великим праздникам, от его лица и рук исходит как бы белое сияние. Он прекрасно владеет коптским языком, у него замечательный слух и очень духовная передача. Когда он запевал "Радуйся, Мария", как бы вся скорбь Пречистой переливалась в душу, усиленная несоответствием "радуйся" и плачем мелодии.

С Великого Четверга главное построение служб такое же, как у нас. Установление евхаристии (Тайная вечеря) с чином омовения ног (3-й, 6-й, 9-й час и литургия) и 12 евангелий перед распятием в Великий Четверг. В среду или в четверг — не помню — совершается освящение елея и общее соборование. Евангельские чтения распределяются по времени событий: Тайная вечеря — с 10 ч. до 15 ч.; предательство Иуды и синедрион — от 18 ч. до 20.30; суд Пилата и приговор — в пятницу с 5 ч. до 7.15 ч. утра; распятие, смерть, погребение — 10 ч.—17.30. Погребение совершается с крестным ходом и плащаницей, причем каждый монах несет, поддерживая рукой, на голове свое евангелие — т.е. несет на себе тело Господа Логоса. После погребения, в конце службы, вся церковь кладет по 100 земных поклонов на каждую сторону света, как я понимаю, в знак покаяния

перед всем миром и всего мира. Но, принимая во внимание непомерность нагрузки на наше физически ослабленное поколение, было сделано облегчение: два старших священника, чередуясь, пели с кимвалами эти 400 "кирие элейсон", по 100 на каждую сторону, разделяя их на группы по три, а остальные, кто мог, клали по одному поклону на эту троицу. Иные могли сделать всего несколько поклонов, а иные могли только стоять и креститься. У братьев нет жесткого понуждения или надзора друг за другом — каждый делает по силам.

Великая Суббота началась с пятницы 22.30 и кончилась в 7.30 утра. Читались паремии, пели песнь трех отроков, евангелия, часы и вся книга Откровения; после 9-го часа елеопомазание, а затем всех посторонних попросили удалиться из храма до начала литургии. За это время (примерно часа полтора) восемь послушников были посвящены в малую схиму. Чин посвящения в монашество у макаритов существенно отличается от греко-православного. Я не напрасно избегаю слова "пострижение", "постриг", ибо его как такового нет, хотя вступающие в монастырь (как мужской, так и женский) стригутся наголо. Это очень древний чин, возможно, появившийся в эпоху преподобных Макария и Антония Великих, допахомиевский. Он очень прост и, по сравнению с нашим, лишен торжественности, я бы сказала, — красоты символики. Но зато этот чин более соответствует правде, не требуя от монаха давать обеты, которые он может не оказаться в состоянии выполнить целиком (например, наш обет пребывания в одном и том же монастыре "даже до смерти", который, судя по житиям святых, постоянно нарушался).

У коптов посвящаемые не произносят ни слова. Все свои обеты они вместе с сердцем уже отдали Христу. Сначала они с непокрытой головой стоят лицом к алтарю перед царскими воротами, пока священник читает соответствующие молитвы. Затем ложатся, и их до плеч покрывают красно-коричневым, цвета земли в Нижнем Египте, полотном — т.е. погребают. У послушников левитоны и прочая одежда тоже земляного цвета. Пока умирает "ветхий человек", читаются молитвы, поются стихиры и идет каждение. По окончании молитв приносится монашеская одежда, которая до сих пор лежала на раке трех Макариев на благословение и освящение, мертвецы встают, и их начинают помазывать елеем, нарекая при этом новым именем и облачая. Имена до сих пор дает о. Матта, хотя сам на "постригах" не присутствует. Затем братия целует новопосвященных, и все вместе с пением радования и благодарения трижды обходят вокруг алтаря, и тут начинается литургия.

Уже начиная с 3-го часа Великой Субботы в пении появляются радостные мелодии, усиливаясь к литургии. Затем снимаются черные покровы. Пасхальная заутреня с литургией начинается в 9 ч. вечера и кончается в 2.45 ч. утра. Во время литургии, после чтения Апостола и Деяний (гл. 2:22—35), двери алтаря закрываются, гасят весь свет, оставляя лишь один светильник в алтаре, и два диакона в белом, стоя по обе стороны царских врат, в полной тишине и темноте начинают негромко и благолепно возвещать воскресение Христово. Им отвечает-подтверждает из алтаря священник. Между ними происходит переключка стихами 23 псалма:

Поднимите, врата, верхи ваши,
и поднимитесь, двери вечные,
и войдет Царь славы!

Кто сей Царь славы? —

Господь крепкий и сильный,
Господь, сильный в брани.

Поднимите, врата, верхи ваши,
и поднимитесь, двери вечные,
и войдет Царь славы!

Кто сей Царь славы? —

Господь сил,
Он — Царь славы.

И тут враз распахиваются двери алтаря, зажигается свет и свечи, поют тропарь "Христос воскрес" по-гречески и арабски, обходя алтарь и церковь крестным ходом. И дальше литургия продолжается обычным порядком и заканчивает пасхальное утро.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ 1984 В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ

Встречать Пасху я поехал в Загорск, в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Уже у входа в лавру толпилось много молодежи и стояли милиционеры с портативными переговорными устройствами. На рукавах молодых людей мелькали синие, у многих красные повязки, у третьих повязок не было, но замечалось возбужденное настроение, изо рта пахло спиртным. Во дворе лавры отдельные молодые пары, не стесняясь публики, целуются и обнимаются. Сначала складывается впечатление, что ты попал в парк культуры и отдыха, но подняв глаза, видишь золоченые купола церквей и понимаешь, что находишься в стенах знаменитого русского монастыря. Во дворе лавры народу еще больше. Очень много милиционеров. Входы в Трапезную, Успенский и Троицкий собор огорожены временной деревянной изгородью. Выясняется, что большая часть молодежи — это мобилизованные старшеклассники школ Загорска, Струнино, Александрова, Хотьково и других близлежащих городов, а также внештатные работники милиции, следящие за порядком проведения православного праздника. Соблюдение этого порядка выражается в том, что половину или две третьих помещения церкви заполняет безбожная молодежь, часть которой толпится у входа в церковь, препятствуя христианам проникнуть в храм. Милиция объясняет стоящим у входа верующим, что помещение церкви переполнено: "Ждите, когда кто-нибудь выйдет, и вы зайдете на их место!". Одни мои знакомые простояли около Трапезной до Крестного хода. Пристроившись к Крестному ходу вошли в церковь, и то только после долгих препирательств с милицией. Зная подобный порядок охраны прав верующих, я постарался приехать в лавру в 20 часов, то есть за четыре часа до службы. Беспрепятственно проник в Успенский собор и там ожидал начала богослужения. Успенский собор не отапливается. Естественно, я продрог до костей — даже вынужден был сунуть руки в рукава куртки, так как они сильно озябли. Молодежь сновала безостановочно. Многие бесстыдно поворачивались к алтарю задом, бесцеремонно разглядывали иконы и... верующих, обнимались, целовались, громко разговаривали. Мы, кучка православных, встали около колонны, чтобы нас меньше толкали, и терпеливо ждали начала богослужения. Кое-кто зябко поеживался. Наши муки холодом и поведением безбожников были оправданы и вознаграждены пышностью богослужения.

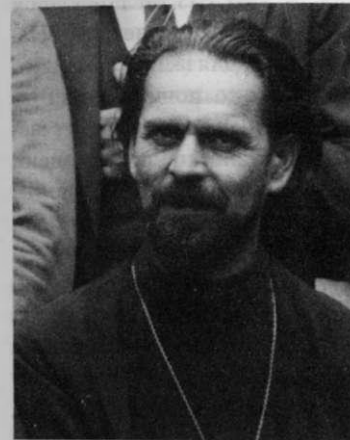
Настоящая радость Христова Воскресения вселилась в наши души, осияла их благодатным Светом Воскресшего Христа! Благочинный бросал в толпу пасхальные яйца, которые ловко хватались руками безбожной молодежи. Я слушал богослужение, содрогался от холода и радостно молился Спасителю, что Он привел эту молодежь в церковь, а не на танцплощадку, не в кинотеатр с безбожными кинофильмами, не в пивную. Пусть они сегодня толпятся и шумят, но приishi-то они в церковь, в место настоящих человеческих ценностей, в мир красоты и любви духовной. А придя и столкнувшись с подлинной любовью и настоящей красотой, хотя бы они этого или не хотят, вынесут из храма частицу света, частицу любви, частицу красоты, а этого и достаточно, чтобы увидеть все омерзение мира сего, всю его подлость и коварство. Лично я за то, чтобы откомандировывали как можно больше безбожных сил для наведения порядка в церквях в праздничные дни. Пусть кое-кто из верующих не попадет в этот день в церковь, или простоят службу около входа в нее, его терпение окупится той крупицей, о которой я говорил выше. Служба закончилась в четыре часа утра, а первая электричка до Струнино отходит в пять часов. Пошел в Трапезную, чтобы согреться и там дожидаться отхода пятичасовой электрички. В Трапезной разговорился с знакомым. Меня тут же окружила группа безбожников, подслушивающая разговоры верующих. Они активно вмешались в наш разговор и стали отрицать Бога. "Вы знаете, — обратился ко мне молодой парень, — что сказал Достоевский о религии?" "Простите, а вы, молодой человек, знаете хотя бы имя и отчество Достоевского?" Выяснилось — не знает. "Какое было еще имя у Христа?" — спросил другой. На этот вопрос отвечает Символ Веры: ...и во Единого Господа, Иисуса Христа, Сына Божия. "Вот видите, вы даже библии не знаете, а в ней сказано, что Христа называли Арионом". "Вы сами-то, Библию читали?" "А где ее можно достать?" "В библиотеке имени Ленина, в спецотделе". "Я коммунист, сюда-то приехал из Новосибирска, а..." "Тем более, если вы совершили такое паломничество в лавру, то, как коммунисту, вам приличнее съездить в библиотеку имени вождя трудового пролетариата". "За такие слова я могу поместить вас в Новосибирскую психлечебницу". "Такого рода аргумент привычен для вас, ибо, когда не могут возразить умом и знанием, стучат кулаком". "Еще один вопрос, — обратился ко мне более старший из группы, — вы читали доклад Белецкого?" "Да". "Каково о нем Ваше мнение?" "Я разделяю точку зрения академика Белецкого, что атеистическая пропаганда в СССР поставлена на низком, невежественном уровне". "Вам известна судьба

Белецкого?" "Простите, я не интересуюсь действиями властей, четко отделяю политику от религии, поэтому в разговоре о религии не желаю употреблять политические высказывания". "Понятно". Задавший вопрос глубокомысленно посмотрел мне в глаза, хитро улыбнулся. Я взял свою сумочку, извинился, что беседу продолжать дальше не могу из-за отсутствия времени, и направился к выходу из церкви. На перроне ко мне подошел человек среднего роста с небольшой бородкой. "Христос Воскресе!" "Воистину Воскресе!" Мы расцеловались. "Вы правильно дали им отпор. Только безумцы могут публично показывать свое невежество. Спаситель сказал: накажу их безумием". Этот человек проводил меня до края платформы и, узнав, что я еду не в Москву, а в сторону Александра, сильно огорчился, стал тепло жать мою руку. Ему хотелось продлить общение со мной, а у меня было такое настроение, будто сама Россия, сама Православная Церковь благодарно поцеловала меня в ланиты. Получилось, что беседа, рассчитанная на помрачение светлого настроения христиан, вызванного Воскресением Христовым, приобрела такой характер, что подняла настроение верующих, утвердила их в вере. В этой связи мне вспомнились слова Спасителя: не обдумывайте, что сказать, Дух Святой будет глаголить вашими устами. Слава Тебе, Боже! Слава Тебе! В предыдущую Пасху дело обстояло иначе. Меня с приятелем и его женой приняли за иностранцев. Милиционеры любезно разрешили нам пройти в Успенский собор через служебный ход, предварительно осведомившись: "Вы куда?" "На службу". "Проходите!" Правда, через несколько минут нас выперли из служебного хода под предлогом: "Здесь место для иностранцев". Но выперли-то нас не за ограду, а через общий проход в молитвенный зал Успенского собора. Таким образом, приходится ловчить, чтобы попасть в церковь в праздничный день. Но, слава Богу, пока попасть в храм все-таки удастся, а значит имеется еще возможность вынести из церкви праздничное хорошее настроение!

К 50-летию кончины священника А. Ельчанинова

(1.3.1881 – 24.8.1934)

"Записи" священника Александра Ельчанинова стали классикой русской аскетической литературы: эта посмертная книга, выдержавшая по-русски четыре издания, переведенная на все основные европейские языки, многим открыла двери в Церковь и помогла идти духовным путем.

В обширном архиве о. А. Ельчанинова сохранились записи и письма разных времен. Те, что написаны до революции и в первые годы эмиграции, говорят о том круге людей – корифеев русского религиозного возрождения, – среди которых сформировалась личность о. Александра. В Тифлисе он учился в одном классе с П.А.Флоренским и В.Ф.Эрном, с которыми его и в дальнейшем связывала тесная дружба. В Москве А.Ельчанинов стал в 1905 г. первым секретарем религиозно-философского общества. В эмиграции новая встреча с о. Сергием Булгаковым

в Праге сыграла решающую роль в его судьбе: именно о. С. Булгаков и склонил его стать священником. Краткий путь священства, начавшийся в 1926 г. с рукоположения во диакона на съезде РСХД, был одновременно славен и тернист. К о. Александру тянулись люди, особенно молодые, жаждущие подлинной духовной жизни. Но в среде бытового духовенства о. Александр встречал непонимание. Об этих трудностях, прикровенно и преуменьшая их, о. Александр рассказывает в письмах к о. С. Булгакову.

Книга "Записи" была составлена преимущественно из дневниковых записей священнических лет вдовой о. Александра, Тамарой Владимировной Ельчаниновой. Некоторые записи, как повторные и слишком интимные, не попали даже в третье издание книги, значительно расширенное. Другие были приведены в книге не полностью. Их мы и предлагаем вниманию читателей после материалов биографического характера.

Публикация и примечания Н.А. Струве.

ВСТРЕЧИ С ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ¹

(Из дневника 1909—1910 гг.)

IV/2 [1909]

Сегодня я впервые видал и слушал его в продолжение всего вечера. Я видал его раньше два раза, но получил тогда смутные впечатления. В этот раз он показался мне замечательным человеком. Наружность его была для меня несколько неожиданна: высоко поднятые плечи, старческий румянец лба и щек, нетвердая неловкая походка произвели на меня сначала впечатление почти дряхлости; ко всему этому он был некрасиво одет.

Но все это оказалось — довольно случайными признаками. Уже голос его, высокий и юношески свежий и мудро-нежный, "чарующий", как у сирены, преображал его наружность, хотя все впечатление дисгармоничности не сглаживалось окончательно, т.к. во время разговора он обычно ходит согнувшись по комнате, жестикулирует и вообще делает больше движений, чем это следовало бы пророку и мистагогу.

В этот вечер разговор был очень отрывочный, и я его не приведу за исключением двух мест. Кто-то спросил, почему Христос не был женат. В.И. объясняет это тем, что Христос, как жених, обрученный Церкви, не мог соединиться ни с какой эмпирической женщиной. На вопрос Аскольдова,² как можно принять Церковь, загроможденную таким количеством мерзостей, он ответил: "в Церкви есть потир; надо идти туда, где видишь мистический свет, не обращая внимания на то человеческое, что его окружает".

IV/8

7-го вечером я был у него по его приглашению и был до 11-го часа. Говорил почти исключительно он сам. Попробую передать по возможности его собственными словами. Вначале был малоинтересный разговор о религ.-фил. Обществе, о его деятелях, которых В. И. в

общем ставит невысоко. Тернавцева³ он считает малообразованным и неясно мыслящим; даже заподозривает его мистичность, о Мережковском⁴ отозвался иронически, что ему нечего таить, что он говорит все, что знает, что никакой тайны у них нет, т.к. они вовремя, "к счастью", остановились на пути своих дерзновений. "Я согласен с вами, — продолжал он, — что все эти пути влияния на общество — журналы, кружки и т.д., случайны и не могут составить главного дела. Вы, конечно, тоже спросите, в чем же главное дело. Я вам отвечу: в том, чтобы встречаться с близкими умами, в том, чтобы искать учителей, добиваться ученичества".

Говоря эти слова, он загадочно, мягко и ласково глядел на меня и чуть-чуть улыбался кожей щек. Затем мы перешли в его кабинет, и здесь он стал говорить своим ласковым, мелодичным, "сладким" голосом о смирении, восточной аскетике, церкви, православии, пророках.

"Надо быть очень осторожным с понятием смирения. Настоящее смирение достигается большим подвигом, и часто за смирение принимают надломленность. Богу нужны ровные, высокие стебли, и нужно стараться быть такими. Конечно, благодать может выпрямить и надломленные души, но не надо их ломать. Надо верить в себя, ценить свое человеческое достоинство, нужно быть гордым и не бояться своего я".

"Но это все не совпадает с восточной аскетикой", — вставил я.

"Нет, нет и нет! Вы не удивляйтесь, что я троекратно отрицаю ваши слова. Восточная христианская аскетика стоит в тесной связи с индусской йогой, но в то время как йогосты в своем аскетизме приходили к полному нигилизму, отрицанию всего в себе и в мире, христианские аскеты до этого не дошли; их отрицание мира только прием для того, чтобы еще ярче засиял внутренний человек с истлением внешнего. Но вообще надо сказать, что у отцов было много и ошибочного, например, их отношение к женщине. Православие вообще слишком мужественно, или вернее, оно слишком женственно и потому идеалы его излишне мужественны. Католичество наоборот: оно связано с Римом, и оно углубило и дополнило восточный идеал учением о Богоматери — *immaculato concipio*, например. Православие забывает, что женское начало исконно. В учебниках у нас пишут, что Бог сотворил мир "из ничего". Это, конечно, неправда. В Библии нет такого выражения. "В начале сотворил Бог небо и землю". Слово "начало" обозначается еврейским словом *berith*, женского рода, соответствующим *év ἀρχῇ ἧν ὁ λόγος* Евангелия от Иоанна. В начале, таким образом, была *ἀρχῇ*, женская субстанция, соответствующая

платоновскому *μη ὄν*, которое ведь не есть *οὐκ ὄν*. Этот трансцендентный характер женского начала и пола исповедует и наша Церковь, когда она поет "честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим".

В. И. говорил о работе в Церкви. Сейчас в Церкви одна работа: возобновление пророческой деятельности. В настоящее время Церковь есть только хранительница предания и таинств. Ведения, знания у нее нет. Для этого нужны свободные пророческие силы, как это было, например, в период соборов. Пророчества переплескиваются через церковную ограду, и Церковь только пост фактум принимает (или отвергает) их. Эта пророческая деятельность и начинается сейчас. Не надо бояться, что она пока не принята Церковью. Нужна смелость, дерзания. Бог любит смелых. Вы знаете, что мистикау нужно 4 свойства: сметь, хотеть, молчать и знать.

Когда я уходил, он крепко, будто прикладывая печать, поцеловал меня и в передней, прощаясь, смотрел гипнотическим взглядом прямо в глаза. На мой вопрос, можно ли придти к нему еще раз, он ничего не ответил: после такого поцелуя и взгляда он считает излишним приглашение: "все равно, мол, придешь, голубчик".

1/22-1910

На праздниках я был в Питере и несколько раз видел его опять. Результат: чувство любви к нему, доверия и связи.

Первый раз я поехал к нему сам. Я не помню точно нашего разговора. В самом начале его в дверь постучали и вошла его падчерица Вера.⁵ Да! вспомнил: В. И. расспрашивал меня о Володе,⁶ и я все это повторил и Вере.

— Вы не были раньше знакомы? А я был уверен в противном. Она с такой радостью прибежала ко мне: "Ельчанинов приехал!".

— Вере Константиновне, наверное, наговорили про меня Эрны...

— Нет, не только они. Я читала Вашу статью о...

— Мне всегда стыдно, когда мне напоминают о моих статьях...

— И напрасно — вот видите: по Вашей статье Вас узнали и полюбили.

Вера смотрела утвердительно.

— Я смотрю на Вас, и как будто давно Вас знала.

На этом месте нас прервали — приехала Овсяннико-Куликовская. Я ушел переждать ее в "оранжевую комнату". Потом я сидел в комнате Марии Михайловны⁷ и Лиды;⁸ потом О.-К. уехала, и мы все пили чай. За столом были Потемкин,⁹ господин с красной нижней губой и лакейскими, наглыми глазами, и Кузмин,¹⁰ суший нетопырь.

Я молчал, а В. И. добродушно подтрунивал над П. и К., над их "сарматским" способом работать запоем, без отдыха (оба они переводили какую-то французскую комедию). После чего мы уединились в кабинете, но мне смертельно хотелось спать, и я смутно помню наш разговор; кажется, впрочем, главное я вспоминаю. Я ему сказал (не помню, к чему это случилось) о трудности переходить от состояний святости (после причастия, например) к обыденной работе.

— Это у вас недостаточность ваших достижений. Ко всему можно и должно относиться свято. Вы должны привыкнуть расширять это чувство святости и на других, вокруг себя. Можно начать с природы, с цветка, с розы; полюбить ее, а потом и людей; к ним мы можем доплыть только "через голубые волны Мировой Души". Вы говорите, что вам почти невозможно сохранить свое святое, читая исследование какого-нибудь немца. А вы пожалейте этого немца, попробуйте отнестись к нему с любовью, распространить и на него свой свет.

Я не сумею передать точно, что он говорил, но его слова открыли во мне самом целый мир особых, светлых и утешительных чувств, и я вспоминаю смысл его поучения очень часто и всегда с пользой.

Вчера был у него; недолго. Заговорили о хиромантии и пр.

— Одна хиромантка, которая сказала мне очень много верного, нашла во мне соединение типа Юпитера и солярного, есть во мне и нечто лунное, например, весь мой ментальный план.

28-го я был у Вяч. Ив. опять. (Он каждый раз очень просит меня приходить к нему). Запишу наиболее значительное из того, что он сказал...

VIII/6

Я был у него за лето раза три-четыре. Каждый раз он был очень внимателен, нежен, ласков. Сегодня приезжала к нам Мария Михайловна и рассказывала про него интересные вещи. Он сын землемера, москвич; жил у Зоологического сада на Пресне; с раннего детства его мать решила сделать из него поэта и неустанно работала над ним в этом направлении. Он кончил Моск. гимназию и был два года в Моск. университете, женился студентом и уехал за границу, не будучи в силах переносить политические неурядицы в России. В России он работал у Виноградова,¹¹ а в Берлине у Момсена,¹² но университета не кончил и в Берлине, т.к. увлекся поэзией и Лидией Дм. О его образе жизни. Он любит город, лето часто остается в Питере, причем бывает, что по месяцам не выходит на улицу. Он очень беспомощен в житейском отношении, ничего сам не может купить, и только

стрижется у парикмахера сам, т. к. в этом ему никто не может помочь. В деревне чувствует себя очень тяжело, гулять не любит, т. ч. Л. Д. его вытаскивала и на прогулки, и на лодку.

VI/4 (или 5-го) 1913

Приехал Володя и очень много говорил о Вячеславе и его семье. ...зашел ко мне Ю. Н. Верховский,¹³ и мы поехали к Эрну в Дидубе. Что говорил Эрн.

"Отношения между Вячеславом и Верой мне кажутся неразрешимыми, это узел, которого нельзя развязать. Вячеслав делает вид, что преклоняется перед Верой, поет ей дифирамбы, а сам скучает: она слишком обыкновенна для него, неумна, она не может заменить ему Лидию Дм., не может быть ему женой... Он скоро сам почувствует это. Что же касается В., то она не переживет охлаждения к ней Вячеслава, она на все решится. Я понял это, когда давно видел, как она, еще девочкой, низко склонялась над Роной, рискуя упасть..."

Это — не брак, это просто связь, ничего мистического и священного здесь нет... Вячеслав — поэт, а не пророк, он умеет стилизовать, строить воздушные замки, фальсифицировать и закрывать правду".

Раньше я относился к Вячеславу, как к отцу, вождю: после этого рассказа я пережил сильное потрясение: я люблю Вячеслава по-прежнему, но не верю ему и не уважаю его; т. е. я уважаю его, как переводчика, поэта, знатока Греции, но как пророка, учителя — нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949), поэт, критик, один из основоположников символизма. О. Сергей Булгаков писал: "В дружеских кругах его [А. Ельчанинова] звали Эккерманом при Вячеславе Иванове". (Путь, № 41).
2. Аскольдов Сергей Алексеевич (псевд., настоящая фамилия Алексеев) (1870—1945), философ.
3. Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940), чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода. В 20-х и начале 30-х годов находился в ссылке в Сибири. Последние годы преподавал в Серпухове, где и умер. Подробно о нем см. воспоминания Н. Г. Чулковой и статью Ю. Иваска в "Вестнике РХД" № 134, стр. 114—115.
4. Мережковский Дмитрий Сергеевич (1869—1941), писатель, вместе с женой З. Н. Гиппиус основатель религиозно-философских собраний.
5. Вера Шварсалон (авг. 1890—8 авг. 1920), падчерица Вячеслава Иванова, ставшая его женой после смерти матери, Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (1866—1907).

6. Володя — здесь и дальше — Владимир Францевич Эрн (1881—1917), религиозный философ, близкий сотрудник книгоиздательства "Путь".
7. Марья Михайловна Замятнина, внучка известного деятеля судебной реформы при Александре II, подруга юности Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, вела дом Ивановых, воспитывала их детей.
8. Лидия Вячеславовна, дочь Вяч. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Проживает в настоящее время в Риме. Ее воспоминания о жизни семьи в Москве см.: "Новый Журнал", 147.
9. Потемкин Петр Петрович (Орел 1886 — Париж 1926), один из основных сотрудников Сатирикона.
10. Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936), поэт, музыкант.
11. Виноградов Павел Гаврилович (1854—19 ?), профессор всеобщей истории в Московском университете.
12. Момсен, Th. Mommsen (1817—1903), знаменитый немецкий историк, юрист и филолог, автор "Истории Рима", Нобелевский лауреат 1902 г.
13. Юрий Никандрович Верховский (1878—1956), поэт, историк литературы.

† † †

ВСТРЕЧИ С В. А. ТЕРНАВЦЕВЫМ (1910 г.)

VI/3-1910

На днях, придя к нему на работу, я застал его в особенном настроении. Он вздыхал, как кузнечный мех, ходил по комнатам и говорил, что у него "душа болит". Все же мы сели работать: он на детской качели, по обыкновению, я — у столика с ремингтоном. Работа прерывалась частыми лирическими отступлениями.

— Полного безверья я никогда не испытывал, — сказал он мне на какой-то мой вопрос. — В детстве, лет семи и позже, я испытывал от таинств такой прилив благодати чувств, что одно воспоминание об этих состояниях меня поддерживало в более позднее время. В университете я не увлекся общими волнениями молодежи. Пошел я раз на сходку, и вернулся с опустошенной душой; то же я заметил и на других участниках сходки; порознь они были еще ничего себе, а тут — такая пустота! В то время как шли беспорядки, я занимался совсем иным делом: я хорошо знаю ремесла и тогда еще

страстно любил корабельное дело: так вот, я стал строить модель корабля; строил 8 месяцев, корабль был такой огромный, что стоял в комнате по диагонали: я его потом заложил за 200 рублей. Кончил я университет, кутил, заводил романы, потом женился, и тут-то почувствовал такую тщету жизни, что прямо хоть умирать! . . . . .

горел, как на каком-то мистическом огне. Тут я и вспомнил детство свое, начал читать Евангелие, и прямо ахнул! Читал я его непрерывно, со страстью — это было прямо как болезнь. Потом поступил в Академию, потом в Синод; в Синоде я много растерял своего духовного богатства. А теперь опять чувствую, что приближаюсь к кризису; что будет со мною, точно не знаю; знаю только, что будет что-то важное; оттого я и яхту продаю и с учебником тороплюсь.

11-го июня

Вчера опять длинный разговор. Читали мы вместе отдел зоологии, именно — о верблюде. Не дочитали главы, как он забыл обо всем и часа полтора говорил о своем мистическом опыте. Последовательность была такая: сначала он говорил о католичестве, об инквизиции, потом о ведьмах: потом о своем опыте в этих делах. Да! вспомнил! началось с Свенцицкого.¹

— Сущность действия Свенцицкого на слушателей в том, что он гипнотизер: он сначала молча внушает человеку, а потом уже обращается к нему со словом, так что слушателю кажется, что это все — его собственные мысли, что Свенцицкий идет к нему навстречу, а не тянет за собой: в этом суть всякого мороченья и ведьмовства. Я раз в жизни встретил такого человека. Это девушка одна. Так она ничем особым не [отличалась] . . . . .

Закрывши глаза, я представлял себе ясно и ее в полуобморочном состоянии, на кровати, и вокруг нее сияние такими фосфорическими иголками. Чувство это страшно тяжелое. Я становился сейчас же на молитву, и по мере того как разгоралась молитва, я испытывал все большее освобождение. Я не понимаю, откуда у нее такая сила. Может быть это от того, что она немного англичанка. Я часто думал о том, откуда у англичан такая необъяснимая власть над низшими расами: русские господствуют благодаря своей церкви, она облегчает народам их состояние жертвенной покорности, а государству дает силу взять на себя тяжесть и ответственность за них. Но у англичан нет ничего подобного.

Я спросил у В. А., как он представляет себе самый механизм такого воздействия на нас людей подобного типа.

— Я других не знаю и буду говорить только о нем. Это можно пояснить сравнением. Это великолепно поясняет апостол: "я в муках рождения, пока в вас не вообразится Христос".

Ведьмы поступают в этом же роде, только мук рождения они не берут на себя: они вкладывают в вашу душу такого болвана, марионетку, а потом дергают его за нитки по своему желанию.

VI/15

Я еще раньше имел, так сказать, предтечу такого состояния. Бывало со мной, что на меня нападал страх перед молитвой: весь день ничего, а как соберусь молиться — нападёт какой-то ужас; но пересилишь себя, начнешь молиться, и все проходит. . . . .

(Из высказываний Тернавцева)

О Вяч. Иванове — литературный гомункулус; ничем не зацепляется за мир; ни к чему не имеет похоти.

О Розанове² — хитрый сумасшедший; половой идиот (объяснение: у него, как у идиотов, сфера животная и духовная не связаны, разделены); всех обманывает: церковь, Суворина, жену, Сытина, читателей.

Об Аскольдове — "Божья коровка".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Свенцицкий Валентин (1879—1931), писатель, проповедник, общий друг А. Ельчанинова, В. Эрна, П. Флоренского, с которыми он образовал в 1905 г. "Братство православной борьбы". После революции стал священником, умер в ссылке в 1931 г. Тело его было найдено нетленным.
2. Розанов Василий Васильевич (1856—1919), писатель, мыслитель, журналист.

‡ ‡ ‡

III/1

Он мало изменился со времени нашего последнего свидания (три месяца назад); только как будто стал нервнее и чуть беспокойнее. Он ежеминутно в каком-нибудь деле. Вот перечень его дел за те два дня, что я здесь.² В пятницу вечером он сел писать лекцию и писал ее до половины четвертого. Встал в субботу в 8 ч. и в 10 пошел на лекцию, а оттуда в баню, затем обед. Сейчас же после обеда исправление рукописи о частушках для "костромской старины" и т.д.³

III/4 Герасим-Гречевник.

Вот несколько его разговоров.

— Ты замечаешь, я двигаюсь по направлению к t, иначе — впадаю в детство. Ведь я даже с осени изменился в этом направлении. Я часто чувствую себя ребенком, хочется возиться, шалить.

Действительно, только что перед этим он полчаса возился с Дарьей, представляя из себя медведя, дразнил ее, пел ей частушки и умолял ее, чтобы она посоветовала ему, что надо делать, чтобы понравиться девкам.

"В Академии я сдерживаю себя, но и то мне постоянно хочется или затрубить в свертки с моими лекциями, или кого-нибудь ткнуть в живот, или скатиться по перилам. И это делается как-то само собой. Я думаю, что это оттого, что мои дионисийские силы ищут себе выхода и обнаруживаются именно здесь".

Эту перемену в Павлуше я заметил особенно ярко этой осенью, а за зиму она у него усилилась и развилась. Он очень смешлив, остроумен, неутомим в разговорах с дамами и барышнями, причем они обычно остаются в восторге от своего кавалера.

Сегодня катались на лыжах. Несмотря на то, что завтра у него лекция, из которой у него готовы только три страницы, он так увлекся, что я едва уговорил его идти домой. Во время этой прогулки несколько очень интересных разговоров. Когда я ему сказал, что пора идти домой, он ответил:

— Зачем мне писать лекцию? Может быть, я не доживу до завтра, так уж лучше накатаюсь в свое удовольствие.

— Как приятно ехать, — сказал он, когда мы попали на глубокий нетронутый снег, — как будто идешь по пирогу и режешь его лыжами. На меня нападают, — прибавил он потом, — зачем я часто употребляю гастрономические сравнения; но ведь это так естественно: пирог нам ближе всего, мы знаем его вкус, запах, теплоту, состав; после самосознания, конечно, на первое место надо поставить *пирого-*сознание.

Последние дни он все порочит дамский пол. После посещения Д. и Т. он все жаловался, что с их приходом что-то хорошее ушло из дому.

— Позвать надо о. Евгения;⁴ пусть хоть молебен отслужит. Я понимаю, почему дам не пускают в скиты; люди всю жизнь копят, а придут бабы и враз все унесут. Ты не думай, что я считаю их чем-нибудь поганым, ничуть. Но они, видишь ли, как-то страшно пассивны и *пористы* и поэтому всасывают в себя все. Оттого они так легко и поддаются влияниям.

— Несчастный народ женщины, — вздохнул я.

— Почему несчастный? я вовсе не считаю себя более счастливым или привилегированным. У многих людей мускулы больше, чем у меня, а я ничуть не огорчаюсь.

— Но ведь ты должен признаться, что о женщинах ты отзываешься с иронией, насмешкой, даже презрением.

П. стал серьезен.

— Это не так. Я с глубоким уважением отношусь к женщине, которая делает свое дело. Ты знаешь, что я Марусю Ланге⁵ сейчас уважаю гораздо больше, чем когда она была курсисткой. Я смеюсь над теми, которые берутся не за свое дело; я бы стал смеяться над мужчиной, который занялся бы бабьим делом, смеялся бы над женщиной, которая захотела бы завести себе бороду. Ум ведь-то половой мужской признак. И незачем нам завидовать: вот мне очень бы хотелось родить дитенка, а не могу! И знаешь, что я заметил, что женщины, склонные к научным занятиям, и после брака — обычно ведь все это слетает моментально — отличаются всегда блудливым характером.

— Я не понимаю, почему Д. обиделась на меня за Гефсиманский скит и за прочее: ведь не ходят же дамы голыми по улицам; зачем же она хочет, чтобы я всякому показывался обнаженным от моей квартиры?

— Но ведь ходишь же ты в гости?

— Ну так что ж? Ведь не ко всем хожу. Я и голым появляюсь некоторым людям — в бане, например.

— Я тебе говорил про опыты Каптерева⁶ с внушением? Оказалось, что иногда достаточно бывает тонкой вуали, чтобы парализовать гипноз. В этом глубокий смысл фаты — женщину в фате невозможно соблазнить.

VII/7

Я не помню, когда это было; кажется в конце мая, во всяком случае в его последний приезд в Москву по вызову Новоселова. Я провожал его на вокзал, где около часу мы ждали поезда. Беседа была длинная, и я помню только главное. Мы говорили все о том же равнодушии Павлуши к дамам и о его частой влюбленности в молодых людей; мы долго путались в объяснениях, и только в конце П. напал на следующую гипотезу. Мужчина ищет для себя объект достаточно пассивный, чтобы принять его энергию. Такими для большинства мужчин будут женщины. Есть натуры *ύπο* — мужественные, которые ищут дополнения в мужественных мужчинах, но есть *υπερ* — мужчины, для которых ж[енственное?] слишком слабо, как слаба, положим, подушка для стального ножа. Такие ищут и любят просто мужчин, или *ύπο* — мужчин.

1909, 9 сентября

Сегодня за утренним чаем Павлуша рассказал мне о себе следующее. Еще этим летом П. часто говорил мне, полушутя, полусерьезно, о своем интересе к кабацким песням, к пьяницам, о том, что он сам пробует пьянствовать.

— По крайней мере, эти люди, — говорил он, — простые, без всякой фальши, а я хочу простой жизни с простыми людьми.

Когда я приехал сюда (8-го сент.), Павлуша встретил меня сообщением о своем пьянстве. Я не поверил тогда. За чаем сегодня он начал с того, что сообщил о своем намерении прочесть студентам ряд лекций о пьянстве.

— Я начну с того, что центральным пунктом философии считается сейчас вопрос о познании, т. е. вопрос о познании реального; но ведь всякое познание есть выходение из себя, я думаю, что исторически гносеологический вопрос зародился из культа опьяняющих растений, т. к. лучше всего явление выходения из себя, тождества субъекта и объекта знают пьяные. Интересно то, что опьянение различными веществами дает совершенно различные переживания. Например, ром, водка и вино. Их действие совершенно различно. Я теперь много пью, я даже думаю, что это полезно. У нас слишком много еще всяких диких порывов, которым надо давать выход. Если б

мы воевали, сражались с разбойниками — тогда другое дело. Когда я много выпью, на другой день я чувствую себя очень хорошо. Я даже физически стал поправляться, — все это замечают и не знают почему.

— Но разве ты не думаешь, что от пьянства притупляются способности?

— Я знаю это, но я этого и хочу; мне противна всякая культурность, утонченность, я хочу простоты.

— Но ежели ты потеряешь способность отличать божественное от дьявольского, то не боишься ли впасть в какие-нибудь искушения и соблазны и попасть на дорогу, которая ведет к гибели?

— Я и так погибший, — это было сказано очень серьезно. — Вообще у меня наступает какой-то перелом. Близок уже 27 год, значит это неизбежно.

— Но почему ты сам решаешь это все, почему не посоветуешься с духовником?

— Почему ты думаешь, что я не советовался? Если я спрошу духовника, что мне выбрать, самоубийство или пьянство, он запретит и то, и другое, и иначе он не может ответить. Конечно, я мог бы удержаться от этого, но я знаю, что тогда будет еще хуже; а потом — видно иначе никак себя не смиришь...

IX/14

Сегодня, когда я вернулся из Москвы, моя прислуга, очень толковая баба средних лет, доложила мне:

— Тут вас спрашивал студент один, голова набок... малоумный такой... раскосый будто. — Она, видимо, очень затруднилась точно определить наружность Павлуши. Я даже не сразу догадался, что это о нем, и только по признакам — длинный нос, длинные волосы и штатское платье — сообразил, о ком речь.

IX/22

Я не знаю еще, всегда ли он такой, но я его вижу каждый раз очень изменившимся по сравнению с прошлым годом. Нет той ясности в глазах, живости и веселости; вместо этого какая-то тусклость, тяжесть, как с похмелья (хотя П. и уверяет, что именно на другой день после пьянства особенно хорошо чувствует себя, "наступает какой-то катарзис, сначала острое раскаяние, а потом смирение, ясность и радость"). Вчера, как обычно, он вздыхал о том, что слишком много дел, что он не успевает всего делать, что нет времени, а потом вздохнул, что у него нет секретаря. Я вызвался помочь ему в одной из его работ (рецензия на сочинение Наумова о Дионисе⁷), он

согласился. Мы работали вчера весь вечер и сегодня до обеда, и много разговаривали.

IX/24

Я запишу только одну часть разговора, особенно для меня важную, хотя мысли эти я слышал от него полтора года назад, прошлой весной.

— Мне нетрудно многое убить в себе, но что из этого выйдет. Я мог бы убить в себе все, что связано с полом, но тогда бы во мне умерло всякое научное творчество прежде всего. Ты говоришь, что так и надо, что через такую смерть проходили все подвижники, я знаю это, но ведь меня не пускают в монастырь, мне велят читать лекции. Почему от многих сочинений, учебников и т.д. семинарских особенно пахнет мертвечиной; как будто бы все на месте, есть большая ученость, приличный язык, даже мысли, но читать невозможно? Потому что их писали скопцы. И я бы мог так записать, но кому нужны такие труды? Вот теперь мы с тобою пишем о Дионисе; ведь я должен же пережить все это, перечувствовать, сегодня я не спал всю ночь, от какого-то общего возбуждения, как будто я сам участвовал в оргиях. И так все. Так и с лекциями. Я знаю, что в последующих лекциях я дам христианский синтез, но пока я излагаю, я не могу не проникаться симпатическим отношением к своему предмету.

X/10

У него масса нежности, привязчивости, любви. Я никогда не видел, чтобы он охладевал к людям первый, чтобы он тяготился близким человеком, искал перемены, свободы. Если он полюбит кого-нибудь, то все отдает для этой дружбы, он хочет вовлечь своего друга во все подробности своей жизни, и в его жизнь и интересы входит всей душой; он оставит свои дела, своих знакомых, срочные занятия, если его время нужно (или ему кажется, что нужно) другу. С Васенькой⁸ он ест из одной чашки и ни за что не сядет обедать без него, хотя бы тот не пришел бы до вечера, ездит разговаривать с его доктором, помогает ему писать реферат, вообще не дает ему "ни отдыха, ни сроку". (Таковой и должна быть настоящая дружба, но только при полной взаимности; иначе она — невыносимая тяжесть, я знаю это по себе).

Часто говорит о своем намерении бросить Академию. Он решил было летом бросить ее, да отговорил Вас. Мих. Настроение по-прежнему тяжелое.

X/18

13-го — 16-го я был в Москве. Перед отъездом Павел сказал мне: — Если увидишь Владыку,⁹ скажи ему обо мне. Можешь сказать, что я часто хочу его видеть, но не приеду к нему, потому что все равно не послушаю, что он мне скажет.

Я был у Владыки 15-го. Сначала я рассказал ему о своих делах, а потом о Ф-м. Я сообщал только факты: разочарование в науке, беспричинная тоска, пьянство. Владыка слушал, сидя боком и усмехаясь в бороду, но когда я сказал о пьянстве, он стал серьезен. "Рано начал", — бормотал он.

— Скажите ему, — быстро сказал он, — что я очень прошу его удерживаться до 30-ти лет. Пусть соберет все свои силы. Потом уже не опасно. Кровь бродит до 30-ти лет, и эти последние годы особенно опасны.

Взволнованный (но не очень) он стал и вышел на минуту в свою комнату; потом вернулся и продолжал:

— Пусть применяет мой сократовский метод анализа понятий. Потом он стал говорить, что хочет летом опять ехать в Соловецкую пустынь, думает взять туда Павла и прожить с ним лето.

— Вы ему передайте это; это его ободрит.

Между прочим, уже в конце беседы он высказал предположение, не заразился ли Павел пьянством от Глаголева.¹⁰

1910, январь

На все доводы он говорит одно: "Я хочу настоящей любви; я понимаю жизнь только вместе; без "вместе" я не хочу и спасения; я не бунтую, не протестую, а просто не имею вкуса ни к жизни, ни к спасению своей души — пока я один. Если меня будут спасать, я не стану протестовать, но сам не хочу. Ты говоришь о старце; я советовался много раз, и всякий раз мне говорили: подожди, перетерпи, это пройдет; я жду — может быть это действительно самое лучшее".

1/25

Сегодня как будто прояснело. Пришел к нему — он один, пишет. Вид светлый, тихий.

— Смотри-ка: я Антонию письмо пишу. Почти уже написал.

Я было не поверил.

— И не только Антонию; вот еще одно — совсем готово. И кому?! Девице!! Только, Антонию я еще может быть не пошлю. Ты сам посуди — что он может помочь, а что я написал — все-таки польза — объективация . . . . .

...Разговор на этом оборвался и начался снова по поводу еп. Гавриила.¹¹ Вчера он служил у нас литургию, и я был поражен той торжественностью и значительностью, с которой он провел ее. Я спросил об этом Павла.

— Ты ведь знаешь мое мнение о нем, — с неудовольствием начал он. — Все это звучит фальшью и театральностью. Он произносит слово, и чувствуется, что тон, дикция придуманы, и что он смотрит, какое это производит впечатление. Весьма возможно, что объективно все это воспринимается иначе, но я его знаю и не могу освободиться от этого чувства. Он хорошо знает богослужение, любит его, но эта чинность и выделанность — не православное дело. В тебе сказывается западник, а нам наоборот мило, когда служба идет так, как она идет везде в России, спотыкаясь, некрасиво и т.д.; мы любим рабий зрак, а ты хочешь, чтобы даже лохмотья были не настоящие, а подшитые на подкладке. Это — евангельское, а не только православное. Почему Христос так любил общество блудниц, мытарей; ведь нужно представить, что это были *настоящие* блудницы, которые ссорились, вели "неприличные" разговоры, бранились, а Христос все же предпочитал их обществу фарисеев. Ты подумай, почему сказано: "сила Божия в немощи совершается". Ведь немощь не только слабость, какая-нибудь поэтическая болезнь вроде чахотки, а греховность, скверность. Христос был с грешными не только потому, что они больше нуждались, а потому что ему приятнее было с ними, он любил их за их простоту, смирение.

1/31

Пришел вечером в 10-м часу. В субботу утром Булгаков, Глинка¹² и Новоселов¹³ (с ними был и Бердяев¹⁴) увлекли его в Зосимову пустынь, откуда он вечером бежал.

— Я к тебе на короткое время. Принес Lavater'a.¹⁵ Нет ли у тебя чего о покаянии — В. М. нужно для семестра.

Ничего не оказалось.

— Я хотел тебя спросить о твоей поездке; но если ты торопишься, то я спрошу потом.

П. поупрямился немного, но потом рассказал о Булгакове и о всех прочих. Оказывается, он и сам собирался в Зосимову, но сейчас не хотел, т.к. было много чужих людей.

— Ты ведешь свои мемуары по-прежнему? так запиши тогда — это интересно и с общеправославской точки зрения. Я замечаю на себе сейчас странное явление: никогда раньше моя молитва не была так действительна, как сейчас, когда я казалось бы менее всего достоин.

Такое впечатление, как будто Бог нарочно идет мне навстречу, чтобы посмотреть, до чего же я наконец дойду; у меня иногда странное чувство, нелепое с богословской точки зрения, может быть потому, что я не могу его как следует выразить — мне бывает жалко Бога — за то, что ты у него уродился таким скверным.

— Да. У меня такое сравнение: если кто-нибудь очень рассердится, то начинает со всем соглашаться и делать все, как ты хочешь; так и Бог со мной. Правда, это больше в мелочах. Вчера, например, Вас. М. долго не было дома. Я очень беспокоился. Прошли все обычные срока, когда он приходит — 11 часов и три часа. Я страшно встревожился и стал молиться, и не успел я кончить молитвы, как он уже стучал в дверь.

— Ну, я побоялся бы таких явлений: я подумал бы, что это меня черт охаживает.

— Да какая ему выгода? Если бы это увеличивало мою гордость...

— Это увеличивает твоё отчаяние.

Он как-то не обратил на это внимания.

— Все вы смотрите на мои грехи слишком просто, а главное — применяете к ним оценки эстетические, житейские. Например, мое пьянство. Есть грехи безусловные — гордость, злоба, но пьянство и т.д. — относительно этого еще большой вопрос. Когда я сижу в компании и вздумая отказаться от водки — сейчас же меняется все настроение компании, откуда-то появляется злоба, раздражительность — и не на меня, и даже не за мой отказ, а так откуда-то.

— Но ведь это ужасно! Ну если ты попадешь в компанию, где жуют калоши — неужели тебе жевать вместе с ними, чтобы сохранить их благодушие? Ну они свиньи и хлещут свиное пойло, да зачем тебе-то к ним идти?

— Видишь ли, я сейчас настолько отупел, что не могу ни рассердиться, ни обидеться; но если бы здесь был еще кто-нибудь, даже вполне твоих взглядов, у него сейчас же вспыхнула бы злоба от твоих слов.

Сказано это было поистине кротким, беззлобным тоном.

— Я с тобой согласен, что таким тоном говорить нехорошо; но я хотел сказать, что ты своим поведением обижаешь трезвых людей, утешая пьяных, ты оставил своих прежних приятелей, за тебя болит сердце у о. Евгения и у многих других.

— Я сам боюсь этого, и еще больше боюсь соблазна от моего поведения. Но вы не хотите понять, что в моих грехах важное, а что нет. Я, например, часто говорил о. Герману,¹⁶ что занятие наукой развивает во мне тщеславие, но он как-то совсем этим не

трогается; думает, что это я говорю от излишней скромности. А потом, не пьянствуй я, меня давно уже не было бы в живых. Моя тоска имеет, должно быть, органическое происхождение, избыток сил, ну а пьянство эти силы рассеивает, и тогда я усмиряюсь: отчего же, мол, и не заняться наукой; хоть пустое это дело, но кое-как прожить все же можно.

— Я очень рад, что ты так думаешь о причинах твоего состояния.

— То есть как?

— А то, что твоя тоска, как ты сказал, органического происхождения.

— Это не совсем так. Главная ее причина, конечно, другая, это — желание настоящего, полного общения, как гарантии церковной жизни. Я нигде не нахожу этого общения: все только бумажки, и ни разу — золота. Я не говорю, что в церкви нет чистого золота, но мне не попадалось. Если бы я не верил, было бы легче, но в том-то и тяжесть, что я верю, что золото есть. Раз нет общения, нет и церкви, нет и христианства. Мне велят верить — я и верю, но ведь это не жизнь — жизнь как раз начинается с того времени, как увидишь, ощущаешь этот главный факт.

II/5

Вчера был у него вечером и ночевал, т.к. В.М. уехал на день в Москву. Некоторые афоризмы и мысли . . . . .

Павел любил растения с детства с какой-то усиленной нежностью, жалостью и пониманием. Он говорит, что любит их за кротость, за их непосредственную близость с землей.

II/13

Около недели, как он вполне спокоен, занимается и не пьет.¹⁷

Сегодня я перечитывал его письма 1903—4 годов и поражаюсь, насколько он мало изменился в своих главных идеях. Кажется, он не отказался ни от чего, высказанного им тогда, а многие идеи, которые он сам, кажется, склонен сейчас считать за новые, были у него опять-таки семь лет назад. Например, "этой капли не замечаешь, когда сознаешь коренную негодность себя по существу" (1903.X.16) и многое другое.

Вчера. Я ему говорил о Ефреме Сирине и его советах против блудных помыслов.

— Ну они не очень-то хороши! — с улыбкой сказал он. — Например, совет представить себе любимую женщину разлагающимся

трупом. Ведь этак не только блудные мысли, но всякие человеческие отношения становятся невозможными. Я не думаю, чтобы такое отношение к ближним было бы морально...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Флоренский Павел Александрович (1882—1943?), философ, богослов, с 1911 г. священник. С Павлом (Павлушей) Флоренским А. Ельчанинова связывала особо тесная дружба, начавшаяся со школьной скамьи. Приводимые записи разговоров относятся к тяжелому кризисному периоду в жизни Флоренского, незадолго перед женитьбой и принятием священства. Небольшой отрывок из этих записей вошел в статью А. Ельчанинова: "Епископ-старец" (Путь, 1926, № 4).
2. В Сергиевом Посаде. П.А. Флоренский состоял профессором Московской Духовной Академии с 1908 г.
3. "Собрание частушек Костромской губернии Неряхтовского уезда", Кострома 1909, с пред. П.А. Флоренского. В течение более четырех лет П.А. Флоренский изучал несколько сел Костромской губернии, откуда были родом Флоренские, и сам записал часть приведенного в собрании материала.
4. О. Евгений Воронцов, ученый гебраист, профессор древнееврейского языка в Академии (ум. в 1927 г.).
5. Будущая жена брата А. Ельчанинова, Николая.
6. Каптерев Петр Федорович, известный педагог.
7. Отзыв о сочинении студента Сергея Наумова напечатан в "Богословском Вестнике".
8. Василий Михайлович Гиацинтов, студент Московской Духовной Академии, брат будущей жены о. Павла Флоренского, Елизаветы Михайловны.
9. Епископ Антоний Флоренсов (1847—1920), жил на покое, пользовался большим уважением. С 1904 г. духовник П.А. Флоренского. По его совету П.А. Флоренский поступил в Академию. Еп. Антоний категорически запретил своему духовному сыну идти в монастырь. См. статью А. Трубочева, внука П.А. Флоренского, "Епископ Антоний Флоренсов — духовник священника Павла Флоренского" (Журнал Московской Патриархии, 1981, № 9, стр. 17—77; № 10, стр. 65—73), а также уже цит. статью А. Ельчанинова в журнале "Путь".
10. О. Сергей Глаголев — профессор основного богословия в МДА, автор многочисленных книг и брошюр (год и обстоятельства смерти неизвестны).
11. Вероятно, епископ Омский Гавриил Голосов (1839—1916).
12. Глинка-Волжский Александр Сергеевич, религиозный писатель, близкий друг С. Булгакова.
13. Новоселов Михаил Александрович (1860—1940), церковный писатель и деятель, в начале жизни толстовец, затем убежденный православный. Был сослан, сидел в 1937 г. в Ярославском изоляторе, где пользовался большим уважением среди заключенных.
14. Бердяев Николай Александрович (1874—1948), рассказал в "Самопознании" об этой совместной поездке в Зосимову Пустынь: "Я сделал опыт

поездки в Зосимову Пустынь и встречи со старчеством. М. Новоселов всех старался туда везти. Я поехал туда с ним и С. Булгаковым... За мной в церкви стоял П. Флоренский, тогда еще не священник. Я обернулся – увидел, что он плачет. Мне потом сказали, что он переживал очень тяжелый период”. (изд. 2-е, УМСА-Press, 1983, стр. 214–215).

15. Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801), швейцарский философ, создатель физиогномики.
16. Вероятно, старец Зосимовой Пустыни – “простой мужик, без всякого образования”, произведший на Бердяева “впечатление большой доброты и благостности”. (Самопознание, цит. соч., стр. 216).
17. В начале 1910 г. наступает перелом в кризисе П. А. Флоренского. 14. III. 1910 г. С. Булгаков пишет [неизд.] А. С. Глинке-Волжскому: “... был как-то П. Ал. Флор., долго сидел, был бесконечно мил, прост и задумчив. Я успокоился, что кризис не религиозный, но личный, человеческий, даже отчасти на почве переутомления. Тяготится академией и опять мечтает о священстве и семейной жизни...”. Летом 1910 г. П. Флоренский женился на А. М. Гиацинтовой.

‡ ‡ ‡

ДВА ПИСЬМА К В. Ф. ЭРНУ (1912 г.)

1

Дорогой Володя! На днях в подробной карте Италии я нашел место, где ты живешь;¹ по-видимому это недалеко от Рима, километров 15–20, у самого озера. Если тебя не затруднит, пришли мне открытки с видом этого места. А мы, по-старому, в Манглисе – кажется, в последний раз.

Чтобы ты не удивлялся и не сердился, я объясню тебе и Жене² вкратце, почему я мало пишу. Я бы с радостью писал, если бы у меня, в моем душевном хозяйстве, все было бы благополучно; писать о своих неурядицах я уже совсем не могу (как раньше), противно и, по-моему, грешно; а хорошего, действительно благополучного, ничего нет; очень много милого, приятного, но все это – вздор и мелочь, все это какие-то третьи и двадцать пятые этажи на тонких жердочках над трясинной. Сюда же относится и моя педагогика. Так как ты спрашиваешь о ней, то я напишу.

Педагогической деятельностью я совсем недоволен; школа – один из видов искусственного и внешнего соединения людей (как канцелярия, полк, банк и т. д.). Она не допускает отношений серьезных и глубоких и не удовлетворяет всех сторон жизни души. С детьми – связи на время, любовь до известных пределов, помощь им – в самом

неважном, влияние на них – 10% всех влияний, под которыми они растут, прав на них – никаких. Розанов называет родственными проституции деятельность адвоката и журналиста, он забыл о педагогике; эта смена любвей и привязанностей (неизбежная, где учишь 200–300 детей зараз) утомляет и развращает. Душа учителя непрерывно омывается постоянно обновляющейся волной детских душ, которые непрерывно уносят с собой частицы его сердца, его мозга, вдохновения, таланта, и какими бы сильными подземными ключами ни питался он, его оскудение – дело очень недалекого времени (как всякого прелюбодея).

Это ответ на твой вопрос: “Доволен ли ты своей педагогической деятельностью?”

Кроме гимназии, я читаю на курсах “будто историю церкви”; читал я с января 1 раз в неделю. К удивлению, имел внешний успех, т. е., меня слушали 20–25 девиц, в то время как у остальных лекторов бывало 5–8 человек. Все-таки, несмотря на увещания Т. И., я оставляю это дело с осени. Причина одна: я не знаю “истории церкви” так, как должен ее знать профессор и лектор высшего учебного заведения. Правда, у нас на филол. от-

делении “настоящих” ученых человека 3–4; остальные – такие же гастролеры, как и я. К сожалению, кафедра философии занята неким Городецким из Посада, а то ты бы мог воссесть на нее. Думается мне, впрочем, что если ты приедешь сюда, то курсы непременно приспособят тебя к какому-либо делу.

Напиши точно, когда ты прибудешь в Россию и в Тифлис. Ты пишешь, что у Альбанского озера вы пробудете до 15-го октября – а потом?

В нашей семье все хорошо, отношения самые дружеские, все, слава Богу, здоровы. Коля³ этой весной издал, по настоянию округа, одну книгу, вроде учебника по элементарной физике.

От Павла⁴ я имею мало сведений, от Алексеевых – тоже. Я все думал быть летом в России, но дело не выгорело из-за лагерного сбора. Вообще лето я провел бездарно – за изучением бесчисленного количества методик, хотя прочел 2–3 хороших книги. Особенно меня занял Кони (“На жизненном пути”),⁵ которого очень рекомендую вам.

Получаешь ли или читаешь ты русские журналы и газеты? Откуда получаешь сведения о русских литературных делах?

Твоего "Сковороду"⁶ я еще не читал. Куплю зимой — ты не присылай, дорого, в Тифлисе ты надпишешь мой экземпляр.

Всего светлого всем вам трем.

1912

2

Дорогой Володя! Ты, разумеется, не думаешь, что я забыл о вас, если я не пишу. Писать я разленился, а о тебе и Жене часто вспоминаю со своими (мы живем сейчас все вместе на Манглисе; только Борис в Тифлисе в качестве солдата). Не писал я еще оттого, что не знал твоего адреса; от Нади его узнать не мог, т.к. Надин адрес я потерял. Итак, я живу в Манглисе, Старом; утром работаю — готовлюсь к урокам, а после обеда или хожу куда-нибудь, или — футбол. Физическое мое состояние очень хорошее, а про духовное — говорить противно. Кроме учебников, читаю и выписываю много книг, более ценных, приобрел почти всех русских классиков, поэтов, Ницше в новом издании и т.д. Знакомых новых, а тем более друзей у меня нет. С Павлом переписываюсь, но не очень часто. Алексеевым и Наде я тоже пишу лениво — нет смысла писать часто через эти ужасные пространства: это значит — всю свою душу повернуть в ту сторону, а она мне нужна здесь.

Этот год я провел преподавателем в гимназии Левандовского;⁷ будущий год — то же самое.

Я еще не женат (пишу это специально для Евг. Давыдовны), хотя это очень огорчает маму.

Женя вполне здорова, толста и краснощека, хотя и без одного легкого. Когда она приехала из Абастумана в Тифлис (через 2 месяца после смерти мужа), она стала часто простужаться: в Манглисе сразу очень окрепла. Колины дети очень милы и, слава Богу, здоровы. Маруся по-прежнему великолепна и трогательна, даже больше прежнего. Коля толстеет и жадно читает книги по теософии.

Пока все. Очень хотел бы видеть тебя и Евг. Давыдовну. Сообщи, не переменишь ли ты своего намерения жить после командировки в Тифлисе.

Адрес мой: Манглис (Старый) Тифл. губ., дача Запоросова.

Привет Евгении Давыдовне.

1912. VII. 9

Все мои кланяются вам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В.Ф. Эрн с женой и дочерью жили в 1911–1913 гг. в заграничной командировке под Римом, где он работал над своей диссертацией об итальянском священнике-философе Джоберти (1801–1852). Книга "Философия Джоберти" вышла в 1916 г.
2. Евгения Давыдовна, жена Эрна (умерла ок. 1978 г. в Москве).
3. Брат, Николай Викторович Ельчанинов.
4. Павел Флоренский.
5. Пользовавшиеся большим успехом воспоминания известного юриста и писателя Анат. Федоровича Кони (1844–1927).
6. Монография В.Ф. Эрна о малороссийском философе-старце Григории Сковороде вышла в 1912 г. в издательстве "Путь".
7. Гимназия, созданная в Тифлисе полковником (впоследствии генералом) Владимиром Левандовским, славилась своими передовыми педагогическими приемами. А. Ельчанинов женился в 1918 г. на старшей дочери ген. Левандовского, Тамаре Владимировне (1898–1981), ставшей в эмиграции известным иконописцем.

НА ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ В ПРАГЕ (1924 г.)

(Из письма к жене)

VIII/21-1924

Praha

Милая моя Мусенька, пишу на вокзале, уже сидя в вагоне, в самый момент отправления из Праги, чтобы в Париже, в первый же момент прихода (во вторник) опустить письмо тебе на вокзале. Две больших темы: последний день съезда и вчерашний день, который я провел весь у о. Сергия.¹ Вторую тему не расскажешь на 100 стр. и говорить об этом дне хочется с тобою "устаи к устам", но "для истории" постараюсь самое главное записать. Кстати, я купил, наконец, *stylo* и могу непрерывно и во всяких условиях писать тебе письма. Вся эта неделя прошла очень густо — семь дней душевных забот, почти без перерыва, потому что очень серьезные и ответственные разговоры велись и в промежутках обеденных, и после окончания заседаний до 11-12 часа, а вчерашний день у о. Сергия на даче был особенно полон содержанием и труден. Кстати, после Пражского съезда сейчас же состоится в Париже (Clamart), у кн. Григория Трубецкого,² ряд заседаний Совета Братства Св. Софии,³ где будут все, кроме одного. Продлится это дня три, а мне придется остаться, может быть, даже до третьего августа!! К счастью, у меня много денег: после того как я купил билет до Парижа, у меня осталось 500 фр., значит, я привожу в Ниццу не менее 300, т.е. столько, сколько вывез. Не знаю, где буду жить в Париже до 25-го, возможно, что в отеле, т.к. теперь подешевело. (Сейчас Пильзен: пью за твое здоровье знаменитое пильзенское пиво). Ну так вот. 19-го, в субботу, в 7 ч. вечера мы кончили все работы: выработали устав объединения всех преподавателей всего мира (русских), устав кассы взаимопомощи, инструкции, наказы и т.д. и т.д. Кончили. Но не хотелось расходиться: так все сдружились, столько образовалось друж. связей, столько осталось еще недоговоренного. Решили всем идти к "Флеку". Это что-то особенное. Старинная пивная, чуть ли не с XIV века сохранившая свои подвалы, залы, обстановку и фирму. Флек имеет свои строгие традиции: продается там только пиво: сосиски с горчицей, сыр, хлеб, редьку, сушки с солью покупать надо или в магазинах рядом, или у торговков, шныряющих тут же между столами. Мы

накупили горячих сосисок, соленых огурцов, хлеба и вступили в святилище. Огромный внутренний двор, весь заставленный столиками с женщинами, детьми, кавалерами. Кругом залы с высокими резными панелями темного дерева, массивной отлакированной мебелью, надписями на стенах, украшениями в виде глиняной посуды, статуй, картин, все закопченное и старое на светложелтых стенах. Мы заняли стол в глубине одной из отдаленных зал... ..Веселились мы умеренно, потом трогательно прощались, лобызаясь со всеми. С наиболее близкими я пошел после этого в какой-то итальянский ресторанчик "Рома", где все пили вино, а я кофе. Разошлись уже в 1-м часу.

На другое утро я должен был уезжать, но я не сделал еще двух вещей: не повидал "Карлова моста" и не встретился с о. Сергием. Поезд шел в 11, и я рассчитывал встать в 6, осмотреть не осмотренное еще в Праге, побывать у ранней обедни и повидаться с о. Сергием. Но я проспал, проснулся в 8 1/2 и едва поспел к концу обедни.

(Ну, теперь начинается самое трудное для изложения). Я сразу узнал о. С. — он передевался в ризнице, несколько располневшись, с растрепанными волосами, бесформенной бородой. Я со страхом к нему подошел — как-то он примет? Но уже через минуту я был в своей родной компании — постоянный секретарь о. Сергия — Зандер,⁴ сверкающий своей гладкой головой и очками, какая-то славная барышня, курсистка, духовная дочь его же, знаменитый Струве⁵ с огромной рыже-седой бородой, который сразу стал говорить со мной, как со своим, обнявши меня за плечи: два его сына — милые юноши, высокие, тонкие оба.⁶ Оба — в здешнем православном кружке. Мусенька, ты прости меня, милая, за корявые письма, — ведь в каких условиях я пишу! Я еще ни одного письма не написал в подходящей обстановке: мой скорый поезд летит бешено, гремит и воняет в тунелях, кидает хвостом из стороны в сторону, засыпает пылью и копотью через открытые окна; писать можно только во время редких двух-трех-минутных остановок. Опять поехал! Вместе пошли пить кофе, чтобы потом поехать к о. С. на дачу, где вся его семья. (Нюрнберг! Вот где нам с тобою надо побывать! Вообще, моя Мусенька, все время смотрю на все вместе с тобою и с мыслями о тебе: мелькнет ли какая-либо немецкая остроконечная деревенька в лесистом ущельи у тихой речки, я сейчас же думаю — вот бы с Мусенькой здесь пожить вдвоем (о поросятах в это время не вспоминаю). Попались выдержки из писем Чехова к жене — "мы делаем грех, что не живем вместе": "если б я полежал несколько часов, уткнувшись носом в твое плечо, мне сразу стало бы легче" — и, конечно, воображаю

себе сейчас же только тебя: ну, ладно, продолжаю (ты видишь, как я отвиливаю от трудной части письма). Зандер поехал с нами, и мы втроем провели весь день до 8 час. Семья о. С. живет в 40 мин. от центра в прекрасной холмистой местности: поля, лес с ягодами, скалы, речка. Жена — Елена Ивановна — я ее едва узнал.⁷ В Москве это была молодая еще женщина, здесь я увидел большую старуху. Она недавно стала оправляться от тяжелой болезни (гнояного аппендицита). Она с трудом ходит, т. к. в Константинополе сломала ногу, которая неправильно срослась. С ними двое детей: мальчик 13 лет — Сережа, ученик здешней гимназии, хороший мальчишка, средних способностей, и дочь, барышня лет за двадцать, которую я видал в Москве десятилетней девочкой.⁸ Я не составил себе ясного об ней впечатления, хотя она ходила с нами на прогулку и мы с ней беседовали, в частности о Марине Цветаевой, с которой она в дружбе и которая живет близко от них с мужем и десятилетней дочкой (помнишь ее по стихам?).⁹ Барышня славная, доброкачественная — но созерцание хорошего девичества всегда поднимает во мне грустные чувства. Продолжаю. Мы пили чай, обедали, ходили гулять довольно далеко, потом опять пили чай, приехал Зеньковский,¹⁰ как всегда живой и весело возбужденный, со смехом на своих тугих щеках, с длинными сообщениями о студенческих кружках. Он мне очень нравится: при невероятной работе во множестве учреждений, разъездах, хроническом недосыпании, — всегда бодр, весел и готов к действию в каком угодно плане — поездка ли — канцелярия, корректура или ответственное выступление в аудитории самого сложного состава. И во всем этом он всегда задушевен, искренен и непосредствен, тонок и тактичен. Меня удивляло и пленяло, как близко к поверхности его духовной жизни течет у него живой слой моральной и религиозной жизни: только копни — и фонтаны живого вдохновения, самого теплого чувства, почти молитвы. Таковы все его выступления — экспромты на наших педагогич. собраниях. Весь день мы беседовали с о. Серг. — всего не запишешь. Главные темы: близкие люди: Павел, Дурьлин,¹¹ Тернавцев, Свенцицкий, Рачинский,¹² Франк,¹³ Аскольдов etc... Он сам, его священство, посвящение и т. д. Теоретич. вопросы: католичество, Церковь, евразийство, Европа. Практич. темы и мн. другое.

Излагаю по порядку. Безнадежно, всего все равно не запишу — ты представляешь, что ждет меня в Париже? а [неразб.] от которого я жду чудес? — впечатлений гораздо больше, чем времени для записывания.

Флоренский. Прямой переписки у о. Сергия с ним нет: на оба больших письма Павел ничего не ответил. Косвенные связи их отрывочны

и довольно тревожны. Он целиком ушел в математику и науку и делает настолько поразительные вещи, что большевики не могут его тронуть. О. С. считает, что он снова захвачен страстью познания, в котором он считает о. Павла равным Платону и Канту ("через 100–200 лет будут основывать ученое общество для изучения его идей"). Церкви он не имеет, что о. Сергий считает очень опасным для священника — "неслужащий священник — духовно больной человек". Семья его вся жива, Васенок — необыкновенный мальчик, родился еще один в 20–22 году. Вот и все об о. Павле, хотя говорили мы об нем половину всего времени, главным образом строили догадки, что с ним (о. С. боится увлечения оккультизмом, к которому у Павлуши всегда был большой вкус); с большим интересом о. С. слушал мои рассказы о Павле — он многого не знал. С Елизав. Мих. о. С. очень сдружился за время ее службы в Москве, часто видались, но сейчас не переписываются. Зандер их хорошо знал в Питере. Дурьлин сослан в Соловки, Свенцицкий — в Туркестан, Тернавцев — в Сибирь; его о. Сергий очень любит, но мало ценит в религ. смысле: "я не могу блестящую игру его таланта принять за пророчества" (об его толковании Апокалипсиса), Рачинский жив, переводит, печатает и читает лекции. Вячеслав Иванов переехал в Москву. ...

Утро, Страсбург, стоим по неизвестным причинам 3 часа — смогу кончить письмо и приготовиться к докладу в Париже, в Академической Группе. Спал великолепно всю ночь, т. к. вагон был пустой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее о. Сергий Булгаков (1871–1944).
2. Григорий Александрович Трубецкой (1874–1930), дипломат, во время гражданской войны и в эмиграции видный церковный деятель.
3. Братство "Св. Софии Премудрости Божьей" было основано в Петрограде в 1918 г. по благословению митр. Вениамина, и возобновлено в Праге и Париже. Во Франции в Братстве состояли, в частности: о. С. Булгаков, о. Кассиан Безобразов, А. Карташев, Г. Федотов, Б. Вышеславцев, В. Вейдле, Л. Зандер, Н. Афанасьев.
4. Лев Александрович Зандер (1895–1964), богослов, ближайший ученик о. Сергия Булгакова, автор двухтомной монографии о нем "Бог и мир", УМСА-Press, 1948.
5. Петр Бернгардович Струве (1870–1944), экономист, политический деятель, мыслитель.
6. Константин Петрович Струве (1902–1948), в монашестве архимандрит Савва, жил и умер в Прикарпатской Руси; Аркадий Петрович Струве (1905–1951), впоследствии секретарь Пражского епископа Сергия (Королева).

7. Рожд. Токмакова (ум. в 1945 г.), автор исторического романа "Царевна Софья".
8. Дочь о. Сергия, Марья Сергеевна (1902–1979), по первому мужу Родзевич, по второму – Степуржинская. Старший сын Федор Сергеевич (художник) остался в Москве.
9. Марина Цветаева соединилась с мужем в Праге и с 1922 по 1924 жила во Вшенорах близ Праги.
10. Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962), философ, церковный деятель, с 1941 г. священник, бессменный председатель Русского Студенческого Христианского Движения.
11. Сергей Николаевич Дурьлин (1877–1959), начал как религиозный мыслитель в 1918 г. Близкий к о. Алексею Мечеву, принял священство, после нескольких лет ссылки на Севере снял сан, женился и посвятил себя, в основном, истории театрального искусства.
12. Григорий Александрович Рачинский (1853–1939), церковный писатель, сотрудник издательства "Путь".
13. Семен Людвигович Франк (1877–1951), философ, выслан из СССР в 1922 г.

‡ ‡ ‡

СО СЪЕЗДА РСХД В АРЖЕРОНЕ

(Из письма к жене)

VII/26. Суббота.
Château Argeronne¹
Normandie

Сегодня – первый день съезда. Собралось около 50 человек. Среди них Булгаков, Бердяев, Вышеславцев, Карташев,² Каллаш³ – стриженная и с папиросой. День начался литургией и кончился всенощной, и так будет каждый день. До 12 доклады, в 12 обед, в 4 часа чай и сообщения с мест, в 7 часов ужин и молитва.

Публика очень пестрая, но об этом напишу побольше потом, когда всех узнаю. Пока, с грустью, заметил присутствие большого количества молодых людей вроде Палашковского – унылых, с грустными глазами, тягучим монотонным голосом.

VII/27. Воскр.

Сегодня я читал утром (только кое-что, еще немного дрожит рука) – "о русском благочестии", и потому я был очень занят, и как мне ни хотелось писать тебе, я не имел на это и 10 минут. Это ужасно, что ты один день останешься без письма. Самое чудесное здесь, конечно, это церковные службы; ты только представь: служит о. Сергей, тещ – Карташев, поют Евграф, Максим, прислуживает Петр,⁴ среди

молящихся – Милица, Бердяев, Зернова, Капнист, кн. Трубецкой, Зеньковский и множество новых знакомых и друзей; все же, из всех, я ближе всего чувствую себя к Евграфу (я ему стал говорить "ты"), и он так же чувствует меня; мы с ним опять впали в дружбу. Из других я много говорил с Соней Зерновой,⁵ кн. Трубецким, Каллаш, Бердяевым, но очень значительных разговоров не было. Все же, ведь прошел всего день, а я часто вспоминаю – сколько недель я здесь! настолько много пережито. Ко мне у всех отношение очень почтительное, ласковое и доброе. Вчера вечером приехал владыка Евлогий, и с ним увеличилась торжественность нашей службы. Я все же устаю, как и все, но это приятная усталость, как бывает в скитах, во время говения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Château d'Argeronne – Аржеронский замок в Нормандии.
2. Антон Владимирович Карташев (1879–1960), общественный деятель, историк церкви.
3. Марья Александровна Каллаш (1886–1954), церковный деятель, писала под псевдонимом Курдюмов. В 1945 г. придерживалась просоветских взглядов.
4. Братья Ковалевские. Евграф Евграфович (1905–1970), с 1937 г. священник, с 1964 епископ Иоанн, основатель французской православной общины (ныне под омофором Румынского патриарха), автор ряда церковных статей на французском языке. Максим Евграфович (р. 1903), церковный композитор. Петр Евграфович (1901–1979), церковный деятель, журналист, историк эмиграции.
5. Софья Михайловна Зернова (1899–1962), церковный деятель, долгие годы руководила приютом для эмигрантских детей.

◆ ◆ ◆

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА К О. СЕРГИЮ БУЛГАКОВУ

1

VI/11-1926

Глубокоуважаемый и дорогой отец Сергей,

отвечаю Вам на Ваше письмо от 8-го июня. Заранее сразу скажу, что я согласен на все, раз Владыка¹ и Вы так говорите, кроме одного: я хочу иметь время хоть в месяц, чтобы приготовиться. Для моего самолюбия

очень было бы полезно выйти без приготовления на дело, при одной мысли о котором я трепещу; но ведь дело, прежде всего — служба Божественная, будет страдать от моей неумелости. Сейчас у меня самое горячее время: в самом начале июля экзамены, гонка, приготовление, подведение итогов, писание отчетов; потом — акт. После 15-го июля пойдет легче: у меня останется только 9–10 часов частных уроков (в неделю). Тогда только я смогу всерьез готовиться, и так как я "ни ступить, ни молвить не умею", то нужно мне не меньше месяца. У меня

и сейчас сильнейшая жажда уединиться — и для размышления, и для учения, и для молитвы, а когда уже фиксируется день, то потребность эта усилится еще больше; но я знаю почти наверное, что это не пройдет, что к самому важному, страшному, ответственному придется готовиться в суете, болтовне, рассеянности. Должен, впрочем, сказать, что и сейчас я и Муся так полны этим, что это наше настроение меняет и домашнюю обстановку; Муся удерживает и, по возможности, освобождает меня от домашних работ и помогает удерживаться без рассеяния на главном. Конечно, чем ближе к сроку, тем серьезность наша будет расти; я смогу чаще бывать в церкви, с 15-го — на всех службах, а работаю я и читаю и сейчас сколько могу. Занятия снова начнутся 7–15 октября: до этого срока и надо будет "пройти огненную завесу", которая, увы!.. не отделит меня вполне от старого — моей светской педагогики; но и она, я знаю, радикально внутренне изменится.

Об этом дальнейшем мне неохота говорить сейчас: посвящение, а там, что Бог даст: я так уверен в тех силах, которые меня несут сейчас, что внешняя обстановка меня не беспокоит.

С Евгр. Петр. Ков[алевск]им² говорить бесполезно: наши "Русские отделения" существуют местными средствами, и Евгр. П. бессилен что бы то ни было к ним прибавить.

Итак, по-моему, самое главное назначить сроки приготовления и посвящения. Об этом я буду говорить с Владыкой. Прощение — в проекте — покажу ему и потом перешлю через него же.

Как меня поразило такое легкое и скорое согласие Владыки Митрополита и его решительность в этом вопросе: ведь он меня вовсе не знает, а Ваша рекомендация хоть и много значит, но ведь есть же множество кандидатов, много уже, готовых, опытных священников! Принимаю это как прямую помощь Божию, которую чувствую в этом деле на каждом шагу: я готовлюсь к чрезвычайным затруднениям, борьбе, испытаниям, а какие-то руки легко и ласково переносят через все преграды. Вы можете догадаться, как я переживаю Вашу помощь в этом, но благодарить мне кажется прямо неуместным. Спаси Вас Господь!

За дар Ваш (на рясу) приношу Вам глубокую благодарность. Мы с женой твердо решили не допускать здесь никакого либерализма. Маленькие затруднения — с посещением лица и уроков, но — это еще далеко.

Привет глубокоуважаемой Елене Ивановне. Прошу Ваших молитв о себе и семье, любящий Вас и преданный

А. Ельчанинов

2

IX/21/8-1926

Дорогой отец Сергей,

во-первых, поздравляем Вас с праздником братства,³ поминаю всех известных мне братьев на проскомидии, но молебна не мог отслужить — был в Каннах, а там были свои требы...

...Меня очень радует и подбодряет Ваш сердечный интерес к моей работе, и это дает мне смелость писать Вам о ней подробнее, чем я делал это до сих пор. Круг моей деятельности расширяется понемногу, есть у меня свои духовные дети, был недавно трудный случай — Бог помог — подготовка к смерти одного адвоката, мало верующего, а потом исповедовавшегося у меня и причащавшегося, вместе с которым потом молились по вечерам, что укрепило и его

жену. Скончался он с твердой верой, спокойно и легко, но без меня — я был в Каннах. Было это временами и трудно и страшно, но Бог помог. К сожалению, хоронил его не я — к этому времени приехал о. Николай,⁴ и я только сослужил, хотя вдова и очень просила, чтобы все провел я.

Кстати, с о. Николаем я стараюсь быть как можно более внимательным, уважительным и т.д., но он туго на это идет: сдержан и сух. Я все же надеюсь завоевать его. Кроме всего прочего — он мне единственный здесь советчик до приезда Владыки.⁵

Теперь Канны. Я езжу туда один, кроме обычных служб провел одно погребение и венчание. Понемногу, но это кое-что дает: приблизительно за 3 недели я получил там около 300 фр. С требами здесь дело обстоит так: так как я не участвую в кружке, то все, что мне дают за требы (кроме исповеди), я передаю протодиакону. На всякий случай я записываю свои требы, если бы Владыка по приезде поинтересовался моей работой здесь за его отсутствие. Бывают случаи, и нередко, что просят именно меня о молебне или панихиде, но это дела не меняет, раз я служу в Церкви, да еще с псаломщиком. Спасибо за советы об исповеди и канонах. По-прежнему бывают очень утешительные случаи, но бывает и очень трудно — окаменелые сердца, с которыми ничего не поделаешь, в один прием, по крайней мере. Все больше убеждаюсь, что работа в Церкви не терпит совместительства, может быть особенно на первых шагах, когда только укореняешься в новом, и все иное очень мешает. Это иное — уроки, Лицей, педагог. советы, административная работа: очень меня тошнит от всего этого.

Ваши парижане — о. Георгий⁶ и Кунцевич чувствуют себя недурно и находятся, по-прежнему, в полной неизвестности о своей судьбе. Каннский приход, действительно, на редкость запущенный. Оказывается, например, что у них правило — летом не служить всенощной, а прежде так и просто Церковь запиралась на все лето от Троицы до Рождества Пресвятой Богородицы. Служба максимально сокращается. Владыка за свое краткое пребывание ввел много хорошего, но я как-то не чувствую своего права хозяйничать в чужом приходе, да и твердости у меня нет в богослужении. О. Григорий⁷ может вернуться очень скоро, семья его на днях уже переезжает, по слухам.

Все это — внешнее. О внутреннем писать сейчас трудно: плохо спал, больна девочка и сейчас без перерыва плачет — мыслей не собрать. Муся очень устает с детьми, по целым дням одна дома: особенно — когда я уезжаю. Вообще, эта сторона очень трудна. Но

службой в храме это все покрывается во много раз, настолько, что я часто чувствую недостаточное число благодарственных молитв у себя в молитвеннике.

Привет Вашей семье.

Ваш недостойный иерей

А. Е.

И/20-1927

Дорогой о. Сергей, спасибо Вам за ласковое послание. Наши дела — таковы: в Ницце подавляющее большинство — за владыку Владимира (и значит за Митрополита Евлогия).⁸ Сегодня было приходское собрание, обычное годовое, для выслушивания отчета и сметы. Владыка Владимир (очень волновался, внутренне робел, но внешне держался твердо) сразу ограничил вопросы, допустил только прения по отчету и смете. Были попытки говорить об отце Николае, но Владыка без труда их пресек. Собрание было очень многолюдно, около 200 человек, и очень единодушно; группа сторонников о. Подосенова, человек в 30, пробовала шуметь, но умолкла, подавленная единодушным настроением всего собрания. Собор во время богослужения полон говеющих, на 1-ой неделе было очень много, вообще жизнь идет нормально. Сторонники о. Николая собираются для богослужения у него на квартире или ездят в Канны к о. Григорию, куда ездит и о. Николай. Вы может быть знали, что в Каннах в Приюте я давал уроки Зак. Божия. Местный настоятель настоял, чтобы мне отказали (давление все того же о. Ник.), и казначей о-ва, бывший мой большой приятель, прислал мне сообщение об этом. Сделал он: это без санкции Председателя, собственным своим почином, и на этой почве у них там сейчас большие недоразумения. Пока мои уроки переданы все тому же о. Подосену. Все это случилось во время служб 1-ой недели, и я поэтому несколько не был лично огорчен всей этой историей, но жаль ребят, которые очень были ко мне привязаны. О. Николай продолжает часто ездить в Канны и усиленно обрабатывает тамошнюю простодушную публику. Если бы Влад. Владимир в прежнее время почаще посещал бы Канны, результаты были бы другие. Насчет Ментонского прихода я ничего не знаю.

С уходом о. Николая у меня прибавилось церковной работы, через субботу служу всенощную, изредка требы, но мое положение все еще совершенно неопределенное, собственно, даже документов, удостоверяющих мое священство, у меня до сих пор нет.

Сегодня получил я письмо от Евгении Давыдовны на мою просьбу прислать что-нибудь о Владимире Францевиче. К сожалению, она прислала только статью Аскольдова из "Русской мысли", напечатанную в 1917 году. Но в том же письме есть несколько строк об о. Павле: "Недавно из Москвы вернулся Шура Фл[оренский] и рассказывал про о. Павла, что он стал очень кротким, много работает над писанием своих вещей, которые пока складывает в чемодан, об этом он говорил и мне, когда мне удалось увидеть его на 15 мин. в Тифлисе. Ожидают они младенца (6-го).¹⁰ Дети хорошие".

1-ая неделя прошла у нас благополучно, а для меня очень поучительно и радостно. Я уже решил ради таких дней пустить побоку все свои уроки, и со среды посещаю все службы; было много случаев, что приходилось читать, а раз даже служил часы как священник, сослужил на литургиях владыке Владимиру. Зато сейчас хуже — на этой неделе у нас четыре литургии (кроме воскресения), а я не буду ни на одной. Я все же надеюсь, что, когда надо будет, Владыка выкупит меня хотя бы на одно утро в неделю, т. е. за мою помощь в требах и службах даст мне возможность оставить 1—2 моих урока. И возможности к этому, кажется, есть. О. Владимир¹¹ становится на место о. Николая, и таким образом делается свободной сумма в 4 1/2 тыс., назначенная ему как пособие. Пишу я это Вам, дорогой отец Сергей, т. к. Вас интересует мое устройство около Церкви, но я очень Вас прошу не писать об этом владыке Владимиру: я уверен, что он помнит обо мне и когда можно будет, то сделает все возможное. Совет тоже настроен ко мне дружелюбно.

Вот и все пока. Т. е. есть еще очень много, но голова моя не в порядке и самого главного я не припоминаю.

Помолитесь о нас.

Преданный Вам

Ал. Ельчанинов

4

VII/30-1929

Château de Clausonne

Дорогой отец Сергей!

Спасибо Вам за дружеские и мудрые слова участия и утешения. Сидя здесь, далеко от всех, с собратьями, я чувствую себя великолепно и забыл все огорчения этой зимы. Да и зимой — огорчало не столько неустройство моей священнической судьбы (я твердо верю, что она будет устроена, когда это будет угодно Богу), а человеческие

страсти, лукавство, неправедность, ложь, которые вносятся в дело Божие. С о. Григорием у нас были прекрасные отношения, а сейчас очень охладилась; очень я боялся и за отношение ко мне Владыки, так что до сих пор не понимаю его отношение ко мне: он меня словно боится и чувствует себя гораздо уютнее с протодьяконом, с псаломщиком, с о. Григорием, с о. Владимиром, чем со мной — в них он явно чувствует своего духа людей и своего языка. Виногато в этом не только мое прошлое, университет и т. д., но и мое поведение: я стесняюсь часто посещать Владыку, не начинаю сам никаких объяснений, мало вхожу в мелочи архиерейской жизни, — вероятно, во всем этом Владыка видит (справедливо) мою интеллигентскую гордость.

Относительно моего священнического положения, то оно совсем не так уж плохо (я вспоминаю, как было Вам тяжело в Праге). Его хорошая сторона — моя большая независимость, тяжелая сторона — что только небольшую часть своих сил я могу отдавать Церкви: почти все время идет на уроки, на работу, которая меня духовно не питает ничуть (кроме уроков Закона Божия). Но и малое мое прикосновение к Церкви дает безмерно много, о чем я не перестаю благодарить Бога. В свое время Бог подпустит меня ближе к своему делу, если буду годен. Во всяком случае я боялся бы сейчас самостоятельного церковного дела (настоятельства) и предпочитаю неопределенно долгое время работать под крылом Владыки, будучи свободен от канцелярии, церковного хозяйства, сношений с властями — на что я очень мало способен. Предел моих мечтаний — быть вторым священником у нас в Ницце, но только тогда, когда наш Архипастырь свободно этого сам захочет.

Несмотря на то, что за исключением отдельных кратких моментов раздражения и уныния, — в этой истории я чувствую себя благодушно, — Ваше письмо помогло мне — может временно — стать на вполне объективную точку зрения и истребило в моей душе всякие признаки недоброжелательства к о. Григорию: его положение во всем этом деле много хуже моего, и его просто жаль.

Еще раз большое спасибо, дорогой о. Сергей. Привет всей Вашей семье. Не забывайте и нас в своих молитвах.

Недостойный иерей

А. Е.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Митрополит Евлогий.
2. Евграф Петрович Ковалевский (1865–1941), юрист, автор закона о всеобщем образовании (1912), общественный и церковный деятель.
3. Братство Св. Софии.
4. О. Николай Подосенов, перешедший в 1927 г. в Зарубежную юрисдикцию.
5. Владыка, здесь и дальше, еп. Владимир Тихоничий (1873–1959), с 1924 епископ в Ницце, с 1946 стал во главе Западно-европейского экзархата Патриарха вселенского.
6. О. Георгий Шумкин.
7. О. Григорий Ломако (1884–1959), окончил СПб Духовную Академию, последовательно настоятель в Ментоне, Ницце и Париже, типичный представитель бытового духовенства.
8. Речь идет о возникновении церковного (юрисдикционного) раскола в эмиграции, проходившего болезненно в приходах юга Франции.
9. О. А. Ельчанинов обратился к вдове В. Эрн в связи с 10-летием смерти философа, вероятно желая написать статью для журнала "Путь".
10. Последним (пятым) ребенком у о. Павла Флоренского в 1924 г. родилась дочь Мария.
11. О. Владимир Любимов.

‡ ‡ ‡

О "СОДРУЖЕСТВЕ" РСХ ДВИЖЕНИЯ (Из письма к жене)

24 сент. – субб. Рожд. Пресв. Богор. [Париж], 1929

Литургия – Владыка¹ и 4 иерея.

Доклад о. Сергия Четв[ерикова]² о содружестве движений при храме. Введение. Тезисы напечатаны.

Связь мыслей: 1. сила "Движения" не в идеях, а в жизни, 2. связывает и дает силы – общая церковная жизнь, 2 – но эта жизнь явно проявляется почти только на съездах. 3 – требуется продление этого благодатного действия съездов – в виде органичного содружества.

Рассказывает о съездах этих лет. Прибалтика: 1 – многолюдность, 2 – исконная русская почва, 3 – близость (40 в.) от Пскова, 4 – древняя (XV в.) обитель русская. Обычно мы ничего не получаем от среды, а сами приносим, а здесь было наоборот: русская эмигрантская молодежь увидела [неразб.] и подверглась сильному воздействию от монастыря. Отсюда – собранность, сосредоточенность, серьезность. 5 – единение с народом: и монахи и население признали за своих и не усомнились в чистоте нашего православия. Можно поэтому надеяться, что и русский народ в России так же нас примет.

1. Мы очень много получили даром.

2. Но к этому надо прибавить и наши усилия.

3. Начать с покаян. сознания своей неумелости.

4. А раз будет сознание своей немощи, то естественно помогать друг другу, т.е. идеи братства.

Члены братства берут на себя очень небольшие обеты, которые собственно обязательны для всякого христианина: ежедневная молитва, частое причащение, братолюбие, неосуждение и безгневие, прощение обид. Вступление должно сопровождаться церковным чином.

Вл. Митрополит: "Я горячо приветствую..." (обычное начало каждого его слова), противопоставляет организацию административную и внешнюю – тому духу добра, о котором говорит доклад.

Насколько понимаю, проект о. Сергия сильный ход против новых течений в "Движении", недаром Пьянов³ сидит сильно нахмурившись. Ядро такого содружества уже есть: насколько я замечаю, очень горячая дружба, почти братство и так связывает следующих лиц: С. Шидл[овскую], Милицу, Колю, о. Льва, Катю С[ерикову], Георгия С[ерикова], Зеньковского, Брайкевича (Англия), Полонскую (Польша), Четверикова А.⁴

Уехал после обеда Владыка – приехала Нат. Ник. Выш[еславцева]⁵, с ней мы очень сердечно встретились. Беседовали о многом – особенно – о Ю. С.: она в ней глубоко разочарована, чувствует, что дружбы никакой не было; т.к. в суждениях о Ю. С. мы очень сошлись, то это нас очень объединило, и мы продолжили беседовать (уже о другом), как близкие друзья (я вспомнил твоё наблюдение о злословии, сближающем людей). Сейчас за чаем издали видел Юлю Рейтлингер,⁶ только что приехавшую.

Сегодня, да и вчера, очень холодно, хотя изредка бывает и солнце. Заседаем в зале; я все время с насморком, хотя веду себя благоразумно. Сейчас получил телеграмму от Андрея Дим., что у них родилось: "heureux vous annoncer naissance fils Paul. Tous bonne santé. Télégraphiez si pouvons compter sur vous baptême; André Tolstoy". Вряд ли смогу у них крестить – это неудобно во многих отношениях. Ревность Владыки⁷ и С⁰.

Сейчас идут очень важные беседы по докладу о. Сергия о содружестве. У всех общее сочувствие. Мне особенно интересно было, как на это будут реагировать "оппозиционеры". И вот, представь себе, они побеждены общим духом конференции. Сначала говорил Федоров,⁸

призывавший к скромности и дисциплине, и вполне признал дух содружества. Потом говорил Пьянов, видимо, борясь с собой, в том...

[Конец письма утерян]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владыка — здесь и дальше — митрополит Евлогий Георгиевский (1867–1945), возглавитель Западно-европейских русских церквей. См. его книгу воспоминаний "Путь моей жизни", YMCA-Press, Париж, 1947.
2. О. Сергей Четвериков (1867–1947), церковный писатель, один из духовных руководителей РСХ Движения. По его инициативе в Движении было создано внутреннее Содружество. Доклад, прочитанный 21.09.1929 на общем съезде Движения, напечатан в XI номере "Вестника" за 1929 г.
3. Пьянов Федор Тимофеевич (1889–1969), секретарь РСХ Движения, после войны отошел от РСХД, "Новые течения" — вероятно, стремление направить Движение по более социальному руслу.
4. Софья Сергеевна Шидловская, в замужестве Куломзина, (р. 1905), педагог, церковный деятель, с 1946 живет в США, издатель детских сборников "Трезвон", автор книги воспоминаний "Many worlds: A russian life", S-te Vladimir's Seminary Press, 1980; Милица Зернова (урожд. Лаврова), жена Николая Михайловича Зернова (1898–1980), живет в Англии; о. Лев Липеровский (1888–1963) долгие годы, до перехода в Московскую юрисдикцию, видный деятель Движения; Екатерина Серикова — в замужестве Меншикова, живет в Париже; прот. Георгий Сериков, живет в Париже; Екатерина Ивановна Полонская-Казимирчик, (р. 1902 г.), астроном, с 1949 в Ленинграде; Александра Сергеевна Четверикова, педагог, живет в США.
5. Жена философа Бориса Петровича Вышеславцева.
6. Юлия Николаевна Рейтлингер, впоследствии сестра Иоанна (р. 1898), иконописец, живет с 1946 в Ташкенте.
7. Владыка Владимир (Тихоницкий).
8. Федоров Николай Федорович (1895–1984), отделился в 1934 г., основав организацию "Витязей".

‡ ‡ ‡

МОСКВА 1994

ПИСЬМО КИРИЛЛУ ПЫЖОВУ¹

III/9-1934

Милый Кирилл, я в большом долгу перед Вами, но Вы простите меня, зная, может быть, от Георгия² о перемене в моей биографии.³ Это совпало и с началом поста, и усиленным говением, и сложным многообразным обрядом прощания и проводов, речами, адресами, чаями и обедами. Вы поймете, как трудно все это, как мало вяжется между собой пост и "проводы", какой сумбур внесло все это в мою жизнь. Назначение это было для меня полной неожиданностью, такой же осталось и по сей день и — с одной стороны — радует меня, как знак доброго обо мне мнения Владыки, а с другой печалит, как ясное доказательство бедности нашей церковными силами — на безлюдьи и Фома дворянин. Принял это вопреки противодействию слабого моего человеческого естества, устранившись трудностей, принял из послушания: зов, Архипастырь, но все же процесс отрывания от прихода идет болезненно, много слез и смущения; оказалось, что я глубоко врос в приход. Детское и юношеское дело тоже остается пока без руководства. Выезжаю я отсюда на 4-й неделе, а семья попозже.

По поводу Вашего письма мне хочется ответить на самое, по моему, главное: вопрос Вашей исповеди и духовного руководства. Если сейчас среди братии Вашего монастыря нет такого старца, к которому можно обращаться, то сведите Ваше духовное руководство хотя бы к следующему: 1. выберите себе, по благословению настоятеля, духовника, 2. по возможности — ежедневно ему исповедуйтесь, во всяком случае раз в неделю, во всяком случае, сейчас же после совершения какого-нибудь определенного значительного греха. Это, по моему, самое важное в монастырской жизни и ведет к постепенному полному очищению сердца, каков бы ни был испытующий; важно, что *Вы* каетесь, а не *он* что-то Вам говорит. 3. Для духовного руководства читайте непрерывно — Авву Дорофея, Лествицу, Исаака.⁴ Вам виднее; особенно на первых порах рекомендую "Путь ко спасению" еп. Феофана. 4. Учитесь не словами окружающих Вас, а их поведением, как мы все здесь учимся глядя на Владыку. Для Вас таким образцом может быть Ваш старец — забыл его имя, но Вы о нем хорошо писали.

Простите, что навязываюсь со своими советами. Георгия я встречал несколько раз и беседовал. Он все такой же, держится замкнуто, стоит боком, смотрит в сторону, но, по-прежнему, он мне

очень дорог и я очень высоко его ценю. Он настоящий монах в душе, потому что, как мне кажется, у него есть настоящая отрешенность от мира.

Пока все. Дальше пишите уже на rue Dagu, 12, Paris, 8, где я буду жить.

Да управит Господь путь Ваш.

Любящий Вас свящ.

А. Е.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ныне епископ Корнилий Зарубежной юрисдикции, иконописец.
2. Брат Кирилла, впоследствии монах.
3. После смерти о. Георгия Спасского о. Александр получил назначение вторым священником кафедрального собора в Париже. Приехав в Париж на второй неделе Великого Поста, уже больным, о. Александр упал в обморок во время исповедей во вторник Страстной седмицы и к служению уже не мог вернуться.
4. Три основоположника духовно-аскетического учения: св. Авва Дорофей (ум. в 610), настоятель монастыря в Сирии близ Газы, автор Духовных наставлений; св. Иоанн Лествичник (ум. между 650 и 680), настоятель Синайского монастыря, автор "Святой Лествицы"; Исаак Сириянин, епископ Ниневи (ум. в середине VIII века).

22 марта 1932

По поводу нападок на Владыку.

1. в каждом человеке есть "черная сторона", греховность.
2. она неизбежна даже для праведников, хотя бы как проявление общей греховности.
3. минимальное и вполне извинительное проявление ее — робость, малодушие перед наглостью, уклончивость, неполная правдивость, лукавство — от нежелания кого-нибудь обидеть — все это изредка, в момент слабости.
4. этот тип греха возможен у самых праведных людей.
5. наша способность видеть в святых людях эту греховную сторону есть наш грех и наше несчастье.
6. сами находясь в "непрестанном грехе" (2 Петр, 2—14), мы не имеем никакой силы правильно судить о грехе, тяжело грешим, осуждая праведников, и лишаем себя душевной помощи от них.

24 марта

"Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода; любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную". (Ио. 12, 24—25).

Этот текст прояснился мне на этих днях. Всякое духовное усилие, всякое добровольное и не добровольное лишение, отказ, жертва, страдание разменивается немедленно на духовные богатства внутри нас: чем больше теряем, тем больше приобретаем. Горе счастливым, сытым, смеющимся — они оскудевают до полной духовной нищеты. Трудно богатым войти в жизнь вечную — потому что не производят этого размена благ тленных, временных на нетленные, вечные. Мужественная душа инстинктивно ищет жертв, случая пострадать и духовно крепнет в испытаниях. Мы должны просить Бога, чтобы он дал нам страдания, и печалиться, когда живем благополучно. Дети, выросшие в тепле, неге

и сытости, вырастают духовно пустыми. Наоборот, прошедшие через болезни, нищету — вырастают духом. Сюда же все тексты вроде: "Сила моя в немощи совершается" (2 Кор. 12—9), "Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради меня сбережет ее" (Мф. 10,39), то же Мк. 8—35, Лк. 9,24. "Мы не унываем, но если внешний наш человек и живет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу". (2 Кор. 4,16—17).

26 апреля

Спросить у мудрых: как молиться нервнобольным? молитвенное напряжение усиливает их внутренний хаос.

8 июня

"Слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день". Так судит нас, истязает нашу совесть слово подвижников, если мы их часто читаем.

3 июля

"Св. Антоний целый год молился, чтобы ему открыто было, что бывает по смерти с душами праведных и грешных" — ответ любопытствующим (Добр. 1,127).

* *

У Л. Толстого в "Войне и мире" т. IV удивительное описание возрожденной души (Пьер) — ч. IV, 13—14. "Он имел веру, — не веру в какие-то правила или слова, или мысли, но веру в живого, всегда ощущаемого Бога". Раньше "во всем близком, понятном он видел одно ограниченное, милое, житейское, бессмысленное"... "Теперь он выучился видеть великое во всем... и радостно созерцал вокруг себя вечно изменяющуюся, вечно великую, непостижимую и бесконечную жизнь. И чем ближе он смотрел, тем больше он был спокоен и счастлив. Прежде разрушавший все его умственные постройки вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос: зачем? — в его душе всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, тот Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека.

Прежде он много говорил, горячился, когда говорил, и мало слушал; теперь он редко увлекался разговором и умел слушать так, что люди охотно высказывали ему свои самые душевные тайны".

"...новая черта, заслуживавшая ему расположение всех людей: это — признание возможности каждого человека думать, чувствовать и смотреть на вещи по-своему; признание невозможности словами разубедить человека. Эта законная особенность каждого человека, которая прежде волновала и раздражала Пьера, теперь составляла основу участия и интереса, которые он принимал в людях".

* *

Смирный не употребляет гиперболы.

* *

Благотворительность, сборы, пожертвования — прекрасная мотивировка у ап. Павла — 2 Кор. 9,6—13, особенно ст. 12 и 13.

* *

Молитва — ничего не выйдет из твоей молитвы, если ты предварительно не подготовишь своей души послушанием, терпением, безгневием.

* *

Нервность — гордости.

Если это только нервность, то почему она переходит в наступление, почему она вмешивается в чужие действия, почему она командует, самодурничает, издевается, требует, настаивает? Как это объяснить — "впечатлительностью нервов, обостренной чувствительностью?" — Когда это просто нормальный деспотизм, вытекающий из крайнего самомнения, презрения к другим, отсутствия контроля над собой, распушенности.

* *

Маленький диалог о нервности с моим зубным врачом.

Он (на мой вопрос): да вот все борюсь с собой, все не могу достигнуть полного спокойствия и философского отношения к жизни. (*Проблема*).

Я: А как Вы думаете, от чего это спокойствие зависит?

Он: Я думаю, что оно исключительно зависит от общего здоровья организма, в частности, от здоровья нервной системы (1-ая ступень).

Я: Разве Вам не приходилось видеть людей с больным телом, в частности, с очень больными нервами, которые побеждали бы их и господствовали над ними, вместо того чтобы быть их рабами?

Он: Да, но ведь это какая высота! Сколько нужно предварительной работы, чтобы достигнуть такого контроля над собой и такого самообладания (2-я ступень).

Я: Но что, по-Вашему, помогает человеку в такой работе над собой? во имя чего он это делает?

Он: Затрудняюсь ответить.

Я: Не кажется ли Вам, что такая работа над собой и своими анархически автономными нервами очень облегчается, делается совсем легкой от правильной установки внимания и воображения, что мы непременно будем спотыкаться на каждом пустяке, пока в нашей душе не станет отчетливо, ярко и убедительно то, что не пустяк, когда влечение к этому главному — всей душой, всем сердцем, всем разумением поставит на свое место те пустяки, которые отравляют нам повседневную жизнь.

Итак, три ступени борьбы с "нервами".

1. лечение — бром.
2. самоконтроль.
3. создание в душе высших ценностей.²

15 декабря

Самая острая скорбь об умершем есть скорбь о себе, эгоистическая личная боль. Вот отчего она бесследно проходит в случае появления заместителя (выходящие замуж вдовы). Скорби не остается начисто. Вот почему, опять-таки, — праведные, смиренные, святые — не скорбят.³

31 декабря

При обычных возражениях против монашества и аскетизма надо иметь следующие две аксиомы религиозной жизни: 1. нельзя врачевать чужие души ("помогать людям"), не излечив себя, приводить в порядок чужое душевное хозяйство с хаосом в собственной душе, нести мир другим, не имея его в себе. 2. Наша помощь людям заключается не в системе обдуманых действий на их душу, а в невидимом и неведомом для нас действии наших духовных даров на них. Когда Антоний Великий спросил своего молчаливого посетителя: "А почему ты ничего

меня не спросишь?" — он ответил: "Мне достаточно смотреть на тебя, святой отец".

20 ноября

Что такое сонливость, растерянность, "окамененное нечувствие", как не явная смерть — результат греха, убивающего нас, данная в прямом нашем опыте и наблюдении над собой. Противоположное — постоянная бодрость святых.

21 ноября

В нашем темном мире сияние всякой добродетели отбрасывает свою тень: кротость и смирение — малодушие, робость; нестяжательность — мотовство; доброта — несправедливость и т.д. Отсюда — наше легкое осуждение праведных людей.

28 ноября

Молитва Иисусова. Можно ли — мирянам? Владыка Владимир говорит, что нельзя. Обратное — в Добротолюбии, т.3, в конце отрывка из жития Св. Григория Паламы (стр.477—481). Его друг спорил, что мирянам нельзя, что это дело монахов и аскетов. Григорий Палама утверждал обратное: "Нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех вообще: и монахов, и мирян, и мудрых, и простых, и мужей, и жен, и детей, и побуждать их молиться непрестанно. Там же — и примеры. Но все же для этого — бесстрашие и смирение сердца."

* *

Молитва. Если "не молится", читай Евангелие, если "не читается Евангелие", читай святых отцов, а потом, согрешившись, валяй обратно.

* *

Дружба. Из наблюдения в нашем кружке. Дружба, на которую я надеялся, не получилась. Это была утопия. Каждый из нас заражен таким количеством самолюбия, вздорных пустяков, раздражительности, неумения простить своему ближнему ни малейшего пустяка (себе прощаем все!), что о сближении думать не приходится. И это как раз в то время, когда люди жаждут дружбы, знают отчетливо ее великую целебную силу, когда погибаешь в одиночестве. И все-таки предпочитают погибать в аду своей самости, нежели поступиться малейшим пустяком.

10 января 1933

В Древнем Патерике есть рассказ: Авва Даниил рассказывал об одном великом старце, жившем в нижних странах Египта, что говорил он по простоте, будто Мельхиседек есть самый Сын Божий. И возведено было о нем блаженному Кириллу Арх. Александрийскому и он послал за ним. Зная же, что этот старик — чудотворец и все, о чем ни попросит, Бог открывает ему, и что от простоты говорил он сие слово, он употребил такое мудрое средство, говоря: авва, у меня есть к тебе просьба. Помысел говорит мне, что Мельхиседек есть Сын Божий, а другой помысел говорит: нет, но человек, первосвященник Божий есть он. Поелику я недоумевал о сем, то послал за тобою, чтобы ты умолил Бога, дабы он открыл тебе, и узнаем истину. Старец, уповав на свою жизнь, сказал с уверенностью: дай мне три дня, и я вопрошу Бога о сем. Ушедши в свою келью, он молился о сем Богу и, пришедши через 3 дня, говорит блаженному, что Мельхиседек есть человек. И сказал ему архиепископ: как узнал ты, авва? Он же сказал: Бог показал мне всех патриархов, так что каждый из них проходил передо мною, начиная с Адама до Мельхиседека, и ангел сказал мне: вот это Мельхиседек. Уходя, старец и сам проповедовал уже, что Мельхиседек человек. И возрадовался весьма бл. Кирилл. (Др. Патерик, М., 1900, стр. 336—337). Выше подобный же рассказ о другом, тоже святом старце, не веровавшем в Св. Евхаристию, которого Бог убедил видением по просьбе трех монахов.

Как будто ясно отсюда, что наши богословские мнения Господу безразличны и что ересь не в учении, а в направлении воли.

* *

Самые лучшие намерения, чудесные планы жизни, построенные до брака, часто обращаются в ничто после, потому что брак как шторм сметает все, развязывает стихии, пробуждает слепые силы грубости, ревности, ненависти, соперничества, деспотизма, о чем жених и невеста и не догадывались. Вот откуда "берутся злые жены". Какое нужно глубокое религиозное воспитание, крепкие религиозные устои, глубоко развитая духовная жизнь, чтобы они могли устоять против этого шторма подсознательного.

21 февраля

Сегодня, после своей лекции о "жизни духа", о. Иоанн⁴ зашел ко мне и, вынув записочку, дал мне три братских совета:

1. говорить не готовясь (иначе неверие в благодать),

2. не слишком открываться в беседах (он слышал, как я говорил о затруднениях в молитве и ссылался на свой опыт),
3. не шутить и не снижать этим строгости беседы.

9 марта

Тема для беседы: МК. 12, 29—30.

1. Всем сердцем твоим — способ отношения.
2. Всею душою — преобразование себя сообразно этой любви.
3. Всем разумением — понимание не исключается, а предполагается.
4. Всею крепостью — воплотить в жизни.

12 марта

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносил доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносил злое; ибо от избытка сердца (Лк. 6,48). Суть дела не в поступке, словах, действиях, а в том, чем наполнено твое сердце. Добрый поступок не тот, который по видимости добр, а который исходит от полноты милующего сердца; так же и злые слова и дела есть брызги наполненного злостью силою сердца. Быть добрым это не значит натаскать себя на добрые поступки, а — накопить тепло благодати в своем сердце, и прежде всего очищением и молитвой. Как не простудиться на морозе? — быть внутренне согретым (лыжи). Как не охладеть в мире? — обложить сердце теплотою благодати Духа Святого.

* *

Разумение путей Божиих (Пс. 72).

Св. Давид "позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых" — "едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои" — настолько соблазнительна была мысль: "Есть ли ведение у Вышнего? Не напрасно ли я очищал сердце мое и омывал в невинности руки мои, и подвергал себя ранам всякий день и обличениям всякое утро?" Он усиливался понять это (16), но не мог, т.к. вообще в плане ветхозаветном этого понять нельзя: этот вопрос, как и многие другие, как вопрос Иова и Экклезиаста разрешены только Христом. Вот почему и мы, люди Нового Завета, не все и мы можем понять, пока не откроется "новое небо и новая земля". И все же тут же Давид дает посильное Ветхому Завету решение — он не мог понять своего вопроса, "пока не вошел в святилище Божие". И тогда он понял, что благоденствие нечестивых ничто по сравнению с

блаженством праведных, которых Бог держит за правую руку (29), как мать ребенка.

Кстати — псалом теряет весь свой смысл в славянском переводе. Псалмы о России — 78, 79, 84, 73, 76.

12 марта

Св. Исаак Сирин в 3-ем слове доказывает, что, отрешившись от мира (от страстей), душа легко открывается для созерцания тайн Божиих. Тут же он перечисляет и страсти (слово 2-е). Почему же тогда не открылись тайны Божии Будде, действительно умертвившему в себе все страсти. Что такое — духовный опыт буддизма?

2 апреля

Будто легче молиться, когда новые молитвы. Я люблю, вместо обычных канонов, читать канон октоиха текущего гласа. Это — нечистая молитва: новые молитвы возбуждают любопытство.

8 апреля

Чтение. Прочсть — это только первая половина: вторая — переварить проглоченное, упорным размышлением усвоить себе прочитанную мысль, обратить ее в кровь духовную. Вот почему не надо много прочитывать, но основательно переварить и усваивать.

* *

Для слова к готовящимся. Как в случае болезни телесной перед врачом мы подробно описываем нашу болезнь, стараясь точно описать все симптомы, чтобы получить правильное лечение, — так надо описать и свои душевные болезни.

24 апреля

Множество недоумений современных "христиан" разрешилось бы, если бы мы действительно были христианами в прямом евангельском смысле: в том числе вопрос о смысле страдания, "как Господь терпит", и многое другое. При нашей жадной, без оглядки, привязанности к благам этого мира, когда сама эта привязанность родит множество страданий — о каком религиозном смысле нашей жизни, а в том числе и наших страданий, можем мы говорить?

29 апреля

От монахов св. Исаакий Сирин требует уединения, от пустыльников — безмолвия, от безмолвников — полной отданности молитве,

когда даже забота о приносе воды, рукоделие, милостыня — уже измена Божьему делу! Поистине единственная наша надежда — на милость Божию, а ни на какие труды и заслуги — Боже, милостив буди нам грешным.

8 сентября

О перевоплощении, его несовместимости с христианством (В.Н. Ильин⁵).

1. Тело есть создание души (Аристотель), тело есть форма души; но душа есть нечто неизменяемое в своей основе, значит, неизменяемо и тело.
2. Учение о перевоплощении делает ненужной жертву Христа; спасение совершается путем перехода из этапа в этап независимо от искупительной жертвы.
3. Перевоплощением подрывается вера в воскресение в теле — в каком теле?
4. Оно упраздняет благодать.

* *

Бердяев и Булгаков — свобода и София. Они знаменуют два основных пути в русской философии.

У Бердяева: как русский барин — он онтологист, почитатель Беме и др. Как русский интеллигент, публицист и революционер — он проповедник свободы, которая относится к числу "ложных проблем". У него дуализм Бога и Свободы, двоебожие. Если Бог, то Свобода принижена, если Свобода — то Бог дезонтологизирован, а отсюда атеизм, примат социального динамизма над Богом, сознательные волевые действия, всегда обреченные быть безрезультатными, так как результат дает только бессознательное движение души, созерцание земной красоты, благодать Божия. Отсюда эта антитеза в русской литературе — Наташа и Соня ("Война и мир"), Моцарт и Сальери и многое другое.

У Булгакова — Бог Любовь означала созерцающий всю тварь Софию и созерцаемый ею. Вопрос В.Ильина Флоровскому: "Бог, творя мир, имел его в виду или нет?" Если имел, то значит мир уже был как замысел Божий, как София".

18 ноября

О страданиях. "Будьте мудры и извлеките из тех испытаний, которые посылает Вам Бог, максимальную выгоду для Вашего

сердца. Всякие наши страдания — это драгоценные товары (преп. Серафим), которые нужно спешить обменивать на ценности вечные. Особенно домашние обиды, досаждения, укоры. Что пользы, если мы прочли целые библиотеки мудрецов, философов, богословов, а спотыкаемся в жизни на каждом шагу — “тем большее примем осуждение”. Гершензон писал в “Вехах”: “Все мы знаем так много Божественной Истины, что 1/1000 доли той, которую мы знаем, было бы достаточно, чтобы сделать нас святыми”. (стр. 73). Не позволяйте себе идти легким и приятным путем накопления и расширения знаний, а зарывайте глубже в недра Вашей души металл Вашего плуга. Условия, которыми окружил нас Господь, это — первая и легчайшая ступенька в Царство Небесное, это единственный для нас путь спасения. Эти условия переменятся тотчас же, как мы их до конца используем, обративши горечь обид, оскорблений, болезней, трудов — в золото терпения, безгневия, кротости. Не позволяйте так разделяться вашей душе, чтобы одна ее часть воспаряла с св. Дионисием Ареопагитом до 7-го неба, а другая пресмыкалась в унынии, мелкой обидчивости и, может быть, — злобе. (Из книги Н. М. Шишаева).

27 декабря

Страдания. По поводу катастрофы под Парижем. Каждая катастрофа — угроза и напоминание: “если не обратитесь — все так же погибнете”. Каждая катастрофа — испытание нашей верности Богу, попытка дьявола поколебать нашу веру. Какой ужас — 200 убитых! 300 раненых! погибшие дети! — в значительной степени — от плотского плена нашей мысли. 200 — раздавленных тел мы чувствуем, а миллионы ежедневно умирающих забываем. Мир полон слез и крови, а мы, как малые дети, ужасаемся над двумястами погибшими. И поезд, и сломанные руки-ноги, и разбитые головы — для нас огромная реальность, в то время как все это — иллюзия, временное полубытие, “ибо проходит образ мира сего”. (1 Кор. 7,10).

17 марта, 1934, суббота

Париж

Во время чтения 12-ти евангелий, сидя в постели, я старался проникнуть, почему Господь отстранил меня от того, к чему я стремился весь год. Раскрыл мое евангелие: “Боже мой, Боже мой, вскую оставил мя еси”. Я почувствовал утешение, отлученный от церкви, в скорбях и болезнях — может быть это — большее соучастие страстям Христовым, чем если бы я служил в церкви. Я стал молиться моей любимой молитвой: “Возлюблю тя, Господа, крепосте моя господь —

утверждение мое и прибежище мое”, а потом снова открыл псалтырь, чтобы почитать что-то, и открылось: “Возлюблю Тебя, Господа, крепосте моя...” т.е. для точности открылась середина какого-то псалма, и я желал читать сначала, вернулся к первым словам (пс. 17). Для меня так явно было, что это Господь любящий утешает меня таким знаком своего присутствия, что я до сих пор укреплен этим. Записываю, боюсь забыть.

2 мая

В госпитале Вожирар. Трудно болеть. Трудно, несмотря на температуру, боли, страхи — сохранить постоянную память о Господе. С повышением температуры расслабляется и как бы умирает душа: равнодушие, пустота.

Сейчас температуры давно нет — жадно читаю евангелие, легко молиться.

Болезнь — школа смирения; вот где видишь, что нищ и наг, и слеп.

План беседы о страдании. Суть дела открыть только в конце.

1. Факт безвинных страданий праведников.
2. Евангельские тексты: “узкий путь”, “многими скорбями”, в “мире скорби будете”.
3. Виды страданий: а) от грехов — скорбь и теснота в человеке, творящем зло, б) отвержение себя — крест, в) несоответствие с миром.
4. Участие в страданиях Христа.
5. Созидание Тела Христова в мире: “Господь усыновляет человека, причисляет его к своему крестному пути... распространяет предел своего страждущего тела на тела всех сынов своих. Так рождается новый мир. [неразб.] Тайна Иова.

6 мая

Кажется, я поставил для себя крест на Бердяеве. Последнее решающее впечатление, это его злобный и обидчивый ответ на разбор иер. Иоанном его большой книги (Путь, № 31).⁶ Ну что мог обидного ему сказать о.И.? Его заметка, написанная очень беспорядочно и неточно, все же согрета добрым светлым чувством к Б. и очень деликатна по форме. Б. отвечает грубо, с залезанием в тайные мысли о.И., с обычными трафаретами вроде “самоспасания” монахов, богоподобия человека, творческая свобода и т.п. Во всей статье ни искры человеческого чувства — грубость, резкость, самолюбивое отстаивание своего — словом, полное духовное неблагополучие.

6 мая
Вождирар

Сегодня проф. Duval сказал, что я могу выписываться. Болезнь кончилась; у меня чисто зоологическая радость, что я вернусь домой, увижу детей, что кончится этот плен в 4-х светлозеленых стенах, с стенами оперированных, шмыганием прислуги и дребезжанием шареток, увозящих на операцию людей с блестящими глазами и возбужденным видом и привозящих их же обратно трупоподобных, неподвижных, завернутых в одеяла. Но чувство мое смешанное. Во-первых, я не уверен, что болезнь моя кончилась, что она не наделает мне, в ближайшем или далеком будущем, новых осложнений. А второе — тяжкая мысль, что я не выдержал экзамена. Эти дни в госпитале я читал Евангелие и Паскаля: "Сила моя в немощи совершается", "Я всегда ношу в теле моем мертвость Господа". А Паскаль, который не переставал благодарить Господа за болезнь (мучительную), который считал, что болезнь и страдания — это нормальное состояние человека, что страдания сжигают постепенно наши грехи, что здоровье — состояние опасное для души, который усугублял свои страдания, лишал себя всякой радости, самой невинной, всякого удовольствия. Я все это твердо и давно знаю, но в болезни я проявил нетерпеливость, я много и настойчиво просил Господа и Святых избавить меня от нее, я проявил этим малодушие: я боялся боли, операции, затяжки болезни, я не всегда молился, а когда молился — не всегда глубоко. Ночью, просыпаясь, я ни разу не молился! Во время подъема температуры уходила всякая молитва! Вместо того, чтобы весь этот период испытания провести с полной христианской серьезностью, развлекался, читал газеты, решал крестословицы, скучал, томился, радовался посетителям, одним словом, вел себя, как самое слабое, малодушное и малoverное создание.⁷

8 мая, вторник

Выписался из госпиталя Вождирар с вылеченной почкой, увезен на отдых за 40 км. за Париж по Суассонской дороге.

11 мая

Современная детективная литература, которой объедается молодежь, на которой она строит свое жизнепонимание. Я просмотрел, с отвращением, несколько томиков Мориса Леблана — Арсен Люпен. Совершенно открытые и ясные, постоянно и настойчиво вколачиваемые представления: глупость, скука, бездарность всего, что имеет отношение к порядку, к государству, и привлекательность, красота,

блестящая талантливость представителя порока, преступления, служения себе, убийства, воровства. Читателей сознательно приучают к таким комбинациям, как "вор-джентльмен", "благородный убийца", "романтический влюбленный-мошенник". Это самый настоящий и, я уверен, сознательно приготовляемый яд.

≈≈≈

В тетради, вскоре после смерти о. Александра, приписка от жены:

"Боже мой, мы ничего не знаем о своей жизни. Думал ли Саша, записывая свои мысли наверху этой страницы, что это его последняя запись в этой тетради, что в конце лета он умрет.

Я помню, как мы с ним говорили недавно как раз об этом — что нельзя ничего откладывать, что надо жить "начисто", т. к. смерть может придти каждую минуту, каждый день".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О. Александр вел "священнический" дневник с момента рукоположения (май 1926) вплоть до первых недель роковой болезни. Дневник занимает собой две толстых тетради (первая начата еще в 1912 г. в России для педагогических записей). Каждая отдельная запись пронумерована самим автором: в первой тетради их 253, во второй 136 (последние три записи не нумерованы).
2. Конец этой записи приведен в "Записях".
3. В "Записях" дано не полностью.
4. О. Иоани, ныне архиеп. Иоани Шаховской (род. в 1902).
5. Владимир Николаевич Ильин (1890—1974), богослов, часто посещал с лекциями Ниццу.
6. В своей рецензии на книгу Бердяева "О назначении человека" о. Иоани (Шаховской) сожалел о "полемиической струйке", льющейся против некоторых свв. отцов, и о нападках "на ортодоксальную теологию". Статья перепечатана в книге архиеп. Иоанна "Вера и достоверность", Париж, 1942. В том же номере "Пути" Н. А. Бердяев резко возражал о. Иоанну.
7. Все друзья и близкие о. Александра свидетельствовали о необычайном мужестве его в перенесении тяжелых и долгих мучений.

"БУНТ" ИВАНА КАРАМАЗОВА

Прославленная беседа Ивана и Алеши Карамазовых уже так часто подвергалась исследованию, что может показаться излишним еще раз возвращаться к ней. Такие мыслители, как Мережковский, Шестов, Бердяев, среди иностранцев Андре Жид, Томас Манн, Гвардини, Камю, не упоминая уже о многочисленных других, посвящали ей свое внимание.

В оправдание настоящей статьи можно только сказать, что поднятые Иваном проблемы относятся к так называемым "вечным" проблемам, которые всегда, все снова и снова, будут привлекать к себе интерес исследователя. Творчество же Достоевского дает такие неистощимые матерьялы для него, что становится понятным желание использовать хоть часть из них, без надежды, конечно, исчерпать их когда-нибудь до конца.

* * *

Первая из двух больших проблем, определяющих творчество Достоевского, — проблема свободы. В "Братьях Карамазовых" ей посвящены страницы "Великого Инквизитора". Вторая проблема — проблема страдания. Ей посвящена глава "Бунт".

В мире так много страданий, и эти страдания так велики, что непонятно, как может Бог, если Он действительно существует, хоть на одно мгновение удержаться от помощи им. Эту сдержанность Бога по отношению к злу и страданию обыкновенно объясняют Его нежеланием ограничивать свободу своих творений. "Человек, лишенный свободы выбора между добром и злом, был бы автоматом добра", — говорит Бердяев. Свобода должна привести человека к добровольному отказу от зла — добровольному, а значит и более прочному, чем отказ из-под палки, из страха наказания или из надежды на награду. Свобода имеет воспитательное значение. Возможно, этим оправдывается наличие зла в мире, но оправдывается ли этим самым, без оговорок, и наличие страдания? Проблема страдания и проблема зла — связанные между собою проблемы, но все же это две проблемы, а не одна: каждая из них сравнительно самостоятельна. Страдание только в том случае оправдывается, если оно воспитывает претерпевающего его, а не причиняющего. Слабое утешение для мухи, что

свобода паука, сосать ее или не сосать, воспитательно влияет на паука. Как и отказ от зла, страдание должно быть свободным, только тогда оно может возвысить страдающего, а не принизить его, или даже совсем раздавить. "Наказание есть право и честь для преступника" (Ницше) — смотря какое наказание и смотря для какого преступника. Существуют страдания и совсем незаслуженные, страдают, увы, далеко не одни только преступники. Заслуженные страдания, искупая вину, действительно возвращают виновному самоуважение, позволяют ему почувствовать себя снова равноправным членом общества; поэтому такие страдания самим страдающим принимаются как должное: в глубине души он сознает их необходимость. Но как же быть с незаслуженными страданиями? Разве нет в мире невинных страданий? И разве нет таких страданий, когда страдающий, даже и не будучи вполне свободен от вины, не сознает ее, а потому не чувствует и справедливости следующего за нею наказания? Принятие такого страдания не может быть добровольным; напротив, оно воспринимается как насилие, возмущает, отталкивает, озлобляет, а не примиряет. Может быть поэтому Иван Карамазов и ограничивает свою тему только страданиями детей — страданиями невинными и непонятными для самого страдающего. Он рассказывает, например, о маленькой девочке, которую родители за неумение проситься запирали на всю ночь в холодную уборную. "Понимаешь ли ты это, — восклицает Иван, — когда маленькое существо, еще не умеющее даже осмыслить, что с ним делается, бьет себя в подлом месте, в темноте и холоде, крошечным своим кулачком в надорванную грудку и плачет своими кровавыми, незлобивыми, кроткими слезами к "Боженке", чтобы тот защитил его!" "О больших я и потому еще говорить не буду, что кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают, у них есть и возмездие: они съели яблоко и познали добро и зло, и стали "яко божи". Продолжают и теперь есть его. Но деточки ничего не съели и пока еще ни в чем не виновны. (Любишь ли ты деток, Алеша? Знаю, что любишь, и тебе будет понятно, для чего я про них одних хочу теперь говорить. Если они на земле тоже страдают, то уж конечно за отцов своих, наказаны за отцов своих, съевших яблоко, — но ведь это рассуждение из другого мира, сердцу же человеческому здесь, на земле, непонятное. Нельзя страдать невинному за другого, да еще такому невинному!)"

Возможно, вопрос о первородном грехе, вскользь затрагиваемый здесь Иваном, сложнее, чем ему это кажется; уже одним тем, что человек рождается и вступает в жизнь, он вытесняет из нее кого-то другого. Одно поколение, сменяя другое, тем самым занимает его

место; вытесняя отцов, дети принимают на себя не только все преимущества, но и все тяготы, все "долговые обязательства" наследства. — Кроме того: каждым вздохом и каждым движением, каждым куском хлеба ребенок прямо или косвенно борется за свою жизнь с другими существами и их уничтожает. "Мы делаем свою жизнь из чужих смертей" (Леонардо да Винчи). В этом смысле даже новорожденный разделяет общую вину — не только "отцов, съевших яблоко", но и всего "падшего" природного мира, членом которого он отныне становится.

При этом остается однако в силе, что ребенок ничего не знает о своей вине. Взрослый может чувствовать свою общую, выходящую за пределы отдельного проступка виновность, может принимать страдание как "наказание Божие" за греховность всей своей жизни, даже за греховность всего человечества. Ребенок же должен воочию видеть связь между проступком и наказанием, иначе он не поймет, за что его наказывают. А так как в случаях, описываемых Иваном, этого нет, то такие страдания и не могут воспитательно влиять на ребенка. Кроме того, здесь примешивается еще одно обстоятельство. Для того, чтобы страдание могло действовать воспитательно, оно прежде всего не должно губить того, кого оно воспитывает. О каком воспитании может идти речь в таком, например, случае (Иван описывает зверства турок над болгарскими детьми): "Турок наводит на него пистолет в четырех вершках от его лица. Мальчик радостно хохочет, тянется ручонками, чтобы схватить пистолет, и вдруг артист спускает курок прямо ему в лицо и раздробляет ему голову". Нельзя говорить о воспитании там, где нет самого воспитываемого. Может быть и полезно иногда отшлепать напраказавшего мальчишку, но едва ли полезно раздробить ему при этом голову. Идея воспитывающего страдания была любимой идеей самого Достоевского, но здесь приходится, конечно, соблюдать большую осторожность. Если бы всякое страдание возвышало, правила нравственного поведения были бы очень просты: "Бей правого и виноватого, возвышай ближнего твоего". Не говоря уже о недопустимости невинного страдания, страдание даже и заслуженное должно соблюдать меру: действие страдания зависит от величины страдания и от сил страдающего.

Поэтому вся проблема заостряется на примере, ставшем уже классическим, который, несмотря на это или именно вследствие этого, необходимо привести: примере затравленного собаками мальчика.

"— И вот дворовый мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то играя камнем и зашиб ногу любимой генеральской

гончей... "А, это ты, — оглядел его генерал, — взять его!" ...Мрачный, холодный, туманный осенний день, знатный для охоты. Мальчика генерал велит раздеть, ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть. "Гони его!" — командует генерал. "Беги, беги!" — кричат ему псары, мальчик бежит... "Ату его!" — вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравили в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка! — Расстрелять! — тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой, подняв взор на брата".

Страдание здесь чрезмерно по своей жестокости и губит страдающего. Оно не свободно и не может быть свободным. Этот пример ясно показывает, что простой ссылки на свободу недостаточно для оправдания зла и страдания, что необходимо ввести еще какие-то дополнительные условия, чтобы страдания губящие и принижающие стали возвышающими и исцеляющими.

* * *

"Я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравнивается, — но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу согласиться!"

Возможно, что в некоторых случаях страдания идут на пользу страдающему. Но достаточно хоть одного случая неоправданного страдания, чтобы поставить под сомнение весь мировой порядок, основанный на страдании. А такие случаи несомненно есть. Кто же виноват в этом? Конечно, в первую очередь тот, кто установил этот порядок, кто его допускает, кто его терпит, — Творец мира, Бог. Само существование Бога не ставится Иваном под сомнение — он принимает это существование как предпосылку. Можно сказать даже больше: Иван вообще не интересуется вопросом, существует ли Бог как личность, или Он — только идея, созданная самим человеком. "Видишь, голубчик, был один старый грешник, в восемнадцатом столетии, который изрек, что если бы не было Бога, то следовало бы его выдумать, *s'il n'existait pas Dieu il faudrait l'inventer*. И действительно, человек выдумал Бога. И не то странно, и не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует, но то дивно, что такая мысль — мысль о необходимости Бога — могла залезть в голову такому дикому и злому животному, каков человек, до того она

свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку. Что же до меня, то я давно уже положил не думать об этом: человек ли создал Бога или Бог человека?”

Даже в том случае, если человек сам создал идею Бога, эта идея руководит человеком во всей его исторической жизни; она, как ведущий идеал, определяет все ее направление, и в этом смысле играет такую же творческую, формирующую роль, как и личный Бог. Своим заявлением Иван переносит проблему в чисто моральную плоскость; его размышления сохраняют силу даже и для атеиста; только суд над Богом-существом превращается в таком случае в суд над Богом-идеей: правилен ли поставленный идеал, можно ли к нему стремиться, можно ли жить им? С другой стороны, даже допуская реальное наличие всемогущей первопричины мира, мы логически не обязаны еще этим допускать и ее нравственную высоту; мир мог быть создан могучей, но слепой и совершенно равнодушной к нравственной стороне вопроса силой. Судя по качествам нашего мира, это представляется — на первый взгляд по крайней мере — вполне возможным. Проблема зла и страдания естественно упирается в проблему теодицеи — проблему “оправдания Бога”: как совместить всемогущество Бога с Его всеблагодатью; почему, имея власть уничтожить зло, Он этого не делает? Христианство, отрицая всякие компромиссы, требует признания и всемогущества и всеблагодати в полной мере; в философии же нередко встречаются отклонения в ту или другую сторону. Ивану мир кажется злым, и, не отрицая существования Бога как его создателя, он отрицает возможность нравственного оправдания Бога — оправдания именно в данном пункте — сотворении именно данного, злого мира. Это не неверие, а отказ от подчинения Богу; отсюда — Алешино словечко: “бунт”. Даже если справедливость и будет когда-нибудь восстановлена, зло покарано, добро вознаграждено, путь к этой будущей гармонии все же усеян такими жестокостями, что уже заранее ее дискредитирует.

— Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира Им созданного, мира-то Божьего не принимаю, и не могу согласиться принять. Слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А поэтому свой билет на вход спешу возратить обратно... Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю.

— Это бунт, — тихо и потупившись проговорил Алеша”.

“Бунт” Ивана — отказ от подчинения Богу, которого он признает всемогущим, но несправедливым и жестоким. Если даже Бог непосредственно и не виновен в мировом зле, а виновно в нем само

вышедшее из повиновения Богу творение, то все же Он виновен в том, что “потворствует” злу, не принимает против него решительных мер, слишком терпелив. Есть положения, где излишнее терпение преступно: видеть истязуемого ребенка и не броситься с кулаками на истязателя — это не доброта, а бессердечие. “Бунт” — это “священное нетерпение” — нетерпение тут же, на месте расправиться с обидчиком, спасти обижаемого. Точно так же вскипал Раскольников, видя страдания сестры, матери, Сони, всей семьи Мармеладовых, — вскипал против безличного порядка, допускающего эти страдания. Нельзя ждать, пока все наладится само собою — до тех пор перемрут и сестра, и Соня, и Мармеладовы, надо сразу действовать. Не только каждый имеет право, но каждый обязан даже выйти из подчинения такому Богу-попустителю для активной борьбы против зла, для борьбы против насилия ответным насилием, против зла — ответным злом.

Таков ход мысли Ивана. В этой нравственной санкции на зло, к которой приходит Иван и другие “своевольники” — все дело. Борьба злом против зла допустима и порою даже нравственно-обязательна. Отсюда уже — как шаг от принципа к практике — борьба против отца у Ивана Карамазова: “Зачем живет такой человек”. Ситуация Ивана символична: бунт против отца, бунт против Бога-Творца. Неужели только потому надо терпеть такого отца, что он фактически мой отец? Неужели только потому надо подчиняться Богу, что он фактически меня создал, властен меня раздавить или помиловать? Важен принцип: иногда зло не только терпимо, но и заслуживает одобрения. Остальное уже — детали, вопрос не принципа, а практики — бороться ли с обидчиком голыми кулаками или вооружившись топором... И снова приходим к тому, с чего начали: опять вместо воспитывающего, “хорошего” зла, которое мог бы в некоторых случаях нанести кулак, приходим к губящему, “злому” злу, наносимому топором. Вместо воспитывающего шлепка — проломленный череп. И склока только растет все дальше, зло и страдания только множатся. Вся практическая трудность проблемы именно и сосредотачивается на этой почти неуловимой разнице между кулаком и топором. Зло — яд, в малой дозе целительный, в большой — убивающий; и все дело именно в дозировке. Зло и страдание — две проблемы, но они переплелись в одну; надо искоренить зло, не нанося страдания, а отделить зло от страдания невозможно; невозможно отделить в злодее злодея от страдающего, и не хватает терпения распутать клубок, является неудержимое искушение одним ударом разрубить узел. Не только Иван духовно предупреждает Смердякова

в его убийстве, но и Алеша, "схимник" Алеша, духовно предупреждает Ивана, когда на его вопрос, что сделать с генералом, затравившим мальчика, с "бледной, перекосившеюся улыбкой" отвечает: "расстрелять". В этом весь "соблазн" положения: в теориях Ивана, Раскольникова и других "своевольников" есть несомненная правда; неправильно только то, что эта частичная правда обобщается в полную, что терпимое зло возводится в прямое добро; неправилен именно теоретизм этих теорий, возведение в абсолютный принцип того, что является только практическим компромиссом.

В конечном срыве "своевольников" виновато скорее несовершенство их логики, какие-то ошибки, вкрадывающиеся в их рассуждение, чем отсутствие достаточной нравственной высоты. На своем пути, хотя бы и неправильном, они проявляют большую самоуверенность; недаром кто-то назвал их "подвижниками зла". Своим отказом от подчинения всесильному, но несправедливому Богу Иван подвергает себя опасности возбудить Его гнев: это не только отказ от места в будущей "гармонии", от даруемого счастья, но и готовность на страдание, на вечное проклятие ради "правды", которую он чувствует в своей душе и которой служит. "Бунт" Ивана — это богоборчество, это "Страшный Суд" человека над Богом. Понятие "суда" содержится уже в самом слове "теодицея" — "оправдание Бога": там, где возможно оправдание, возможно и осуждение. Человек борется с Богом как равный с равным, уступая Ему только в силе, но не в праве. В этой претензии на равенство с Богом — демонизм и титанизм "своевольников". В чистоте и бескорыстии исходного нравственного чувства, — их героизм, их святость. Было бы подло воспользоваться возможностью личного счастья в "гармонии", построенной на "неискупленных слезах" ребенка. "Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены? И какая же гармония, если ад: я простить хочу и обнять хочу, я не хочу, чтобы страдали больше, и если страдания детей пошли на наполнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены". Здесь проблема достигает своего высшего напряжения. "Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! — восклицает Иван. — Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание своё, но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам

ребенок простил их ему! А если так, если они не смеют простить, где же гармония?"

Разговор идет, конечно, не о психологической невозможности прощения, а о нравственной недопустимости его. Не "не может", а "не смеет" простить. Чувствуется полная правота Ивана, и решение проблемы кажется невозможным. Если уж прощение представляется безнравственным, то где же искать выхода?

* * *

Странно — насколько мне известно, никто до сих пор не обратил внимания, что решение, и притом исчерпывающее, указано самим Иваном, указано тут же, через несколько страниц, еще до того, как в монологе Великого Инквизитора он развивает проблему дальше. В связи со своей поэмой, как формальный образец ее, Иван вспоминает одну древнюю "монастырскую поэмку", "Хождение Богородицы по мукам", и приводит ее содержание. Едва ли случайно помещена Достоевским именно эта "поэмка" именно в этом месте.

"Богоматерь посещает ад, и руководит ее "по мукам" архангел Михаил. Она видит грешников и мучения их... Пораженная и плачущая Богоматерь падает перед престолом Божиим и просит всем во аде помилования, всем, которых она видела там, без различия. Разговор ее с Богом колоссально интересен. Она умоляет, она не отходит, и когда Бог указывает ей на пригвожденные руки и ноги Ее Сына и спрашивает: как Я прощу Его мучителей, — то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с Нею и молить о помиловании всем без разбора".

Совершенно ясно, что это прямой ответ на поставленный выше вопрос о нравственном праве матери простить или не простить мучителям ее сына. Богоматерь прощает, и почему-то ее прощение не только не вызывает протеста нашего нравственного чувства, но, напротив, кажется высоким и трогательным. Почему это? В чем разница между ее положением и положением матери затравленного собаками мальчика, положением Христа и самого мальчика? Совершенно ясно: разница в том, что затравленный собаками мальчик затравлен — и на этом все кончилось. Христос же, хотя и с ранами от гвоздей на руках и ногах, — воскрес, и сидит в силе и славе "одесную Отца". Если бы затравленный мальчик тоже воскрес, если бы его физическая смерть была не окончательной гибелью, а только временным увечьем, сполна теперь исправленным и изжитым, то не только он сам и его мать могли бы простить мучителю, не оскорбляя

этим нашего нравственного чувства, но, напротив, отказ от прощения был бы теперь воспринят нами с осуждением. Не ад для мучителя, а рай для жертвы решает проблему и сполна ее исчерпывает. Общий ход мысли здесь прост до примитивности: страдания не искуплены в "этой" жизни, значит они должны быть искуплены в "той". Их искупает не новое страдание мучителя, а построенное на них блаженство замученного. Об этом Иван не вспоминает, а между тем в этом все дело. Все несправедливости, все насилия, все страдания с начала мира до его конца — все должно быть пересмотрено и исправлено, — не отмщено, а исправлено, — совершенно конкретно, полностью, до конца. Отсюда — необходимость воскресения, Страшного Суда, бессмертия, рая — как нравственное требование. Даже сама идея ада в связи с размышлениями Ивана приобретает новое освещение: например, отказ Бога отменить окончательно адские муки несмотря на все просьбы Богородицы может быть объяснен тем, что сам Бог находится в положении матери затравленного собаками мальчика и не "не хочет", а "не смеет", не имеет нравственного права простить грешников, пока не простят их сами жертвы — пока не простит последнему злодею последняя плачущая о загубленном сыне мать.

* * *

Могут ли воскресение и рай искупить прошлое?

"Видишь ли, Алеша, ведь, может быть, и действительно так случится, что когда я сам доживу до того момента, али воскресну, чтобы увидеть его, то и сам я, пожалуй, воскликну со всеми, смотря на мать, обнявшуюся с мучителем ее дитяти: "прав ты, Господи!" Но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время, спешу оградить себя, и потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь".

Чего, собственно говоря, добивается Иван? Почему даже полное примирение самой матери с обидчиком его не удовлетворяет? Думает ли он все еще об отмщении генералу, а не об исцелении мальчика? Или здесь вопрос идет о чем-то более глубоком — о самой принципиальной возможности чем бы то ни было, хотя бы вечным блаженством, искупить и возместить прошлое? Что бы ни случилось потом — сейчас это было: мальчик стоял, дрожа от холода и ужаса, и генерал кричал: "гони его!" Это — факт, и простым наличием этого факта уже как-то запятнана беспорочная белизна будущей "гармонии". "Гармония" не смеет отрезаться от своего прошлого, а это прошлое неуничтожимо. Проблема сводится к вопросу: можно ли бывшее сделать небывшим?

Подобные вопросы уже задавались, и на первый взгляд кажется, что на них можно ответить только отрицательно. Как может быть отменено однажды случившееся? Достаточно, однако, представить себе, например, такой случай: я убил человека, я в отчаянии, не нахожу себе места, и вдруг... просыпаюсь и выясняю, что все случившееся было только моим сновидением. Пробуждение не отменяет самого факта моего сновидения, и даже, может быть, не отменяет моей злой воли (по Фрейдю, в сновидениях выражаются наши тайные желания), но все же все событие принимает совершенно другой характер: убитый мною человек фактически жив и здоров, я его не убивал, а только хотел убить. Воскресенье, если бы оно действительно совершилось, поставило бы всю действительность в сходное положение: оно перевело бы действительность в иную категорию бытия: обратило бы ее из полной реальности в полуреальность.

Возвращаясь к моральной плоскости, в которой ведется наше исследование, можно сказать: сам по себе отдельный факт еще ничего не значит; факт всегда должен браться в связи с другими фактами. Существенно уже то, что ценность каждого поступка определяется мотивами, его вызывающими: в зависимости от мотивов тот же самый поступок в одном случае может быть признан невинной шалостью, в другом — преступлением, в третьем, возможно, даже подвигом. Важен не поступок сам по себе, а наше отношение к нему. Отсюда — смысл и возможность раскаиваясь: раскаяться — значит "изменить свой вкус", изменить отношение к собственному поступку: то, чего я прежде хотел, и что утверждал, того я теперь не хочу и то отрицаю. Отвращаясь от зла, я не уничтожаю своего поступка, но достигаю в некотором смысле даже большего: обращаю его в добро — именно тем, что вступаю на верный путь, вооруженный большим опытом, чем было бы без этого проступка, укрепляюсь им, как укрепляется спортсмен каждым преодоленным препятствием. В этом и заключен смысл свободного обращения к добру, о котором говорилось вначале.

Ту роль, которую по отношению к совершенному злу играет раскаиваясь, по отношению к пережитому страданию играет прощение. Прощением страдание тоже обращается из несвободного в свободное; своим прощением пострадавший примиряется с обидчиком и с самим страданием, как бы изъявляет согласие на страдание, признает его физическую ничтожность и духовную ценность, — и этой внутренней победой над страданием делает его из вредного полезным, из "дробящего" — "кующим" ("так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат").

Простить — отнюдь не значит забыть, а значит увидеть зло в новом свете, увидеть в нем добро. Почему можно простить даже генерала, затравившего мальчика собаками? Потому что, делая это, он думал не об обижаемом мальчике, а об обиженной гончей. Это надо понять, позади злой воли увидеть добрую — и тогда увидишь истинную сущность поступка. В большинстве случаев грех — только грех неправильной перспективы, неправильного распределения внимания. Весь вопрос в том, на что устремлено внутреннее внимание. Алеша, присуждающий генерала к расстрелу, тоже присуждает его только потому, что его внимание направлено в это мгновение на мальчика, а не на генерала. Раскаяться — перенести внутреннее внимание с себя на жертву (понять жертву). Простить — перенести внимание с себя на обидчика (понять обидчика). Раскаяние и прощение — два столпа, на которых зиждятся все человеческие отношения, вся этика. Христианство — религия прощения. Простив, я должен полюбить человека больше, чем любил его до ссоры, — иначе это не прощение. В этом и есть оправдание зла, как элемента мирового пути: преодолевая зло, и обидчик и жертва растут. Затравленный собаками мальчик, простивший своему мучителю, стоит выше, чем тот же мальчик, не переживший никакого страдания, и в этом оправдание его страдания. Таким образом, мы снова приходим все к той же всеразрешающей идее свободы: воскресение является только условием, позволяющим осуществиться этой свободе, свободе раскаяния и прощения, завершиться тому, что осталось незавершенным в земной жизни. Воскресение приобретает новый смысл: оно необходимо не для того, чтобы подвергнуть грешника адским мукам, а праведника усладить райским блаженством, но для того, чтобы дать возможность грешнику раскаяться, а праведнику — простить его. Воскресение — не только акт воздаяния за наши временные, земные грехи и добродетели, но и условие нашего окончательного, вечного совершенства. Воскресение — не только наше право, но и наш нравственный долг.

* * *

Почему же Иван, допуская фактическую возможность воскресения, все же не видит в нем разрешения проблемы? Именно потому, что сами представления Ивана об искомой "гармонии" очень неясны. Представления о полной религиозной гармонии со всеобщим воскресением мертвых и грядущим бессмертием перемешиваются у него с представлениями о земном социальном "рае", где ни о каком воскресении не может быть и речи и вопрос идет в лучшем случае о

сомнительном блаженстве только каких-то немногих будущих поколений. Поэтому ведь и всплывает в речи Ивана все снова и снова эта "неотмщенная слезинка", препятствующая полному примирению. Уже после того, как он допустил возможность воскресения и описал "мать, обнявшуюся с мучителем ее дитяти", всего несколькими строками дальше, он снова восклицает: "Но зачем мне их отмищение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены?" Или, в другом месте: "Я хочу видеть своими глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимется с убившим его". И после этого: "Иной шутник скажет, пожалуй, что все равно дитя вырастет и успеет нагрешить, но вот же он не вырос, его, восьмилетнего, затравили собаками"... Как же Иван, в конце концов, смотрит? Погиб ребенок окончательно или не погиб? Если погиб окончательно, то Иван прав, и никакая будущая гармония не может быть морально оправдана; если ребенок воскреснет, вернется к матери здоровый и веселый, то этим инцидент будет сполна исчерпан, и всякий дальнейший разговор о возмездии будет в свою очередь морально неприемлем. Другими словами: проблема решается только в религиозной плоскости. Всякое нерелигиозное решение, всякая ссылка на земную социальную "гармонию" — несостоятельна; выход из проблемы открывает только полная неземная "гармония" — с пересмотром всего мирового прошлого, со "всеобщим воскресением мертвых". Не Богу должен Иван возвращать билет, а... своему Великому Инквизитору, пытающемуся построить царство счастья на... "слезинке замученного ребенка". Все утопии земного рая, всплывающие снова и снова в произведениях Достоевского, отличаются отсутствием бессмертия как своим характерным признаком. Таково царство последнего человека в утопии Версилова, "шигалевщина" в "Бесах", "Великий Инквизитор" и "Геологический переворот" в Братьях Карамазовых. "Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире... Всякий узнает, что смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как бог". Огромное значение идеи бессмертия для этики тоже сполна признается Иваном. "Если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие", — пересказывает в начале романа помещик Миусов статью Ивана. "Нет добродетели, если нет бессмертия", — категорически высказывается сам Иван.

Очень часто связь идеи бессмертия с моралью пытаются вывести из отрицательных, эгоистических мотивов: считают, что моральное

поведение диктуется страхом загробного наказания или надеждой на награду. "Бунт" Ивана Карамазова показывает, что эта связь может быть выведена не из низших, а, напротив, из высших побуждений: не свои заслуги или страдания требуют искупления, а чужие. Отсутствие бессмертия лишает всю мировую историю смысла и морального оправдания. Дело даже не только в восстановлении справедливости, а в чем-то несравненно более глубоком: если загубленный мальчик не воскреснет и его страдания так и останутся неискупленными, то этим весь мир, как целое, навсегда дискредитируется; не стоит работать над его улучшением, как не стоит лечить безнадежного больного; правомочен поэтому вывод Ивана, что при отсутствии бессмертия "эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом из его положения". Поэтому Иван и соскальзывает на путь полного нигилизма, что не верит в бессмертие; только идея бессмертия решает проблему, но зато решает ее сполна.

Другой вопрос, в каких формах бессмертие или воскресение можно было бы себе представить, и насколько оно вообще возможно; этого вопроса Иван совсем не касается. Из его размышлений вытекает только необходимость воскресенья; при вере в личного Бога возможность воскресения предпринимается исходной предпосылкой Ивана о всемогуществе Бога: Он может все, что захочет; весь вопрос, значит, только в нравственной стороне дела — захочет ли Он. Если же мы в личного Бога не верим, а верим только в порождаемую самим человеком идею Бога, то воскресение становится задачей, осуществить которую человек обязан собственными силами; т.е. мы приходим приблизительно к взглядам современника Достоевского, русского философа Николая Федорова, видевшего в достижении воскресения мертвых и установлении бессмертия "общее дело" самого человечества. Соединив обе эти точки зрения (т.е. отказавшись от их рассмотрения и выбора между ними), мы получим воззрение, близкое кантовскому учению о категорическом императиве: требования морали должны быть выполнены с абсолютной необходимостью; если они не выполнены в этой жизни, то должны быть выполнены в какой-то другой, которая поэтому необходимо должна существовать. Воскресение — одновременно и наша высшая задача, и наша высшая надежда, в нем разрешаются все противоречия жизни; кроме того, будучи высшей надеждой, оно тем самым становится и высшим нашим требованием: без него противоречия и недоумения жизни неразрешимы и нравственное наше чувство остается навсегда неудовлетворенным. В этом правота Ивана: "Страшный Суд" должен состояться; это не

угроза со стороны Бога, а обещание, это акт восстановления мировой справедливости; но, с другой стороны, "Страшный Суд" — не только суд Бога над человеком, но и суд человека над Богом: если "Страшного Суда" вообще не будет, то значит нет и справедливости Бога. Срывается Иван не на том, что его требования слишком решительны и форма их слишком резка — резкая форма свидетельствует только о его большом нравственном темпераменте, — срывается Иван, напротив, на том, что сам боится до конца поверить в абсолютную необходимость и правомочность этих требований. Не в богоборчестве, не в дерзости Ивана, с которой он обращается к Богу, его вина, а в сомнении, в неспособности до конца поверить во всеблагодать и всемогущество Бога, который в силах осуществить все, что будет действительно нужно осуществить. Качание между верой и неверием типично для всех "своевольников" — они все боятся последнего шага: не решаются вполне положиться на самих себя, до конца оторваться от Бога, и вместе с тем не решаются Ему до конца довериться. Не их максимализм, а их половинчатость губит их. Религиозная вера совсем не утверждает, что в мире уже сейчас все обстоит благополучно; напротив, мир "лежит во зле", приход Царства Божьего на землю только ожидается; ни всеблагодать, ни всемогущество Божье далеко не осуществлены еще полностью, а только осуществляются в мировом процессе. Называя Богом силу, против которой он борется, Иван ошибается; он борется, в сущности, совсем не против Бога, а против греховного "лежащего во зле" мира и его владыки — "князя мира сего". С Богом он чувствует себя в тайном союзе — и именно это сознание своей правоты и тайной поддержки со стороны высшей моральной инстанции сообщает Ивану его пыл и решительность. "Бунт" — это восстание человека против Бога во имя... тоже Бога, но другого — не могучего, жестокого Бога, извне управляющего миром, а благого, кроткого, живущего в глубине человеческой души. Иван борется за "правду" против "истины"; в этом же смысле надо понимать и слова другого "своевольника", Ставрогина, сказавшего, что "если бы математически доказали ему, что истина вне Христа, то он бы согласился лучше остаться с Христом, нежели с истиной". Здесь под "истиной" тоже, по-видимому, понимается объективно-данный, извне навязанный человеку несправедливый мировой порядок, Христос же воплощает порядок любви и смысла. Значение "бунта" в том, что он, как и вся тема "своевольников", представляет собою дальнейший шаг в процессе постепенного вживания человека в Новый Завет, в идею богосыновства. Ветхозаветное подчинение Богу из слепого

послушания, из страха и корысти постепенно заменяется подчинением добровольным, из внутреннего сочувствия и понимания. Ни один "своевольник" не проходит своего пути благополучно — все срывается, поддаются искушениям, трудно преодолимым на пути абсолютной свободы, по которому они идут. Но претерпеваемые ими неудачи нисколько не умаляют значения их опыта. Проблематика Достоевского намечает такое углубление нашего понимания христианства, что можно говорить о начале новой эры в истории не только русской, но и общемировой религиозной мысли. Недаром многие современные западно-европейские философские течения считают его одним из своих пророков и вдохновителей.

***

Резюмируя сказанное, можно так ответить на основной вопрос о роли страдания, поставленный в начале: страдание оправдывается тем, что служит средством роста. Для того, чтобы оно могло выполнить свое назначение, оно должно приниматься страдающим добровольно. Фактически этого в большинстве случаев нет: страдание обычно переживается как внешнее насилие, а не как свободная жертва. Такое страдание не только не способствует росту страдающего, но, напротив, духовно озлобляет и физически губит его. Для того, чтобы это поправить, всем раздавленным непосильным страданием должна быть предоставлена возможность подняться: больным и калекам исцелиться, мертвым — воскреснуть. В этом мире страдания не искупаются; страдающая добродетель награждается только в американских фильмах и немецких хрестоматиях. Основная истина христианства та, что совершенный праведник, Христос, ничего не получил от этого мира, кроме распятия. Если страдание не искупается в этом мире, оно должно быть искуплено в каком-то другом. Первое положение христианства, что Христос этим миром был распят; второе — что и распятие и этот мир Он преодолел своим воскресением. Воскресением восстанавливается справедливость, обидчику дается возможность раскаяться, жертве — простить. Этим страдание из подневольного, принижающего превращается в свободное, возвышающее. Таким образом, идея бессмертия тесно переплетается с моральной проблемой. Такая идея бессмертия является решающей и для проблемы счастья, рассмотрению которой посвящена следующая глава "Братьев

Карамазовых" — "Великий Инквизитор". Продажа первородства человека за чечевичную похлебку, продажа "права на страдание", свободы и бессмертия за сомнительное "счастье" в раю Великого Инквизитора — такова ее тема. "Ибо если бы и было что на том свете, то уж конечно не для таких, как они", — говорит сам Великий Инквизитор о своей пастве. Таким образом, тема "бунта" переходит в тему "Великого Инквизитора" и в ней находит свое продолжение и окончательное разрешение.

Литература и жизнь

Ольга СЕДАКОВА

ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ МОТИВ

В час молчания птиц и печали
бессловесных растений и рыб
различается зыбки качанье
и веревок раскачанных скрип.

Это пыль сновиденья густая,
под шарами неслышная пыль.
И качается зыбка пустая.
И над нею нагнулась Рахиль.

То забудется, горем наскучив,
то, очнувшись, клянет забытье
и, как в зеркало влаги текучей,
обезумев, глядится в нее.

Улыбаясь, качаются воды
и дивятся своей наготе.
Кто-то дышит и медлит у входа,
приучая глаза к темноте.

УСПЕНИЕ

О прошедшем ни слова. Но сердце, куда мы пойдем
из гостей запоздалых, из темной целебной теплицы?
Под ресницами воздух и ветер и небо, как перед дождем,
и сбегается свет, но по имени кликнуть боится.

И выходит она в задохнувшийся, плачущий луг,
молода, молода, словно холод из жерла колодца,
и слабеет трава, и несправных касается рук,
и почти у плеча драгоценная ноша смеется.

Задыхается луг, и немеет, и сходит с ума,
и цепляя за локти ее, вымогает, как милость,
боль, и легкую смерть и забвенье. Только она
наклоняться к цветам и венки заплетать разучилась.

Значит, стоило молча сучить непомерную нить,
чтобы здесь, перевив с повиликой и диким укропом,
удержаться от жизни, и, в слезах задыхаясь, обвить
эти щиколотки, эти узкие пыльные стóпы.

ОПЫТ ИСТОРИИ

О временах, чей прах, как соль,
сказать ли? в творческую боль
перебродить досаду?
Скучая, крадется палач,
и время тянется, как Плач
о взятии Царьграда.

Мы речь об этом заведем.
Приморской лестницей сойдем
глядеть военный праздник:
там жирно золотится рябь,
там государственный корабль
в прогорклем масле вязнет.

Но далеко, как Судный день,
чересполосье деревень,
Царьград или Цусима,
когда ленивее воды
теченье угличской беды
и кровь живого сына.

И встала, и осела пыль.
С лицом, как мартовский горбыль,
целитель белоглазый.
Его отравы не берет,
он, видно, вспоен из болот,
он вышел к нам, как из ворот,
из тайного рассказа.

Он может с кровью говорить,
он может с будущим сцепить
распаянные звенья —
и спит царевич, исцелен,
и видит бесов легион
и жизни продолженье.

И к нам Господь, не будь жесток! —
дай краткий век и точный срок,
вели, чтоб смерть — ворона
повыше выбрала сучок,
и пуля клюнула висок,
как петушок Додона.

Москва

Нина БОДРОВА

ТРИПТИХ

I.

Здесь птицам дали место —
в садах, в вольерах млеть.
Очерченная мелом
свобода на земле.
И рай — где видно небо,
цветы, фонтаны, пруд:
сиди с водой и хлебом
в просторной клетке тут.

Но, Боже, если можешь,
яви не только власть,
а лик свой светлый, Боже,
склониться и упасть.

И век сидеть в темнице,
совсем закрыть глаза,
а все Тебе молиться,
чтоб Ты взглянул назад
— на ту страну в тумане,
где днем и ночью мгла,
откуда гарью тянет,
— где родина была.

II.

Не слишком ли много порядка
у этих ганзейских управ:
где жизнь моя ясна и гладка,
полна разрешенных забав,
где снег исчезает как пена,
не чая ночной мерзлоты,

и нерунгов четкие смены,
пейзажа скрепляют черты,
где маешься с легкой бравадой,
где веруешь без торжества...

Два вдоха — и что еще надо:
ты — дерево, камень, трава.

III.

На этой — сквозящей и белой,
чей край перелеском прошит,
где все оставляю — и тело,
и быт, и осколок души,
на этой — с украдкой, с боязнью
на Сретенье и на Страстной
пред досками с содранной вязью
склонившейся в вере живой,

на этой — где выбиты оси
и страх шелестит в колее,
где зрячий плетется на ощупь,
на этой, на этой земле —
наверное, лето настанет,
наверное, луг зацветет,
наверное, колокол грянет
и феникс в лесах запоет.

Мюнхен

А. СОЛЖЕНИЦЫН

...КОЛЕБЛЕТ ТВОЙ ТРЕНОЖНИК

Бесщастный наш Пушкин! Сколько ему доставалось при жизни, но сколько и после жизни. За пятнадцать десятилетий сколько поименованных и безымянных пошляков упражнялись на нем как на самой заметной мишени. Надо ли было засушенным рационалистам и первым нигилистам кого-то „свергать” — начинали, конечно, с Пушкина. Тянуло ли сочинять плоские анекдоты для городской черни — о ком же, как не о Пушкине? Зудело ли оголтелым ранне-советским оптимистам кого-то „сбрасывать с корабля современности” — разумеется, первого Пушкина.

Но даже в самые жуткие годы, к ранней пятилетке, уже стали „революционные идеалисты” очунаться. И даже в печалославной советской „Литературной энциклопедии” (наше поколение учили черпать мудрость из ее столбцов, затаив дыхание получать в читальнях), хотя и прокатывали Пушкина через разрыв с феодальной литературой, связь с капиталистическим развитием, тревогу за будущее своего класса, боязнь демократических низов, то прогрессивный романтизм, то романтизм реакционный, — но всё ж выводили „включение поэта в нашу эпоху и ценность его для социалистической культуры”.

Увы, даже от такого кислого приятия (но, увы же, не от драгоценных классовых ухваток к царю и декабристам) отшагнули литературные оценщики из сегодняшней образованщины. Вот эмигрантский журнал печатает на редкость сердитую статью из СССР „Пушкин без конца” (в смысле: когда же ему будет конец?). Ведь кажется так уже ясно: „вряд ли можно найти что-нибудь более чуждое современному человеку, чем лирика этого поэта”, „Пушкин попросту не нужен”, — но изумляет желчного автора „неожиданная необычная популярность поэта” и даже „возникший у нас культ личности Пушкина”. Впрочем, берется объяснить, — „надо только отделаться от пиетета перед его гением”. Методика будет такая: „светлая сторона личности Пушкина не будет нас здесь интересовать”, „незачем касаться того, в чем он был чист и глубок” (ведь не это же нам объяснит, почему его так любят в России через 150 лет), также и —

Из третьего тома „Очерков литературной жизни”

„нас интересует здесь не поэтический дар... Александра Сергеевича”, достаточно мерки классово-политической. А вот путь исследования: „Никто не станет теперь отделять психическую жизнь человека от ее физиологической основы” (прямо от писаревских нигилистов). В свой поиск о личности поэта не упустить глумно включить его собственные признания (удобно, пригодится):

И, с отвращением читая жизнь мою...

Бегло накидать уже сильно потрепанный предшественниками очерк декабристской эпохи, дворянства, общества, да нации, да всей страны („извечное русское холопство”, „редкий в этой стране здравый смысл”) — и разной грязи об ее истории. И вот наконец ответ о сегодняшней популярности Пушкина: он потому близок и понятен нашему обществу, что он такой же предатель! — вот открытие. Пушкин „предал свои убеждения под угрозой тюрьмы и покорился власти, от которой зависело его общественное положение и материальное благополучие. Пушкин был политическим ренегатом”. В духе стандартной дореволюционной „освобожденческой” непримиримости нам указывается: Пушкину „не пришла в голову мысль, что откровенность с царем постыдна, потому что царь — политический враг”. (Ископаемое из слоя тех десятилетий.) И только, де, потому никого не заложил, что его не посадили в каземат. Но Пушкину „надо было образумиться срочно... в одну ночь, примириться с действительностью... или идти в тюрьму”.

Не расхлебывать нам сейчас тут заново неразумную кашу декабризма. Бойкий оценщик не удосужился даже соотнести получше с датами. И царствование Александра I совсем не было к Пушкину „снисходительным”, как он его называет. И тем не менее уже в его сроки Пушкин испытывает поворот мировоззрения. Можно бы заметить, „Андре Шенье” — написан до декабрьского восстания, Пушкин уже тогда разгадал цену революциям. И „Годунов” со всей его исторической глубиной — создан до. С. Л. Франк писал: уже к 1825 году в Пушкине выработалась „совершенно исключительная нравственная и государственная зрелость, беспартийно-человеческий, исторический, 'шекспировский' взгляд”, „глубоко-государственное, изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения к свободе личности”. И даже та прожженная советская литэнциклопедия худших начетнических времен отмечала поворот во взглядах Пушкина с 1823, а пушкинское неодобрение декабрьского восстания объясняла хоть „боязнь крестьянской революции”, но не лично шкурными же интересами. Далеко же шагнули образованские критики в своих понятиях.

Да это еще не всё, главный смак нам оставлен на последние странички. Оказывается: женский светский аристократический Петербург составлял личный гарем царя. (Да какие ж у нашего проницательного исследователя источники? — ну, уже догадались: „послушаем, что рассказывает об этом (проезжий) маркиз де-Кюстин”, со слов „одной из своих знакомых, как поступила бы она, если бы царь проявил к ней интерес”.). Итак, установлено: „царь не встречал отказа, таких случаев просто не знали”. Значит и Пушкин: „продал царю свое перо, а теперь должен служить ему и своей женой... Известный своей гордостью поэт... должен был теперь нести постельную повинность, подобно всем”.

Однако не амурный поворот статьи, нет, политико-социальный, и Пушкин тут всего лишь как матерчатая мартышка, главные же громы — к ничтожным современникам, злость и высокомерие автора к ним уже в области забавности, но поскольку он не открыл нам себя, то лишает возможности оценить, насколько сам своею жизнью вознесся над описываемым стадом. И оттого отскакивают к нему рикошетом его же формулировки: „Культура утрачена до такой степени, что самая утрата ее уже не осознается”, „человеку свойственна глубокая потребность в самоутверждении... поэтому так интересно рыться в грязном белье так называемых великих людей”.

Ах, как предчувствовал Пушкин, написал: „Уважение к именам, освященным славою... первый признак ума просвещенного”.

Но появившись эта статья в отроге вольной социалистической публицистики, она и была бы отрыжкой все тех же классовых аналитиков. А нет, пикантность в том, что ее приючает в ограниченном объеме своего журнала Синявский (Синтаксис № 10). Что же тут могло привлечь разборчивого литературного критика?

Это заставляет задуматься: с каким же ведущим чувством были написаны и „Прогулки с Пушкиным”? Берем их в руки. Еще обложка предупреждает нас, в чем будут состоять прогулки: франтоватость беспечного Пушкина (у него же не было горей) — и основательная огруженность лагерника Синявского, вероятно прямо с лесоповала: в валенках, стеганой ватной одежде, рукавицах, и все это внутри двойного обмыка колючей проволоки: вот, дескать, сейчас мы тебя распатроним перед нашим лагерным опытом.

Задачи своей критик не скрывает от самого начала: спешит выразить ее глубину юмористическим эпиграфом из „Ревизора”, а на первой же странице уже включает и в текст как устоявшееся бы суждение о Пушкине: „так как-то всё”. Мучительно перебороз свою

„любовь к Пушкину, граничащую с поклонением”, критик однако не сразу переходит к разбору „священных стихов поэта”. Начинает он... да с того же самого вопроса, который мы только что слышали: „нам как-то затруднительно выразить, в чем его гениальность и почему именно ему, Пушкину, принадлежит пальма первенства в русской литературе”, „чем, в самом деле, он знаменит за вычетом десятка-другого ловко скроенных пьес”? И затем — да, с тех самых анекдотов о Пушкине, затрепанных, пошлых, они служат как бы научным вводом. Вот так трассируется:

— Ходячие анекдоты о Пушкине — Небрежность стиха, расхлябанность работы — Пушкин при дамах, кружение влюбчивости...

Эта череда ходов и не претендует на стройность, и даже избегает ее, это — продуманный танец вокруг Пушкина, не проникающий в его ядро, и часть па — меткого подражания, существенных примет, а часть и пустой припляс.

... — Пушкин пародиен и развивался вбок — Пристрастие Пушкина к анекдоту — Пушкин умер как мальчишка в согласии с программой своей жизни — Смирение — Универсализм от легкомыслия вальсирующего взгляда ...

И как же стыкается ход с ходом? По ассоциациям, часто искусственным, хотя искусным, перескоки с сюжета на сюжет.

... — Содержимое Пушкина — пустота — Пушкин — вурдалак — Беспутный Певец чумного пира ...

Еще более удивитесь этому сооружению: не постройка, а как бы прогрызен Пушкин норами и все больше по нижнему уровню, и система нор так запутана, что к концу мы вместе с эссеистом уже вряд ли помним свое начало и весь путь.

... — Мелочная регистрация жизни вместо ее описания — „Евгений Онегин” — роман ни о чем, растительное дыхание жизни — Болтовня как осознанный стилистический принцип Пушкина — Пушкин — родоначальник невыносимого реализма русской литературы ...

Тут танцор захрамывает и даже падает на колени:

... — Неуничтожимое чувство истории — Неопровержимое ощущение гармоничности бытия — И оттого — скульптурность, удержание образа — „Магический кристалл”, всплывание невоплощенного блаженства ... —

и это лучшее место, мы к этому вернемся. Но затем движение снова уклочивается —

... — Первая частная персона в фокусе исторического внимания — Фамильярность и экстравагантное позирование — ... — Преимуще-

ства негритянского происхождения. — Пушкин равняется на Петра I — Пушкин равняется на Аполлона — Дионисийский восторг „Медного всадника” — Пушкин отрясает свой ничтожный прах в Онегина — Пушкин — это Хлестаков!

Странное... скажем, эссе, я назвал бы его „червогрыз”, наиболее точно к его ходам. У него нет смысловой конструкции, оно именно так и строится: начав со сладкого места, прогрызает и дальше лабиринт по сладкой мякоти, а где твердые косточки, что не идет в жвало — миновать. Ни там индуктивного, ни там дедуктивного метода критик нам не предлагает, но ведет по замышленно запутанным извилам. Противоречия между ходами не смущают эссеиста: вурдалак (с большой экспрессией и пониманием нам передан процесс вурдалачества и его ощущения) — и смирение. У беспутного — полнота гармонии. В пустоте — напряженное чувство истории. Отрешенный царь поэзии, Аполлон, или земной царь Петр, „спиной к человеку”, раздавливая его, — и Хлестаков... Эссеист увидел в Пушкине и что действительно можно увидеть — и чего уж никак не возможно. Но начальное скольжение идет у критика легко, обаятельно, и быстро приводит нас к заслуженно ничтожной смерти поэта. Однако танец, на всем пути умело оркестрованный стихами Пушкина, продолжен: цитаты если не всегда к месту по мысли, то к месту по музыке — музыка заимствуется у жертвы, — и, при ограниченном объеме произведения, эссеист возвращается, — не от запутанности своих ходов, но от страсти, — второй раз отбить чечетку над дуэлью и смертью Пушкина, один раз ему кажется недостаточным. „Как ему еще прикажете подышать?”

В подробном лабиринте всего прогрыза чего только мы не услышим, через что только не вынуждены будем переползать. Безответственность, безтрудолюбие, беззаботность Пушкина. Пушкин „органично воспринял вкусы балагана”. И эти дешевые вкусы не могли же не определить и собственного поведения пушкинского ничтожества: „Площадная драма, разыгранная им под занавес... в своей балаганной форме... правильно отвечает нашим общим представлениям о Пушкине-художнике... в крупном лубочном вкусе преподносит достаточно близкий и сочный его портрет” — и, через двоеточие, объяснение портрета: пугачевская притча, что лучше раз выпить живой кровью, чем триста лет питаться падалью, — любимая притча Сталина, много преподавшая в советской школе, — вот ее и прилепить Пушкину, прием! Берет эссеист похабный уличный стих о Пушкине и великодушно советует читателю, что эквивалентно употребить „Брожу ли я вдоль улиц шумных”. „Вольно

пересекаемое пространство”, по которому „скользит, вальсируя, снисходительный взгляд поэта”, — „вот его творчество в общих контурах”. Наш аналитик вообще любит так — „в общих контурах” (а то „грубо говоря”, или: „продолжая быть может немного дальше, чем (оппонент) намеревался сказать”, — многообещающая метода), представить предмет не в его пропорциональности, а в карикатуре, тогда его легче препарировать. „В общих контурах” мы и получаем, что „в облегченных условиях творчества” юноша Пушкин „шалая-валяй, что-то там такое пописывал, не утомляя себя излишним умственным напряжением”.

Подкрепим эссеиста примерами: в 16 лет — „Наполеон на Эльбе”, „На возвращение Государя из Парижа”; в 17 лет — „К принцу Оранскому”, „Боже царя храни!”; в 20 — „Деревня” („Приветствую тебя, пустынный уголок”).

„Легкость в отношении к жизни была основой мирозерцания Пушкина”. Подкрепим и тут: „Безверие” (1817). 18-летний юноша так разветвленно описывает отроги неверия, этих мук, когда

Ум ищет Божества, а сердце не находит...
Во храм Всевышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей,

а между тем

Завесу вечности колеблет смертный час,
приводя к открытию, что

Лишь вера в тишине отрадою своей
Живит унылый дух и сердца ожиданье.

В наше время не каждому и в 60 лет доступно такое видение.

„В произведениях (Пушкина) свирепствует подмена, дергающая авторитетные тексты вкривь и вкось”. И где ж это „дерганье”? Мы не ткнуты. (Тут бы и вспомнить критику, если б стояло у сердца: например, гениальное переложение в стихи „Отче наш” и молитвы Ефрема Сирина — вот уж не „вкривь”, и вот еще на что шла легкость пушкинских стихов, — кто из поэтов делал что-нибудь подобное?) Совмещал „вселенский замах”, „генеральные масштабы” со вниманием к „расположенной под боком букашке”, „крохоборческое искусство детализации”, „карикатурно мелочен” — в упрек. (А это — высшая похвала: что художник с равным успехом пользуется и легко меняет дальний и ближний объективы. Такая гибкость послана редко кому.) От Пушкина „повелся на Руси обычай *изображать действительность*” (раздраженный курсив Синявского). И чем же плох обычай? „Болтливость Пушкина сочли большим реализмом.” И такой еще находится Пушкину упрек: „первобытная ра-

дость простого названия вещи”, „поименная регистрация мира”, впрочем, „небрежная эскизность и мелькание по верхам” сближали сочинения Пушкина с „адрес-календарем”. Особенно допекают критика многословные перечисления в „антиромане” „Онегине”: мол, „взамен описания жизни он учинял ей поголовную перепись”, что может дать простой реестр?

Отчего же? Вот, например, простой реестр издевок, которые успевает нашвырять критик поэту на тесном пространстве своего упражнения (для легкости чтения даю абзац без кавычек):

Егозливые прыжки и ужимки. Проворнее оттараторить. В ампулу ловеласа... прибыльное циркулирование стихов. Жестикующая по-обезьяньи. При даме он вроде как при деле. С барышнями... вибрировать всеми членами. На тоненьких эротических ножках вбежал в большую поэзию. Сплошное популярное пятно с бакенбардами. Поэтический стриптиз. (Для дам) незаменимый как болонка, такая шустрая, в кудряшках. Паркетный шаркун. Сколотивший на женщинах состояние. (Хлестаков) — человеческое alter ego поэта. Небесный выходец, скорее бес...

Скорее бес...

А то просто трунит: „плакать хочется — до того Пушкин хорош”, „мы слизываем языком слезы со щек”. Впрочем, „возбуждал иногда у чутких целомудренных натур необъяснимую гадливость”. И это при том, что Синявский то и дело восхищается Пушкиным, излагая это талантливо, увлеченно, местами ярко, однако эпитеты выдержаны так, чтоб и похвальная форма грязнила бы поэта. Нам предложено такое условие игры: сквозная двусмысленность, повсюду искать порчинку или даже искусственно ее создавать.

Теперь о пушкинском творчестве:

(Лефовское) „искусство в производстве”. Сам не заметил, как стал писателем, сосватанный дядюшкой под пьяную лавочку. Расхлябанность и мгновенное решение темы. Слабость к тому, что близко лежит. Его понесло. Ошалевший автор. Мчался давить мух. Порожня тара. Пушкинская лужа (наплаканная Станционным смотрителем). (Его) болтовня исключала сколько-нибудь серьезное и длительное знакомство с действительностью. Работал как фокусник... если правая (рука) писала стихи, то левая ковыряла в носу. Подсвывает читателю заваливающий товар. У него было правило не отказываться от дешевых подачек. Строфа его... достаточно ordinaria и вертится бесом, не брезгая... ни примелькавшимся плагиатом, ни падкими... рифмами. Его бессмысленно звонкие строфы. Кто еще эдаким дуриком входил в литературу?

И это тянется через все вертлявое сочинение, хлещет на каждой странице, таков — фон исследования. Зачем эта цепь кривляний, как она идет к делу? Ею ничто не решится.

Постепенно мы начинаем понимать, что это и к чему. Критик увидел надежный пяточок, на котором чем громче тарелки бить, тем и сам слышней. Пушкин для него не столько предмет, сколько средство самопоказа, — своих прыжков, ужимок и замираний. Но при этом непоправимо отказывает эссеисту чувство меры. „Поражает, как часто его гениальность пробавлялась готовыми штампами”, — зато Синявский тщится только бы не стривиальничать. Он — в своем излюбленном жанре анекдота и скандала. Он предлагает читателю „отбросить тяжеловесную сальность” „простодушного плебейского похабства” — но с тем, чтобы пуститься в похабство интеллигентское.

Да, так о дуэли же еще (опять без кавычек):

Жил, шутя и играя... умер, заигравшись чересчур далеко. Колорит анекдота был выдержан до конца. Сплетню первым пустил поэт... Дуэль, раздутая сонмом биографов и... обещаний клятвенно отомстить за него (шпилька Лермонтову)... — была итогом его трудов... И будет распускать позорный слух о Пушкине по всей планете, всяк сущий в ней язык... И будет спрашивать все слышавшее о нем человечество... (что же именно спрашивать?)... „с кем, когда, где”? (а может быть намек непонятен? кто не понял, тому в прямую пропечатку: ..... ? вопрос по-уличному, не повторяем), — самый острый, самый существенный вопрос для эстета-литературоведа. И теряя последнее чувство меры — еще раз в мякоть, отдельной строчкой-жалом:

„ — Ну а все-таки?”

Да не к этой ли самой мякотке он и точил весь свой грызовой ход? С такую сальностью глумиться над несчастной колотьбенной замученной жизнью поэта в его послеженитьбенные годы, когда уже и осень в Михайловском не давала ему покоя и вдохновения, а только заботы существования и горечь от жизни. А наивная-то Ахматова, полагая славу Пушкина утвержденной уже навек, недавно взялась перебирать изболевшие листки, отслоенные от исстрадавшейся души: „Тема семейной трагедии Пушкина не должна обсуждаться”, но берется она „уничтожить неправду” — из-за „змеино го шипения Полетики, маразматического бреда Трубецкого, сюсюканья Араповой”. Вот никак не догадывалась Анна Андреевна, что тут же, под рукой, подрастает еще один славный язвист, а там потянется и целая припльсывающая вереница.

Неизлечимое амплуа Синявского — вторичность, переработка уже готовой литературы, чужого вдохновения, с добавкою специй. А еще у него есть несчастное представление, что он творит новый литературный стиль языковыми разухабствами. Дает он им волю и здесь. Не в лад, не в уровень к предмету рассмотрения, ни к задуманной высоте открытий напихать в текст грубых выражений, не слыша фальши собственного голоса (и это надо каждый раз понимать как художественный прием):

валандаются герои... шанс выйти в люди... встать на попа... жить на фуфу... по боку... на арапа... даешь Варшаву!.. 15-летний пацан... смолоду ударил по географии... навяливается со своей биографией... ворошить злосчастные бебехи... к нашим баранам... сменив пластинку... скача на пуантах фатума (особая гордость стилиста, ибо: „по плитам международного форума”, и не слышит безвкусицы)... закидоны донны Анны... карманник Германн.

Последнее подводит нас к лагерному опыту эссеиста, и конечно же он не упускает украсить и тамошним жаргоном:

насобачившийся хиялять в рифму (Пушкин)... статья Пушкина (то есть уголовная, в смысле жизненного жребия)... тянет резину... кейфуя... подначки... для понта, на слабо...

Так трудится Синявский, чтобы сделать свое сочинение памятной гримасой нашего литературоведения. Изворачивает взвешенное правило французского вкуса: у меня маленький бокал... а я хочу пить из большого. Поражаясь пушкинской широте и глубине восприятия существующего, Синявский изощрается объяснить их „сердечной неполноценностью”, п у с т о т о й или „почти механической реакцией”, „расфасовкой страстей и намерений по полочкам”. „Много ль надо (вложить), коли нечего вкладывать”, когда „не хватает своей начинки”. В бессилии уловить тайну пушкинского прития мира, критик нетерпеливо толкает поэта — в пустоту.

Для пустоты Пушкина он находит и такое веское доказательство: под его пером мы „успе(ваем) подружиться с обеими враждующими сторонами”, Пушкин „наслаждается потехой” столкновений, „подыгрывает нашим и вашим”, „будто науськивает их”. Норовит придрасться: „Бог помочь вам, друзья мои”? В этот стих щедро включено по крайней мере девять сфер жизни, — критик выхватывает оттуда одну „царскую службу”: ка-ак, и это наряду с декабристами?!?.. Тут у Синявского вызвучивает революционно-демократическая погудка, хотя уж так она не подходит к абстрактному эстетизму, настроение и мысли совпадают с приюченным разоблачителем „Пушкина без конца”. „Царская служба”? — кроме жан-

дармской никогда не воображали ревдемократы других служб, создающих и крепящих Россию.

И вот куда дальше разыгрывается „пустота” Пушкина: „Для него уподобления суть образ жизни”. Как будто критику такого ранга невдомек, что уподобления, способность без остатка воплотиться в персонаже, и есть высшая форма писателя и артиста, а что вне этого — то будет Салтыков-Щедрин. Пушкин настолько „пуст”, чтобы по-писательски уметь отобразить собой весь мир, а не только само-само-самовыражаться. Для того нужна не пустота, а бездонная глубина. Да, кто слишком занят собой, этого свойства понять нельзя. Всякий раз, воплощается ли Пушкин в Пугачева, самозванца, Петра, Татьяну, Онегина, — всякий раз Синявский торжествует, что тут-то он и поймал Пушкина на какой-то собственной мерзкой черте! И, переплясав, он выдувает пустой пузырь... Пушкина-вурдалака! Ему мнится: „в столь повышенной восприимчивости таилось что-то вампирическое”, — а иначе критик не может объяснить: это „переливание крови жертв в порожнюю тару того (Пушкина!), кто в сущности никем не является”. Феноменальное открытие! Содрогнулась история мировой литературной критики. Надо подмазать, обожновать. А вот. Будто: у Пушкина в произведениях слишком много места отводится непогребенным телам, и даже „мертвое тело смещается к центру произведения”. Да где же это? А вот — убиенный царевич в „Годунове”. Но позвольте, он повторно выплывает и выплывает как сюжет совести, а вовсе не в натуральном непогребенном виде, и вовсе не как страсть поэта-вурдалака. Сколько существует пушкинский „Годунов” — никто тут не видел до Синявского наслаждения кровососания. Другие доказательства: прямые упоминания мертвцов, утопленников и даже вурдалака в стихах Пушкина. Но это потому, что они не так редки в фольклоре (ба! пропущенная тема: „народ-вурдалак”), — и Пушкин с чуткостью следует за народным фольклором. (А Синявский, увы, демонстрирует чувствительность скорее к фольклору блатному.) Но к чему поставлено у Пушкина? Утопленник? — мораль перед мертвым; вурдалак сведен к шутке, из чего нам надувают? „Покойник у Пушкина служит... катализатором, в соседстве с которым (действие) стремительно набирает силу и скорость.” Ну что за натяжка? Кто, оглядывая в целом все читанное у Пушкина, уловил это некрофильское возбуждение? Синявский натягивает примеры из „Дон-Жуана”, из Вильсона (сюжеты бродячие), а из „Онегина” даже антипример (от смерти Ленского действие прервалось надолго), все сгодится. Но на том и лопнул вурдалачный пузырь.

Как же это все понять? В разборе есть столько талантливое — зачем же его губить? Неужели Синявский не видит высших уровней Пушкина? О, отлично видит (из-за того и все выламывание на Пушкинской площади), и от поры до поры дает им прорисоваться на своих страницах. „Эротическая стихия у Пушкина вольна рассеиваться, истончаться, достигая трепетным эхом отдаленных вершин духа”. (Или, менее удачным слогом: „впечатление перекрыто положительным результатом”.) „Все на удивление — нов, свеж, современен и интересен”. „Загадочен в очевидной доступности истин, им провозглашенных”. Да и „растительное дыхание жизни” — пожалуй тоже оборачивается похвалой? „Роман утекает у нас сквозь пальцы”, „неуловим как воздух”. (Пушкину) „всегда удавалось попасть в такт”, „он, и безумствуя, знает меру, именуемую вкусом” (урок его критикам). „Вещи выглядят у Пушкина, как золотое яблоко на серебряном блюдечке”. „Пушкин чаще всего любит то, о чем пишет... — (и вот чего лишена наша новейшая литература, увы) — ... а так как он писал обо всем, не найти в мире более доброжелательного писателя”. „В своих сочинениях (Пушкин) ничего другого не делал, кроме как пересказывал ритмичность миропорядка”. Это проворчано в сниженном ряду „обеда и ужина, зимы и лета”, — а есть ли у художника более высокая задача, чем делать слышным ритм миропорядка? Чувство всеобщей гармонии, царствующее в Пушкине, дразнит критика — и он схемно, коридорно объясняет его фатализмом, „сознанием собственной беспомощности”. Сень божественного Провидения у Пушкина критик подменяет с маленькой буквы „судьбой, распределяющей награды и штрафы”. „Ленивый гений Пушкина-Моцарта потому (!) и неспособен к злодейству”, что не берется „самовольно исправить судьбу”. Во всех извилистых ходах тяготеет над Синявским это недоумение от разности мироощущений. (По поговорке — „болен чужим здоровьем”.) По художественному, чутью он не может этого не воспринимать на каждом извиве. „Пушкин — золотое сечение русской литературы”. „Фигура круга... наиболее отвечает духу Пушкина”, „самый круглый в русской литературе писатель”. Где-то в середине Синявский и вовсе прекращает свой танец, на короткое время перестает суетиться с нагромождением парадоксальностей, но в озадаченности все поднимается. Тут он делает свое замечательное наблюдение, что изобилие „отрывков” у Пушкина, „Пушкин по преимуществу мыслит отрывками; это его стиль”, — вовсе не порок, а тоже признак совершенства: „Утраты не портят их, а, кажется, придают настоящую законченность образу... Фрагментарность тут, можно догадываться, вызвана прежде всего пронзитель-

ным сознанием целого, не нуждающегося в полном объеме и заключенного в едином куске". Эти все наблюдения до чего же верны. Это тут критик зорко судит о природе скульптурности у Пушкина как способе удержания образа, тут со вдохновением истолковывает и необминуемый „магический кристалл" и в „виденьях первоначальных, чистых дней", всплытие блаженства. И даже, в последней крайности, пронзенный, один раз присоединяет и свой голос к голосу поэта: „Отче, открой нам, что мы Твои дети".

Мы все более недоумеваем. Понимая т а к о е — на что же тратить свой талант? как же можно столько изгаляться, наметать столько блатного мусора? Какое же чувство может двигать критиком, столько раз декларировавшим свою преданность русской культуре? Может быть, и для него самого это загадка. Вдруг встречаем в его новейшем эссе:

„Где только не испражняется русский человек! На улице, в подвортне, в сквере, в телефонной будке, в подъезде. Есть какая-то запятая в причудливой нашей натуре, толкающая пренебрегать удобствами цивилизации и непринужденно, весело справлять свои нужды, невзирая на страх быть застигнутым с поличным... Однако ничто у нас на Руси так не загажено, как „памятники народного зодчества"... Пустынное место, что ли, располагает к интимности? Что же еще делать в пустоте одинокому человеку? Скинет штаны, почувствует себя на минуту Вольтером и — бежать. И не просто дурь или дикость. Напротив. Чувствуется упорная воля... И сколько тут смелой выдумки, неистощимой изобретательности! В соборе XIII столетия мне посчастливилось обнаружить кокетливый след одного правдоискателя, оставившего аккуратную кучку под самым куполом..."

Вернее — видимо не объяснить. Не система взглядов и оценок ведет критика, а вот этот синдром. Очевидно, „есть какая-то запятая в натуре" всякого ниспровергателя (о, далеко не единственного) искать для такой нужды если не святое место, то просто притягивающее человеческую любовь, тепло, — и туда... „И сколько тут смелой выдумки, неистощимой изобретательности", — перелистывайте сегодняшнюю печатную продукцию, обретшую свободу.

А чтобы такой творческий акт, особой формы, произвести над гением — удобнее совершить над ним вивисекцию: рассечь на гения и человека, „светлую часть рассматривать не будем", выпустим, так и быть, гения из храма через купол, а в оставшемся пустом храме — нагадим. Эту вивисекцию, пигмейскую уловку, охотно употребляла дореволюционная ревдемократическая критика, затем и советская, теперь и новоэмигрантская. И Синявский много страниц сжатого изложения не жалеет на изощренные спекуляции о разъятии, совмещении, замещении Поэта и человека. „Пушкинский Поэт... нечто настолько дикое и необъяснимое, что людям с ним делать нечего... Он

либо стоит столбом, ни на кого не обращая внимания, либо носится, как сумасшедший". Смешивать в живом лице человека и поэта — „тонкий соблазн". Пушкин „единого человека рассек пополам на Поэта и человека" (вовсе нет, приписывает свой метод), — „фокусник". Столько фиоритур на темы крови („негр — это нет, негр — это небо") — и ничего о духовной укорененности Пушкина. „Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон" — „странная тирада"? Все это не ново, малозначительно, пустые упражнения. Как во всяком человеке, все едино, органично и в гении: его жизненное поведение, светлые и темные стороны, краски и тени личности, его мысли и взгляды, его художественные достижения и провалы, — и притом во всякую минуту естественное пребывание самим собою. Гениальность — не влитая отдельная жидкость. Судить по разъятым частям — обречь себя не понять сути. Но конечно, понять явление целостно — несравнимо трудней.

Синявский приносит и навязывает Пушкину, что для его „модели мироздания... необходимо в середине земли предусмотреть... гроб... неиссякающего мертвеца, конденсированную смерть". Так — для многих (чаще неверующих) людей, замороженных неизбежностью нашей смерти, тоскующих „в той норе, во тьме печальной". Но у светлого Пушкина мы нигде не встречаем страха смерти, для него смерть — на надлежащем, отнюдь не стержневом месте, на истинном уравновешенном ее месте в строю вселенной, Пушкин и в этом проявляет предельное духовное здоровье. Когда он говорит о божестве и божественном — это никогда не пустые слова, не мимоходный эпитет. Поэт не сомневается в бессмертии души, сумел выразить его в двух поразительных эпитафиях младенцам. Говорил: „Я много думаю о смерти и уже в первой молодости много думал о ней", — но относился к смерти примиренно, спокойно, с возвышением мысли. После дуэли потребовал от Данзаса не мстить за свою смерть. Причашавший его старый священник сказал: „Для самого себя желаю такого конца, какой он имел".

Однако заиграть Пушкина в пустоту — еще будет мало. Как и предшественник их Писарев, новые критики заботятся создать впечатление, что Пушкин был глуповатый человек без существенных мыслей, лишь несомый необузданным даром. Тот тугоухий рационалист писал:

„В так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века."

В „Пушкине без конца”: „С легкой руки Достоевского принято считать (Пушкина) мудрецом”. И у Синявского так прямо и написано: „по совести говоря, ну какой он мыслитель!”, и подробнее: „Отсутствие строгой системы, ясного мировоззрения, умственной дисциплины, всеядность и безответственность (Пушкина) в отношении бытовавших в то время фундаментальных доктрин”.

Что имеют оценщики в виду? Какие такие фундаментальные доктрины? Они-то знают, но читателю не спешат разъяснить. Пушкин осмеливался высказываться так: „Нам уже слишком известна французская философия XVIII столетия”, „соблазнительные *исповеди*”, и „ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя”. А посему все нежелательные — острые, меткие, глубокие замечания выдающегося интеллекта в его публицистике, критике и письмах должны быть замолчаны, не напоминать, авось не заглянут, сооронить временный желаемый шалашик без них.

Мы постепенно вступаем в объем, не изъеденный ходами критиков. Мы оглядели, что они в Пушкине изрыли, — но еще остается: от чего уклонились, а без этого и картины нет.

С какой уверенностью и знанием возражает Пушкин Чаадаеву:

„Что касается нашего исторического ничтожества, я положительно не могу с вами согласиться... (следует беглый обзор событий). Разве вы не находите чего-то величественного в настоящем положении России?... Клянусь вам честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, как историю наших предков, такую, как нам Бог ее послал”.

Или в очерке о Радищеве:

„Умствования его пошлы и не оживлены слогом... охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого атеизма... думал подражать Вольтеру, потому что он вечно кому-нибудь да подражал... Истинный предстатель полупросвещения”.

И о „Путешествии” его, этих святцах российской ревдемократии:

„...Сатирическое воззвание к возмущению... Варварский слог... Бранчивые и напыщенные выражения... с примесью пошлого и преступного пустословия... желчью напитанное перо... Мы никогда не читали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а „Путешествие в Москву” весьма посредственной книгой”.

изданной ради политического взрыва в такое время, когда

„...правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения”.

Но и шире:

„Нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви”.

Да невыносимо образованским литераторам цитировать Пушкина, где он и в виду внешней цензуры не упускает внутреннюю ответственность:

„Он злится на цензуру. Не лучше ли было потолковать о правилах, которыми должен руководствоваться законодатель, чтобы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар Божий, не была рабой и жертвой бессмысленной своенравной управы; а с другой — чтобы писатель не употреблял этого божественного орудия к достижению цели низкой или преступной?”

И даже еще куда невыносимей: что „аристократия пишущих талантов” —

„самая мощная, самая опасная... На целые поколения, на целые столетия налагает свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки... Никакая власть, никакое правление не может устоять против всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно”. ...„Самое глупое ругательство и неосновательное суждение получают вес от волшебного влияния типографии”.

Да может быть в таких-то взглядах Пушкина (помимо его общего раздражающего душевного здоровья, равновесия, неизъеденности ржавчиной) и залегает одна из причин нынешнего гнева. Две цитаты все же пропирают кольями бок изнутри, и Синявский не утаивает их:

„Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим”, „Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне...” (и, продолжим критика:) „частные, поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему”, —

да ведь это на полтора века вперед о сегодняшнем полупросвещении и претензиях его глашатаев. А еще ж о Соединенных Штатах, 150 лет назад:

„С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью ко довольству.”

И это неприятное: „Что нужно Лондону, то рано для Москвы”.

А еще же бывали перечные свидетельства поэта, вроде:

„Взгляните на русского крестьянина: есть ли и теня рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Перемчивость его известна... Никогда не встретите вы в нашем народе невежественного презрения к чужому”.

А еще ж недосыгаемая способность Пушкина „соединить в себе непримиримые сознания интеллигенции и империи” (Бердяев), „синтез империи и свободы, неосуществимый после него... Как только Пушкин закрыл глаза — разрыв империи и свободы совершился бесповоротно... Свободу мятежную он судит во имя высшей свобо-

ды... Ничто не позволяет назвать его демократом... С возросшим опытом, с трезвым взглядом на Россию... его консервативное сознание (Федотов), „свободный консерватизм” (Вяземский). Пушкин договаривался до того, что „устойчивость — первое условие общественного блага”.

Да, при таких взглядах — Пушкина удобнее всего, разумеется, перевести в дурачки.

Гершензон так и статью назвал „Мудрость Пушкина”. А Франк: „великий русский мудрец”. Он указывает, что Пушкин оставался в русском общественном сознании недооцененным в течении всего XIX века — потому что политическая мысль до самого 1917 года пошла (и пришла...) не пушкинскими путями. Используя все письменные высказывания поэта и достоверно дошедшие до нас устные, Франк оценивает политическое мировоззрение Пушкина как „изумительное историческое явление русской мысли”, настаивает, что „величайший русский поэт был также совершенно оригинальным и, можно смело сказать, величайшим русским политическим мыслителем XIX века”, „Пушкин представляет в истории русской политической мысли совершенный уникум среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века”.

А пушкинский жадный интерес к истории и напряженное чувство ее? — много ли равного мы потом разыщем в нашей литературе? С каким настоянием, рискуя вызвать высочайшее раздражение, он держится за право доступа в исторические архивы. Как заботливо ищет бумаги по частным хранителям. Несколько начатых крупных исторических замыслов, история от Петра I до Петра III. Уж литературоведу надо бы уметь видеть писателя в тех контурах, к которым он рос и тянулся, а не только в тех, которые, по нескладности жизни, он успел занять. И каково толкование текста „Слова о полку Игореве”, в спор набежавших поспешных специалистов! Яркая память всей глубины истории русской, с которою Пушкин ощущает свою органическую слитость, всех веков, а особенно последних царствований, а особенно Отечественной войны в пору своего отрочества, и трагических фигур этой войны. Постоянная забота „о славе и о бедствиях отечества” — и впереплет с этим пристальное внимание ко всеобщей истории, и Запада и Востока, „всечеловеческий захват при сохранении национальной полноты” (П. Струве), и не остывающий интерес к Европе (Вейдле: „метко застреленный европейцем, но плохо переведенный на европейские языки”) и недавней тогда французской революции, верное суждение о духе ее:

О брате сожалеть не смеет ныне брат...

...Убийцу с палачами

Избрали мы в цари...

братское чувство к казнимому Андре Шенье.

Но мало того что пушкинское чувство истории было напряженным — оно было и удивительно взвешенным: он мог одновременно негодовать от внутренних пороков в современной ему России (письмо Чаадаеву, 1836) и не упускать места России в мировой истории. И каким уроком последующим десятилетиям звучит его предостережение:

„...не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества.”

Мы вовсе не призываем стать такими беспредельными поклонниками Пушкина, как те, которые в ответ на критику всех зол петербургского периода России отвечают: „А зато он дал нам Пушкина!” Однако удивляться надо тому, сколько пушкинского мы переносим с собою в XXI век. Что даже частные письма его мы сегодня читаем с упоительным интересом. (И как они умны!) Ведь Пушкин застал нашу прозу „так еще мало обработанной, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для объяснения понятий самых обыкновенных”. Чтение его случайнейших отрывков, заметок передают нам ощущение полета всегда свободной мысли. Еще не имев и достаточно лет на мужанье и сотворенье, он стал верное начало наше. А мы не так-то много, не так-то во многом за ним и пошли, скорее сказать: русская литература до сих пор недостаточно усвоила Пушкина — и предложенную им широту (столько уклонясь, за Радищевым? к мортирным сатирам на социальные язвы), и его легкохватчивый попутный скользкий беззлобный юмор, отозвавшийся заметнее всех в Булгакове. Еще и с рождением народной трагедии — сочетание свойств, о котором не скажешь, что оно потом легко поветрилось в нашей или в другой какой литературе. Пушкину у нас оказались верны не столько имена первого ряда.

Пушкин уверенно вывел из наблюдений: „Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу”. Так вот Пушкин — принадлежал русскому, хотя удивительно были ему открыты и древняя Греция, и древний Рим, Египет, Библия, мусульманский мир, Испания, Франция, Англия.

Пушкин пропитан русской народной образностью; в общей сродности с народной основой и его христианская вера. Она вы-

ражается в форме народного благочестия, которое он естественно перенимает из народной стихии: „Пречистая и наш божественный Спаситель”. Тут и нянино венчанье — „Так, видно, Бог велел”, и предсмертный земной поклон Пугачева кремлевским соборам, и весь колорит „Бориса Годунова”, и православный подвижник Пимен, и прямая защита православия в письме к Чаадаеву. С сочувствием и пониманием комментирует наш поэт и „Словарь святых”, не боясь вольтерьянского хохотка. Не сочтешь поэтической игрой переложение двух молитв. Не сочтешь и простым разговорным оборотом:

Веленью Божьему, о Муза, будь послушна.

Вера его высится в необходимом, и объясняющем, единстве с общим примиренным мироощущением:

Туда б, в заоблачную келью,

В соседство Бога скрыться мне.

Самое высокое достижение и наследие нам от Пушкина — не какое отдельное его произведение, ни даже легкость его поэзии непревзойденная, ни даже глубина его народности, так поразившая Достоевского. Но — его способность (наиболее отсутствующая в сегодняшней литературе) все сказать, все показываемое видеть, осветляя его. Всем событиям, лицам и чувствам, и особенно боли, скорби, сообщая и свет внутренний, и свет осеняющий, — и читатель возвышается до ощущения того, что глубже и выше этих событий, этих лиц, этих чувств. Емкость его мироощущения, гармоничная цельность, в которой уравновешены все стороны бытия: через изведенные им, живо ощущаемые толщи мирового трагизма — всплытие в слой покоя, примиренности и света. Горе и горечь освещаются высшим пониманием, печаль смягчена примирением.

За что на Бога мне роптать,

Когда хоть одному творенью

Я мог свободу даровать?

Это — не мимоходная фраза, это философия, „милость к падшим призывал”. Пушкин принимает действительность именно всю и именно такую, как ее создал Бог. У него нет „онтологического пессимизма, онтологической хулы на мир...”, но хвала ему; и „русская литература в целом была христианской в ту меру, в какой она оставалась, на последней своей глубине, верной Пушкину” (о. А. Шмеман). „Самый гармонический дух, выдвинутый русской культурой... Воплощение меры и мерность... До конца прозрачная ясность...” (П. Струве). Все противоречия у него разрешаются в жизнеутверждающей созвучности, в светлом аккорде. Вот этим оздоров-

ляющим жизничувствием Пушкин и превозвысил надолго вперед — и русскую литературу уже двух веков, и сегодняшнюю смятенную, издерганную западную. Из-за этого чуда и „не было в России писателя, перед которым анализ оказался бы настолько бессилем... Бедны и заносчивы все комментарии к тому” (Адамович).

Но прибегают проворные, быстро сколачивают фанерный макет, претензией больше бронзового памятника, заслоняют и малюют: „Пушкин-вурдалак”, „Пушкин-Хлестаков”, „Пушкин-предатель” (и еще будет). И читателям предлагается забыть, что наслоилось в их душах от Пушкина, или по крайней мере усумниться. (Оба начинают с жалобы, что им мешает величие, вознесенность Пушкина, предлагают прогуляться с черного хода, — мол, парадный „заставлен венками и бюстами”. Если принять эту мотивировку за чистую монету, — нельзя не поразиться: какая ж внутренняя несвобода в общении с высокими ценностями, какое рефлексивное, подростковое сознание.)

Естественно ли было нам ожидать, что новая критика, едва освободясь от невыносимого гнета советской цензуры — на что же первое употребит свою свободу? — на удар по Пушкину? С нашим нынешним опоздавшим опытом ответим: да, именно этого и надо было ожидать. Потому что эта критика реально продолжает эстетический нигилизм шестидесятников, хотя б и понимала себя супер-авангардистской. Неслучайно у того же Синявского в диссидентской исповеди читаем: „я воспитывался в лучших традициях русской революции... в традициях революционного идеализма, о чем, кстати, сейчас несколько не сожалею” (дело хозяйское). Ревдемовскую и новейшую критику роднит революционное неуважение к классике (через которое они претендуют отличиться самобытностью мысли), новейшей кроме того свойственна вседозволенность сальностей и хамства.

И этот хоровод не вокруг одного Пушкина, и не только в двух названных сочинениях. В первом бегло успето и о Достоевском: „несуразное мировоззрение”; и Достоевский, мол, осудил свое вольнодумство „по той же причине” — то есть из желания угодить властям и добыть материальные преимущества. (Только о сутенерстве пока не сказано.) В „Прогулках” достается тоже не одному Пушкину. Походя замечание о Гоголе такого типа: „рисова(л) все в превратном свете своего кривого носа”. (Стиль-то! — свет носа...) Но гораздо чаще о Лермонтове (Лермонтов чем-то сильно уязвил критика,

своим ли мистическим мироощущением?): много играл „на нервах” войны; „Бородино” появилось „под влиянием дяди” „самых честных правил” (ведь такое редкое слово „дядя”, ясно виден литературный исток); еще ж это неприличие „мстить” за Пушкина, или вызов: „Я рожден, чтоб целый мир был зритель...” Тут пока только эскизы, но может быть грянет и книга о Лермонтове, тем легче, что Лермонтов имел мало простора объясниться. Да вообще эта „лишенная стати... оголтелая описательность девятнадцатого столетия”, „горы протоколов с тусклыми заголовками”... Беглыми рикошетами раздражение критика достается Гончарову, Чехову, ну и конечно же Толстому: над названьем „Война и мир” критик хихикает, иронически называет Толстого „артистом”, а в другом месте и прямо объявил его „гениальной посредственностью”. (И что ж вырастает за грандиозная аполлоническая фигура самого судьи, создателя „Крошки Цорес”.)

Это — перспективное направление, от него можно ждать еще разительных открытий о русской классике. Еще придут новые боратели, доказывать: как ни в чем и никакого прошлого у России не было, так и литературного тоже. Уже целая литературная ветвь (в эмигрантском отвилке усвоив себе и новый атрибут „русскоязычная”) практически „работает на снижение”, развалить именно то, что в русской литературе было высоко и чисто. Распушенная и большая своей распушенностью, до ломки граней достоинства, с удушающими порциями кривляний, она силится представить всеиронию, игру и вольность самодостаточным Новым Словом, — часто скрывая за ними бесплодие, вспышки несущественности, переигрывание пустоты.

Хотя не думаю, чтоб этот разгул оказался губителен для нашей литературы, с корнями в тысячелетней толще бытия народа и языка, но несомненно он прививает новые язвы нашему изнемогающему обществу, которому так мучительно трудно отстаивать обломки культуры в семидесятилетнем развале. Фет писал о Чернышевском: „Он кидает, например, грязью в Пушкина вовсе не за то, что Пушкин талант, нет, ему приятно в лице Пушкина хватить во всякий авторитет.” В этом суть. (И дух „плюралистов”.) Для России Пушкин — непререкаемый духовный авторитет, в нынешнем одичании так способный помочь нам уберечь наше насущное, противостоять фальшивому. В удуньи 1921 года это уже понял и выразил Блок: „Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе!”.

Апрель 1984

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ИНТЕРВЬЮ С ДАНИЭЛЕМ РОНДО для газеты „Либерасьон” Вермонт, 1 ноября 1983

Рондо: Как объяснить весь ход „Красного Колеса”? Каковы прошлое и будущее Вашей эпопеи?

Солженицын: Это развернутое повествование о революции в России, которое захватывает сотни действительных исторических лиц, от высокопоставленных, на виду у истории, до совершенно никому не известных, но давших мне свидетельские показания. Оно захватывает десятки мест в России, захватывает многие годы. Такую грандиозную вещь невозможно написать „в лоб” — это был бы бесчисленный ряд томов. Уже давно, лет пятнадцать назад, я пришел к выводу, что надо писать эту эпопею методом узлов. В математике есть такое понятие узловых точек: для того чтобы вычерчивать кривую, не надо обязательно все точки ее находить, надо найти только особые точки изломов, поворотов и повторов, где кривая сама себя снова пересекает, — вот это и есть узловые точки. И когда эти точки поставлены, то вид кривой уже ясен. И вот я сосредоточился на узлах, на коротких промежутках, никогда не больше трех недель, иногда — две недели, десять дней. Вот „Август”, например, — это одиннадцать дней всего. А в промежутке между узлами я ничего не даю. Я получаю только точки, которые в восприятии читателя соединятся потом в кривую. „Август Четырнадцатого” — как раз такая первая точка, первый узел.

Р: До какого года доходит эта эпопея?

С: Должна бы она дойти до 1922 года, когда все последствия революции уже закованы в железные колеи, когда социальная динамика кончилась и начинается уже качение по этим жестоким рельсам. Но боюсь, что мне жизни не хватит довести до конца. Дело в том, что я всю жизнь должен был отвлекаться на другие работы. Мой собственный жизненный опыт, особенно тюрьма и лагерь, вводили меня, во-первых, на эпопею о ГУЛАГЕ, во-вторых, на собственные, но немаловажные жизненные события, как умирание от рака, которое меня постигло... — и я писал „Раковый корпус”. Пребывание на шарашке дало „Круг первый”. Потом положение совершенно скрытого писателя не давало мне возможности вести и внешне жизнь писателя, я должен был делать что-то другое, я преподавал математику, физику.

Если сюда добавить еще все приемы вынужденной конспирации... Все это съело у меня огромное количество времени, мешало мне прорваться. "Красное Колесо" я начал в 1936 году, но долгое время можно было только обдумывать, читать случайные книги, и лишь с 1969 года я мог полностью отдаться этой работе. Вот я работаю четырнадцать лет. И годы идут. Мне уже нужно было бы быть в середине пути хотя бы, а я еще далеко не дошел. Поэтому я думаю, что эпопею всю не окончу, но по крайней мере хочу как можно дальше продвигаться, чтобы выяснить ход... То, что я сейчас реально уже кончил, это так называемое "Действие первое. Революция". В него входит три узла: "Август Четырнадцатого", "Октябрь Шестнадцатого" и "Март Семнадцатого". Это я почти кончил. Вот здесь вокруг нас разложены заготовки "Апреля". Это четвертый узел. Надо сказать, что Семнадцатый год в России необыкновенно динамичен, каждый месяц — это новая эпоха, буквально, даже от марта к апрелю вся ситуация меняется. И так приходится только в промежутке между Февралем и Октябрем дать четыре узла. Собственно — все то, что победило в февральской революции, прожило восемь месяцев и само упало, и уже отозрело, кончило свою жизнь.

Р: В "Теленке" Вы говорите, что уже очень давно, 30 лет, носили в себе этот замысел. Как же это может быть, что 18-летний человек загорается таким грандиозным замыслом и никогда не покидает желания его реализовать?

С: Я родился под сенью революции, в Восемнадцатом году, и детство мое было полно воспоминаниями и разговорами взрослых, для которых революция была — ну только-только, вот сейчас кончилась, 5—6 лет прошло. Эта была сень надо мною — революция. Не мудрено, что этой революцией я должен был заняться. А как именно произошло? В 9 лет я, понятия не имею почему, решил, что буду писателем. В 10 лет я прочел "Войну и мир" Толстого. Книга меня совершенно потрясла, именно вот этот формат исторический, понимаете? И уже тогда я читал захватывающие воспоминания о революции, совсем не большевистского толка, вдруг неожиданно были напечатаны в СССР. Оставалось соединиться этим двум частям — и был бы замысел раньше 18-ти лет. Но я еще был слишком мал. А в 18 лет я точно помню день и обстоятельства, когда вдруг мною овладел этот замысел. Это пришло буквально вот в какие-то пять минут. Я знаю точно место и точно время, когда это произошло.

Р: Можете ли Вы немного об этом рассказать?

С: Могу и рассказать. Это было 18 ноября 1936 года. Тогда в Советском Союзе не было воскресений, а был свободный день каждое

число, которое на шесть делится. Это был свободный от учения день, и стояла погода приблизительно такая вот, может быть чуть-чуть теплее, вот такая солнечная, с низким солнцем. Я пошел один, в каком-то **смутном** состоянии, какое-то тяготение во мне, пошел по ростовскому Пушкинскому бульвару, и в одном месте этого бульвара, под уже оголенными ветвями, вдруг как будто меня прямо настигло: надо такой роман написать. Я кончил уже к этому времени советскую школу, это было в первые месяцы студенчества на физмате, и я тогда считал, обработанный советской пропагандой, что главное — октябрьская революция. Но, конечно, нельзя начинать прямо с нее, надо как-то отступить, начать раньше. Я понимал, что нужно будет описать Семнадцатый год, понимал, что нужно будет описать и Четырнадцатый год, потому что без Первой мировой войны нельзя никак объяснить нашу революцию, она бы не произошла. Но тогда я еще это все понимал как прелюдии, отступление для прелюдий. Вот тогда же я и решил, что мне надо начинать с Первой мировой войны, — мне сама война, я думал, не была нужна, а только что-то из нее показать перед революцией. Ну, я засел за книжки по Первой мировой войне. Обратил внимание сразу на Самсоновскую катастрофу. Самсоновская катастрофа поразительна во многих отношениях, типична, характерна, как бы репрезентативна для этой войны. Я решил так: описывать всю войну, конечно, не буду, а только одну битву, но эту битву буду описывать очень подробно. И занялся детальной разработкой Самсоновской катастрофы. Поразительное дело, я конечно тогда не представлял, изучая карты военные, что мне самому придется повторить весь путь армии Самсонова. Во время Второй войны я точно по этим местам прошел. Точно в эти места попал. И так, я начал писать в 1937, и так как у меня довольно острое чувство композиции, то надо сказать, что композиционно я многое решил из Самсоновской катастрофы уже тогда, то есть как последовательно идут главы, и из чего состоят. И хотя текст, фактуру, конечно, я переписал всю заново теперь, но построение глав, почти десятка военных глав, взято прежнее, из 37-го года. Ну а потом, после студенчества, я пошел на войну, потом в тюрьму, и много десятилетий не мог работать, а мог только думать, расспрашивать, с кем сидел в тюрьме, об этих временах, иногда читать редкие книги, но я не мог вести конспектов в заключении, я сразу бы был схвачен. Так что держал все это в голове. Ну а потом я занялся лагерной темой, и так только в 1969 пробился к своему главному замыслу. А вот недавно, всего-навсего лет 6—7 назад, я вдруг понял, что мои отступления для прелюдий оказались недостаточными, потому что и с войны еще нельзя начинать, надо

начать раньше, надо начать с истории революционного движения и особенно революционного террора в России. Итак, я должен был в уже написанный "Август" вставить еще один том, ретроспекцию на террор и то, что произошло задолго до войны. Но когда я это сделал, я обнаружил для себя необыкновенную актуальность "Августа", актуальность для сегодняшнего Запада, а не только для России. Для нашей страны это история, для нашей страны надо это знать, чтобы понять, как у нас все получилось, и о будущем думать, а для Запада в "Августе" есть одна уже прямая актуальность – течение революционного террора. Я конечно не мог подробно писать историю террора, я проследил только по "женской линии". Чтобы из большой массы выделить сколько-нибудь. Но даже по этой женской линии можно увидеть черты совершенно сегодняшнего террора на Западе. А дальше, это уже относится не к "Августу", а к "Марту Семнадцатого" и позже, – удивительно актуально для Запада и дальше. Должен сказать, что этот наш путь, от февральской революции до октябрьской, восемь месяцев, это как бы сжатый конспект, который потом Европа будет прокручивать несколько десятилетий. Каким-то образом нам было послано вот так, в восемь месяцев это сжать. Вообще, конечно, история Запада тоже сломалась в Четырнадцатом году. Я испытываю к Первой мировой войне чувство современника. Вот такая судьба: я воевал на этой войне, на Второй мировой, но из-за моей работы я больше обращен к Первой войне. И я невольно, изучая материалы, почувствовал и всю Европу в то время, почувствовал, как Европа погубила сама себя – войною, вступивши в войну.

Р: А до войны – не искала ли она своей гибели?

С: Совершенно правильный вопрос. Я скажу так. Весь XIX век, считая его – есть такой счет XIX века: от Французской революции до Первой мировой войны, – весь XIX век Европа шла к этому. Шла к этому утерей высших мерок жизни и, так сказать, отдаваясь благам и материальному процветанию. Да, она подготавливала весь XIX век эту войну. А так как всегда внутреннее развитие опережает внешнее, то в начале XX века Европа, будучи на вершине материального могущества и процветания, уже катилась в бездну, которая ее ждала, внутренне. И внутренне все руководители Европы в Четырнадцатом году оказались не на уровне своем, все не понимали того, что за эпоха наступила и как надо себя вести. Мне безумно жалко Европу, что она влезла в этот Четырнадцатый год. Хотя у нас это сразу сказалось революцией, моментально. А Европа с тех пор все время медленно сползает, вот уже семьдесят лет... И внешний технический прогресс ничего не изменяет в этом отношении.

Р: Если цивилизации вообще смертны, думаете ли Вы, что Европа уже мертва? Все кончено?

С: Нет, я в этом не уверен. Жизнь устроена так, что все в наших руках. Я только хочу сказать: сегодняшнее внешнее течение, которое можно наблюдать, идет вниз. Сегодня Запад идет действительно к падению, к сдаче. Но это совсем не значит, что погибла вообще цивилизация, не частная цивилизация, а цивилизация в широком смысле. Я нисколько не смотрю пессимистически. Нельзя придумать уж ниже положения, чем сегодня мой народ испытывает, на самом дне, и то я считаю, что у нас есть выход. Наша революция была частным проявлением мирового процесса, так же как и французская революция. Французская революция конца XVIII века была первый сигнал человечеству. Русская революция XX века – второй сигнал. А сейчас мы идем к решению этих конфликтов. Под коммунизмом погибли миллионы людей, скажем, моя страна потеряла треть своего населения, причем не просто статистическую треть, а лучшую треть, избранную треть, все, что выделялось, что было выше. Но тем не менее мы проходим через эти испытания чем-то обогащенные. Именно потому, что внутреннее развитие обгоняет внешнее, я считаю, что народы под коммунизмом сейчас уже начали внутреннее восхождение, а народы, которые не испытали коммунизма, продолжают сползать вниз. Но это не значит, что они погибнут, они, может быть, пройдут этот путь и тоже пойдут вверх. Очевидно, мы должны были, вследствие духовных потерь XVIII и XIX века, пройти через ад XX века. Может быть, судьба каждой страны нырнуть в это, а потом вынырнуть. Я думаю, что испытания XX века – есть путь к новым духовным находкам: пересмотреть жизненные ценности.

Р: А Россия принадлежит Европе или, как считал Достоевский, она повернута к Азии?

С: Я думаю, что у нас двойственная роль, двойственное место – всегда было и всегда будет. Собственно говоря, мы – материк, и как материк имеем право на свое собственное развитие. Но мы касаемся и восточного образа жизни и западного, естественно, что мы их как-то усвоили и в ходе нашей истории, и в системе наших представлений, так что всегда будет взаимодействие этих элементов у нас. Неправильно относить нас ни к Западу, ни к Востоку.

Р: Когда Вы говорите о том, как народы под коммунистическим игом начинают вновь подниматься из глубины падения, что Вы имеете в виду? Думаете ли Вы о таких явлениях, как "Солидарность" в Польше?

С: Прежде всего я говорю о перестройке духовных ценностей. Западным молодым людям очаровательным кажется идеал социализма.

А мы не только отвратились от нашего коммунистического тоталитаризма, мы изжили и материальные мечты социализма. Вообще тот элемент обязательного государственного насилия, который содержится во всяком социализме, нам уже отвратителен. Мы очистились от этого, и снова перед нами засияли христианские ценности. Эти изменения гораздо более глубокие, чем внешние политические события. И то, что происходит в Польше, следует понимать именно с этой глубокой точки зрения. Не то важно, что "Солидарность" вот создалась, а ее разогнали, а то важно, что собирается одноструйное движение народа против коммунизма, основанное на христианстве. "Солидарность" — одно из первых внешних проявлений того внутреннего изменения, которое накапливается в коммунистических странах, и оно будет прорываться в разных странах в разное время.

Р: Существенна ли для Вас разница между православием и католичеством, является ли эта разница как бы границей, которая разделяет Европу?

С: Нет... Одна из великих трагедий человечества, еще раньше той трагедии XVIII века, о которой мы сейчас говорили, — это разделение христианства. Мы, человечество, оказались неспособны донести единое христианство, и это привело к известным всем событиям религиозных войн и расколов. И даже еще писатели XIX века, как Достоевский, придавали повышенное значение этим расхождениям, Достоевский был очень насторожен по отношению к католицизму. Для меня эти деления устарели, я считаю, что сейчас не только все христиане, но все верующие на земле противостоят воинствующему атеизму. Поэтому вот с линией Папы римского, с линией Валенсы у нас противоречий никаких. Конечно, соединение церквей теперь очень трудно, но по крайней мере какой-то союз должен быть.

Р: Что означало в Вашей жизни решение стать писателем? В "Теленке" упомянуто вскользь, что с момента, как человек решает стать писателем, его судьба становится совершенно особой. У Вас есть определенный исторический замысел. А есть ли у Вас замысел моральный?

С: Там где я это говорю в "Теленке", я имею в виду совершенно служебную сторону жизни: стать писателем в советских условиях значит прежде всего начать прятать, стать конспиратором, подпольщиком. А что касается связи литературно-художественной стороны и моральной, то она настолько традиционна для прежней русской литературы, что я здесь никакого нового соединения не представляю. Вот наша новейшая литература, самая новейшая и не подсоветская, она разорвала эту связь. А я вообще в смысле

проведения художественной линии считаю себя традиционалистом. И поэтому для меня никогда эти две стороны не разделялись.

Р: Структура и форма "Августа 14" представляются довольно классическими. Сохранятся ли они до конца во всех узлах или будут меняться? Я хотел бы знать, что Вы думаете о литературном авангардизме XX столетия? За последние шесть месяцев мне пришлось разговаривать с писателями, которых я высоко ценю, такими как Милан Кундера, Чеслав Милош, Антони Бердесс. Все они считают и говорят, что роль авангардизма была весьма отрицательной. Все они осмеливаются прямо это говорить. По их мнению авангардизм нанес большой вред литературе; а вот писательница Симон Вейль считала, что, например, сюрреализм в какой-то степени содействовал возникновению терроризма. По ее мнению, во всех этих движениях — в авангардизме, в сюрреализме и пр. — присутствует отцеубийство.

С: Когда я говорю, что я традиционалист в литературе, я хочу выразить только, что я верен, так сказать, общему смыслу творчества, пониманию его места и роли. Это никак не относится к формам, жанрам. Я позволю себе с Вами не согласиться, что в "Августе" традиционные формы. Дело в том, что никогда нельзя ставить себе задачи: стану-ка я в авангард и буду авангардистом, придумаю-ка я что-нибудь такое, чего еще никто не придумал. Я не ставил себе никогда задачи придумать что-нибудь новое, чего нет ни у кого. Но от XIX века изменился темп нашей жизни, значит и темп чтения, темп восприятия, темп мысли, поэтому невозможно писать так разреженно, как в XIX веке. И я вынужден был в своей эпоху применить до восьми разнообразных жанров, но ни одного из них я не придумывал для того, чтобы поразить новизной. Я только каждый раз ищу, каким инструментом наиболее ярко и наиболее плотно передать. Каждый раз я ищу, каким способом вот этот кусок жизни лучше всего выразить. И мне, честно говоря, слово "авангардизм", которое я услышал еще в юности, всегда казалось бессмыслицей, просто бессмыслицей: нельзя "быть авангардистом"! нужно иметь что-то более основательное в сердце и в душе. Если человек не что иное как авангардист, он вообще ничто. Изобретения новых, каких-нибудь поражающих форм, если они не предваряют духовного открытия, — да, они в лучшем случае пустая забава, а в худшем — они ускоряют разрушение. Разрушение умственности и нравственности Запада.

Р: Это как раз то, что я думаю, но мало людей, думающих так. И совсем новое явление, что писатели смеют это говорить на Западе. А ведь история XX века искривлена из-за этих поисков.

С: Безусловно. Не так история, как нравственность и интеллектуальность. Не прямо история, не то что от этого Татчер или Миттеран принимают другие решения, не так, — но разрушается структура, та высокая структура, которая была в Европе. Надо сказать, что Европа выходила из Средневековья с высочайшей духовной структурой. И вот эта структура в течении столетий разрушается по разным причинам, заменяется интеллектуальной акробатикой. И эту духовную структуру Запада разрушает и авангардизм.

Р: Могли бы Вы рассказать нам о методах Вашей работы? Как Вы достаете нужную Вам документацию, в какой мере используете архивы и библиотеки?

С: Я должен сказать, что сейчас у меня самые превосходные условия для работы. Практически у меня есть 98% тех материалов, которые мне нужны. А 2% я получаю через библиотеки. В течение многих лет я собирал свидетельства стариков. У меня более трехсот личных показаний людей, которые теперь большей частью умерли. Я успел их собрать, частично в Советском Союзе, а больше всего за границей, это уникальная библиотека. Затем у меня много книг, вот эти вот растрепанные книги, я даже их не успел начать искать, мне стали эмигранты присылать со всех сторон. И когда я огляделся — так у меня почти все есть. Потом я имею из американских библиотек, из Гувера, набор газет того времени. О русских газетах 17-го года можно отдельно поговорить, так это интересно. Затем у меня много документов, напечатанных в Советском Союзе, касающихся Февраля. Начиная с Октября они уже скрывались, не печатались или искажались, а до Октября — очень обильны, и у меня все это есть. Моя работа опирается лишь в то, сколько мне времени отпущено.

Газеты Семнадцатого года — необычайно интересны. У меня до 15 разных газет, и ни одна не повторяет другую. Это был момент такого взрыва, когда все говорили и писали. Эти газеты живут. И вот: как эту жизнь выловить? Можно: брать из газет фрагменты самих событий. Можно: разрабатывать настроение и мысли, которые там поданы как публицистика, а я даю своим персонажам, иногда тому самому, который пишет статью, я могу перевести газетную статью в диалог, в разговор. Но иногда бывает неповторимо привести цитату из газеты так, как она есть. И из этого у меня рождаются газетные монтажи. Первую идею газетных монтажей я получил от Дос Пассоса, на Лубянке, в тюрьме, я впервые читал его книгу там. Мне очень понравилась эта идея. Но Дос Пассос и я используем ее прямо противоположно. Дос Пассос берет набор бессмысленной газетной болтовни как не имеющей отношения к жизни, а я использую газетный текст

как реальные кирпичи, из которых завтра... сегодня и завтра растут события. Ибо газеты Семнадцатого года были сигналом к действию, особенно у социалистического крыла. Потом в "Правде" это стало просто приказом к расстрелу. Поэтому мой монтаж имеет совсем другой смысл: сгущенного действия и предупреждения.

Документы приходится использовать двойко. У меня, среди других, есть форма прямого документа, но ее надо применять очень осторожно. Нельзя давать документ длиннее нескольких фраз, и нельзя давать много документов, — потому что большая часть их написана языком не плотным, избыточным, не ярким, с повторениями, это засушит читателя. Но когда я эти документы прорабатываю для себя, я восстанавливаю психологический рельеф человека, который его писал, и рельеф события. Например, по февральской революции — гора документов. Я их использую в "Марте" в повествовательных главах, описывая, как этот документ рождался, я не выхожу за пределы документа, но даю психологическое обоснование: что могло толкнуть человека к такому решению, к таким фразам. И потом, с другой стороны: когда этот документ, телеграмма или письмо куда-то пришли — как они воспринимаются адресатом? что там будят?

Потом у меня есть форма обзорных глав. Хотя я и в обычных повествовательных главах стараюсь не удаляться от действительности, даже большая часть их — это совершенно точные события, но все-таки это главы, где я даю больше личного от персонажей. А некоторые периоды или некоторые линии надо проследить с большей исторической высоты, и тогда я пишу петитом обзорную главу. В первом томе "Августа" такие главы довольно простенькие, это маленькие обзоры военных действий, чтоб человек не потерялся. Но уже во втором томе приходится дать всю жизнь и деятельность Столыпина обзорной главой. В следующих томах мне приходится таким петитом давать историю некоторых партий и некоторые события, но тем самым я их, собственно говоря, не навязываю читателю. Я их выделяю так, чтобы более нетерпеливый читатель мог через них перескочить.

В работе над "Красным Колесом" я столкнулся с очень важным вопросом: какова должна быть пропорция исторических личностей, конкретно существовавших, не обязательно на вершинах, — и тех, что придуманы мною. Я бы считал пустой забавой дать большую пропорцию придуманных персонажей, как будто я с историческими событиями бы играл и нарочно подставлял туда персонажа, чтобы он там наблюдал. Нет, я главное внимание уделяю персонажам реально существовавшим, и я занят только истолкованием их психологии и

поступков. Но тогда возникает обратный вопрос: может быть вообще выбросить вымышленных персонажей? — нет, нет, художественное произведение нуждается в них. Они — как бы смазка или соединительная ткань, и они дают маленькие оазисы совсем простой жизни, совсем простого воздуха, как-то даже забыть об истории. Вот например в "Марте Семнадцатого", в февральской революции, я бы грубо определил, что сочиненные персонажи сведены до минимума, до 10 процентов, по числу страниц. 10 процентов — это в "Марте". А вот, скажем, перед этим будет "Октябрь Шестнадцатого", который не содержит такого напряжения исторических событий, там вымышленных персонажей гораздо больше, больше личного.

От темпа исторических событий зависит, например, длина глав. В "Августе" у меня довольно длинные главы, и даже есть очень длинные, как о царе Николае Втором. В "Октябре" они еще тоже длинные, потому что медленные события. В "Марте" начинается такая динамика, я стараюсь успеть за событиями... Изобразить революцию — это, между прочим, совершенно особая задача для литературы. Это не то, что изобразить войну или отдельные политические события. Революция имеет такой бешеный темп, столько сотен участников! Мне приходится главы стягивать до крошечного объема, но делать их много. Главы следуют с бешеной быстротой друг за другом, все в хронологической последовательности, не только дни за днями, а часы за часами, минуты за минутами. Я слежу, стараюсь давать главу так, чтобы если событие на пятнадцать минут раньше, так и ее дать раньше. Совершенно строго этого выдержать нельзя, потому что когда главы короткие и много их, тогда сильно работает стык, очень важно, что после чего идет, что с чем рядом стоит. Это срабатывает. Я ничего не добавляю от себя, ничего не говорю при переходе от главы к главе. Но стык глав работает, понимаете? Или контраст, или продолжение.

Но и этого недостаточно. Динамизация требует не только маленьких глав, а время от времени вводить чисто фрагментные главы. Это так: вся глава состоит из коротких фрагментов. Это — фрагменты реальных событий, никакой отдельно не составил бы главы, но вместе они дают мелькание, и тоже у них свои сокосновения, они усиливают динамику еще.

Иногда нужно применить киноэкран для еще большей динамизации. Этот прием у меня есть в "Августе", но он бывает еще нужнее в момент революционный. Массовая сцена, матросы убивают адмирала, или солдаты штурмуют гостиницу — это написано так, чтоб можно было увидеть, как на экране, читая книгу, без съемки. Ну и потом

еще есть несколько других жанров в узлах... И наконец, есть отдельно стоящие пословицы. Я не имею в виду те, которые употребляют персонажи, а: отдельно стоящая пословица между главами. Обычно так можно понять: какой-то дед как бы слушает мой рассказ и вдруг дает реплику. Он предыдущую главу как-то комментирует, под каким-то новым углом, что дает еще новый объем восприятия.

И наконец, между узлами... я сказал, что между узлами ничего нет, но это пока не началась революция. А вот уже после "Марта" между узлами вставляется календарь революции. Это, может быть, одна страничка между узлами, где перечислен десяток событий. Я выбираю из множества событий того времени те, которые мне кажутся наиболее знаменательными, и огромное историческое событие, всем известное, может стоять рядом с маленьким, ничтожным, которого никто не знает. Но когда они выстраиваются в ряд, они дают тонкую соединительную веточку-ниточку между двумя узлами.

Р: Среди персонажей "Августа" есть офицер, отказывающийся ехать в поезде: он обязательно хочет ехать верхом, только так он может живо почувствовать народ, страну. Считаете ли Вы возможным продолжать писать российскую эпопею, не будучи в России?

С: У нас такие чудовищные условия в Советском Союзе, что по-настоящему мне сейчас тут легче писать, чем было бы там. Если мне нужно было совершить поездку куда-нибудь, например в Тамбовскую область или на Дон, то я должен был с величайшими мерами конспирации ехать, и общаться с Россией я должен был так, что нигде почти ничего записывать нельзя. Всеобщая подозрительность. И держать рукопись книги я не рискнул бы в таком объеме — в одну минуту отнимут. Да видите, меня выслали все-таки в 55 лет, у меня жизненная встреча с Россией была достаточна для того, чтобы теперь до конца жизни писать здесь. И мои эти персонажи, 300 человек, которые дали мне свидетельства, — это совершенно живое общение с современниками революционных событий. Когда я читаю их, то у меня ощущение, что не только я в Россию вернулся, а прямо в Семнадцатом году там кручусь.

Р: Считаете ли Вы, что только литература может подвести итоги эпохи, что она делает это лучше и точнее, чем, скажем, инженеры или вообще люди, изучающие конкретные факты?

С: Нет, я не думаю так, но я думаю, что у литературы есть свои неповторимые возможности. Не только у литературы, а у искусства. Интуицию я считаю вообще более высоким способом познания, нежели прямое техническое изучение предмета. Только интуицию, ведомую

жизненным опытом и большим духовным сосредоточением. Интуицию традиционный ученый даже не имеет права применить. Он должен интуицию прятать, потому что ему скажут: "Это еще откуда? Где доказательства?" Интуиция иногда может давать совершенно поразительные результаты. Вот Вы сейчас вспомнили, как поехал Воротынцев на лошади. А там дальше сразу он встретился с генералом Крымовым. Я когда писал о Крымове, еще в России, я имел только чуть-чуть о нем сведений исторических, самых общих. Я не знал о нем тогда ничего личного, ни наружности, ни привычек, однако решил его поставить в личной сцене, ну просто подал, как его чувствовал, в главе с Воротынцевым. Прошло много лет, и я здесь уже, на Западе, получил свидетельства людей, которые хорошо его знали. Так у меня стали волосы дыбом: то есть просто одну черту за другой я абсолютно точно угадал. Я судил по крупным внешним событиям и через них интуитивно нащупал — свойства его характера, свойство шутить, как он именно отвечает, как он судит о людях, как он ворчит немного, — все оказалось абсолютно точным! И у меня несколько таких случаев, несколько, когда материал более поздний подтверждает мою интуицию. Но для этого интуиция должна быть очень сосредоточена, надо много думать о человеке, думать, стараться увидеть.

Р: Публикуя Ваши книги, Вы следовали почти военной стратегии, Вы действовали как стратег. И еще поражаетесь, что большие романы в истории вышли из войны. Вы когда-нибудь думали о связи, которая существует между войной и литературой?

С: О стратегии — ну да, я не случайно в "Теленке" это сформулировал. У меня там много раз военные сравнения, потому что действительно я себя против советской власти чувствовал как полководец. Это да, это есть.

Ну а война, поскольку война есть проявление сильных чувств в массовых масштабах, — конечно, она просится в литературу. Но революция есть еще большее проявление сильных чувств, в еще более массовых масштабах, и поэтому революция еще жарче просится в литературу, чем война. Но вообще в мировой литературе революции отображены, по-моему, непропорционально меньше, чем войны. Это более трудная задача.

Р: Все Ваше время, очевидно, уходит на то, чтобы писать. Остается ли у Вас время для чтения? Читать романы, беллетристику?

С: Вы знаете, большую часть жизни, середину жизни, не было времени. В детстве и юности я очень много читал. А в середине жизни был у меня лагерь, и потом конспиративная жизнь, я должен был преподавать математику в школе, сидеть проверять ученические

тетради, читать свои материалы для романа, писать роман и прятать его, и вести вот ту борьбу с советской властью, которую я описывал. Поэтому у меня там был большой провал, от момента первого ареста и до изгнания из СССР я мало читал не относящегося к моей работе, разве в тюрьмах. Сейчас я начинаю выигрывать для чтения время, но все еще с трудом, очень много времени забирают эти материалы. Я каждый вечер не могу лечь спать, пока не приготовил материалы на завтрашнее утро. Однако, сейчас уже появился у меня просвет. Если мне суждено еще пожить, то очевидно этот просвет будет расширяться. У меня очень большая жажда уйти в литературное чтение, прочесть то, чего я не читал, но я всю жизнь как бы в марафонском беге.

Р: Еще два маленьких вопроса. Во-первых, о борьбе между добром и злом. Может быть, это то же самое, что борьба между красотой и уродством? Если учесть, как уродливо то, что исходит из Советского Союза, то это представляется правдоподобным... Во-вторых: думаете ли Вы, надеетесь ли Вы, даже если эта надежда кажется безумной, что когда-нибудь Вы сможете жить как свободный человек и свободный писатель — среди русского народа?

С: Да, я думаю, что красота и добро связаны органически, а зло использует красоту лишь для маскировки, иногда очень ловко. И это бывает в искусстве. Зло является в красивом виде. Но это всегда маскировка. На самом деле зло с красотой не имеет родства. А добро и красота, как они перечисляются, Истина, Добро, Красота, через запятые, они на самом деле родственны друг другу... А насчет моего возвращения... Конечно, никто не знает часа своей смерти, и мы не можем рассчитывать даже на год вперед никогда, ни один человек. Но если мне суждено какое-то время еще пожить, у меня — да, вопреки всяким логическим доводам, вопреки тому реальному ужасному положению в Советском Союзе и в мире, какое сегодня есть, у меня какая-то убежденность, что я еще вернусь туда, не только книги мои вернутся, а я живым туда вернусь. Почему-то мне кажется, что я умру у себя на родине.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ИНТЕРВЬЮ С БЕРНАРОМ ПИВО
для французского телевидения
(Снято в Вермонте 31 октября 1983)

Пиво: Скоро исполнится 10 лет с тех пор, как советские власти выслали Вас из СССР. После некоторого времени в Цюрихе Вы обосновались в США. Считаете ли Вы, что сделали правильный выбор?

Солженицын: Я выбрал место, где смог создать наилучшие условия для работы. Во-первых, достаточный простор, и удаленный. Во-вторых, отличная связь с библиотеками, ибо нигде нет такого количества русской литературы и русских архивов, как в Соединенных Штатах. И в-третьих, я не мог жить в центре Европы, потому что каждый день, каждый день приходило не меньше десяти посетителей. Просто непрерывно стучат, звонят, стучат, звонят, и каждый хочет меня видеть только полчаса, только полчаса, он на большее не претендует! Не только мне жизни нет, но и семье жизни нет, понимаете? Я должен был поставить себя в такую географическую точку, что ко мне трудно добраться. Вот Вы видели, что Вам не так легко было до меня доехать. Только этим я могу обезопасить покой для своей работы. Так что да, я выбрал правильно, и эти годы в Соединенных Штатах я работаю отлично. Я имею все условия, какие мне нужны. Кроме родины...

П: Если трое Ваших сыновей, которые все родились еще в России, стали бы по культуре, по образу жизни настоящими американцами, это было бы Вам досадно?

С: Конечно, мы с женой принимаем все меры к тому, чтобы они совершенно свободно владели русским языком, — пока что это удалось; чтобы они были в духе русской культуры, — на сегодняшний день это еще удалось. Мы рады, что они учатся иностранным языкам, что они усваивают западную культуру, и что это не за счет русской. До сих пор это русские мальчики, они сердцем связаны с Россией и с русской культурой, знают русскую поэзию, русскую историю, до сих пор так. И конечно, нам было бы больно их упустить, отдать их, чтобы они стали полностью западными людьми.

П: Но есть ли риск, что Ваши три сына — позже, когда станут мужчинами — потеряют стремление и охоту вернуться на русскую землю?

С: Ну есть риск, конечно, — что я буду похоронен вот в этой земле, хотя мне этого не хочется. Есть риск, что мы все здесь умрем, никогда не увидим Россию. Но мы живем надеждой. Живем надеждой на возврат, и сегодня я еще твердо уверен, что эти мальчишки вернуться в Россию охотно, и очень будут России нужны и полезны.

П: А Вы сами по-прежнему, в глубине души, имеете то же страстное желание вернуться в Россию?

С: Мало сказать — желание. Желание не покидает ни на минуту, но меня не покидает даже какая-то и уверенность. Я не знаю откуда: мировая ситуация и положение дел в Советском Союзе почти не подают радостных признаков. Тем не менее, есть у меня внутреннее чувство, что я еще живым вернусь на родину, хотя уже я, как видите, немолод.

П: Это внутреннее убеждение?

С: Да, Вы знаете, существует какое-то внутреннее убеждение. Вот когда я начинал Самсоновскую катастрофу, я не мог предполагать, что попаду в Восточную Пруссию в такой же обстановке. Но что-то тянуло меня к этой истории, я какое-то почувствовал в себе родство, какое-то предугадание. И действительно, так и оказалось. У меня в жизни было несколько случаев, когда я почти реально предчувствовал какой-то физический факт, и этот физический факт со мной потом случался. Это не мне одному свойственно. Каждый человек, кто не душит своей интуиции, кто верит ей, встречается потом в жизни с исполнением этого — нельзя сказать желания, нельзя сказать — предвидения, — какого-то предчувствия. Мы устроены гораздо тоньше, чем материалистически о себе думаем.

П: Вы как-то сказали, что коммунистический режим будет побежден не извне, а изнутри. Вы все еще придерживаетесь этого мнения?

С: Да, конечно. И не только это все еще мое мнение, но с каждым десятилетием это мнение крепнет. Когда мы сидели в лагерях, в 40-х годах двадцатого века, нам еще казалось, что мощная Америка может прийти, например, десанты сбрасывать к нашим лагерям, даст нам оружие, и мы освободимся. Но потом мы увидели, что Западу и Америке, как говорится по-русски, не до жиру, быть бы живу. Лишь бы самим-то устоять. Куда им менять нашу ситуацию? Куда вам, Западу, спасать нас? Вы только себя сберегите. Вы только сами не сдайтесь. Пожалуйста, только не спешите стать на колени, как сегодня становятся ваши демонстранты в Западной Европе. Лишь бы Запад как-нибудь удержался, устоял. Но Запад хуже делает: он свои позиции сдает, а угнетателям нашим помогает — все что нужно дает,

открыто продает или дает украсть. Укрепляет наших угнетателей. Да, освобождение России не может прийти никак иначе, как изнутри.

П: Но разве в Польше Лех Валенса не потерпел неудачу изнутри?

С: Нет. У него не неудача! У него удача, которая вам еще незрима, вы не на тех отрезках времени следите. Вот как раз движение Солидарности и Леха Валенсы, это и есть одно из проявлений, как может Восток освободиться сам. Обратите внимание, это движение не имеет ничего общего с социализмом. И никогда уже Восточное освободительное движение не будет социалистическим. Социализм нам уже отвратен. Это движение может привести к освобождению. Но что сделала Западная Европа и мир на помощь Солидарности? В общем-то ничего. В общем-то больше щадили польское правительство. Никакой реальной поддержки не было. Но несколько движение Валенсы не потерпело поражения! Поляки сейчас как раз показывают духовную победу, сплочение на христианстве и против социализма и коммунизма. Нет, я не вижу там неудачи.

П: Со времени Вашей известной Гарвардской речи стал ли Запад, по-Вашему, менее боязливым?

С: Нет, несколько не менее. Он так же слаб и так же уязвим. Общая картина духовной слабости не изменилась. Вот сейчас американское правительство сделало разумный, естественный шаг в Гренаде, то, что должен был Кеннеди сделать, еще когда на Кубе рвался к власти Кастро. И какая же реакция всех правительств мира, почти всех? Осуждение: ах, зачем вы сделали твердый шаг! ах, зачем вы остановили бандитов! ах, зачем вы произвели оккупацию! Туда, где оккупация уже была. Когда Куба захватила Гренаду, никто ее не упрекал, и это не была оккупация. И они там убивали кого угодно, и держали заложником британского губернатора. И это никого не удивляло. Это совершенно нормально. Они строили там военную базу, делали склады оружия — это было совершенно нормально и никого не оскорбляло в мире. Но когда Америка в последний момент послала войска, чтоб от этого освободить, то все страны мира, все правительства, все общественные деятели закричали: "Какой ужас! Что вы делаете? Не дай Бог из этого что-нибудь получится! Пусть бандиты идут дальше! Откройте дорогу бандитам".

П: Ну а что Вы скажете в этой связи о праве народов решать свою судьбу?

С: Так гренадцев лишили этого права раньше того. Если губернатора посадили под арест, если убивают и держат в тюрьме всех активных людей, какое же право у народа Гренады решать свою

судьбу?! Он лишился этого права несколько лет назад. И весь мир был доволен. Весь мир был спокоен. Когда в Никарагуа шла гражданская война — это было на ладони, что идут коммунисты! — и весь мир помогал коммунистам, и Картер помогал коммунистам. Все помогали коммунистам, и никто не спрашивал, будет ли у народа право решать свою судьбу. Никто не спрашивал. А теперь, когда Америка действительно протянула руку помощи гренадцам, чтобы они могли решать свою судьбу, вот теперь все закричали: не трогайте! не трогайте! пусть Куба додушит их! — и тогда все будет нормально.

Я не вижу противоречия. Наоборот! Запад в течение 35—40 лет не дает народам решать свою судьбу, а всегда отдает ее коммунистам. Разве Южному Вьетнаму дали решать свою судьбу? Переговоры Киссинджера предали Южный Вьетнам под чужую судьбу. Не дали решать. И все успокоились. И написали: "Как хорошо!" И Нью-Йорк Таймс дала большую фотографию, сидит вьетнамец и отдыхает: тишина, наконец тишина. То есть их задушили, они вынуждены плыть на лодках по морю и тонуть, попадать в пасти акул, и это хорошо! Это вот "право народа решать свою судьбу"!

И: Что Вы думаете об идее, что "Бог всегда на стороне крупных батальонов"?

С: Я такой идеи даже не знаю, ни с какой стороны. А откуда такая идея у Вас?

И: Во Франции обыкновенно говорят, что Бог всегда на стороне сильной армии, ведь она раздавливает слабую. Значит, Бог на стороне победителей. "Бог всегда на стороне крупных батальонов", — это такая французская поговорка.

С: Не знаю. Мой личный опыт этого не подтверждает. И наблюдения из человеческой истории этого тоже не подтверждают. Просто рисунок истории гораздо сложнее, чем мы можем постичь головой. Когда нам кажется, что история развивается безнадежно, это только мы проходим через испытания, в которых мы можем вырасти. Я многие годы страдал: ну за что такая несчастная судьба у России! Ну почему Россия попала в руки бандитов, которые делают с ней, что хотят? Но прошли десятилетия, я смотрю — весь мир повторяет эту картину. И я понял: значит, вот это и есть узкие, страшно тяжкие ворота, через которые мир должен пройти. Просто Россия прошла первая. Мы все должны протиснуться через этот ужас. Это не значит, что Бог нас покинул! Бог дал нам свободу воли, и мы вправе делать так или делать иначе. И если человечество, одно поколение за другим, одна нация за другой, одно правительство за другим делают ошибки, то это не Бог с нами ошибается, это мы ошибаемся.

Но дело в том, что и цель человеческого развития мы чаще видим не там. Люди, от индивидуальных своих ощущений до исторического сознания наций и обществ, чаще всего принимают материальное благополучие за ту цель, к которой мы идем, — а мы не к этой цели идем! Наоборот, в этот страшный двадцатый век нам открыт путь большого духовного возвышения. А в девятнадцатый благополучный век — на самом деле подготавливалось падение человечества, все падение человечества созревало в девятнадцатом веке. И в 14-м году разразилась эта катастрофа, которая не кончилась и сегодня. Не знаю, как у вас во Франции, но я так за всю Европу чувствую, что после войны 14-го года Европа никогда больше не была прежней, никогда уже не смогла восстановиться. Так тяжел этот шрам Первой мировой войны.

И: Вы много говорите о Боге. Есть ли у Вас ощущение, может быть даже физическое, что Вы пишете как бы под взглядом Бога?

С: Я думаю, что это ощущение доступно каждому человеку. Если он не дает себя замотать суетой ежедневной жизни. Сегодня физика, самая материалистическая из наук, постучалась в ту перегородку, которая отделяет нас, мир этот, от мира того. Самые большие физики сделали самые идеалистические выводы. Наша жизнь не есть функционирование нашего организма. Мы невидимо, самим ходом времени получаем духовную поддержку. Каждый из нас получает духовную поддержку ежедневно, и тот, кто чувствителен к этому, эту поддержку слышит. Доступно каждому ее слышать. У всех у нас эта поддержка есть.

И: В самом начале "Августа" Вы рассказываете о том, как молодой человек Саня Лаженицын (кстати, Сане столько же лет, сколько Богрову) посетил Толстого. Толстой в это время гулял, Саня смущенно обратился к нему: "Лев Николаевич! Я знаю: я нарушаю Ваши мысли, вашу прогулку, простите! Но я так долго ехал, мне только услышать от вас несколько слов. Скажите, вот правильно я понимаю? — какая жизненная цель человека на земле?" — Ответ Толстого: "служить добру. И через это создавать Царство Божие на земле." — "Так, я понимаю! — волновался Саня. — Но скажите: служить чем? Любовью? Непременно — любовью?" — "Конечно. Только любовью." А что, А. И., об этом думаете Вы?

С: Между прочим, мой отец после гимназии действительно ездил к Толстому, так что этот визит у меня не придуман. Но, конечно, я отца своего никогда не видел, и о чем он говорил с Толстым — я не знаю. Я весь разговор пытаюсь воссоздать, я там своему отцу вкладываю свое мнение.

Что любовь все спасет — это христианская точка зрения и абсолютно правильная. И Толстой говорит в соответствии с нею. Но возражение мое состоит в том, что в наш двадцатый век мы провалились в такие глубины бытия, в такие бездны, что дать это условие: "любовь все спасет", это значит — вот сразу прыгай сюда, сразу поднимись на весь уровень. Мне кажется, что это практически невозможно. Я думаю, что надо дать промежуточные ступеньки, по которым можно как-то дойти до этой высоты. Сегодняшнему человечеству сказать: "любите друг друга", — ничего не будет... не выйдет, не полюбят. Не спасут любовью. Надо обратиться с какими-то промежуточными, более умеренными призывами. Один из таких призывов Саня Лаженицын высказывает: хотя бы не действовать против справедливости. Вот как ты понимаешь справедливость, хотя бы ее не нарушай. Не то что — люби каждого, но хотя бы не делай другому того, чего не хочешь, чтоб сделали тебе. Не делай такого, что нарушает твою совесть. Это уже будет ступенька на пути к любви. А сразу мы прыгнуть не можем. Мы слишком упали.

П: Значит, пагетические призывы к любви папы Иоанна Павла II — ни к чему не приведут?

С: Как не приведут? Христианство не может отказаться от своей максимы, христианство правомерно призывает к любви. И Папа римский верно призывает к любви. Но Папа римский стоит на высоте иерархической лестницы. Он выражает мысль как бы по поручению Христа. Да, христианство так и будет говорить, и верно будет говорить. Но когда мы спускаемся в бытовые области, то в ежедневном разговоре, в бытовом решении — призывать к любви сейчас, сегодня, это значит — не быть эффективным. Призывать к любви можно, но раньше того надо призывать хотя бы к справедливости. Хотя бы не нарушайте собственной совести, уж не любите, ладно, но не делайте против совести. Это первый шаг.

П: Александр Исаевич, вот мой последний вопрос. 11 декабря Вам исполнится 65 лет, что пожелать Вам к этому дню?

С: Ну, не к этому дню пожелать, конечно, а на будущие годы... Я бы был благодарен, если бы Вы мне пожелали успеть закончить "Красное Колесо", и еще живым, а не только в виде книг, вернуться в Россию.

ОТКЛИКИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ НА ВЫХОД В СВЕТ "КРАСНОГО КОЛЕСА" (АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО), СТАТЬИ "НАШИ ПЛЮРАЛИСТЫ" И ТЕЛЕИНТЕРВЬЮ С БЕРНАРОМ ПИВО

12-го декабря, приуроченное к 65-летию А.И. Солженицына, по французскому телевидению было показано интервью писателя с известным журналистом Б. Пиво, снятое на пленку в Вермонте. Двумя неделями раньше в Париже вышли в свет первое иноязычное издание "Августа Четырнадцатого" в его новом варианте и статья "Наши плюралисты". Телеинтервью произвело на многомиллионных зрителей (до 8-ми миллионов) сильное впечатление и развеяло ряд мифов, спонтанно возникших или искусственно сфабрикованных вокруг имени Солженицына: телезрители увидели Солженицына в семейной обстановке, в повседневной трудовой жизни, посвященной исключительно писательскому творчеству. Мы привели лишь вторую половину интервью с Б. Пиво, поскольку первая его часть, литературная, во многом совпадает с более пространственным интервью, данным молодому писателю Д. Рондо, тоже публикуемым нами выше. Во французской прессе появилось большое количество статей — о вышедших книгах и о передаче. Ниже мы приводим наиболее яркие выдержки из них.

I. О "Красном Колесе".

Анри Труайя

Как Вы относитесь к историческим воззрениям Солженицына, изложенным в "Августе Четырнадцатого"? — Это книга-гибрид, одновременно роман и историческое исследование. Романизированная история, прекрасно документированная и очень точная. Сначала идет крайне тщательное описание военных действий. Потом начинается повествование о террористах, которое поначалу меня шокировало: меня поразило, что Солженицын говорит о них с такой горячностью и энтузиазмом. Совершенно верно — в России было много людей левых убеждений, которые считали царя ничтожеством и вне смены режима спасения не видели. Они воодушевляли пыл первых террористов, которые ради освобождения народа готовы были жертвовать свободой, а иногда и жизнью. И я подумал: Солженицын заодно с убийцами! Но в том-то и дело, что он, как всякий настоящий романист, с совершенно замечательной интуицией и непредвзятостью, проникается духом своих основных героев. Подумать только, и я попался на удочку!

мне-то уж положено знать, что к чему! Я переменял свое суждение, когда дошел до глав о Столыпине, ибо Солженицын придает исключительную важность фигуре этого бывшего саратовского губернатора, который в 1906 году стал министром внутренних дел, а два месяца спустя — премьер-министром...

...Богров, готовящий покушение на Столыпина, — это ошеломляющий образ. Внезапно повествование приобретает темп захватывающего детективного романа, написанного Достоевским...

Что Вы думаете о портрете царя? — В нем совсем нет предвзятости, он вполне отвечает тому, что известно о личности царя из его дневника и переписки с женой. При чтении книг по истории впечатление создается то же. Книг, изданных на Западе, конечно, потому что советские рисуют царя кровавым чудовищем. Солженицын изображает его слабым, но человеком. В СССР он бы такое написать не мог. А о Столыпине у Солженицына собрано гораздо больше, чем можно найти в имеющейся литературе. То же самое и Богров, о нем до сих пор мало было известно...

Солженицын, вопреки довольно распространенной теории о присущем русским варварстве и их врожденной склонности к рабству, показывает, что между Россией дореволюционной и Россией пореволюционной пролегла пропасть. — К сожалению, история показала, что только сильная власть обеспечивала крепость и благополучие России. Солженицын хочет разъяснить, что для России возможна была жизнь в условиях либерального режима. Об этом мечтали все культурные и умеренные люди. Но всегда оказывалось, что стоит ослабить поводья, как начинается разброд. Так, Александр II, положивший конец крепостному праву, желавший — как Николай II — дать немного свободы народу, был убит террористами (это было седьмое покушение, шесть предыдущих не удалась). Александр III был человеком крутого нрава, при нем все опять вошло в колею. Увы, у меня такое впечатленье, что Россия и теперь не созрела для либерализма. Однако совершенно невозможно сравнивать диктатуру какого-нибудь Сталина с царским самодержавием...

Что Вы думаете о структуре книги и переплетении жанров? — История превосходит вымысел, это не значит, что вымысел сам по себе недостойн истории. Мало-помалу исторические лица вытесняют вымышленных героев, заставляют забыть о них. Среди массы характеров выделяются три исторические фигуры: убийца Богров, Столыпин и царь, последний, не будучи человеком государственным, был всего лишь хорошим мужем и отцом. Я думаю, что это вышло невольно, что сначала Солженицын задумал написать роман, но потом открылось такое

психологическое богатство исторических лиц, что в конце концов им досталась львиная доля. Много временных смещений, но это абсолютно не мешает. А вот без перебивки повествования документами, "кинематографического" монтажа из солдатских песен, пословиц, телеграмм и т.д., à la Дос Пассос, по-моему, можно было обойтись. Я думаю, что все это прозвучало бы сильнее, будучи введено в ткань повествования. И потом, сам автор объявляет, что читатель может пропустить длинные, мелко набранные главы, о Столыпине, например! Я нахожу, что они крайне увлекательны и что прочесть их необходимо. Автор, может быть, и боялся наскучить читателю, но не следовало самому это акцентировать и прибегать к мелкому шрифту.

Какое место Вы отводите Солженицыну в русской литературе? — По стилю он близок к Толстому, Тургеневу, Чехову, композиционно отличается от них. Начало книги — это чистый Толстой: в описании биографии героев, в пейзаже, в социологических характеристиках.

Я думаю, Вам он очень нравится? — Я читал все его книги, начиная с "Ивана Денисовича" и "Ракового корпуса". Я сразу понял, что это великий писатель, продолжатель лучших традиций русской литературы. У него замечательный язык, сильный, яркий. Это чувствуется даже в переводе, который передает его стремительную манеру. "Август Четырнадцатого" — это только первый том. Если продолжение будет таким же, то все произведение в целом даст новое освещение русской истории и встанет в один ряд с величайшими произведениями литературы.

(Журнал Lire. Интервью взяла
Т. Тхоржевская.)

Пьер Дэкс

...Одни коммунисты верят в "стольпинскую реакцию". Эта доктрина — ленинская, а потом сталинская — сначала захватила наших левых, а потом проникла в огромное большинство французских учебников истории. Но разве Франция, пройдя через 1789 год, не должна была признать в русской революции свое детище?

...Новизна "Августа Четырнадцатого" та, что в нем открывается мир, похожий на фантазмагорию. Настолько этот мир подобен нашему — попустительством в отношении терроризма и насилия, потерей национального чувства у интеллигенции. Нет сомнения, что пером Солженицына водило его виденье Запада. Отсюда — портрет

Богрова, убийцы Столыпина, самые, может быть, фабульно увлекательные страницы книги. Погружение в полицейские сферы напоминает Бальзака и "Отверженных".

Но именно надо отметить, что у Солженицына — сознательно, я думаю, — по отношению к французам конца XX века воссоздана историческая дистанция. Русское общество накануне 1914 года так же непрочно, как французское времен Реставрации...

...На самом деле, "Август Четырнадцатого" имеет к нам прямое отношение. Пусть Богров, сын богатого еврейского торговца, который, прежде чем стать террористом в чистом виде, ради интеллектуальной игры связывается с охранкой, — это наследник героев Достоевского, но описание гнилости полиции, высшей администрации, слабости и промахов царя и его окружения освещает гораздо более общие механизмы развала политической системы власти. Удача Солженицына в том, что своей ретроспективой он заставляет нас поверить в неизбежность обратной связи. Терроризм неотделим от подобного распада.

И как противоположность, как контрапункт — грандиозный портрет Столыпина, набранный петитом и предназначенный для "самых неутомимых любознательных читателей", он-то и есть козырь в споре, благодаря которому мы вынуждены признать, что История могла повернуться иначе. Отвлекаясь от фактологии романа (хотя все говорит за то, что использованный им материал абсолютно достоверен), мы самих себя ощущаем актерами истории, которая может повториться, и повториться с нами, если не остережся. Поэтому, закрывая книгу, мы не просто расстаемся с целым рядом незабываемых образов, нет, — мы чувствуем, что страх перехватил нам горло. Солженицын вышел победителем в споре: читая, как у Воротынцева, решившегося выложить в Ставке все, что накопилось на душе, "стрела каленая" "вынута из груди" ("хоть и с мясом"), мы понимаем, как пережитое им нам знакомо и близко...

(Le Quotidien de Paris,
13 октября 1983)

Владимир Берелович

...Связать нить времен, расслышать в отошедшем прошлом начальную мелодию своей собственной эпохи — большего не может дать исторический роман. Однако есть тут и скрытая опасность. В "Августе Четырнадцатого" автор, пророк прошлого, слишком увлечен ролью

судьи, и нет страницы, где бы не чувствовалась его тяжелая рука. Солженицын любит селекционировать своих героев, и горе тому, кто не вытянул выигрышного билета. Если Столыпин — великан, то в Витте, его противнике, не найдешь ничего, кроме честолюбия и фальши. Солженицынское суждение о том, что хорошо и что плохо, им созданная иерархия пропитывает весь роман. Так, автор не останавливается придать революционерам больше карикатурных черт, чем у них было в действительности, и очернить русское "общество"...

... Следует, однако, отметить, что Солженицын проделал грандиозную исследовательскую работу, грандиозную работу воображения, чтобы реконструировать эпоху... Но часто в этом впечатляющем труде не хватает отстраненности взгляда, дистанции: например, в его трогательной, но неосторожной доверчивости к мемуаристам...

В ходе повествования видно, как Солженицын подверстывается к старому режиму. Происходит настоящее обращение: он думать начинает, как человек старого режима. Поборник сильной власти, чуждый толстовскому нигилизму, он видит в прочном государстве проводника прогресса. Его симпатии на стороне просвещенных служителей власти, желающих народного блага...

Чтобы правильно понимать Солженицына, надо помнить, что формы пост-коммунистического общества пока неведомы никому. Кроме того, потребность в корнях особенно сильна у человека, который высвободился из лжи и небытия. Тут возмущаться нечем. Но как не огорчиться, видя, что противник коммунизма загнилостью и в современности не видит ничего, кроме технического прогресса? Для литературного творчества изолированность может быть и благо. Но для России, историю которой Солженицын ретроспективно стремится выделить из общемировой, она таковым не была. Прошлое этой страны никак не говорит в пользу засовов.

Может быть в конце концов русские откажутся от своей любимой сентенции и согласятся, чтобы их мерили "аршином общим"?

(l'Express
9–15 декабря 1983)

Жорж Сюфферт

...Итак, Солженицын вновь объединяет в одно нерасторжимое целое писательский гений и дотошность историка. С момента высылки из СССР Солженицын методически собирает материал, исследует архивы, опрашивает уцелевших свидетелей, восполняя мозаику

предреволюционного прошлого. Из накопленного вырастает книга; мы за тридевять земель от Толстого. Солженицын пользуется всеми инструментами оркестра: тут и классическое повествование, и проникновение в мир героя, внутренний монолог, и газетные заголовки эпохи, и кинематографическая техника: автор разворачивает декорации и включает камеру. Перед читателем открывается мир, о котором он мало что знал до сих пор...

...Самые удивительные страницы книги — это скрытый поединок между Богровым и Столыпиным... Романист попеременно ставил себя то в положение террориста, то в положение Столыпина. Строка за строкой следим мы, какой поворот принимают события в их мыслях. Становится ясно, что значит у Солженицына исторический "узел": это внезапное переключение стрелки, в результате которого сумасшедший паровоз истории берет новое направление...

...Крушение России, наметившееся уже в конце XIX века, происходит не в октябре, а в феврале 1917 года. Октябрь — это ловко проведенный большевиками государственный переворот, и только. Февраль же — завершение длительного развития, в основном интеллектуального и нравственного, тех, кого следует назвать российской элитой.

...Другое впечатление. Как всегда, рассказывая о прошлом, Солженицын обращается к своим современникам. Россия, как он ее описывает, — это весь современный мир. Терроризм процветает теперь не в Петербурге и Киеве, а в Бейруте, Мюнхене, Париже и Центральной Америке...

...Книга Солженицына, хотя впрямую это как будто и не сказано, есть отчаянный призыв к западному сознанию. Пророк, удалившийся в вермонтскую глушь, упрямо твердит о том, что считает истиной, и, без сомнения, ему не чуждо ощущение, что вопиет он в пустыне.

(Le Point
5 декабря 1983)

Анни Кригель

...Александр Солженицын, как и папа Иоанн-Павел II, — в этом источник их громадного духовного авторитета — знают, что задача их не в том, чтобы питать торопливые решения. Они знают, что не из злободневной суеты вырастет программа спасения их народов. Но знают они также, что если не сдаваться, не падать духом, и если Бог поможет, — Иерусалим достигим, потому что никогда мысль о нем не оставляла в скитаниях.

Если Солженицын, десять лет спустя, публикует новую — не просто отредактированную, исправленную и дополненную, а именно новую — версию "Августа Четырнадцатого", основательно переработанную, глубоко цельную в своих великолепных переливах, истинную версию "первого узла" грандиозной эпопеи, в которую войдет немало последующих "узлов", то делает он это вовсе не для того, чтобы навязать какую-то "общую программу" всем тем, кто, живя в России или вне ее, не может примириться с российским несчастьем. Солженицын нисколько не наивен. Еще менее того его можно назвать утопистом.

Нет, он просто вознамерился вспомнить, стать неутомимым, честным, гениальным летописцем досоветской России, России пятнадцати начальных лет века, России, раздираемой и мучимой непримиримыми противоречиями старого режима, России, развитие которой еще не было изуродовано, изломано, сбито с пути, обездушено плоской, бесчеловечной доктриной. Солженицын, далекий от пошлого проповедничества, становится историком, скрупулезным живописателем прошлого, хранителем заветного огня, благодаря которому, русский Иона, выброшенный на вольный воздух и обновленный водою крещения, — в тот час, когда советский Левиафан захлебнется собственным ядом, — сумеет вспомнить обетованные слова.

Обетованные слова, святые звуки... Чтобы никто не упорствовал в мысли, что СССР — это и есть Россия, ибо в действительности это не что иное, как безымянная территория (если не считать аббревиатуры), страна рабства и позора, Солженицын, рядом с монотонным убожеством советской фразеологии, восстанавливает полноту истинного русского языка...

(Le Figaro
9 декабря 1983)

II. О телепередаче.

Пьер Дэкс

...Мы не только видим автора за рабочим столом, мы видим также материалы к его книге "Красное Колесо"... Захватывающий репортаж, который нигде не снизился до анекдота... Я не преувеличиваю. Рассказывая, каков в романе удельный вес исторического материала, газетной хроники и мемуаров, Солженицын наглядно описал свой метод... Средоточием его жизни была и остается писательская

работа. Передача Бернара Пиво восстанавливает истинное соотношение, о котором и у нас, и в США часто имеют тенденцию забывать, выдвигая на первый план политические выступления Солженицына, тогда как они лишь побочная часть его деятельности. Солженицын вмешивается в мировые проблемы как писатель, чтобы заполнить пробел в истории России, о которой он думает постоянно. Слушая его, мы понимаем, какое установилось чудовищное недоразумение. Так как Солженицын имеет смелость не доверять исторической фальсификации захвативших власть большевиков и опровергает прогрессивных популяризаторов их концепции истории, так как он святоотчественно позволяет себе размышлять о том, как могли повернуться события, не будь убит Столыпин, — его рисуют монархистом и замшелым мистиком. Никогда еще Солженицын не говорил так хорошо, так ясно о своем замысле — показать масштаб "красного колеса", чудовищного колеса революции, которое захватывает в вихре целый народ, да и самих революционеров, и вихрь этот не поддается никакому контролю. В понимании Солженицына, это объединяет 1917 год с Французской революцией.

Разумеется, Солженицын ясно видит, что колесо продолжает свое вращение. Возможно, что ни он сам, ни его сыновья не доживут до перемен. Но перемены обязательно наступят, перелом назреет "изнутри" России. И тогда он сможет туда вернуться. Если он и пишет "под взглядом Бога", то не забывает о своей земной ответственности. Когда он говорит о Валенсе или Иоанне-Павле II, то слышны интонации верующего, но это верующий, который всегда помнит о долге, возложенном на него в этом мире. Вот он думает, горячится, смеется. Самый обыкновенный человек. Но какой человек!

Замечательная и нелегкая удача Пиво состоит в том, что он сумел показать Солженицына просто самим собой.

(Le Quotidien de Paris
10/11 декабря 1983)

Рено Матиньон

То, что вчера можно было увидеть по второй программе, — действительно из ряда вон. Мы было уж совсем привыкли к бестолочи, которую показывают по третьей, и к заискиваниям бедного Офредо. И вдруг неожиданность — Бернар Пиво приглашает Александра Солженицына.

Вам известно, кто такой Солженицын? Величайший, пожалуй, писатель со времен Достоевского. И вчера, с гениальной простотой, он рассказывал о себе и о своем. Среди того ужаса, который нас окружает, это было настоящее вторжение духа. Говорил поэт. Спокойно. Сильно. Это было — как молния среди туч. Как божественное откровение. В совершенстве владея искусством трагедии, но и не без лукавства, он напомнил Западу об очевидной опасности, которая ему угрожает. Голос поэта резко нарушил наш сон, его тревога и братский призыв заставили нас вздрогнуть.

Что же он сказал? Он говорил с философской мудростью, но при этом — обыденно просто. Он напомнил, что наша свобода под угрозой и что коммунизм этой угрозе не чужд. Он сказал, что он поэт, что он русский, что он христианин, что он бодрствует и что "нельзя спать в это время".

Удивительно держал себя Пиво. Сперва прикидывался простофилей. Но потом этот отпрыск винодела показал себя одним из наиболее острых, наиболее тонких, наиболее щедрых умов наших дней...

(Le Figaro
10/11 декабря 1983)

Ж.-П. Иоми-Амюнатеги

Мужество способно восхитить, иногда — вызвать отпор, жесткость и бескомпромиссность, случается, будоражат, но во всяком случае в их свете совсем иначе, чем прежде, выглядит малодушие. Упрямая позиция Солженицына не раз заставляла и заставляет целый ряд диссидентов и прекраснодушных западных голов неверно судить о произведении, цельность которого не может укрыться от действительно внимательного читателя. Если не считать идеологов, ослепленных стратегией и тактическими императивами, то в неслыханных гнусностях, может быть и искренне, автора "Архипелага" обвиняет по крайней мере несколько бывших насельников ГУЛага и кое-кто из истинных демократов, охваченных сомнениями, которые питает их неосведомленность и трусость...

...Конечно, для чистой совести левых, у которых в 70-е годы, благодаря его труду, открылись глаза, удобно было бы, чтобы изгнанник обо всем думал, как они. Увы, не удастся заполучить зэка, мешает его опыт и бескомпромиссность. Внимая духу, он пренебрегает тактикой. Будучи тверд, отказывается от условностей. Суровый, не принимает легкомыслия. Короче, для левых он невыносим, это очевидно, но

но он невыносим и для правых, которые хотят из него сделать славянского монсеньера Лефевра.* Солженицын несговорчив. Ни брань, ни похвалы его не задевают, он их просто не замечает...

...Итак, отвергая умствования, не к тому ли стремится эск, чтобы углубить и расширить познание? Пусть это встречает непонимание, но он отвергает иллюзорные истины, чтобы словом своим прочертить путь, на котором ему вольно и ошибиться...

(Le Matin
9 декабря 1983)

Пьер Эммануэль

...Особое дыхание должно прийти, чтобы так неповерхностно и просто заговорить о духе. "Слова — это постоянное дыхание писателя". Постоянное дыхание, постоянная внутренняя работа, которая не прерывается и в разговоре с нами, — вот в чем сила этого человека...

...Я слушал, как пророчествовал Солженицын (ненавистники, которые хотят доказать, что он сумасшедший, сказали бы — "вещал"), думая, конечно, об ученых, которых принято называть "принстонскими гностиками", о том, что "физика, самая материалистическая из наук, постучалась в ту перегородку, которая отделяет нас, мир этот, от мира того", о том, что ощущение Божьего присутствия в мире "доступно каждому человеку".

Но сказал он также и другое (этим нам досаждают все выходцы из Восточной Европы) — чтобы понять это, надо пройти "узкими, страшно тяжкими" вратами, через них весь "мир должен пройти". Он пессимистически полагает, что XX век "провалился в такие глубины бытия, в такие бездны", что невозможно от него требовать любви, которая "все спасет", а надо, может быть, "обратиться с какими-то промежуточными, более умеренными призывами"...

...Мощная голова во весь экран: тут запечатлена история целого века, вся мрачная его перспектива. Такой человек может стремиться превзойти Толстого "Войны и мира", своими слезами и кровью, а они — кровь и слезы его народа, написать эпопею роковой, бессмысленной революции, полной "крика и ярости". Какая в нем уверенность, какая

* Монсеньер Лефевр — католический епископ, возглавивший церковную группировку, которая не признала II Ватиканский собор, так как сошла его дух слишком либеральным. (Ред.)

сила! Кое-кто сказал бы — гордыня. Но не есть ли то, что они принимают за гордыню, — убежденность, доведенная до абсолюта, неотделимая от веры, от осознания смысла бытия? Я плохо представляю себе этого человека в клетке телестудии, где обычно собираются дрессированные звери, с которыми забавляется Бернар Пиво. Тут слово свободно, полнокровно, исполнено своей первобытной силы. Этот человек думает, переживает, заглядывает в будущее, страдает, надеется, верит, не скрываясь делится с тем, кто слушает его не перебивая, своими не отработанными заранее мыслями, жаром своих чувств. Слово обретает свободу и становится освобождающим: благодаря обоюдному доверию между тем, кто говорит, и тем, кто слушает за всех нас.

Таким бы и всегда быть французскому телевидению, но этот случай — редкость, потому что обычно обеим сторонам все ясно заранее, и это совершенно все омертвляет...

...Как я завидовал Солженицыну, как завидовал ровной энергии, которая проявляется и в том, как он колет дрова, и в том, как он чеканит свои мысли. Тут было что-то от символа, об этом следует задуматься тем, для кого Слово — призвание: мысль должна быть отточена, как секира, чтобы Слово, которое так удручающе коверкают легионы посредственностей, дошло до умов...

(France catholique
11 декабря 1983)

III. О плюралистах.

Жан Даниель

...Мне не всегда ясно, что происходит между советскими диссидентами, поэтому я очень боялся попасть под горячую руку самого из них великого, написав импрессионистического стиля очерк о своей поездке в Москву. Мне показалось, что русский народ недвижимо пребывает в какой-то глубокой древности и что последние цари, сумевши продолжить старую традицию деспотизма, сознательно держат его в этом состоянии. О ужас! Я совершил преступную несправедливость по отношению к русскому народу. По Солженицыну выходит, что в советском коммунизме истинно русского ничего нет. Возможно. Мне случалось читать и другие отзывы. Другой диссидент, скорее знаменитый, чем безвестный, специалист по Пушкину и профессор Сорбонны Синяевский, не то чтоб говорил прямо противоположное, но

он говорит по-своему и о другом. Не знаю. Да и много теперь таких проблем в мире, о которых совершенно неизвестно что думать. Осуждая высадку в Гренаде, следует ли одобрить рейд в Ливане? А кубинцы, которые возвращаются из Эфиопии и Никарагуа, что им там понадобилось, когда в собственной их стране забот хоть отбавляй?

Во всяком случае мне не безразлично... что сегодня вечером я вновь увижу Александра Исаевича Солженицына (выписываю во всю длину, ибо это напоминает мне чтение толстовских романов в детстве) рядом с неизбежным, неперменным Пиво. Да простится мне: я никак не могу отделаться от зуда воспоминаний. Мне уже два раза приходилось сталкиваться с Пиво, когда речь шла о Солженицыне. В первый раз я его защищал, громко восхищался и выражал признательность. Тогда только Глюксман и я так смотрели на дело. Правда, и избытка левых в то время не наблюдалось. Не знаю зачем, но дорогой Макс-Пол Фуше взял на себя миссию дискредитировать автора "Архипелага". Во второй раз все шло не так гладко. Наивно полагая, что занятая мною прежде позиция придает мне некоторый вес и что никому в голову не придет сомневаться в моей ревностной преданности пророку, в тот день, когда перед нами предстал он сам, Солженицын, чудом переживший лагерь и смертельную болезнь, величественный, как дуб, что "небесам главой своей касался", как икона наводящий робость, в тот день я почувствовал потребность восстановить определенную независимость.

Решительно, я предпочитаю восхищаться издали. Мне кажется, безответное подчинение вредит и объекту его, и тем, кто наблюдает это зрелище со стороны. Короче, я отважился. Вместо того, чтобы слушать, как все, я, Бог знает зачем, задал ему вопрос: следует ли понимать так, что участие в борьбе против советского гюлага необходимо вынуждает оправдывать американскую политику во Вьетнаме? Прекрасно помню: д'Ормессон пришел в ярость и неистово разорался (то же самое сделал на следующий день Раймон Арон). Пророк же ответил мне с кротостью, которая призвана была еще сильнее подчеркнуть неслыханность моей дерзости.

В одном, помнится, я тогда все же не был неправ: я сказал, что предоставить вьетнамскому народу свободу — это значит вернуть ему его законную собственность, и что не наше дело, что он с этой свободой сделает, подчинит ее тоталитаризму или нет. Но Солженицын оказался правее меня, и его правота имела в тысячу раз больше смысла, потому что речь шла не о защите принципа, а о пророчестве. Он сказал, что уже и теперь видно, как советское тоталитарное

чудовище заглатывает Вьетнам, и что дай Бог, чтобы из этого ада выбралось несколько свидетелей. И это была не фраза. Через несколько лет свидетели были выброшены в море...

(Nouvel observateur
9 декабря 1983)

Жером Жермон

...«Я согласен с Солженицыным в том, — пишет Андрей Синявский, — что "истина, правда во всем мировом течении одна — Божья, и все-то мы ... жаждем именно к ней приблизиться"». Но соглашается он только затем, чтобы добавить: «Но человек ... не может собственными усилиями и средствами достичь обладания божественной истиной во всей ее полноте. И те малые и великие, кто дышит ею, идут каждый своим путем, а не маршируют стройными рядами по указке Партии или писателя»*. ... Есть все-таки существенная разница между партией (это слово Синявский пишет с большой буквы), которая не дает жить, подвергает цензуре, затыкает рты, обалванивает, диктует условия, насаждая коллективизм, основанный на системе лагерей и психбольниц, — и писателем, который уединился для работы. Понадобилось шесть лет, в течение которых его травили, задирали, злословили, мазали «в две дюжины мазутных кистей», особенно в американской прессе, чтобы одинокий лев наконец огрызнулся...

...Солженицын дает отпор, и не так, как это сделали бы интеллектуалы в стиле Мальро, который весь насквозь состоял из нюансов. Он резко сталкивает разные типы мышления, идет прямо к главному, к тому, что затрагивает глубины души и сердца. Поэт и пророк, он являет собою редкую участь. Наблюдая атаку "своих" плюралистов, он не перестает недоумевать: "Где Западу разобраться? Почему ему не верить, — если сами русские предупреждают"...

Мы можем его заверить в том, что мысли и суждения, которые он извлекает из писаний "своих" плюралистов, не новы на Западе. Они были у нас известны давно, задолго до того, как появились "диссиденты". Поэтому "его" плюралисты ничуть не в меньшей степени принадлежат и нам. Во-первых, потому, что выражают свои мысли и имеют слушателей здесь, на Западе, а во-вторых, потому, что взгляды

* Цитата дается в обратном переводе.

их идентичны, или почти идентичны, со взглядами наших собственных плюралистов. "Солженицынский ураган" (было такое выражение) для того и налетел, чтобы поколебать устоявшиеся мнения и нарушить интеллектуальное благополучие, чтобы кое-кого пробудить от сна...

Так что пока речь шла не об уважаемом нами принципе плюрализма, а о выпадах, которым нужно положить предел. Солженицын не задавался целью поставить под сомнение общественный плюрализм, являющийся основой демократии, при которой в единой системе общества могут совместно существовать люди разных взглядов и убеждений, верующие и неверующие. Может быть, ошибка порицающих Солженицына состоит в том, что его упреки они переносят именно на эту область, т.е. на форму существования гражданского общества. Кроме того, он вовсе не отрицает "множества форм" человеческого бытия. Ибо "разнообразие — это краски жизни, и мы их жаждем, и без того не мыслим". Возможно, он подписался бы под замечанием Синявского о том, что жаждущие истины идут различными путями. Но подчеркнуть он хочет именно непреложный характер истины, в поисках которой высшим принципом плюрализм быть не может. "Если не существует универсальной основы, то не может быть и морали. "Плюрализм" как принцип деградирует к равнодушию, к потере всякой глубины, растекается в релятивизм, в бессмыслицу, в плюрализм заблуждений и лжей"...

Центростремительность истины, на которой настаивает Солженицын, и толкнула его взяться за грандиозную историческую фреску. "Август Четырнадцатого" — лишь первый "узел". Завершенная работа займет двадцать тысяч страниц! Речь идет о подробном изложении истории на "малых отрезках времени", в ее "узловых точках". Но кроме того — это исследование о человеке, об исполнении его судьбы, о смысле человеческой жизни.

Что же делать, если центростремительная сила истины неощутима больше для валящего все в одну кучу плюрализма? И это не просто душевный изъян. Это конец цивилизации.

(France catholique
16 декабря 1983)

К столетию со дня рождения Евгения Замятина (1884—1937)

Евгений ЗАМЯТИН

Из неизданных лекций о художественной прозе*

О СЮЖЕТЕ И ФАБУЛЕ

О сюжете. Откуда и как рождается у писателей сюжет? Из жизни? Но разве Толстой видел всех людей, которые проходят через его "Войну и Мир", — Болконского, Пьера, Наташу, Ростовых? Разве он видел Наполеона, умершего за десятки лет до написания "Войны и Мира"? Разве Гофман видел Архивариуса Лиднерста и студента Ансельмана, посаженного Архивариусом в стеклянный сосуд? Разве Достоевский видел Карамазовых? Разве Андрей Белый видел своего геометрического сенатора Аполлона Аполлоновича, и Липпанченко, и Александра Ивановича, и всех других действующих лиц из "Петербурга"? Разумеется, нет. Все эти люди — живые люди — и Болконский, и Пьер, и Наташа, и Ростовы, и Карамазовы, и сенатор Аполлон Аполлонович — все они рождены писателем из себя.

Правда, у того же Толстого в "Детстве" фигурируют действительно существовавшие люди; у Горького, в его "Детстве", — тоже; в других его вещах тоже часто зарисованы живые, взятые из жизни люди. Правда, такое, как будто бы непосредственное, перенесение на страницы книги мы встречаем у реалистов, особенно в произведениях автобиографического характера. Но даже и здесь — можно сказать с уверенностью — события и лица — служили писателю только материалом. Тем более это нужно сказать о писателях-символистах и нео-реалистах, у которых мы часто встречаем фантастику и гротеск, т.е. то, чего в действительности не бывает.

Жизнь служит для писателя только материалом. Всю форму постройки, всю ее архитектуру, всю ее красоту, весь ее дух — создает сам автор. Архитектор Браманте построил собор св. Петра в Риме: но камень — только мертвый материал, жизнь в этот камень — вдохнул Браманте. Репин в своей картине "Иоанн Грозный" писал Иоанна с

* Продолжение. Начало см.: "Вестник РХД" № 141, стр. 147.

какого-то натурщика; но из этого, взятого из жизни, натурщика — он сделал Иоанна. Так и для писателя: наблюдаемые в жизни события, встречающиеся живые люди — не более, чем был камень для Брамante, не более, чем натурщик для Репина. Писатель, который может только описывать жизнь, фотографировать события и людей, которых он действительно видел, — это творческий импотент, и ему далеко не уйти.

Из этих камней, которые писатель берет из жизни, сюжет складывается двумя путями: индуктивным и дедуктивным. В первом случае индукция, процесс развития сюжета идет так: какое-нибудь мелкое и часто незамечательное событие — или человек — почему-нибудь поражает воображение писателя, дает ему импульс. Творческая фантазия писателя в такой момент, очевидно, находится в состоянии, которое можно сравнить с состоянием кристаллизующегося раствора: в насыщенный раствор достаточно бросить последнюю щепотку соли — и весь раствор начнет отвердевать, кристалл нарастает на кристалл — создается целая прихотливая постройка из кристаллов. Так и здесь: такой импульс играет роль последней щепотки; ассоциации — роль связующего цемента между отдельными кристаллами мысли. Углубляющая весь сюжет идея, обобщение, символ — являются уже после, когда большая часть сюжета окристаллизовалась.

Другой путь — дедукция, когда автор сперва задается отвлеченной идеей и затем уже воплощает ее в образах, событиях, людях.

Как тот, так и другой путь — одинаково законны. Но второй путь, дедукция, — опасней: есть шансы сбиться на схоластическую форму.

Как на пример первого пути создания сюжета, индуктивного, укажу на факт, рассказанный Чуковским в его воспоминаниях о Л. Андрееве. Однажды Андреев прочитал в записках Уточкина: "При вечернем освещении наша тюрьма — необыкновенно прекрасна..." Отсюда — "Мои записки", кончающиеся как раз этой фразой.

Еще пример — "Чайка" Чехова. Однажды он был в Крыму вместе с художником Левитаном на берегу моря. Над водой летали чайки. Левитан подстрелил одну из чаек и бросил на землю. Это было такое ясное зрелище — ненужно, зря умирающей, убитой красивой птицы, что оно поразило Чехова. Из этого мелкого факта, запомнившегося Чехову, создавалась пьеса "Чайка".

Иногда факт, послуживший импульсом для сюжета, — совершенно выпадает из произведения. Так случилось с моей повестью "Остро-вляне"...

Примером дедуктивного пути создания сюжета — могут служить многие произведения символистов, хотя бы пьеса Минского "Альма" или "Навы чары" Сологуба, явно написанные à thèse, чтобы доказать преимущества Дульцинеи перед Альдонсой. Сюжет арцыбашевских "Санина", "У последней черты", горьковской "Мать" — тоже явно создались дедуктивным путем; этим путем — все проповеднического типа вещи. Как я уже говорил — этот путь опасен, и сюжеты, создавшиеся таким путем, редко выливаются в безукоризненно-художественную форму.

Итак, теперь мы имеем представление о том, как зарождается сюжет. Но вот сюжет, в эмбриональной форме, уже есть. Что же делать дальше? Нужен ли дальше план, схема повести или рассказа?

Решить этот вопрос в общей форме трудно. Но на основании моего опыта я скажу, что торопиться с планом не следует. Составленный в самом начале работы план — стесняет работу воображения, подсознания, ограничивает ассоциативную способность. Творчество приобретает слишком обдуманый, чтобы не сказать надуманный характер.

Я рекомендовал бы начинать с другого: с оживления людей, с оживления главных действующих лиц. Второстепенные персонажи, разумеется, могут появиться и ожить во время дальнейшей работы; но главные персонажи — всегда есть уже в самом начале. И вот надо добиться, все тем же самым приемом "сгущения мысли", о котором говорит Флобер, надо добиться, чтобы эти главные персонажи стали для вас живыми, ожили. Надо, чтоб вы видели их — видели прежде всего, видели в каждом из них все бросающееся в глаза. Надо, чтобы вы знали, как кто ходит, улыбается, здоровается, ест. Затем вы должны подметить особенности в манере говорить у каждого из действующих лиц. Т.е. вы должны судить о своих персонажах так же, как вы судите о незнакомом человеке: вы наблюдаете его извне, и отсюда, индуктивным путем, от частных — восходите к общему. Когда вы узнаете действующих лиц снаружи, вы уже будете детально знать их и внутри; вы будете детально знать характер каждого из них; вам будет совершенно, безошибочно ясно: кто что из них может и должен сделать. Тогда и сюжет определится окончательно и правильно. И только тогда можно набросить план.

(Насколько живыми становятся персонажи: ех. у Толстого, Андрей Болконский, Пьер...)

Практически следует, стало быть, поступать так: сперва вы делаете эскизные портреты главных действующих лиц, обдумываете или, правильной, почувствуете — все их особенности. Затем, если имеете

дело с большой вещью — хорошо набросать эскизы отдельных сцен — все равно, может быть начиная с конца. А затем, разработать план и, пользуясь эскизами, начать все писать с начала.

Ех. "Островитяне", "Землемер", черновики.

Когда вы пишете первый черновик — лучше писать быстро, по возможности не останавливаясь над отделкой деталей. Места, затрудняющие чем-нибудь, лучше пропускать и доделать потом: *важно дать законченную форму сюжету — фабуле*. Не беда, если в первом черновике у вас будут длинноты, повторения, излишние детали: это все можно убрать при дальнейшей работе.

А этой дальнейшей работы — немало. Надо твердо запомнить: всякий рассказ, роман или повесть, не считая предварительных эскизов, надо переписать по крайней мере два раза и непременно прочесть себе вслух. Читать вслух нужно, 1) чтобы использовать в рассказе, где это нужно, музыку слова; 2) чтобы исправить все неблагозвучия; 3) чтобы не было ритмических ошибок. Обо всем этом подробнее мы будем говорить дальше, когда коснемся изобразительных методов художественного слова. Но для того, чтобы добиться правильной конструкции фразы, правильной расстановки слов, точности эпитетов — недостаточно одного чтения вслух: это процесс слишком быстрый. Тут требуется переписать вещь — один раз, два, три — сколько понадобится.

Во время такой переписки — выступает на сцену сокращение и вычеркивание. *Уметь зачеркивать — искусство, пожалуй, еще более трудное*, чем уметь писать: 1) тут надо иметь очень зоркий глаз, чтобы решить, что лишнее, что надо убрать, и 2) тут нужна безжалостность к себе — величайшая безжалостность и самопожертвование: надо уметь жертвовать частностями во имя целого.

Иногда какая-нибудь деталь, какой-нибудь вставной эпизод — кажется страшно ценным и интересным, и так жаль выбросить его. Но в конце концов, когда выбросишь, всегда оказывается к лучшему. А выброшенное — всегда пригодится потом, в другой вещи.

Всегда лучше *недоговорить*, чем *переговорить*. У читателя, если он не рамоли, — всегда достаточно острые зубы, чтобы разжевать самому то, что вы ему даете: не надо преподносить ему жвачки, пережеванного материала. Не следует писать в расчете на беззубых рамоли или на кретинов.

Повесть, рассказ — вы можете считать совершенно созревшими и законченными, когда оттуда уже *нельзя будет выбросить* — ни одной главы, ни одной фразы, ни одного слова. Все, что можно выбросить, — надо безжалостно выбросить: пусть останется только одно яркое, одно

ослепительное, одно необходимое. Ничего лишнего: только тогда вы можете сказать, что ваше произведение *создано и живет*: в живом — нет ничего лишнего: все выполняет какую-нибудь необходимую жизненную функцию (за исключением appendix'a — червеобразного отростка, да и тот приходится вырезать). Так и в рассказе: должно быть только то, что жизненно необходимо.

Если кажется, что какой-нибудь эпизод, какой-нибудь анекдот, какое-нибудь действующее лицо — очень интересно и ценно само по себе, нужно суметь этот эпизод или это действующее лицо связать с фабулой какими-то неразрывными, живыми нитями, а отнюдь не белыми нитками, нужно изменить фабулу так, чтобы этот эпизод или эпизодическое действующее лицо — стали необходимыми. (Ех. Мак-Интош из "Островитяне").

Для развития фабулы, в современном романе или повести, тот же самый психологический закон, что и в драме: *завязка, действие, развязка*. Для романа и для повести — это является нормальным. Впрочем, в современных романах и повестях последний член этой формулы — развязка — часто выпадает: занавес закрывается перед последним действием, читателю предоставляется угадывать развязку самому. Этот прием допустим только в том случае, когда все психологические данные для развязки уже выяснены и читатель без труда может судить о ней по первым двум членам формулы.

Большой рассказ тоже часто содержит в себе все три элемента драмы: завязку, действие и развязку. Но в рассказах небольших, в новеллах обычно берется только какой-нибудь один из членов этой формулы: либо одна завязка, либо одно действие — без завязки и развязки; либо, наконец, сразу — одна развязка.

— Ех. рассказа со *всеми тремя элементами*: "Беда" Чехова; "Сирена" Чехова.

— Ех. рассказа с *одной завязкой*: "Егерь" Чехова.

— Ех. рассказа с *одной развязкой*: "Злоумышленник".

— Ех. рассказа с *одним действием*: "Пасхальная ночь" Чехова.

Но в большинстве случаев даже и в небольших рассказах — все три элемента.

Вы, вероятно, знаете, что в классической драме был закон единства, единства времени, места и действия. С развитием театральной техники эти строгие требования смягчались, и, наконец, современная драматургия уже не требует того, чтобы действие происходило в течение 24-х часов и в одном и том же месте. Но закон *единства действия*, единства действующих лиц остался, потому что в основе его лежат соображения не технические, а психологические.

Тот же закон единства действующих лиц сохраняет свою силу и для романа, для повести, для рассказа. Театральных технических затруднений здесь нет: вы не стеснены требованием единства времени или места, но единство действующих лиц для современного романа, повести — *обязательно*. Одни и те же или, может быть, одно и то же главное действующее лицо должно проходить через все произведение. Вокруг главного лица могут вращаться и действовать сколько угодно второстепенных. Эти второстепенные, по миновании надобности, могут исчезать со страниц, могут быть эпизодическими, но главное лицо — или лица — остаются все время. Надо при этом отметить, что случайные, эпизодические лица — являются *недостатками произведения*: это нарушает его архитектурную стройность. И искусство автора всегда сумеет сделать так, чтобы эпизодические лица оказались необходимыми в фабуле, в развитии сюжета. Ех. тот же Мак-Интош в "Островитянах". Я нарочно подчеркнул, что это требование — единства действия лиц — является обычным в современном, в новом романе и повести.

Когда художественная проза находилась еще в первоначальной стадии развития, это требование обычно не выполнялось: прозаические произведения средних веков, XVIII века, строились по принципу эпизодичности: Шехеразада, Декамерон. "Жиль-Блаз" Лесажа — как будто связан единым действующим лицом: но связь, в сущности, почти та же, как в Шехеразаде — все время одно и то же лицо рассказывает сказки.

В драме есть еще закон, который я назвал бы законом эмоциональной экономии. В художественной прозе закон этот основан на том, что у человека после сильных ощущений получается реакция, утомление и эмоциональная восприимчивость понижается. Потому наиболее сильные психологические эффекты нужно переносить в конец повести, романа, рассказа. Если такой момент дать раньше, читатель не в состоянии будет воспринять последующих, эмоционально не так напряженных моментов.

Из этого закона эмоциональной экономии вытекает другое требование: требование интермедий. Эмоциональные подъемы в художественных произведениях должны сменяться какими-то роздыхами, понижениями. Нельзя все время держать читателя на *forte*: он оглохнет. Должны меняться и темп, и сила звука.

Это требование относится к роману, повести и большому рассказу. Небольшие рассказы, типа новелл, 2—3 страницы, могут быть восприняты читателем и в том случае, если рассказ ведется все время в очень напряженном тоне: внимание читателя еще не успеет устать. Он может воспринять рассказ без передышки, залпом.

В более крупных вещах требование такой передышки, интермедии осуществляется несколькими способами.

Самый простой способ, но вместе с тем наиболее грубый, наиболее примитивный, это эпизодические вставки. Т.е. в ход рассказа вводятся еще особые добавочные, вставные рассказы, не связанные, в сущности, или очень мало связанные с фабулой. Примеров много. Рассказ о купце Воскобойникове у Достоевского. Рассказ Ахиллы в "Соборях" — о том, как он самозванцем был. Там же — рассказ плодомасовского карлика о царе, о женитьбе. Все это достигает цели, но, как я уже говорил, это портит архитектуру, стройность рассказа.

Другие приемы, чтобы дать нужную передышку вниманию читателя, — это лирические отступления и авторские ремарки. Такие отступления очень часто применял Гоголь: вспомните его "Тройку". Из новых авторов мы увидим такие отступления у берущих свое начало в Гоголе — Ремизове и А. Белом. Но этот прием, достигая своей цели, т.е. давая передышку, отвлекая на время внимание читателя от развития фабулы, опять-таки имеет недостаток: он на время позволяет проснуться читателю, производит расхолаживающее действие, ослабляет очарование. Все равно, как если бы актер среди игры снял гримм и сказал несколько слов своим голосом, а затем снова... *Очень дурной прием* — авторские ремарки, рассказывающие о тех ощущениях героев, которые уже показаны в действии. Это — всегда лишнее; это — то самое разжевывание... Ех. "Муж" Чехова.

Дальше, в качестве интермедий пользуются пейзажем или описанием обстановки, в которой происходит действие. Этот прием гораздо уместнее и лучше предыдущих. Цель также достигается, но при этом не вводится в рассказ никакого инородного тела; пейзаж и обстановка — могут войти в качестве жизненно необходимого элемента. Но для этого автор должен позаботиться, чтобы пейзаж или описание обстановки были органически связаны с фабулой.

Очень хорошо понимал это Чехов. В одном из писем он говорит: "Описание природы только тогда уместно и не портит дела, когда оно кстати, когда оно помогает сообщить читателю то или другое настроение".

Нужно, чтобы пейзаж или обстановка не были нейтральны: они должны быть связаны с фабулой, с переживаниями действующих лиц, или по признаку сходства или по признаку контраста. Т.е. ... тогда помимо прямой цели — дать интермедию — достигается еще и побочная: читатель готовится к последующим событиям. Таким образом достигается художественная экономия.

Ех. "Спать хочется" Чехова.

Ех. "Агафья" Чехова.

Ех. "Африка" Замятина.

Ех. "Островитяне" Замятина.

Ех. "Весенний вечер" Бунина.

Во всяком случае, и пейзаж, и описание обстановки — должны быть сделаны кратко, в нескольких строках. Чехов: "Море было большое". Надо уметь увидеть в пейзаже и обстановке или что-то очень простое и потому не бросающееся в глаза, или оригинальный образ.

Самый трудный и сложный, но вместе с тем наиболее искусный и достигающий наиболее эффекта прием интермедии — это прием переплетающейся фабулы. В рассказе, повести или романе — несколько главных персонажей, связанных между собою, и все время проходят параллельно, делая три романические интриги. Читатель устал следить за переживаниями одной пары, вы переносите его внимание к другой, к третьей.

Ех. "Островитяне". М-с Дьюли и Кембл; Кембл и Диди; Диди и О'Келли. Все связаны между собой неразрывными нитями. Ех. "В Сарае" Чехова.

Чтобы покончить с фабулой, мне остается сказать еще об одном недостатке, свойственном большинству русских писателей, включая самых крупных мастеров художественного слова: это бедность фабулы, интриги в русских романах, повестях и рассказах. Особенно это относится к писателям новейшего периода (обозрению творчества которых была посвящена моя первая лекция). Богатейшая фабулистическая изобразительность была у Толстого, у Достоевского, у Лескова, из второстепенных авторов — у Болеслава Маркевича. А затем русская литература занялась усовершенствованием формы, языка, углублением психологических деталей, разработкой общественных вопросов; фабула же — была забыта. Форма и психологическая сторона в художественной прозе развивались и ушли гораздо дальше западно-европейских образцов, но это произошло за счет обеднения фабулы. Таких мастеров фабулы и интриги, как Дюма, позже Мопассан, Флобер, Бурже, Конан-Дойль, Уэллс, Генрих Манн — в русской литературе теперь нет. Фабулой интересовались и фабулу культивировали у нас в последнее время писатели третьестепенные, скорее даже бульварные, вроде Вербицкой и Нагродской. Настоящие же мастера художественного слова как-то пренебрежительно относились к фабулистической стороне и как будто даже считали ниже своего достоинства интересоваться фабулой. И совершенно напрасно:

результатом было то, что по статистическим данным библиотек больше всего читались именно бульварные, третьестепенные писатели, вроде Вербицкой. А такие мастера и художники слова, как Бунин, стояли на полках. У Бунина — часто фабула скучна. Нельзя забывать этого неоспоримого афоризма: "Все роды литературы хороши — кроме скучной". Писателю нынешнего дня на фабулу придется обратить особое внимание. Прежде всего, меняется читательская аудитория. Раньше читателем был главным образом интеллигент, способный подчас удовлетвориться эстетическими ощущениями формы произведения, хотя бы развитой в ущерб фабуле. Новый читатель, более примитивный, несомненно, будет куда больше нуждаться в интересной фабуле. Кроме того, есть еще одно — психологическое — обстоятельство, которое заставляет теперь писателя обратить больше внимания на фабулу: жизнь стала так богата событиями, так неожиданна, так фантастична, что у читателя вырабатывается невольно иной масштаб ощущений, иные требования к произведениям художественного слова: произведения эти не должны уступать жизни, не должны быть беднее ее.

Из искусственных приемов повышения интереса читателя к фабуле я обращаю ваше внимание на *три приема*. *Первый* — это то, что я назвал бы *фабулистической наукой*. Обычно это бывает при наличии переплетающейся фабулы: рассказ прерывается на очень напряженном и драматическом месте — и автор обращается к развитию второй, параллельной фабулы; этим развитием и заполняется намеренная пауза. Такая пауза, естественно, усиливает нетерпение читателя узнать: чем же кончилось так неожиданно прерванное изображение какого-нибудь очень драматического события.

Ех. Лесков, "Запечатленный ангел".

Второй прием — задержание персонажей.

Третий прием — заключается в намеренном запутывании фабулы. Путем искусных намеков автор заставляет читателя прийти к ложному выводу о разрешении какого-нибудь фабулистического конфликта. Ех. "Север" Замятина.

На чтение Е. Замятиным романа "Мы".

Заседание посвящено чтению Евгением Ивановичем Замятиным своего рассказа "Мы". Вероятно, это заседание клуба Вольфилов, а не воскресник, т.к. мы собрались не в Демидовом переулке, а на Фонтанке, в основном помещении Вольфилов. Пришло много народу. Рядом с председателем Ивановым-Разумником сел Евгений Иванович Замятин. Нас, молодежь 20-х годов, ходившую в рваных сандалиях, неведомо в чем одетой, удивили: его гладко выбритое лицо, прическа в светлых волосах, безукоризненный костюм и манеры джентльмена. А в небольших и светлых глазах — неожиданное озорство. Быстро оглядев всех, он начал читать. Роман этот у нас не был напечатан и мало кто теперь помнит о нем, поэтому — расскажу его содержание. Роман написан в форме записок гражданина будущего Организованного Государства, от первого лица. Записки ведет инженер, лояльный и преданный гражданин этого мира. Мир благоустроен вполне: он заключен под стеклянный колпак. Под колпаком города и возделанные земли. Люди научились там регулировать влагу, температуру, растительность. Здания городов из стекла. Прозрачные стены, как соты. Каждому человеку дается прозрачная ячея, чтобы все могли знать, как идет его жизнь. Ибо он принадлежит государству. Регламентирована работа, еда, даже любовь. Для нее отведены нормированные часы. В это время живущий имеет право спускать занавеси и закрывать стены. Связи свободны (получить талон на избранное лицо), но право родить ребенка дается разрешением специальной медицинской комиссии. У граждан нет имен: они называются буквой и номером. Женщины гласными буквами, мужчины согласными. Питаются жители химически приготовленными таблетками. Когда-то в начале создания идеального Государства был голод — не хватало продуктов органических, перешли на химические. Многие умирали, но другие приспособились к этой пище. Чтобы не атрофировались челюсти, таблетки сделали так, что их надо жевать... под счет метронома...

Пишущего записки восхищает целесообразность и точность регламентированной жизни. Он доволен связью с маленькой веселой

женщиной по имени О, и искренне удивляется, почему она так трагически переживает запрещение иметь ребенка, ввиду ее маленького роста. Его шокируют протесты. Но вот в его жизнь входит другая женщина — И. Она — работник музея, где хранятся все нелепости быта, существовавшего до того, как было создано Совершенное Государство. Ей почему-то нравятся эти нелепости. Она увлекается прошлым, не желает регламентации. Говорит инженеру, что стеклянный колпак охватил не все человечество: за стеклянной стеной есть люди. К стене подходят фигуры, зовут к себе. И — втягивает его в какие-то сомнения, намекает на недозволенное.

Пишущий возмущен. А в воздухе — нарастает опасность восстания, бунт против порядка. Правительство, чтобы прекратить это, объявляет через громкоговорители на улицах (в 20-е годы такие громкоговорители казались не менее фантастическими, чем стеклянные города): "Все обязаны явиться на укол, уничтожающий в мозгу бугор фантазии; на операцию над его мозгом. Он примыкает к восставшим, связавшимся с "дикарями" за стеклянным колпаком. Звенит разбиваемое стекло колпака, рушатся здания...". На этом обрывались записки — Евгений Иванович кончил читать. Он осмотрел всех пристальными глазами. Вздых и шепот прошли по рядам. Сидевшие на ковре переглянулись, меняя позы.

— Кто желает высказаться? — поблескивая стеклами пенснэ, спросил председатель...

Первым поднялся чернявый юноша, милиционер Миша.

— Позвольте, Евгений Иванович! — сказал он. — Ведь это насмешка над государством будущего! Вы отрицаете государство? Карл Маркс учил, что без государства нельзя построить социализм. Мы строим правильно организованное социалистическое общество. Зачем же вы смеетесь над этим?

Он негодуяще огляделся, ища поддержки. Все выжидали. Ольга Дмитриевна Форш смотрела живыми черными глазами и улыбалась. Потом низким, глуховатым голосом она сказала: "Нельзя же, товарищ Миша, быть так непосредственно прямолинейным! Сатира направлена не на современность, а на идею гипертрофированной государственности, уничтожающей личное творчество. Это — предупреждение об опасности государственного абсолютизма".

Но Миша продолжал утверждать: "С точки зрения марксизма государство, безусловно, должно в будущем отмереть, оно уничтожится при коммунизме. Но вначале необходим период строгой диктатуры пролетариата. И тут не место сатире..." Он говорил восторженно и убежденно. Требовал, чтобы все занялись углубленным

изучением политической экономики и обязательно прочли все три тома "Капитала".

Его юношеский напор встречали с такой же уважительностью, как плоды многолетних исследований или литературной работы. О романе спорили долго. Евгений Иванович наблюдал, поблескивая глазами.

* *
*

Нужно ли верить этим воспоминаниям? Не знаю. Брожу, уходя в 20-е годы. И как всегда, когда человек углубляется в мысль, сами собой появляются книги и начинают они разговор о том же. Вот Вениамин Александрович Каверин. В воспоминаниях о 20-х годах он пишет об отношении к Вольфиле "Серапионовых братьев": "Футуристы громили "высокие" литературные традиции. Мы не громили. Мы о них не думали. Нам были чужды мудрствовавшие философы из Вольфилы (Вольно-философская ассоциация), в которой решались весьма сложные, на первый взгляд, вопросы человеческого существования, но сводившиеся, в сущности, лишь к наивному противопоставлению: Революция и я. Вот почему мы смеялись над литературной чопорностью старшего поколения". ("Здравствуй брат, писать очень трудно". М., 1965, стр. 205).

Правильнее было бы сказать: не противопоставление Революции себе, а сопоставление: места человека в Революции. Вопрос, действительно, основной для Вольфилы, обсуждавшийся страстно.

Андрей Белый в августе 1917 года писал:

И ты, огневая стихия,
Безумствуй, сжигая меня!
Россия, Россия, Россия
Мессия грядущего дня.

Это оставалось внутренним кредо "Вольфилы", в то время, когда "Серапионовы братья" ставили своей задачей определить свое место в литературе и забавлялись преодолением стилистических трудностей писательского ремесла. Вольфилу создавали А. Белый и А. Блок, в ней было многое от символистов. В своей книге воспоминаний В. А. Каверин писал, как чужда была ему "среда символистов с ее многозначительностью, с ее стремлением придать глубину ежедневному, машинальному, совершающемуся независимо от человеческой воли". (стр. 204 указ. книги).

Это понятно: провинциальному мальчику, каким был тогда Вениамин Александрович, казались излишними вопросы философского осознания совершенного революцией. Не знающий принципа радиопередач просто машинально вертит рычажок. Так все непонятное кажется лишним, его стараются превратить в машинное. Ценно и важно, что Вениамин Александрович открыто передал свой ракурс философии тех лет, не подменил воспоминания позднейшей культурой. Такие воспоминания помогут ощутить многогранность жизни в те годы. Но в этих словах свое личное восприятие он передавал как Серапионовское отношение вообще. А между тем признаваемые учителя и вожди "Серапионов" были явно другого мнения о Вольфиле.

Ю. Н. Тынянов и В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум и Б. В. Томашевский посещали Вольфилу, участвовали в прениях, выступали с докладами. В Пушкинском доме хранятся отрывки архива Вольфилы. Сотрудники бережно подобрали их в снегу разрушенного войной дома, в городе Пушкине. Эти случайно уцелевшие записи отрывочны, но могут помочь в восстановлении фактов. Там есть протокольная, с разрезанными листами, запись беседы "О пролетарской культуре" на одном из первых открытых заседаний Вольфилы 21 марта 1920 года. Председательствует и говорит вступительное слово А. Белый. В прениях выступает В. Б. Шкловский, рассказывая свое кредо "о закономерности развития искусства" (Пушк. дом, фонд № 97, опись 5).

Есть запись о том, что была поставлена специальная беседа на тему о формальном методе в искусстве. В диспуте выступают Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум.

Перелистываю маленькую папочку с надписью: Анкеты-заявления "Членов-соревнователей". Листаю анкеты: имя, фамилия, возраст, образование. Тут есть и взрослые люди за 40 лет, и много молодежи от 17 до 23—24 лет. Нахожу: Зоценко, Михаил Михайлович, 23 года. Студент-филолог. Невольно приходит мысль: а милиционер Миша, уж не Зоценко ли это? Ведь известно: как раз в эти годы М. М. Зоценко служил в милиции, в эти годы он занимался изучением Маркса, это тоже известно из его биографии. Не он ли ярый спорщик, выступавший на чтении "Мы" с требованием изучать Маркса? Не он ли чернявый юноша, что ставил винтовку у камина и потом уходил с ней на милицейские посты?

Конечно, это требует дополнительных изысканий. Но во всяком случае В. А. Каверин неправ, утверждая, что "Серапионы" чуждались

Вольфилы. Там есть и еще одна анкета серапионовца: "Лев Натанович Лунц, 18 лет, студент-филолог".

Изучение архива Вольфилы тема особая, я не могу удержаться только, чтобы не привести здесь копию одного командировочного удостоверения, выданного Вольфилой 30. IX. 1921 года:

Командировочное удостоверение № 112.

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольно-Философской Ассоциации члену-сотруднику поэту Сергею Александровичу Есенину в том, что он, согласно пункту I, параграф 4 – Устава Ассоциации, утвержденного Наркомпросом 10 октября 1919 года, командировается на трехмесячный срок за границу с целью организации, при учрежденном в Берлине Отделе Ассоциации, Русско-Германского союза поэтов, родственных по направлению деятельности Вольфилы.

З.Н. ГИПШИУС

ДВА ПИСЬМА ГИМНАЗИСТУ

(Публикация Юрия Иваска)

Я был в шестом, по старому счету, классе русской гимназии в Ревеле, как мы упорно называли уже эстонский Таллин (и гимназия наша официально называлась таллинской). В нашем гимназическом литературном кружке я прочел длинный, растянувшийся на три вечера, доклад о Мережковском. В те годы я видел в нем "властителя дум", даже пророка... Я написал Дмитрию Сергеевичу. Но ответила Зинаида Николаевна Гиппиус. Публикую оба ее письма гимназисту.

В "Современных записках" З.Н., цитируя мои письма, ставила меня в пример каким-то неугодным ей пражанам. Так я впервые "появился" в печати – в цитатах, но анонимно. Было мне лестно, но и как-то конфузно! З.Н. кое-что в моих письмах одобрила, но все же отнеслась к ним, как к "детским бредням". Я уже чувствовал, что она права, и мне было вдвойне неловко! Но я до сих пор горжусь этим вниманием З.Н. Неинтересных писем она не писала...

В декабре 1938 г. мне, наконец, удалось побывать в Париже – т. е. в тогдашней столице русской эмиграции. В то время моей богиней или полубогиней была Марина Цветаева, а культ Мережковских уже отошел в прошлое. Но я явился к ним на поклон – узнав, что они принимали по воскресеньям, в 4–5 часов вечера.

В.А. Злобин встретил меня не слишком любезно:

– Да кто вы такой...

Я что-то пробормотал – дескать, мои стихи были в "Современных записках", и решительно снял пальто. В столовой я увидел Георгия Иванова. Черные волосы прилизаны, блестят – как лакированные туфли... Как денди лондонский одет: ладный серый костюм, темно-красный галстук.

Высочайший выход Зинаиды Николаевны: она стройная, рыжая, с лорнетом. Произнесла речитативом гоголевской дамы, приятной во всех отношениях:

– Вы из Ревеля – это столица Латвии, а Рига – столица Эстонии.

Я поправил.

– Не спорьте ... и все это пуговицы, сорвавшиеся со старой шубы... – Долгая пауза. – А шуба-то – наша Россия.

Явление Мережковского. Он быстро выбежал — согнутый в три погибели — и рывком протянул руку. Картавил:

— Мег'ежковский.

— Блок... — уловил глуховатый Дмитрий Сергеевич и возвел очи горе:

— Блок выше меня! Почему? — Пауза. — Если бы мне подаг'или автомобиль, я был бы очень г'ад — это ведь сг'едство пег'едвижения. А Блоку было бы стыдно... Почему? — Опять пауза. — Потому что у дг'угих машины нет.

Отмечаю: в наше время Мережковскому не было бы стыдно — по крайней мере, на Западе!

Георгий Иванов упомянул об интервенции...

Мережковский перебил:

— Тепег' — Г'оссия тюг'ма, а пг'идут немцы и пг'евратят ее в баг'дак...

Вспомнили об одном критике... Георгий Иванов сравнил его с блудницей и при этом ввернул при даме крепкое русское словцо...

— Он двадцать лет слялся по панели и ластелял все свои плелести...

Пророк картавит, денди шепелявит, а умнейшая Зинаида Николаевна подыгрывает под гоголевскую даму... Балаган!

Не сразу, но понял: они, инсценируя свой петербургский салон, мешают пророчества с шутками, сплетнями. Пишут всерьез, а болтают вздор. Пускают эпатажную пыль в глаза провинциала из латвийского Ревеля или эстонской Риги...

Все-таки они олимпийцы — и у них, как у эллинских небожителей в "Илиаде", — свои слабости, даже пороки...

Лет сорок тому назад Мережковский на весь мир провозгласил: Толстой — тайновидец плоти, Достоевский — тайновидец духа. Риторика? Но не нужно бояться риторики... Ведь до него разные михайловские, скабичевские несли свою интеллигентскую чепуху о наших гениях...

А Зинаида Гиппиус уже полвека тому назад обновила русскую поэзию ломкими дольниками:

О, ночному часу не верьте!

Он исполнен злой красоты.

В этот час люди близки к смерти,

Только странно живы цветы...

А Георгий Иванов совсем недавно ошарашил этими будто бы нигилистическими стихами:

Хорошо, что нет Царя.

Хорошо, что нет России.

Хорошо, что Бога нет.

Кто слышит стихи, конечно, знает — это совсем не хорошо... что здесь последнее отчаяние, боль и, вместе с тем, странное упоение, как в этих частушечных хорях:

Пропадай моя телега,

Все четыре колеса...

Письма З.Н. Гиппиус были посланы мной на хранение в библиотеку Йельского университета.

Ю. Иваск.

I.

20-го декабря 1924 г.

Дмитрий Сергеевич просит вас не сердиться, что сам не отвечает; но это все равно, ведь вы и не хотите его "письма". Письмо может быть и от меня, я вам скажу приблизительно то же, что сказал бы (в письме) и Д.С. А он вам пришлет новую свою книгу, — она очень скоро выходит (в Праге) и называется "Тайна Трех".¹ Может быть, в ней вы найдете кое-что, что вам, именно вам пригодится. Так думаем мы оба, и я, и Д.С., после внимательного прочтения вашего письма. О нем у меня будет речь ниже, а пока — два слова о ваших стихах.² Вы ими кончаете, но я знаю по опыту, что последний ваш вопрос: "есть ли в них поэзия?" вам очень важен. Вам 17 лет, и с этим вопросом долгие годы ко мне обращается молодежь от 19–20 (и старше) лет, и ни с одним я молодым стихотворцем не лукавлю, всегда говорю то, что думаю. Думаю же: если вы хотите оценки, разбора стихов, указаний, чего в них недостает и что нужно — это одно; если же вы хотите, чтобы вам сказали, по нескольким строкам, "поэт ли" вы — это другое, и этого ни я, да и никто другой, вам сказать не может. И не скажет, особенно по стихам неопытным. Очень много зависит от любви человека к стихам и от любви к работе; очень много! Чтобы не входить в длинные подробности — скажу, что интереснее других ваш "Иерусалиме", хотя и в нем вы еще бьетесь в оковах чужих слов, своих, для своих

чувств и мыслей (а они, кажется, у вас есть или будут) вы еще не нашли.

Теперь о письме вашем. Я из него-то и вижу, что у вас будут, должны быть, свои мысли и чувства. Письма так и надо писать, как вы пишете, "думать и писать", ничего, что выходит вроде хаоса, для читающего много яснее. Я не буду говорить длинно обо всем, скажу о главном впечатлении, о вашем коренном узле: вы не знаете, где добро и зло. Вы не твердо отличаете "да" от "нет". Слишком понятно это, ведь теперь, кто и отличал — утерять способность, а вам некогда было и приобрести ее. Однако без первой меры в руках никуда шага не сделаешь. Кажется, все критерии провалились; но это неправда. Мы провалились, а не критерии. У кого силы хватит, тот выкарабкается и за твердый критерий ухватится. А то посмотрите, что выходит: вы хотите венки на могилу коммунистов, но тут же не хотите никакой "революции". И тут же вам все равно, Нитше или Достоевский, Богочеловек или Человекобог, "лишь бы молния, а не "Скучная История". Положим, та революция, за которую умерли ваши коммунисты и которую мы очень близко видели, — прежде всего самая "скучная история", но вы-то этого не знаете; чтобы знать — надо во многом раньше разобраться, твердо понять, какая рука правая, какая левая, не говорить, что Христос и Антихрист — все равно. Первично разобраться, хотя бы, и — выбрать. Не обязательно выбрать Христа, можно и Антихриста, в этом вы вольны, только выбрать-то — обязательно; человек не выбирающий так и растает, растворится в хаосе. — Это не "мораль", — я никаких сейчас моралей не касаюсь — а просто предупреждение и логика.

Кстати: Д. С. спрашивает, читали ли вы нашу книгу "Царство Антихриста"?³ Я называю ее нашей, потому что там напечатан и конец моего "Петербургского Дневника" (под большевиками), но там много статей Д. С.-ча, которые были бы вам, пожалуй, интересны. Мы покинули Россию (бежали) в 20 году.

Если вы захотите мне ответить, — написать о себе, о жизни в Ревеле, вообще — о чем в голову придет, то вот прямой адрес:

Z. Hippus-Merejkovsky, 11 bis Avenue du Colonel Bonnet Paris (16e) France.

Дм. С. и я приветствуем Вас.

З. Гиппиус.

II.

17-го июля 1925 г.

Я давно хотела писать вам, и должна была, конечно, ибо — ведь вы читали "Новь" в Совр. Зап.⁴ — воспользовалась вашими письмами. Я старалась взять суть, как я понимала ее, изменяла внешнее, для общей понятности. А получив здесь ваше последнее письмо — признаюсь, огорчилась: во-первых — вы, по-моему, стали хуже порусски писать, а во-вторых — туда улетели, куда вам залетать опасно и непозволительно. Знаете, что значит "восхищать недарованное"? Помните ли, что "сначала будет исполнен закон до последней иоты", и тогда уже можно думать о "благодати"? Так вот: постигнуть то, что над жизнью, можно только смиренно приняв землю, жизнь, простоту, трезвость, разум, даже обыкновенность и обыденность. В ваших первых письмах и была, как будто, эта простота, и мне это нравилось, оттого я и поставила вас в пример пражским оболтусам, которых съела литературщина и несчастное "презрение" к "политике". А тут и вы отправились за ними. Не "политика" важна, и не что-нибудь иное, человеческое, а то, что презирать мы имеем право лишь то, что знаем, чем владеем или могли бы владеть. Человек в потенции выше ангелов, именно потому, что ему дано все познать и возвыситься через все, а не мимо, сторонкой, все обойти; ему дано стать собой. (Читали ли вы Пера Гюнта Ибсена? Помните "Великую Кривую"?). И я пока не хочу говорить с вами ни о каких стихах. Мне хотелось бы раньше увидеть, что вы умеете говорить и прозой, умеете видеть и котенка у забора, бабу проходящую, облака над домами, умеете отличить хорошенькую барышню от некрасивой, помните, что была Москва, и знаете, что такое социализм. Ну, а тогда поговорим и о стихах... Чтобы вы не очень уж обиделись на меня за такую "terre à terre'ность" (хотя это будет грустно, ничего, значит, не поняли!), я вас спрошу, читали ли вы Вл. Соловьева? Если и читали — перечтите, вот кто дает много, если уметь у него брать! И стихи его — хорошие стихи, вперед указующие. Я бы вам прислала два томика моей книжки "Живые Лица", вышедшей в Праге, да у меня нет еще всех авторских экземпляров. Есть ли она в Ревеле? К сожалению, вы не видите "Посл. Новостей": там были недавно три моих фельетона "О любви" (по Вл. Соловьеву), которые я очень хотела бы, чтобы вы прочли. Статья была заказана для "Совр. Зап.", но не могла там пойти, благодаря моему отношению к повести Бунина "Митина любовь". Впрочем, статья почти сплошь философская. Итак — до

свиданья, т.е. до следующего вашего письма, если вы от этого не придете в отчаяние и не начнете "стыдиться", что писали мне вообще... Надо тоже знать, чего стыдиться... и напрасно вы говорите, что "стыдитесь" писем, которые в "Нови"...

З. Гиппиус.

Ниже перепечатывается отрывок из статьи З.Н. Гиппиус – помещенный в журнале "Современные Записки", XXIII, 1925 г.

...Я приведу собственные слова одного из "младших". Путаница и противоречия, — это уже надо принять! но сквозь них все-таки можно уловить и совпадения с идеями "старших": "...— За Россию, конечно, прежде всего, и против большевиков". Скажу о моих сверстниках... Есть и такие, которые не задумываются. Меня страшит их будущее, но сейчас я всех люблю, многих очень уважаю. Только от одного я слышал оправдание большевиков. Только от одного! Свержение большевиков — это для нас ясно, это для нас первое. Но дальше? Как мы будем строить Россию? Я говорю не только о мостах (и тут "мосты"!), они сами собою, в нас много практического чувства, каждый знает, чем станет после окончания гимназии, а в особенности привлекает призвание инженера и доктора, — но ведь Россия не одно внешнее благоустройство; не вся ее сила только в нем, и любовь наша к ней не за благоустроенность же. Все же понимают, что нужна "огненная Россия",⁵ пусть тихое пламя, но внутри пламя. У некоторых вера в искусство: красивая нравственная жизнь облагородит, уравновесит всех. Один сказал: театр и церковь спасут Россию. Это вера в красивое и вера в чудо. Довольно ли это? Нет, конечно..."

Далее идут ссылки не на русскую литературу даже, а на русских писателей, и на всех, как на действующих лиц, как на живых в нашей России, от Гоголя, Некрасова (да, и от Некрасова, бывшим "эстетам" неведомого) до Чехова; и с удивлением начинаешь понимать, где подземная, крепкая связь "младших" с Россией, и куда переместилась борьба с "отцами", прадедами.

— "Да, последний рассказ о России "Скучная история". Но мы не хотим, чтобы вернулась "Скучная история". Это — ложь старого мира, все, что убивает действительность, давит, дробит жизнь, порождает унылых людей. Борьба в русском сознании — моя мука. Между Толстым и Достоевским страшная и страстная борьба — за жизнь. Я верю в "страдание". В России много тихих, далеких углов, где

много и крепко страдают. Умирают в страдании за других. Клевета, что интеллигенция за проволокой только моргает, как заяц, битый обухом. Я жил с теми людьми в тяжелое время 1917—1921 гг. Я знаю их смирение и величие, их самозабвенное страдание... а жизнь проходит и уходит. Вся ли правда в одном страдании, в великой покорности до конца? Одною ли ею создается огненная Россия?.." "Может быть, никакой России не будет, может быть для всей современности

Склоняется солнце, кончается путь,
Ночлег недалеко, пора отдохнуть —⁶

Но мы так верить не можем, когда хотим продумать свои думы, когда любим жизнь и живую Россию. И недаром шла в ее сознании эта борьба за жизнь. Теперь многое поняли мы через страдание. Надо раскрыть жизнь. И должна раскрываться она в нашу веру".

Что это хаотические детские бредни, предел ребяческого романтизма, своего рода "воздушные замки", подобные таким же замкам отцов и прадедов. Знаю только, что ему 17 лет, и что он эмигрант с 21 года. Романтизма в приведенных отрывках — сколько угодно, а все-таки если приглядеться внимательно, без предубеждения, можно сделать кое-какой вывод: совпадая со старшими в реальных, ближайших целях, младшие относятся к ним — к "работе, инженерству, мостам" — очень реально, а романтизм свой помещают в некоторую к ним прибавку; они расширяют "идею родины" и пересматривают свою связь с ее общим прошлым, по-своему борясь с ее создателями и разрушителями. Живую Россию видят не только с мостами, но с ними — плюс еще с чем-то, что так пламенно хотят строить, как и мосты.

Бывают, конечно, моменты, когда отрицание всяких идей и умственное самоограничение, самосокращение, необходимо и происходит естественно; это — когда реальная работа парализуется, когда из воздушных мостов — мосты делаются бетонными. Действительно, некогда говорить об "идеях" и "догматах". Но в эти времена не говорят и о мостах, и о том не говорят, что "нужно работать" — нужно ли это? а работают и строят — и только.

Мы, впрочем, приветствуем всяческие мосты, и завтрашние, настоящие, и сегодняшние, теоретические (?), — даже самую мечту о мостах. В ней пламенная жажда воплотить идею Родины.

Но мы не можем осуждать и ту молодежь, которая откровенно идет дальше, к идее России прибавляет идею новой России, и близкую действительность воспринимает более реалистично. Она тоже хочет мостов, но знает, что начнет эту работу лишь тогда, когда на месте постройки будет... "немножко свободы". "Это для нас — первое".

1. Книга Д. С. Мережковского *Тайна Трех*, Прага (1925 г.).
2. Мои стихи того времени не сохранились.
3. Сборник *Царство Антихриста*. Статьи Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofova и В. А. Злобина (1920 г.).
4. Очерк З. Н. Гиппиус, *Новь*, см. выше.
5. *Огненная Россия* заимствовано у А. М. Ремизова.
6. Из стихов Д. С. Мережковского, *Антология на Западе*, Нью-Йорк (1953 г.), стр. 56.

В. АЛЕКСЕЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ХРАМЕ СВ. БЕССРЕБРЕНИКОВ
КИРА И ИОАННА НА СОЛЯНКЕ

Я сама была участницей катакомб, описанных Верой Яковлевной Василевской, и лично знала упоминаемых ею людей. Мне хочется рассказать о том, что меня особенно поразило, когда я стала ходить в храм св. бессребреников Кира и Иоанна, настоятелем которого был о. Серафим (Батюков). Я пришла туда впервые весной 1925 г. в Лазареву субботу, и этот день остался памятным на всю жизнь. Я тогда только что кончила десятилетку — мне было 18 лет. В те годы борьба между церковью и атеизмом была особенно острой. Благодаря семье — очень верующей, я продержалась всю школу, хотя борьба эта была очень трудной — и она ставила меня особняком. В школе у меня не было ни одной настоящей задушевной подруги. А тут так сильно стал привлекать мир, что надо было выбирать либо одно, либо другое. Хотелось флиртовать с мальчишками, быть с ними такой же свободной, как тогдашние комсомолки, вместе работать, вместе куда-то ездить, но все это было несовместимо со взглядами и воспитанием в моей семье. И я мучилась этим душевным разладом.

К о. Серафиму меня привела его духовная дочь Лидия Васильевна. Она была постарше меня и очень нравилась мне. — Это был мой идеал — она была очень красива, особенной, одухотворенной красотой. Она дружила с моей тетей, Натальей Леонидовной,* и приходила отвести с ней душу. Ее в это время мучили тяжелые переживания. Она нечаянно влюбилась в мужа своей подруги, а он в нее. По своим взглядам она не могла этого допустить, а бороться со своим и его чувством было очень трудно. Вот с этой-то бедой она приходила за помощью к о. Серафиму и меня привела. Никогда, ни раньше, ни после, я не переживала того, что испытала в тот день. Во-первых, я почувствовала, что моя жизнь и судьба никому на свете так не дороги, как ему, и

* монахиней Аносиной пустыни под Москвой.

уже одно это обязывало меня к послушанию. А еще то, что после исповеди я испытала такое успокоение, такую радость и легкость на душе, которых забыть нельзя. Этот день решил мою судьбу.

Я довольно долго держалась, но постепенно сползла к прежнему настроению и, натворив что-то такое с мальчишками, почувствовала укору совести и решила опять пойти к нему, хотя и боялась ужасно.

Прихожу в храм и узнаю, что о. Серафим арестован. Вот тут-то я загоревала. Но, к счастью, он вскоре вернулся в храм (его брали в связи с делом о церковных ценностях, но т.к. этот храм принадлежал сербам, то они подтвердили, что ценности увезли сами). После этого я стала его постоянной прихожанкой.

Так как этот храм был не приходским — это бывшее "Сербское подворье", там царили особые порядки, которые ввел о. Серафим. Во-первых, служба была, как в монастырях, без всяких сокращений, много времени уходило на исповедь, а народу все прибывало. Батюшка относился к храму и богослужению с великим благоговением, для него это был Дом Божий не на словах, а на деле. Такого же отношения требовал от всех, начиная с алтаря и певчих. Не допускал никакого шума, никаких разговоров и толкучки. Церковь была маленькая, и в праздники иногда из-за тесноты возникал шум. В таких случаях он прерывал богослужение, оборачивался к народу и говорил: "Если сейчас же не будет тишины, служба не будет продолжена", — да при этом так грозно посмотрит, что тишина водворялась в ту же минуту. Особенностью Солянки было и то, что никогда, в отличие от Маросейки, там не ощущалась граница между "своими" и пришлыми. Всякий пришедший чувствовал себя "своим", желанным гостем. В этом — заслуга о. Серафима и сослужащих священников.

Поскольку это был храм "бессребреников", то батюшка постановил за правило — ни за что и ни с кого в церкви денег не брали. Все требы совершались бесплатно. Платили только за просфору и за свечку. С тарелкой никогда не ходили — при входе у дверей стояла кружка. В то время церкви душили налогами. Вот и нам прислали большой налог. Прихожане стали упрашивать, чтобы он разрешил ходить с тарелкой — и так его доняли, что он сказал: "Ну, если вам так хочется, стойте на паперти, а в храме не разрешу". И эта женщина с тарелкой стояла позади всех нищих. Я думаю, что ей клали больше, чем при обычных сборах. Как-то потребовался большой ремонт, а денег не хватало, прихожане охали и ахали, а батюшка помолится св. Бессребреникам, и нашлись люди, которые помогли и работой и материалами. Все сделали, и все налоги уплатили. Батюшка так любил церковную службу, так умел сделать ее торжественной и

доходчивой, что заражал этим и певчих и народ. Все, кто работал в храме, — уборщицы, певчие, прислуживающие в алтаре — все работали бесплатно. На клирос попадали только по его благословию, а направлял он туда людей, не считаясь ни с голосом, ни со слухом, а только для духовной пользы. В их число попала и я. И вот что случилось — с детства я всегда ходила в церковь, но прилежанием никогда не отличалась. Если шла к обедне, то приходила к Херувимской. Так же и на всенощной: или уйдешь пораньше, или выйдешь на улицу посидеть. А тут вдруг происходит чудо: выстаиваю эти бесконечные службы добровольно, да еще после трудного рабочего дня. Регентом у нас была Ольга Ивановна — 2-ой дискант, ее сестра Поля — 1-й дискант и Шура — альт. Они одного возраста — чуть постарше меня, они-то составляли основное ядро хора. С какой любовью и заботой относились Оля и Поля к нам девчонкам — там были и помоложе меня, школьницы Груня, Настя, Нина, Наташа и другие. Никогда не забуду Олю и Полю, насколько стали они близки мне и дороги на всю жизнь.

Так вот, когда попала на клирос и стала читать по-церковнославянски, вдруг и мне открылась красота богослужения, да и не только мне, а всем девчатам. Я помню Наташу Бубнову — живая, бойкая девчушка, а так полюбила великопостную службу и чтение псалтыри, что все свободное время проводила в церкви. Конечно, это было по молитвам батюшки.

На Сербском было правило, чтобы все стихиры всегда пелись с канонархом, так что и народ слышал все слова. Канонаршила обыкновенно Шура — у нее был хороший альт. На клиросе тоже бывали, как говорила Оля, "искушенья". Девчат было порядочно, то что-нибудь шепчут друг другу, а иногда смешинка в рот попадет: поглядим друг на друга и смех разбирает — тут, конечно, рот зажмешь, но батюшка как-то чуял. В таких случаях неожиданно откроется дверь из алтаря, и он только молча взглянет, да так, что хоть провались сквозь землю.

Так как на клирос попадали независимо от певческих способностей, то иногда пичали мы довольно неудачно, но это прощалось, и, несмотря ни на что, нигде так не чувствовалось торжество праздника, как на Сербском. По воскресеньям перед обедней служился параклис Божией Матери — это была моя любимая служба, читался акафист и нараспев пели канон "многими одержим напасти". А на неделе — вечером в пятницу — служили молебен преп. Серафиму, и пели на Саровский распев акафист.

Пасха встречалась, как нигде. За Великий пост все чада поговеют и причастятся, а в Светлую Пасхальную ночь была краткая общая исповедь и вся церковь причащалась.

Вспомнила одну особенную черту батюшки: с каким почтением и благоговением относился он к другим священникам. Помню, это было уже в Загорске, о. Иеракс (Бочаров) тогда жил у нас в 1932 г. И вот батюшка просит передать ему, чтобы он приехал. Повторяя его поручение, говорю: "Так я скажу, что вы велели ему приехать". Батюшка возмутился: "Как велел? Что ты говоришь! не велел, а прошу, прошу, Господа ради, чтобы не отказал ко мне приехать".

Батюшка настойчиво требовал, чтобы в храме женщины стояли с покрытой головой, а на клиросе для всех было обязательным черное платье с длинными рукавами и черный платок или косынка на голове. Молоденьким было трудновато это исполнять, но соблюдали все без исключения. Девочка Груня была очень способной к пенью, и Оля старательно все объясняла и показывала, так что, в случае чего, она могла бы ее заменить, а Груня была еще школьницей.

Престол в храме только один — св. бессребр. Кира и Иоанна, но почиталась икона Иверской Божией Матери и преп. Серафима. Эти дни праздновались, как престольные. А когда подходили к кресту, певчие пели "Тебе, Господа, хвалим". В то время в алтаре прислуживал молодой человек, Федор Никанорович, у него был прекрасный голос, особенно при чтении. В большие праздники, в Сочельник, он всегда читал паремии, и так, что запомнились на всю жизнь.

Забывла упомянуть о наших спевках. О. Серафим собирал нас перед большими праздниками, перед Великим постом и Пасхой, чтобы мы хорошо ознакомились с новой службой — стихирами, ирмосами и пр. На спевках всегда бывал сам, и они проходили с таким душевным подъемом, что пропустить такую спевку было очень жалко. Батюшка всегда требовал, чтобы мы пели тихо, но вкладывали душу.

Батюшка особенно любил шестопсалмие и часто читал сам. Двадцатые годы были замечательны тем, что в Москве очень много было безработных. Потом, постепенно, хозяйство стало налаживаться, и биржа труда стала направлять на работу, в их числе попали и певчие Оля, Поля и Шура. Батюшка старался так служить, чтобы люди могли поспевать на работу, но не всегда это удавалось. В это время часто выручала девочка Груня — заменяла регента.

В 1927 году прошла полоса повальных арестов среди верующих.* Очень много попало певчих, церковных старост и помогавших в церкви. Попали и наши Оля с Полей. В это трудное время на высоте

* В 1927 г. о. Серафим ушел в затвор по благословию о. Нектария, Оптинского старца.

оказалась школьница Груня. Светлая блондиночка в черном платье, с вьющимися волосами выходила к народу и регентовала всей церковью, когда пели "Верую" и "Отче наш". Запомнился самый печальный день в нашей жизни. В 1932 году* накануне Благовещения арестовали наших священников о. Дмитрия (Крючкова) и о. Алексея (Козлова) и некому было служить. Дьякона Виктора Щеглова арестовали раньше, в 1930 г. Побежали просить по другим церквям, но и там было опустошение. Нигде не смогли найти священника. Народу — полна церковь, горят лампы и свечи, певчие на клиросе, а священника нет! Решили служить всенощную при закрытых Царских вратах. Народ стоял и плакал. Это была последняя служба в нашем храме.

Хочется рассказать два случая уже из последующих дней его жизни, в 1942 г.

Батюшка был тяжело болен зимой 1942 г. Я приехала к нему в Загорск, и Пашенька** говорит, что ему очень хочется попить чего-нибудь кисленького, а шла война, голод, ни у кого ничего нет. Она вдруг вспомнила, что у какой-то матушки большой запас варенья и, может, что-нибудь осталось. Живет она по Щелковской ветке, кажется, ст. Загорянка; дали мне адрес и попросили съездить, достать баночку варенья для питья. Я охотно согласилась и поехала. Мороз был — 25°. Нашла дом, но она там не живет. Прихожу на станцию с пустыми руками. Темно, поезда не идут. Платформа открытая, спрятаться некуда — ждала часа два. Замерзла — и отчаяние подкатывает — что делать? Пешком не дойдешь. Наконец пришел поезд, и я добралась домой. Рассказала маме о неудачных похождениях, а дня через два приходит соседка и дарит нам банку вишневого варенья. Мама сейчас же посылает ее отцу Серафиму. Я, очень довольная, приезжаю. Батюшка лежал в постели, не подымался. Говорю, что матушка там уже не живет, а вот нам какое счастье привалило — соседи дали. О том, что я мерзла на станции, ни слова не говорю. Вдруг батюшка говорит: "Какое счастье, что ты приехала. Я так

* о. Алексея (Габрияника) арестовали в 1928 г. Он был женат на дочери профессора МДА Голубцова, сестре братьев Голубцовых, ставших впоследствии священниками — наиболее известен из них был о. Н. Голубцов.

** Одна из сестер, бывшая Дивеевская послушница, в доме которых укрывался о. Серафим. Сестер было две — Ксения Ивановна, ныне покойная, и Прасковья Ивановна, Пашенька. Ксения Ивановна была Дивеевской монахиней.

мучился, так беспокоился, ведь ты там чуть не замерзла. Как могла из-за своей прихоти послать тебя на такое мученье. Не могу себе этого простить". Я говорю: "Батюшка, да что вы о таких пустяках расстраиваетесь, ничего со мной не было, ничего я не мерзла, рада, что варенье вам достали". А он все свое, так каялся, точно он и вправду что-то плохое сделал. А потом я подумала: "Как же он почувствовал душой, как я там замерзала, и какое приносил покаяние за свой невольный грех, ведь он же не знал наперед, что так случится".

* * *

Последнее мое свидание с батюшкой состоялось зимой 1942 г. Совсем незадолго до его смерти. Я это понимала. Стою на коленях у его кровати и невольно плачу, не могу удержаться. Он рукой поднимает мне голову и говорит: "Запомни, что я тебе говорю; как бы тебе тяжело ни было, что бы ни случилось, никогда не отчаивайся и не ропщи на Бога".

Я думаю, что мне говорит про тогдашний голод: положение было очень тяжелое, на моих руках семья — старые да малые, но я держалась бодро, и возражаю: "Да мне совсем не тяжело, это все неважно, вот вас очень жалко, что вы так страдаете". А он опять настойчиво повторяет свое завещание, как бы вкладывая в мою голову.

Больше мы не виделись.

* А вот в апреле 1946 г.* арестовывают моего брата. В квартире всю ночь идет обыск. Моя няня, старушка, но еще бодрее и моложе мамы, думает, что сейчас и меня арестуют. С ней от волнения и горя делается нервный припадок. Но я остаюсь дома и ухаживаю за ней. Состояние ее очень тяжелое, но под конец месяца становится немного легче, и вдруг, в 2 часа ночи, стучат в нашу дверь. Сразу думаю, что это арест, и в ту же минуту мысль: "Этого не может быть, Бог этого не допустит, на кого же они останутся? Совсем беспомощные — мама и няня"?

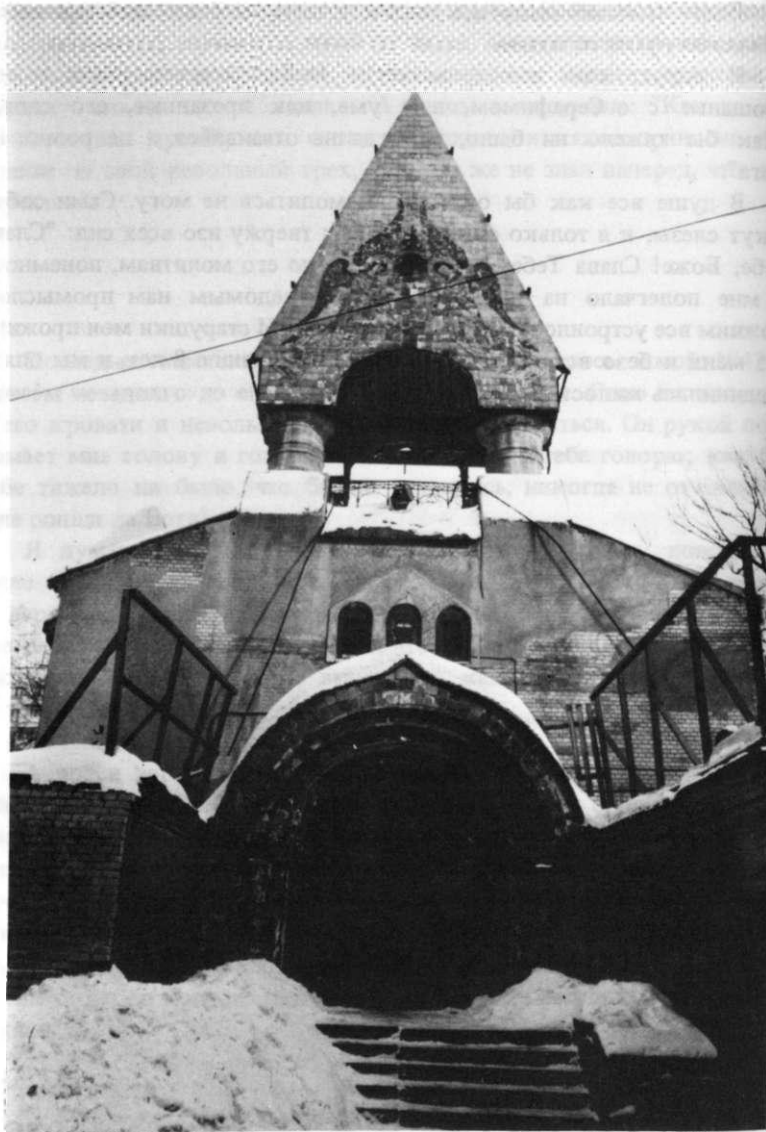
* В этом году была раскрыта, благодаря доносу прихожанина-provокатора, "сахаровская" группа. Последовали повальные аресты. Вновь был арестован о. Дм. Крючков, С.И. Фудель, о. Иеракс Бочаров, о. Петр Шипков, много мирян. Была арестована и автор воспоминаний. Тело о. Серафима было вырыто эмгекбистами.

Стук все сильнее, открываю — действительно за мной. Опять обыск, и на этот раз забирают меня.

Более тяжелой минуты в жизни у меня не было, действительно я была на грани отчаяния.

И вдруг, как живая, встает в моих глазах картина моего прощанья с о. Серафимом, и в уме, как врезанные, его слова: "Как бы тяжело ни было, никогда не отчаивайся и не ропщи на Бога".

В душе все как бы окаменело, молиться не могу. Сами собой текут слезы, и я только одними губами твержу изо всех сил: "Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!" И вот, по его молитвам, понемногу и мне полегчало на душе, а потом неведомым нам промыслом Божиим все устроилось к нашему спасению. И старушки мои прожили без меня и безо всяких средств к существованию 8 лет, и мы опять соединились милостью Божией.

Старообрядческая церковь Поморского согласия в Москве

В порядке дискуссии

А. МИРОВ (Москва)

РУССКИЙ ВОПРОС

Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех и который, мне кажется, выполнял ее до сих пор довольно успешно. Истинный защитник России – это история, ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу.

Ф. Тютчев. *Россия и Германия.*

Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал:

– Голым профилем на ежа не сядешь!..
Святая Русь – страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь – только лишнее бремя.

– Ах ты! – вскричал во сне Турбин, – г-гадина, да я тебя. – Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал.

М. Булгаков. *Белая гвардия.*

Любить Россию нужно так же произвольно, так же ни за что, как произвольно и ни за что любят всякий индивидуальный образ в мире, как любят избранницу сердца. Когда лицо избранника или избранницы сердца покрывается сыпью, истинная любовь от этого не колеблется. Нельзя любить Россию лишь за ее качества и за ее достижения, нельзя любить на условиях и с торгом. Само достижение высшей жизни для России, само повышение качеств ее существования возможно лишь в том случае, если мы будем любить ее до этих достижений и до этих качеств. От активной и ответственной любви переродится Россия, родится новая Россия.

Н. Бердяев. *О любви к России.*

Я шел по Старой Басманной ("улице Карла Маркса") в сторону Елоховского кафедрального собора. До всенощной оставалось около часу времени. Летняя жара угазла; улицу окутала ясная предвечерняя свежесть, которая, казалось, почти физически, почти телесно ласкала душу. Всюду чувствовалось умиротворение идущего на убыль и изрядно потрудившегося дня: большой город расслабляется, откладывает в сторону тревожную суету и властно увлекает отдыхать, бродить летними переулками, вдыхать полной грудью аромат московской зелени. Вот и я не просто шел к цели: учитывая, что имелся запас времени, и увидев надпись "Токмаков переулок", я немедленно свернул с Басманной, вспомнив о том, что согласно старому путеводителю по Москве именно по этому адресу (Токмаков, 17) должен находиться храм Воскресения Христова и Покрова Пресвятой Богородицы, построенный в стиле "модерн" архитектором И.Е. Бондаренко для общины старообрядцев-поморцев. На страницах путеводителя здание выглядело поразительно красивым. Хотелось проверить — коль скоро переулок сам открылся на моем пути, — цела ли постройка, и если да, то каково ее современное состояние.

Здание было цело, хотя нашел я его не сразу: оно намеренно спрятано за уродливой белой "коробкой", резко и нагло оскверняющей всю старинную застройку и глухо отделяющей храм от переулка. Именно поэтому, наверное, в фотоальбоме "Москва златоглавая" (Москва—Париж, 1979—1980, с.100), где сделана весьма удачная попытка собрать сведения о бесчисленных уничтоженных и немногочисленных сохранившихся московских храмах, эта церковь ошибочно помечена как несохранившаяся. Она сохранилась. Но в каком виде! Вторая половина двадцатого столетия без зазрения совести взирала в этом московском уголке на грязный остов непонятого назначения, на обшарпанных стенах коего то проглянет горящее око или напряженное крыло архангела, то угадается крест... Этот изящный памятник русского модерна, который мог бы быть украшением Парижа, Нью-Йорка или Мадрида, сейчас служит какой-то базой, являя собою предельную мерзость запустения — ведь интуристы сюда не заходят.

Шелестела листва. Из отворенных окон доносилась музыка, звон посуды, чьи-то голоса. Среди чирикающих воробьев, тополиного пуха и начерченных на асфальте "классиков" во что-то играли себе мальчишки лет десяти-двенадцати. В потоке размеренной городской обыденности оскверненной бесформенностью сквозь мягкие летние сумерки мутнело нечто, всего несколько десятилетий назад бывшее

блистательной жемчужиной церковного зодчества, нечто, бывшее храмом Божиим, местом, куда люди несли свою радость и боль. Не выдержав, я "решился на эксперимент" и приблизился к мальчишкам.

"Ребята, — задал я им вопрос, указывая на здание, — не скажете ли вы мне, что это такое?" "Цех номер четыре", — прочел мне в ответ один из них вывеску, украшающую стены бывшего храма. Читать я умею. Я объяснил им как это, так и то, что мне нужна иная информация. Они помолчали, причем я остро почувствовал, что атмосфера почему-то стала враждебной. Наконец, один, постарше, презрительно пробасил: "Татарская молельня была". "Что вы, — возразил я, — какая-то татарская молельня! Вон видите, ангелы на стенах, мусульмане их не рисуют. Это явно был христианский храм". Они стали спорить, причем довольно агрессивно, используя как главный аргумент довод, что в школе, мол, лучше знают. Я указал им на кресты, но это не оказало ни малейшего воздействия. "Неужели вам не стыдно? — искренне удивился я. — Вы живете в этом переулке, наверное, ваши окна выходят на эту церковь, вы каждый день играете возле ее стен, а не знаете ни ее истории, ни истории вашего района, не подозреваете даже, что перед вами ценный памятник архитектуры... Более того, русский христианский храм, куда, быть может, ходили ваши деды или прадеды, вы принимаете за "татарскую молельню".

Они продолжали хмуро стоять на своем и даже начали "огрызаться". После того, как я принялся им выговаривать, их агрессивность стала, наконец, оправданной: в десять лет мы уже не любим выслушивать нотации. Но откуда она бралась до того? Какие подсознательные процессы, глубоко загнанные внутрь всей системой современного государственного воспитания и обучения, вынудили их заглушить боль и растерянность, скрываясь за внешней грубостью?

Наконец, я задал им последний свой вопрос. Я не собирался его задавать вначале; весь "эксперимент" должен был заключаться лишь в проверке осведомленности или невежества детей. Но степень их — не невежества, нет — дезинформированности и беспомощности, а также слишком неадекватная реакция невольно подвели к этому последнему вопросу. Сквозь разноголосицу упорно перечивших парнишек я произнес: "Нет, ребята, не может быть, чтобы вы и ничего не знали, и этого своего незнания не стыдились. В это нельзя поверить. Вы просто, наверное, не русские. Да? Скажите, вы не русские, что ли?"

Я ожидал в ответ любой реакции. Возмущенный галдеж, возросшую агрессивность, что-нибудь типа "сам ты не русский" или даже на худой конец "мы — советские"... Но реакция мальчишек поразила меня болью в самое сердце. Агрессивность исчезла в момент

как проколота резиновая игрушка. Исчезли грубость и самоуверенность. Передо мною в тяжело нависшем молчании стояли беспомощные человеческие детеныши, пустые взоры которых постепенно заполнялись смятением. Я ждал, растерянный не меньше этих случайно спрошенных московских пареньков, этих Колек, Вовок и Денисок...

Им нечего было мне сказать. Они не знали и не имели что ответить.

После длительной паузы тоненький белобрысый мальчик, неуверенно запинаясь, произнес: "Я, кажется, украинец". И вновь воцарилось молчание. Я повернулся и медленно пошел прочь, подавленный не меньше тех, кто остался за моей спиной. Рядом ударился об асфальт брошенный мне вслед камень. Это был единственный ответ, на который они оказались способны. Я не сердился. Я их понимал. Они по-детски мстили за причиненную им неведомую боль, за резко возникшее чувство неприкаянности и одиночества. Я не сердился. Хотя посердиться следует — только, разумеется, не на этих мальчишек.

Есть вещи, о которых, если желаете прослыть умеренным, трезвым и либерально мыслящим человеком, положено писать "сдержанно", отстаиваете ли вы их, или критикуете. Например, о генерале Шкуро, Карле Радеке или индугенциях...

Но не о родине.

Родина не нуждается ни в сдержанной критике, ни в сдержанных похвалах. Родина есть родина. Ее историю или экономику мы изучаем. Ее географию или фауну с флорой исследуем. Литературу и поэзию — читаем. И так далее. Но саму родину мы просто любим. Мы с детства принимаем ее, какая она есть, и позже продолжаем делать то же самое, т.е. принимать ее, какая она есть. Бессознательно, если мы не умеем думать. Сознательно, если мы думать умеем. Но так ли, иначе ли, — родину мы любим. Родина — это то, что мы любим, что нас родило и сформировало, чем и в чем мы живем и дышим. Не любят родину только снобы и люди, терзаемые комплексами. Что является своего рода тавтологией — ведь, если хорошенько подумать, "снобы" — лишь один из разрядов "людей, терзаемых комплексами".

О родине можно писать и несдержанно. И вот что приходится сказать: подлое наше время, в которое приходится печатно отстаивать право России на существование под солнцем. Существуют, оказывается, "противники национального возрождения России", перед лицом которых мы вынуждены отстаивать наше право на жизнь!

А ведь возрождение и есть жизнь. В каждом организме постоянно обновляются клетки; каждая личность, развиваясь, духовно возрастая, постоянно возрождается к новой жизни, вообще — к жизни. Это же относится и к целым народам. Если они не возрождаются постоянно и духовно и физически, значит — угасают, вымирают.

"Противники национального возрождения России"! Подумать только: существуют идейные противники моего ежедневного приятия пищи, прогулок и чтения! Ну, теперь я погиб...

Взявшись отстаивать наше право на национальное возрождение, А. Назаров в статье "Национальное возрождение — насущная необходимость" (Вестник РХД № 135) пишет: "Договариваются до того, что всякий патриотизм объявляют подлостью" (с. 255), и ниже, приступая вплотную к апологии России:

"Но действительно ли русская нация обладает подлинными духовными ценностями, которые могут стать основой национального возрождения, или это пустые иллюзии? Многие склонны признавать за русскими одни лишь претензии, но не возможности совершать что-либо истинно великое" (с. 269).

Действительно ли русская нация обладает подлинными духовными ценностями? Да уж, наверное, действительно обладает, как и всякая без исключения другая: тувинская, баскская, малайская. Многие склонны признавать за русскими одни лишь претензии... Скажите на милость! Да пусть на здоровье признают, что хотя: русских от этого не убудет. Всякий патриотизм объявляют подлостью? Да хоть сумасшествием. Дуракам-то закон не писан. Сегодня у них русские ничего великого совершать не могут, завтра у других таких же еврей кровь христианских младенцев запьют, послезавтра все они начнут убеждать в никчемности якутов или румын — ведь ни те, ни другие не дали миру Данте или билль о правах. А там и выяснится, кого же эти "критики" считают годными, и "способными совершать великое", и "обладающими подлинными духовными ценностями". Себя самих, кого же еще!

И вправду остается А. Назарову лишь руками развести в самом начале полемики: "Настала, наконец, пора выяснить "право нации на существование" (с. 269). Только вот напрасно он от этой оправданной иронии переходит к серьезному тону: "Настала пора самой строгой и суровой оценки всех особенностей русского национального самосознания — и мерить тут нужно самой высокою мерой". Напрасно переходит он на серьезный тон, напрасно подыгрывает пресловутым "склонным признавать за русскими одни лишь претензии".

Во-первых, потому что было бы кому подыгрывать.

Во-вторых, потому что никакой такой поры не настало, ибо всякий серьезный и нравственно мыслящий человек всегда был и остается обязан мерить жизнь и деятельность себя и своего народа самой высокой мерой. Пора самой строгой и суровой оценки всех особенностей русского национального самосознания наступила в X веке, т.е. в тот момент, когда это сознание в той или иной форме возникло.

В этом-то и трагедия русского общества, и в первую очередь — не будем обманываться — русского образованного общества, что оно исторически не помнит ни о необходимости трезвой самооценки, ни о таком явлении, как требовательная и жертвенная любовь к родине. Требовательная. Но и жертвенная. А главное — любовь. Та, которая "долготерпит, милосердствует", которая "не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит". Та, которая "никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится" (1 Кор. 13.4—8).

Такова — и только такова — может быть "общая платформа" для дискуссий и рассуждений о родине. А к чему полемизировать с людьми обуреваемыми, с людьми ненавидящими, с людьми ослепленными, с людьми, запутавшимися в сорняках собственной души?

Уметь испытывать "чувство греха и покаяния" (с. 259) нужно всегда — без этого просто нет полноты личности, ни индивидуальной, ни народной. Но ответственность и покаяние — один аспект. Второй аспект столь же важен: необходимо национальное возрождение. Это отдельно и абсолютно. Лишь сочетание двух этих аспектов создает вопрос в целом, вопрос, ответ на который следует искать, о путях разрешения которого можно и нужно дискутировать. А полемизировать с "противниками национального возрождения России"... К чему?

"Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе — мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают!" — цитирует, защищаясь, А. Назаров слова Достоевского (с. 272). Мы возьмем на себя смелость добавить: есть мерзавцы, есть и святые. А есть и не мерзавцы и не святые, и таких большинство. В них и от святых и от мерзавцев. Это — просто люди.

А потому мы возьмем на себя еще одну смелость и заметим, что вышеупомянутая цитата из Достоевского не столь уж необходима. Ибо спросим: а судьи кто?

Достоевский, будучи современником "того лагеря", мог не знать до конца цену своим оппонентам, этим "революционерам нового типа", в темном царстве которых томится ныне вся Россия. Революционерам, новый тип которых отличался от старого тем, что целями их политической борьбы были не свобода, конституционализм и защита прав меньшинства, но любой ценой захват власти для себя, единственно "знающих, как надо". Если темная реакция подспудных сил язычества, таящихся в человеческих обществах любой национальности, стала в XIX веке на русской почве, а в наше время почти повсюду, именовать себя революцией и революционностью, то ведь христиане-то змею от рыбы, наконец, научились отличать. И если Достоевский, а до него Пушкин, отстаивая Россию, обращались к весьма малопочтенной публике либо открытых ее врагов, либо, извините, неистовствующих недоучек, то каким жалким клеветникам России предназначается наша апология?

Смех и слезы! Хомяков, Аксаковы, Вл. Соловьев, Бердяев, Иван Ильин, Степун, Федотов, Зернов писали трактаты, исследования и книги о российском народе и национальном вопросе в России, о русской идее, русской душе и духовности... Карамзин, Пушкин, Аполлон Григорьев, Гончаров, Гоголь, Достоевский, Тютчев, Лесков, оба Толстые, оба Булгакова, Трубецкие, Розанов, Фондаминский, Вейдле, Бунин, Струве болели Русью, вдохновлялись Русью, думали, плакали, трепетали, радовались, творили, жили... для того, чтобы серенькая российская образованщина 70—80-х годов, едва выползшая на свет Божий из-под глыб мертвящей советчины, вчера услышавшая об азах, сегодня уже "широко европейская" и "героическая", бросалась рассуждать о том, как непроходимо плоха их родина, и поучать русский народ, как и в чем надо каяться...

Врач! исцели самого себя!

2.

В самом деле, кто наши оппоненты? Кто эти "судьи"? "Мне сообщили, что в совете можно говорить все, что угодно. Не советовали только упоминать слово "родина". Большевики уже так нашколили тут темную массу на "интернациональный" лад, что слово "родина" действует на нее, как сукно на быков", — записывает В. Г. Короленко в своем дневнике 1 ноября 1917 года (Память № 2, 1977—1979, с. 376). Время не ждет. Стоит ли тратить силы и энергию на темную массу клеветников нашей родины, даже если эта масса и прикрывается

позицией "терпимости и демократичности"? Силы обскурантизма и бескультурия в России всегда прикрывались ярлыком "передовых".

Как назовем мы эту массу? Ведь имя, если оно чудом — чудом — правильно ляжет на обозначаемое явление, сможет наиболее адекватно выразить сущность этой самой массы. Настолько адекватно, что с ней после этого и воевать-то, быть может, не понадобится.

А. Назаров условно именуется их "космополитами" (с. 259). С этим словом, видимо, надлежит обращаться осторожно, памятуя о его запятнанности сталинскими пальцами. Кроме того, мы, христиане, в определенном смысле все космополиты. Мы живем в общем мире Божиим и имеем общую подлинную родину, которая вообще не от мира сего (Ин. 18.36). Наконец, мы космополиты и в общекультурном смысле этого слова — как жильцы одного большого дома, именуемого землей. Но каждый дом тем не менее состоит из отдельных квартир. Наша обитель — Россия, и хотя, повторим, мы и космополиты, т.е. граждане мира, но мы и русские, россияне. И никогда свои, русские, общероссийские святыни не отдадим на поправление свиньям. Нас, помнится, обвиняют в рабской бараньей покорности? На это ответил Владимир Соловьев.

Вы — стадо баранов! Печально...

Но вот что гораздо больней:

На стадо баранов — нахально

Набросилось стадо свиней!

Хитрость врага часто заключается в том, что сам он прячется и бьет в спину из-за угла, себя не называя, не определяя. Как назвать противников национального возрождения или движения? Сторонниками антинационального движения? Туманно и расплывчато. Да и что это за новоявленное движение такое? И есть ли оно? Антинационалистами? Но русского национализма в классическом смысле этого слова и явления, как он сформировался в царствование Александра III и кончился в феврале 1917 года, как движения в природе не существует. То, что ныне именуется национализмом, — понятие скорее положительное, о чем справедливо писала Ирина Иловайская:

"Что же касается национализма, то даже это слово (отнюдь не однозначное с шовинизмом) не совсем точно, когда речь идет всего лишь об обретении памяти, о восстановлении исторической правды и о прекращении того калечения душ и жизней, против которого восстают все как будто единодушно и единогласно.

Действительно, непонятно, почему слово "русский" обязательно надо сделать синонимом узости, нетерпимости, авторитарности,

ханжества, грубости, невежества: все это есть среди русских так же, как среди представителей других наций и этнических групп, и все это часто присутствует у людей, склонных прятаться за ту или иную идеологию, в том числе и за национализм, но не реже мы наблюдаем те же самые проявления у тех, кто ярко выступает против национализма и кто во имя терпимости в высшей степени нетерпимо обходится с тем, кого обвиняет в нетерпимости же. Вполне можно себе представить, что коммунистическая власть играет или пытается играть на примитивно империалистических инстинктах, которые можно найти у русских (так же, как у всех народов мира), особенно как компенсацию их полной во всем ущемленности и подавленности. Кажется ясным, что единственная подлинная и действенная борьба с такой манипуляцией и таким использованием всего самого низкого (всегдашняя тактика коммунизма — и не только тактика, а глубокий план захвата человеческой души) — это как раз восстановление подлинного национального достоинства, национального сознания и совести, которые одни только и могут позволить этой манипуляции и этому использованию противостоять" (Континент № 25, 1980, с. 182).

Быть может, следует именовать таких людей беспочвенниками, коль скоро кое-кто из них полемизирует с некими "господами почвенниками"? Слишком уж отдаст агрономией.

Появилось сейчас в нашем обществе гаденькое словечко "русофил". "Он — русофил", или, что еще нелепее и подлее, — "он — славянофил", — говорят про своего знакомого (или незнакомого) иные "прогрессивные люди". Не будем сейчас обсуждать взгляды этих гипотетических знакомых, мы сделаем это ниже. Но задумаемся: какие слова стали ругательными в значительной части нашего образованного общества? Слова "славянофил" и "русофил", обозначающие соответственно: "тот, кто любит славян" и "тот, кто любит русских".

Блистательное завершение нравственного развития нашей прогрессивной интеллигенции!

Воспользуемся же простой арифметикой и легко найдем требующийся икс. Если для определенного сорта людей кто-то, кто хорошо относится к русским, евреям или англичанам, становится русофилом, юдофилом или англофилом, то греческий язык в свое время подарил нам и противоположный термин, как раз и обозначающий людей такого сорта — русофобов, юдофобов, англофобов. Дословно: тех, кто боится и ненавидит русских, евреев, англичан...

Думается, что здесь нет никакой некорректности. Если кто-то называет еврея — жидом, а всех, кто не называет так евреев, — поджидками, то человек этот — юдофоб, антисемит, и к нему следует

подходить с надлежащими мерками. Если кто-то "обзывает" кого-то славянофилом и русофилом, то этот кто-то, очевидно, принадлежит к "противоположному лагерю" и является славянофобом и русофобом.

Касательно "славянофильства", впрочем, могут возразить, что этот термин берется из уже существующего арсенала. В таком случае перед нами явная неграмотность. Славянофилы суть представители конкретного философского направления русской общественной мысли XIX века, и всякое несерьезное и условное жонглирование этим понятием неправомерно. Нынешняя неловкая попытка делить людей в зависимости от их отношения к своей родине и ее духовно-историческому пути на западников и славянофилов содержит в себе двоякую ложь. Во-первых, повторим, это значит просто безграмотно сводить сложное современное явление к удобной, но безответственной и пустой схеме, лишенной какого бы то ни было реального содержания. Никакого единого движения "современных почвенников" и "славянофилов" не существует, как организационно, так и мировоззренчески, никакая общественная группа не берет на себя со всей ответственностью и глубиной именование наследников Хомякова и Киреевского, Самарина и Кошелева, и уж тем более Конст. Леонтьева, Тихомирова, Грингмута или Балашова (славянофилами в тесном смысле слова уже, собственно, и не являвшихся). В свою очередь, нет нужды проводить статистический опрос, чтобы установить очевидный факт нашего общественного бытия: ни один из тех, кто приклеивает своим оппонентам ярлык "славянофил", не развивает в своих принципах взгляды Грановского, Кавелина, Бориса Чичерина и раннего Каткова.

Во-вторых, вопрос о дискуссии западничества и славянофильства в нашем обществе не стоит и не может стоять. Скажем иначе: на деле никакого спора между западниками и славянофилами в современной России нет и не может быть. Почему?

Ответ здесь прост. Предтеча возрождения русской религиозной мысли XX века Владимир Соловьев по сути дела дал во всем своем творчестве трезвый и глубокий синтез западничества и славянофильства. Этот синтез – "империя двуглавого орла есть мир Востока и Запада" (Собр. соч., СПб., 1901–1907, т. 6, с. 667) – был конкретизирован соловьевцами (Лопатин, С. и Е. Трубецкие) совместно с основными вождями русского марксизма, пришедшими от атеизма и радикализма к религиозному идеализму и умеренному либерализму (авторы сборников "Проблемы идеализма" и "Вехи"). Окончательно осуществлен и воплощен синтез славянофильства и западничества

во всем обширнейшем корпусе трудов русских богословов, религиозных писателей и деятелей науки и культуры нашего столетия, которым нет числа и имени которых, названные в алфавитном порядке от философа С. Аскольдова или правоведа Н. Алексеева до В. Эрн и Б. Яковенко, заняли бы, по всей видимости, слишком уж много места...

Спор западничества и славянофильства решен. Вл. Соловьев и русская культура XX века дали на него окончательный ответ, а то, что целые слои общества подсоветской России об ответе этом не слыхали, свидетельствует лишь о безграмотности и недокультуре русского общества. Конечно, вызванными почти семью десятилетиями советчины. Но от этого не переставшими быть безграмотностью и недокультурой.

И вот тут-то оговоримся: если ни настоящего славянофильства, ни настоящего западничества в России больше нет и не может быть, то их тени остались и по сию пору являются на спиритические сеансы нашего интеллигентского застолья.

Естественно, что в силу целенаправленной задавленности большевиками всякой подлинной культуры и образованности, всякого глубокого знания, российское образованное общество превратилось в таковое лишь по названию, вполне довольствуясь подменой образованности образованщиной, самоосуществления – самоутверждением и реального решения реальных проблем общественной и интеллектуальной жизни – их компенсаторными заменами. Отсюда возникло то самое чисто психологическое состояние "западничания" или "славянофильничанья" тех или иных индивидов, которое, если доводить его умозрительные построения до конца, приводит в первом случае к утверждению, что "попы – это те, кто во время погромов шли впереди погромщиков с хоругвями", и что "Белинский, Чернышевский и Дзержинский все-таки лучше", а во втором – к утверждению, что "весь мир в руках евреев и масонов", что "патриарх Тихон и Иоанн Златоуст благословили большевиков" и что опять же лучше Дзержинский. Чрезвычайно показательна эта неожиданная смычка обеих кажущихся противоположными платформ, равно поверхностных, нетерпимых, лживых и по своей сути обусловленных глубинно иррациональными корнями. Именно иррациональное, т.е. темная стихия нашей индивидуальной и коллективной души, бросает современного россиянина в крайности, присущие, впрочем, нашему национальному типу в принципе. Еще вчера простой "советский интеллигент" (великоросс, еврей, украинец или татарин – это не имеет принципиального значения, поскольку общероссийский тип создан целым рядом

этносов, каждый из которых, оставаясь самим собой или ассимилируясь, по-своему является русским), еще вчера обычный "образованец", наш россиянин сегодня всю славянофильничает — т.е. опрыскивает углы в страхе перед евреями, масонами, католиками и даже диссидентами, либо всю западничают, что на безрелигиозном уровне находит свое выражение в сознательном принятии марксизма и коммунизма как левого радикализма — "единственно возможного кредо интеллигентного европейца", а на религиозном — в уходе в католичество или либеральную теологию протестантизма полувековой или вековой давности.

Перед нами прошло достаточно много таких людей, чтобы, при всем уважении к их бессмертным душам, свидетельствовать, что руководили ими не трезвый рассудок, не четкие убеждения, не здравый смысл, не здоровое религиозное и социальное чувство, но разнообразные комплексы, фобии, невротические состояния, навязчивые идеи, жажда самоутверждения или компенсации, перенос своих собственных недостатков на воображаемых противников, и в числе первых — на воображаемую Россию. Иррационализм и еще раз иррационализм. "Еще Владимир Соловьев, соединявший в своей личности мистику с философией, заметил, что русским свойственно принижение разумного начала, — писал Н. Бердяев в своей статье в "Вехах". — Прибавлю, — продолжает он, — что нелюбовь к объективному разуму одинаково можно найти и в нашем "правом" лагере, и в нашем "левом" лагере". (Вехи, М., 1909, с. 20–21). И слова Соловьева, и слова Бердяева сохраняют свою остроту и актуальность по сию пору.

Не то чтобы мы призывали к какому-то особому рационализму или одностороннему культу разума. Нет; но лишь к здравомыслию и разумной и трезвой деятельности мыслью, словом и делом на ниве российской истории и культуры. Заметим также, что с мистикой в нашем обществе дело обстоит еще хуже, чем с разумом. Несмотря на возврат изрядного числа мыслящих россиян в Церковь, не секрет, что еще большее число наших соотечественников предпочитает предаваться теософическим забавам, играть в йогу, кришнаизм, дзен-буддизм, летающие тарелки и "шамбалу" (наши доморощенные "астралопитеки" называют ее по-простому, с ударением на первом слоге, на манер камбалы). Но и многие из пришедших в Церковь вполне довольствуются в этом новом для себя состоянии привычными архетипами крайней косности и узости, зачастую противопоставляя свое "православие" христианству и становясь "православными без Христа". И разумному, и мистическому (сверх-рациональному) началам

наши интеллигенты и не-интеллигенты одинаково противопоставляют иррационализм, как основу своих поступков и рассуждений.

Антирационализм и иррационализм — вот великий бич нашего общества, свидетельствующий о его глубокой незрелости. Иррационализм, т.е. ориентирование не на высшую душевную деятельность (разум) и не на дух, открытый Духу (сверхрациональное: религиозно-мистическая жизнь), но на сознательное или чаще всего бессознательное оперирование исключительно арсеналом наших душевных переживаний, всегда диктуемых подсознанием и теми отклонениями нашей психики, которые неизбежно приобретает каждый индивид в пору своего формирования. Повзрослев, мы пытаемся, обязаны пытаться направленно и сознательно бороться со своими комплексами и страхами. В этом нам может помочь хотя бы даже и психоанализ, а на самом высоком уровне — религия. Однако огромное количество наших соотечественников и не думают вовсе бороться с загрязненностью своей души, обходясь известными механизмами переноса, вытеснения, компенсации и т.д. и выдавая идеи, обусловленные внутренними проблемами их душевности, за свои "взгляды". Мы далеки от того, чтобы объяснять через Фрейда и Выготского все острые вопросы нашего общественного сознания, но убеждены, что иной остроумный исследователь, используя данные психоанализа и в то же время оставаясь на христианской и церковной позиции, мог бы с успехом вывести мировоззрение и идеи многих наших официальных и подпольных госиздатских, самиздатских и даже тамиздатских "почвенников" и "беспочвенников" из какой-нибудь там оральной стадии. И квасной патриотизм, который выражается на низком уровне в знании по именам всех хоккеистов или космонавтов, а на более высоком — в ксенофобии (страхе перед всем "чужим") и мизонезизме (ненависти ко всему новому); и русофобство со славянофобством — оба "лагеря", оба "мировоззрения" суть на деле никакое не "западничество" и "славянофильство", но чисто психологические установки, состояния неграмотной и несобранной души, не способной выйти за круг своих детских и отроческих проблем.

Социальное и духовное младенчество русского общества в свое время ввергло всю страну в безответственную и безвыходную смуту, следствием и отчасти причиной которой был политический и социальный инфантилизм большевистской доктрины, и проводимой, кстати, с детской жестокостью и энергичной ребячливостью. Это младенчество, эта незрелость сохраняются и до сих пор (основательная прослойка зрелых деятелей была физически уничтожена коммунизмом, сохранившись лишь в эмиграции; новая же ныне в

зачаточном состоянии). Духовный склад нашей интеллигенции таков, что психологически она остается "на всю жизнь — в наиболее живучих и ярких своих представителях — тою же учащеюся молодежью в своем мировоззрении" (Вехи, с. 44). Приговор С. Булгакова и ныне остается в силе.

Сей социальный и духовный инфантилизм вызывает к жизни упомянутый иррационализм, а последний, в свою очередь — прямолинейный максимализм, исключительное предпочтение крайностей в воззрениях, суждениях и действиях, составляющий одну из основополагающих особенностей русского душевного склада. Максимализм — в природе нашего национального характера. Каждое течение мысли представлялось у нас почти всегда его противоположными полюсами, но крайне редко и далеко не сразу — его спокойными и трезвыми срединным путем. Как хорошо это видно при взгляде, например, на зарождение русского либерализма, представленного в конце XVIII века лишь полюсами (Радищевым и Екатериной II), столкновение между которыми было неизбежно, а следовательно и парализовало нормальное развитие этого самого либерализма. Или два крайних полюса в русском "преднационализме" XIX века — Чадаев с его гипертрофированным ощущением российских минусов, в котором так и проглядывает чувство национальной исключительности "наоборот", и Константин Леонтьев с его призывами "подморозить Россию". Понятно, что продолжатели обоих этих добросовестных и выдающихся мыслителей трансформируются на раннем или позднем этапе в Ленина и Победоносцева.

А вот две оценки примечательного памятника нашей агиографической литературы XII—XIII веков, сообщающего немало ценных сведений о зарождающихся на Руси христианской духовности и монашестве, но написанного по определенным литературным канонам и отражающего специфику мироощущения недавних язычников — "Киево-Печерского Патерика". Обе оценки даны как бы типичными представителями обеих интересующих нас традиций — В. Розановым и П. Миллюковым — и относятся к периоду рубежа веков. Экзальтированный комментарий Розанова, "русофила" по нынешним понятиям, касается фразы из Жития преподобного Моисея Угрина — "понял блаженный желание ее нечистое" (т. е. страсть некой женщины к подвижнику): "Почему "нечистое"? Совершенно чистое, — как у Евы при взгляде на Адама. Все взято из "Киевского Патерика", собрания житий "святых" Киевских Пещер. Все с XIII—XV века давалось в поучение, в "просвещение" русскому народу-младенцу, который жевал ту пищу, какую ему вкладывали в рот. Между тем

пища эта вся отравлена ядом скопчества и бунтом против заповеди Господней: "оплодотворяйтесь! размножайтесь!" По духу этого отрицания "святые" Пещер были хоть и наивные (и невинные), однако богоборцы. А "Патерик" был и остается книгою богоборческой". (В. Розанов. Люди лунного света. СПб., 1913, с. 179).

Миллюков, "западник", наоборот делает попытку оценить Патерик (а по нему совершенно неправомерно — всю первоначальную религиозность русского общества) с "научно-позитивистской", т. е. модно-западной точки зрения, говоря, между прочим, следующее: "По преданиям Патерика мы можем лучше всего измерить наибольшую высоту того духовного подъема, на который способна была Русь, только что покинувшая свое язычество. (...) Подобно брату Иоанну, тридцать лет безуспешно боровшемуся с плотскими похотями, — лучшим из печерских подвижников не удавалось подняться над этой первой, низшей ступенью духовного делания, которая, собственно, в ряду подвигов христианского аскета имеет лишь подготовительное значение. О высших ступенях деятельного или созерцательного подвижничества киевские подвижники едва ли имели ясное представление. То, что должно было быть только средством, — освобождение души от земных стремлений и помыслов, — для братии Печерского монастыря поневоле становилось единственной целью: недисциплинированная натура плохо поддавалась самым упорным, самым добросовестным усилиям. (...) Мысли вообще отводилось в Печерском монастыре очень скромное место. (...) Строгий студийский устав, долженствовавший служить нормой монашеской жизни, казался трудно достигаемым идеалом и выполнялся только как исключение. Простое соблюдение устава кажется уже составителям Патерика высшей ступенью благочестия и подвижничества". (П. Миллюков. Очерки по истории русской культуры. Часть II, СПб., 1899, с. 10—13).

Обе характеристики — истерическая В. Розанова и плоско-бесцветная П. Миллюкова — равно односторонни и тенденциозны, а следовательно неглубоки и мало научны, причем, обратим внимание, обе дают Патерику, а через него и киевскому монашеству (а там, глядишь, и всему первоначальному русскому христианству) оценку отрицательную. Дальше уже легко. Если основа русской нравственности, цивилизации и культуры получает отрицательный приговор, то и все стоящее на ней здание теперь будет легко раскритиковать по кирпичикам. Удивительное и знакомое единодушие двух, казалось бы, враждебных друг другу и, снова отметим, безусловно по-своему выдающихся, хотя уже не столь добросовестных, деятелей нашей культуры, общественности и литературы.

И это еще бледные примеры максимализма наших "специалистов". Эта поляриность русского характера, черт русского духа, видимо, давала и цветы сектантства, беспоповцев, бегунов, духоборов, хлыстов... Говоря о России положительно, мы почти всегда говорим о "народе-богоносце" в православном смысле этого слова. Но мы забываем при всем том о темном духе русского сектантства, о котором мало что известно, а что известно — почти всегда черно. И если скудость и тьму этих сведений и относить отчасти за счет того, что хлысты и т.д. всегда были гонимы и "оговариваемы", то все же более чем красноречив тот факт, что из самой среды русских сектантов так и не раздалось за три века свежего голоса, способного стать "лучом" и развеять все нагромождение рассказней вокруг наших сект.

Сектантство и сектантская нетерпимость — далеко не единственные проявления максимализма нашей образованщины, унаследованного ею от своего народного типа и от традиций русской интеллигенции прошлого. На фоне крайностей нашего национального характера и всеобщих безграмотности и инфантилизма, уродливые максималистские формы приобретают все присущие нам черты, влияние которых и без того следует учитывать и корректировать — эстетизм, например, затем, провинциализм, в котором равно плещутся и наши "почвенники", и наши "католики", и наша "интеллектуальная элита", и "либеральные теологи". Здесь и извечная крайняя косность российского сознания, эта "мертвенная неподвижность умов и сердец", о которой С. Булгаков в тех же "Вехах" писал, что для нас "ничто так не опасно" (Вехи, с. 24), и которая, конечно, в равной степени терзает и наших "русофилов", и наших русофобски настроенных "интеллектуалов" и "борцов за терпимость".

Здесь, разумеется, и конформизм, которым столь часто окрашиваются трудолюбие и культ профессионализма подсоветской интеллигенции, органически в своем большинстве не способной пока что понять, что абсолютное неприятие советского режима и советчины вообще (и ее лжи, и ее правды) вовсе не предполагает немедленного выхода на баррикады. (Расхожее присловье в 60–70-е годы: "Или работай, соблюдай правила игры с властью, принимай ее, или иди на Красную площадь протестовать"). Неспособность к "внутренней эмиграции" и действиям соответственно такой установке чаще всего ведет к перерождению конформизма и квасного патриота, и "критически мыслящего интеллигента", и "все понимающего интеллектуала", умеющего и по-старофранцузски и знающего наизусть Джойса или Дос Пассоса, в обыкновенный и, извините, дурно пахнущий коллаборационизм, т.е. сознательное и обдуманное сотрудничество с

политической мафией, удерживающей власть в современной России. И неважно, что одни при этом могут пить кьянти или джин с тоником в изящных окниженных квартирах, а другие глушить водку в по дешевке купленных срубах. И те и другие при всем вполне реально остаются опорой режима.

3.

Иные способны прибегнуть к испытанному и хорошо работающему приему, предъявив автору данных строк, да и многим другим, обвинения следующего порядка: под русофобами и "беспочвенниками" мы имеем де в виду евреев. Если из всего написанного выше не ясна ложность подобного гипотетического обвинения, укажем на то, что таковая постановка вопроса есть очередное сведение сложного социально-психологического явления российской современности к простой и удобной, но пустой и фальшивой схеме. То есть не то чтобы русофобы еврейской национальности (а есть, разумеется, и такие, как и любой другой) не способны ненавидеть Россию, исходя из каких-то своих национальных комплексов и фобий. Наверное, вполне способны. Здесь опять же все дело в иррационализме, терзающем души нашей образованщины. Именно вследствие его иные русские из евреев просто-таки не могут спокойно и без раздражения слышать о русском возрождении, славе русской истории, положительных сторонах былой русской империи и т.д. Именно вследствие него же иные русские из великороссов или украинцев не могут слышать о массовом приходе евреев в Русскую Православную Церковь, а иногда и о еврейском вопросе вообще. Но что с подобной установки возьмешь? Ведь ее несостоятельность очевидна всякому разумному человеку. И если иррациональная стихия нашей психики подчас бывает связана с нашим индивидуальным этническим типом, то мы обязаны обуздать и корректировать ее в той же степени, в какой обязаны отдавать себе отчет в происхождении любых других комплексов и состояний.

На деле обвинение в антисемитизме в данном случае является лишь удобной формой прикрытия для русофобов, как евреев, так и не евреев, скромно и "демократично" присоединяющихся к огульным "вердиктам" против своих оппонентов.

Однако русские евреи входят в состав русского народа (как американские, французские или венгерские входят в состав народов американского, французского и венгерского). И мы напомним, что недоброжелательная и пристрастная, а иногда и озлобленная критика

России в собственно русской, еще уже — великорусской литературной традиции слишком сильна и очевидна, чтобы приписывать ее евреям (или украинцам, или полякам и т.д.). Уже в XVII веке перед нами фигура Г.К. Котошихина, автора "России в царствование Алексея Михайловича", чья едкая фиксация недочетов русской жизни, несмотря на известную справедливость, все же нередко проигрывает в объективности критике нашей страны Юрием Крижаничем, казалось бы, католиком и иностранцем. В прошлом столетии личность одного из вождей нашей интеллигенции тридцатых годов В.С. Печерина при внимательном на него взгляде поражает экспансивностью и чисто душевным характером антироссийских настроений. Печеринские строки "как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья" могут служить эпиграфом к жизни и деятельности всех наших современных "противников национального возрождения России", "склонных признать за русскими одни претензии", и, конечно, не имеют никакого отношения к евреям и еврейству. Нечего на евреев пенять, коли у самих рожа крива! Мы все временами страдаем "печеринским комплексом" ненависти к отчизне, и русский еврей также вполне может уложиться в этот комплекс — даже вдвойне, ибо часто бывает раздражен и на собственную, более узкую и ныне исчезнувшую, русско-еврейскую культуру черты оседлости.

А ведь еще можно указать на чисто эмоциональные антироссийские тенденции у Белинского и всей полуграмотной линии русских революционных демократов, а также у "демонических романтиков" (Лермонтов с его "люблю Россию я, но странную любовью" и "немойтой Россией, страной рабов, страной господ") и Чаадаева, быть может, единственного в этом ряду, чья резкая и злая критика произносилась с подлинной болью в сердце, а потому все же была конструктивной, не только принимающей, но и возрождающей. Профанация же родины "демократами", взорвавшаяся в XX веке официальной и обязательной русофобией большевиков, видна всякому внимательному исследователю и проистекает из целого ряда факторов.

Стоит ли говорить, что первейший из них — крайняя безграмотность и скудость мысли при почти абсолютном незнании истории, культуры и традиций собственной страны, собственного народа, собственного края и даже квартала (вспомним мальчишек из Токмакова переулка) — не только полностью сохраняется и в наши дни, но даже направленно пестуется всей системой советского идеологического и пропагандистского оболванивания населения России.

Итак, повторяю: будучи однозначным сторонником как русского национального движения, так и насущной необходимости русского

национального возрождения и обновления — а значит, по определению врагов России, "русифилом" и "националистом", — я включаю всех евреев России в понятие "русские" и имею наглую самоуверенность утверждать, что это единственно возможный, реальный и, более того, — верный подход.* Когда-то Лев Тихомиров, вождь русских правых, или, как сказали бы сейчас, русских националистов, (и, кстати, бывший жених Софьи Перовской) писал в своей статье "Русский или еврейский вопрос" (Московские ведомости, 1911, № 144): "Мы редко и неохотно говорим о так называемом "еврейском вопросе" не потому, чтобы не придавали ему значения, а потому что нам, русским, немыслимо даже и думать о разрешении еврейского вопроса до тех пор, пока у нас не разрешен вопрос "русский".

Продолжить эту весьма разумную мысль Л. Тихомирова следовало бы так: на современном этапе РУССКИЙ ВОПРОС в России настолько обострился, что стал самым болезненным вопросом нашего общества и государства, от разрешения которого зависит само будущее нашей страны. Еврейский же вопрос является теперь окончательно не какой-то отдельной проблемой, но одним из частных (и весьма серьезных) аспектов общего русского вопроса.

Русский вопрос! Нам не уйти от его разрешения. Пора бы уже понять, что не евреи, украинцы, великороссы и т.д. являются врагами друг друга, а все мы, русские люди — великороссы, украинцы, евреи и т.д., — являемся собственными своими врагами, подобно тому, как в конечном счете каждый отдельный человек есть кузнец своего счастья или несчастья. Разумеется, человек абсолютно зависит от

* Те евреи, которые сами не желают быть причастными России и русским и сами ставят себя вне этих реальностей, имеют на подобный взгляд полное право. Насильно мил не будешь. Но это — их проблемы, а не наши. Мы, как христиане и патриоты, не вправе даже таким людям отказывать в доброжелательности и любви со своей стороны. Ибо великий народ всегда великодушен, шедь и исполнен милосердия; он принимает всех и всем прощает. То, что здесь сказано о евреях, относится и к представителям любой другой национальности, так или иначе связавших свою судьбу с Россией.

Для тех "правацки" настроенных моих коллег-"русифилов", которые желают быть большими роялистами, чем сам король, и воспримут мою концепцию как еретическую, замечу, что опираюсь в ней не только на свои убеждения, как православного христианина и русского патриота, но имею и теоретическое обоснование своим взглядам в теории К. Леонтьева о том, что "Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее "всемирного духа", а "узкий славизм" был бы просто опасен для великорусской центральной власти". (К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство. Собр. соч., т. 5, 1912, М., с. 18—19, 40).

Бога, но не от внешних обстоятельств, которые призван побеждать и преодолевать, и уж тем более не от мифических "врагов" и "чужих", являющихся персонификацией нашего собственного недовольства внешними обстоятельствами.

Перенос представителями различных эмоционально-психологических установок своих собственных грехов и недостатков на евреев, москалей, "русскую отсталость" или "русские претензии" (и т.д. от масонов и сатанистов до татар и византийцев) есть классический пример холостой работы незрелого сознания, которому незримо довлеют влажные пеленки его внутренних проблем. Или внутренние проблемы его влажных пеленок — выбирайте любой вариант. Иными словами, это всегда есть вынос собственного зла вовне и борьба с ветряными мельницами, даже если византийцы, татары, масоны, москаль, еврей, русская отсталость и русские претензии, "папа и царь, Меттерних и Гизо" вложили свою историческую лепту в общую сумму недочетов формирования и роста великой несмотря ни на что России. "Но недостойно свободных существ во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать, — отвечает на это Н. Бердяев. И продолжает далее. — Виновата и сама интеллигенция: атеистичность ее сознания есть вина ее воли, она сама избрала путь человекопоклонства и этим исказила свою душу, умертвила в себе инстинкт истины. Только сознание виновности нашей умопостигаемой воли может привести нас к новой жизни. Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т.е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы". (Вехи, с. 22).

Человекопоклонство, самообожение, эголатрия раздирают души многих из нас даже после нашего возвращения в Церковь. Именно на этой основе продолжается "славянофильничество" и "западничество" внутри церковных стен, именно жажда самоутверждения влечет иногда наших братьев во Христе в сторону крайнего консерватизма или крайнего радикализма, вплоть до ухода из православия. Но и это давно знакомо: и Котошихин, и Печерин из нелюбви к России в свое время приняли соответственно лютеранство и католицизм.

Пришла пора осознать, что и "западничество", и "славянофильство" бушуют внутри наших душ, больных самостью и маловерием (если не безверием иных, впрочем все равно "верующих" в различные кумиры). Реальный спор славянофилов и западников был окончательно решен в XX веке двумя силами русской истории и мысли — религиозными мыслителями и безбожным насильническим политиканством. Первые в лице соловьевцев, веховцев и всей богатейшей традиции

русского религиозного ренессанса первой половины нашего столетия решают этот вопрос в смысле творческого синтеза всего лучшего в обоих течениях. Что соответствует элементарной "объективной реальности", ибо каждая христианская страна одновременно и самобытна, и составляет часть всего "западного мира". Для всякой культуры вообще плодотворно только единство универсального и национального, а не односторонняя гипертрофия чего-то одного. И если уж нашим оппонентам приходится объяснять трюизм, что "Гете — прежде всего великий немецкий поэт, и если отнять у его творчества национально-личностное начало, он утратит свою ценность для всего человечества" (А. Назаров. *op. cit.*, с. 274), то уж действительно лучше вначале рассказать им, что Волга впадает в Каспийское море (впрочем, разумеется, захваченное "русскими колонизаторами", к примеру, у хазар), а лошади кушают овес и сено.

Вторые (атеистическое политиканство) в лице большевиков, узурпировавших власть в стране, точно так же осуществили синтез, но всего плохого и отрицательного, что содержалось в славянофильстве и западничестве, что намечалось в них — некритическое низкопоклонство перед Западом и паническая его боязнь, презрение к нему; использование худших архетипов российского прошлого и лютая ненависть к России, ее культуре, духовности, традициям и истории и т.д. и т.п.

От нас зависит, которое решение избрать и — в первом случае творчески, во-втором механически — развивать.

Даже если бы западничество и славянофильство как течения мысли были наполнены сейчас каким-либо действительным содержанием, то нашим русофобам нелишне было бы вспомнить, что подобно "реакционному славянофильству" может существовать и реакционное западничество, к каковому безусловно следует относить всякое безграмотное западничество, т.е. некритическое и лакейское преклонение перед всем, что исходит с Запада. Что есть попросту темно-языческая реакция на собственную национальную и самобытную христианскую культуру и цивилизацию, так сказать, использование Запада в языческих целях, как иной дикарь начинает прыгать в магическом танце не перед родным деревянным божком, а перед кучей консервных банок. Почти полная утрата современной Россией самобытности есть как раз следствие подобного реакционного западничества — насильственного ее "озападничивания" коммунистическим бескультурьем, полагающим себя наследником Герцена и Белинского.

Отстаивание себя от Запада, неприятие никакого "чужебесия" и рабски слепое преклонение перед Западом и прогрессом (западное

слово!) — вот две опасные крайности, которые надлежит учитывать и избегать.

Нам следует изжить в себе раз и навсегда всякое предубеждение против "загнивающего Запада". Мы должны понять, что наша с ним история есть общая история христианского мира. И как наш тоталитаризм есть раковая опухоль и для Запада, так и "загнивание" Запада есть и наша язва.

В то же время пора избавиться и от какого бы то ни было комплекса неполноценности относительно нашей страны и нашего народа (наших народов), равно как и бояться "чужих" влияний или слепо поклоняться им. Ю. Крижанич пишет о русских еще в 60-х годах XVII века следующее: "Нет у нас природной бодрости духа и некой благородной и славной осанки или дерзости и воодушевления, чтоб мы с достоинством относились к самим себе и своему народу". (Ю. Крижанич. Политика, М., 1965, с. 495).

Казалось бы, ни опасность чрезмерного доверия к чужому, ни необходимость достойного отношения к самим себе и своему народу не могут вызвать ни малейшего сомнения. Однако вот же приходится их отстаивать! Мы, русские, — если угодно, шире — россияне, должны изжить в себе комплекс национальной неполноценности, прекратить лживое, ложное и пустое отношение к себе и своей культуре как к "дикарству" и "недозападничеству". "Из грехов нашей родины вечной не сотворить бы кумира себе...".

Да, Россия приобщилась к христианской культуре и цивилизации позже большинства стран Европы. Но это — объективный факт истории, который следует учитывать, а не какая-то там "вина русских варваров". Да, Россия и россияне "во Христа креститесь", но еще "во Христа не облекостесь", по образному высказыванию одного священника. И в этом отставании, в этой лишь внешней христианизации российской истории и культуры — корень всех бед нашей страны. Но не прикрываться им следует для поношения Руси, а с вниманием и любовью учитывать, чтобы исправлять и созидать. А для этого прежде всего быть христианами самим.

Мы должны, мы обязаны перед Богом и Россией (т.е. нашими детьми, внуками и правнуками, отцами, дедами и праотцами) восстановить историческую правду, обрести память, дух, самосознание и достоинство христианского европейского народа со всей его самобытностью и спецификой, при этом благополучно обойдя подводные рифы шовинизма, самовосхваления, ксенофобии, ксеномании и прочих пережитков язычества вообще, либо падшей природы каждого отдельного индивида в частности.

Иным столь набили оскомину пропагандистские выкрики о "братстве", "патриотизме", "народности" и т.д., но ведь не отвергаются же такие "коммунистические" и прогрессистские идеалы, как свобода и равенство! Понять таких людей можно — они утомлены советчиной и ничего не желают, кроме уважения их прав, их собственности, их достоинства и свободы (а чаще всего — просто чтобы их "не трогали"). Они получили такую прививку "советского образа жизни", постоянно напоминающего им об обязанностях без прав, что ныне и в эмиграции, и в неволе их равно тошнит от всякого намека на обязанности и идеалы, даже намека справедливого и оправданного, более того — насущно необходимого. Но хотя слова "патриотизм" и "народность" и профанированы коммунистическим режимом и его пропагандой, они остаются достаточно высокими и достаточно верными. И хотя многие из нас желали бы найти отдохновение в демократии западного типа, которая занималась бы исключительно охраной наших прав, подобный строй не появляется в результате ненависти, ругани, снобизма или апатии, а наша усталость от советского ада — увы! — не оправдывает наше тайное желание забыть на время или насовсем о наших обязанностях перед страной и обществом, а следовательно и миром. Тех самых обязанностях, без которых не придет никакая демократия.

Ни в каких оправданиях патриотизм не нуждается. "Чтобы понять — осознать — себя, нам необходимо именно национально-личностное самосознание (опять приходится прибегать к трюизмам) — то, чего так не хватало русскому народу в эпоху революции и гражданской войны", — пишет А. Назаров в уже упоминавшейся статье. И несколько выше: "Ведь потребность национального самоощущения не кем-то придумана — она заложена в глубине личности (и может быть, имеет даже онтологическое значение). Поэтому, если отнять у человека истинное национальное чувство, он все равно будет бессознательно искать ему какую-то замену. Ребенок, оторванный от груди, будет кричать, сколько бы вы ни читали ему увещательных проповедей, будет кричать, пока кто-нибудь не догадается подsunуть ему пустышку". (А. Назаров, *op. cit.*, с. 268, 259). Всякий здравомыслящий и нравственный человек может лишь подписаться под этими словами, разве что добавив: не "может быть даже" имеет, а точно имеет онтологическое значение.

"Родина есть священная тайна каждого человека, так же, как и его рождение, — писал о. Сергей Булгаков. — Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикреплается ко всему человеческому

древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением. Человек существует в человечестве и природе. И образ его существования дается в рождении и родине. Каждый человек имеет свою индивидуальность, и в ней неповторим, но равноценен каждой другой, это есть дар Божий. И она включает в себя не только лично-окачественное я, идущее от Бога, но и земную, тварную индивидуальность, — родину и предков. И этот комплекс для каждого человека тоже равноценен, ибо он связан с его индивидуальностью. И как нельзя восхотеть изменить свою индивидуальность, так и своих предков и свою родину. Нужно особое проникновение, и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий. (...) И поистине родину можно — и должно — любить вечною любовью. Это не только страна, где мы "впервые вкусили сладость бытия", это — гораздо большее и высшее: это страна, где нам открылось небо, где нам виделось видение лестницы Иаковлей, соединяющей небо и землю. Но для этого надо изжить свою родину, воспринять и услышать ее. Не всем это дано, иные, гонимые ветром жизни, оставляют или меняют родину, прежде чем она войдет в их душу". (С. Булгаков. Автобиографические заметки. Париж, 1946, с. 7—8).

Национальность есть трехсоставная, духовно-душевно-плотская связка индивида с землей, есть "пуповина", прикрепляющая человека к природе, к творению, к Божьему миру. И лишь пережив, осознав и приняв эту "пуповину", эту изначальную и безусловную нашу заданность, преобразив ее любовью и покаянием, можем мы достичь подлинности и полноты бытия. "Чтобы жить, — писал Г. П. Федотов, — человек должен найти утраченные связи с Богом, с душевным миром других людей и с землей. Это значит в то же время, что он должен найти себя самого, свою глубину и свою укорененность в обоих мирах: верхнем и нижнем". (Г. Федотов. Новый Град. Нью-Йорк, 1952, с. 109). Отрицание национального начала, равно как и отрицание, к примеру, сексуального и социального начал в человеке всегда будет делом лжи и подмены. И прав А. Назаров: видимо, это отрицание чаще всего пропагандируется с целью подsunуть взамен некую пустышку. Не знаем, какую пустышку намереваются подsunуть россиянам "руссофобы и славянофобы", полагаем, что ничего, кроме собственного самоутверждения за счет России. Но опасения А. Назарова вполне справедливы, особенно когда он поясняет, какая пустышка угрожает нашему народу: "Национальное возрождение, обретение полноты национального чувства необходимо, чтобы вместо

истинных духовных ценностей никто не смог бы подsunуть нам отраву национализма, чтобы государство не посмело отождествлять себя с родиной и нацией, творя от нашего имени свои беззакония". (А. Назаров, *op. cit.*, с. 263).

Попросту говоря: предельно неумно и вредно препятствовать нормальному развитию русского национального движения. Русская популяция (с украинским и белорусским ответвлениями и вкраплениями из русских евреев и ряда других народов) достаточно велика и живуча, несмотря на искусные действия коммунистов, направленные на вырождение всякой нации. Всяческие препятствия лишь вызовут ответную реакцию, да еще нацистского глазуновско-емельяновского толка. Русскому народу необходимо национальное возрождение. Даже если считать, что цель России — превращение в демократию западного типа (а при всей упрощенности и неосуществимости подобной схемы это все же далеко не худший идеал, если думать о нем всерьез, а не "абстрактно-гуманистически"), то и в этом случае русский народ прежде должен обрести себя и восстановить собственные священные лары и пенаты через покаяние, воцерковление и установление твердой законности.

Да, существует соблазн беспочвенничества, и состоит он в том, что гораздо легче сбросить с себя груз ответственности за свое местное — киевское, московское, кубанское, уральское, сибирское, львовское, донское, наконец, общерусское — прошлое, махнуть на него рукой и даже объявить "негодящим", закрыв глаза на все связанные только с ним, с этим самым прошлым положительные и отрицательные явления настоящего, и вдыхать полной грудью лишь воздух грядущего. Но от этого оголтелого зыркканья "вперед", являющегося на деле лишь одной из форм бегства от действительности, тем, кто хочет жить, необходимо оборотиться и внимательно взглянуться назад. Ведь разве все мы там знаем? Недооценивая свое прошлое, равнодушно к нему относясь, мы разрушаем и выхолащиваем свое настоящее и будущее. Ненавидя первое, мы ненавидим и все последующее. Прямо какой-то замкнутый круг ненависти...

Не зная прошлого, сознательно или бессознательно забывая его, не желая изучать его, мы вбиваем осиновый кол в сердце нашего будущего и попираем грязными руками наше настоящее. Как сказал американский мыслитель Джордж Сантаяна, "кто не помнит прошлого, тот осужден на то, чтобы пережить его вторично".

Да, есть соблазн беспочвенничества. Но это — страусова политика, самосбман, который делает тот самый воздух грядущего затхлым, а то и зловонным.

Право ненавидеть Россию может получить каждый. И ненавидят ее, жалят ее теперь, как и прежде, действительно очень многие, и в числе первых — хозяйничающие в ней и расхищающие ее воры.

Право любить Россию нужно еще выстрадать.

Человек обладает как даром любви, так и даром ненависти. Только первый дар — тихий и незаметный. Второй — напищен и кричит о себе. Не надо большого ума, чтобы быть "левым", критиковать, глумиться, отмахиваться... Стоит ли вот только всерьез к подобным крикам и критикам относиться? Ну положим, для кого-то там Россия — сука. Ну устал человек, настрадался, озлобился. Ну а мы-то что, должны теперь изучать мнение, что Россия — сука? Почему бы не принять к сведению, что писатель обозвал сам себя сукиным сыном — может это у него форма покаяния такая...

Не нуждается патриотизм ни в каких оправданиях. И не бывает он подлинный или неподлинный, как не бывает в конечном счете продуктов "второй свежести", но только свежие или несвежие. Патриотизм, и все тут. Ибо квасной патриотизм, о котором как-то упоминалось выше, патриотизмом, конечно же, не является. Это имитация и фальшивка. Пустышка. И если вы видите "патриота", который в то же время антисемит или "патриот советский", не сомневайтесь: это пустышка перед вами.

Защищая Россию от ее клеветников, А. Назаров упоминает о "некоторой недобросовестности" (с. 273) таких авторов и "отсутствии истинной любви" (с. 276) в них. "Некоторой" — это сказано крайне мягко. В подборке статей "Вестника Русского Христианского Движения" № 125 достаточно исчерпывающе показано отсутствие всякой любви, истинной и неистинной, и элементарной добросовестности у огромного большинства (если не у всех) таких авторов. А вот еще один пример: кто-то из вождей нашей третьей волны, видимо, страдающий "солженицынским комплексом", говорят, заявил, что Солженицын де хочет "русского аятоллу". Как понравилось это, наверное, некоторым западным газетам! Но и насколько неграмотным, насколько недобросовестным надо быть "левому" автору сего изречения, чтобы применять относительно России шиитские реалии. В переносном смысле? Да ведь ковбоев-то арканзасскими казаками не именуют...

В начале века В. Свенцицкий и В. Эрн писали, что у нас "одни только так называемые "маститые писатели" имеют право говорить первый пришедший им в голову вздор" (В. Свенцицкий и В. Эрн. Взыскующим града. М., 1906, с. 6, 8), а также, что "литература и ложь так слились друг с другом, что вторая стала почти самым главным отличительным признаком первой". Как приятно сознавать, что наша литература

(свободная! самиздатская и эмигрантская!) эволюционировала настолько, что теперь первый пришедший им в голову вздор получили право говорить все, чья только душенька этого ни пожелает!

Да полно! Только оттого, что в 70-е годы XX века судить да рядить о России, трогать ее прошлое, ее тело, ее судьбу грязными руками взялось целое сонмище недобросовестных полуобразованцев — стоит ли от них обороняться?

4.

Интересный синдром: чуть что, противники национального возрождения тут же обвиняют нас в "погромности". "Мне довелось услышать мнение (высказанное, правда, в частном разговоре), — пишет А. Назаров, — одного рядового советского философа, кандидата наук, что "Заметки о русском" Д.С. Лихачева — не что иное, как "призыв к погрому". С одной стороны, тут своеобразный показатель среднего уровня мышления советских философов, но с другой — такое восприятие "Заметок" любопытно как отражение взглядов значительной массы противников национальной идеи. Автор высказывания был, разумеется, космополитом и сторонником демократии". (А. Назаров, *op. cit.*, с. 258). Это свидетельство показательно, ибо к нему можно было бы добавить еще десятки подобных. Кто только не подвергался обвинению в погромности — А. Солженицын, Д. Лихачев, И. Шафаревич, В. Максимов, В. Осипов, В. Кожин, Е. Вагин, В. Шукшин, Л. Гумилев, Ю. Лощиц, М. Лобанов и даже, кажется, о. Д. Дудко. Но справедливо и мудро заметил некогда о. А. Ельчанинов: "Если мы видим грех, значит сами причастны к нему, и именно к этому греху. Осуждает ли ребенок кого за разврат? Он его не может видеть. То, что мы видим, — мы отчасти имеем". (Записи. Париж, 1978, с. 48).

"Призывы к погрому" видит всюду тот, кто сам не чужд психологии погромщика. Ведь это тоже форма прикрытия: не имея возможности возразить на уровне разумном, весь пребывая во власти душевных переживаний, комплексов и страхов, такой "демократ" вопит, указывая на своих оппонентов: "Держи погромщика!" — даже и не задумываясь, что этот его вопль сам по себе является своего рода призывом громить. Ведь погромщику не обязательно выходить на улицу с охотничьими лабазниками или черноморскими "братишками", достаточно направить все или почти все свое творчество, все или почти все свои силы на систематическое облаивание, систематическую критику ради критики, систематическое вставливание "палок в колеса" всяким

писателям, мыслителям, публицистам или поэтам, идущим тяжелым, но кардинальным, главным путем истории, культуры, жизненной необходимости и насущных нужд страны и народа. По образу "Пушкин-Булгарин" ("Моцарт-Сальери") мы имеем изрядное количество литературных погромщиков – некоего Максудова при М. Бернштаме, некоего А. Сняевского при А. Солженицыне и т.д. и т.п.

Так например, человеку, болеющему за Россию всем сердцем, всей душой и всем помышлением, довольно трудно воспринимать такой журнал, как "Синтаксис", иначе, чем как "погромный", ибо разве не создан он исключительно для дразг и мелкой полемики с А. Солженицыным и В. Максимовым, делающими дело России? То есть, он, быть может, и не для того создан, но все без исключения номера его, дошедшие до меня, были напечатаны именно в таком духе (кроме отдельных случайных авторов, как Э. Кузнецов). Воистину россиянам всегда было необходимо умение различать духов!

Обвинение в погромности есть обычное недобросовестное наклеивание очередного удобно срабатывающего ярлыка. Прежде чем пояснить, отчего это так, расскажу некий "случай из жизни".

В разгар "либеральных" семидесятых редко какое интеллигентское российское застолье обходилось без "диссидентствующих" и "отъезжантов". Как-то раз, когда за очередным столом велись очередные разговоры о прошлом и настоящем России, мною была произнесена некая фраза, являвшаяся и являющаяся, по моему мнению (естественно, взятому не с потолка), совершенно общим местом. Упомянув о погромах, как о безусловно отрицательном и позорном явлении нашего прошлого, я заметил, что левая пропаганда в ту пору пускала в ход выдуманную ею версию (дожившую в официальной пропаганде и до сего дня) о том, что все погромы инспирировались российским правительством. Услышав, что из моих уст исходит столь явная попытка обеления "старого режима", один из присутствующих за столом "отъезжантов" вдруг крайне раздраженно заявил, что так оно и было и что всякие даже нейтральные отзывы о Союзе Русского Народа и его вдохновителях – погромы. Poleмики по этому вопросу я бы вести не стал, учитывая чисто эмоциональный характер всех возражений, но какие бы то ни было

* В какое бы из изданий эта статья ни попала, считаю своим долгом оговорить, что данное мнение – мое частное, но никак не журнала или газеты, печатающих статью. (А. М.)

дискуссии отпали сами собой, т.к. мой неожиданный оппонент просто вышел из комнаты. Он принадлежал к числу левых живописцев; позже я узнал, что перед отъездом из России он вместе со своим товарищем, с которым выступал в творческом содружестве, собирался устроить на прощание "хэппенинг" – оба мечтали достать где-нибудь автомат и патроны и перед специально приглашенными друзьями под вспышки фотоламп расстреливать из этого автомата русскую землю. За отсутствием автомата "хэппенинг" сорвался.

Я привел здесь этот "случай из жизни" не с тем, чтобы вызвать в ком бы то ни было отрицательные эмоции относительно того "отъезжанта" или тем более всех "отъезжантов" вообще. Тело и душа России перенесли в одном только нашем столетии столько, что русская земля вполне способна переварить еще какое-то там количество пуль, пусть даже и словесных; в этом планировавшемся акте ненависти страдающая сторона – не Россия. Я привел этот случай лишь для того, чтобы напомнить: крики о "погромности" очень часто исходят как раз от подобных автоматчиков, пусть даже пока чисто литературных.

Украинцы или молдаване из Союза Русского Народа (именно их земли одновременно являлись чертой оседлости евреев) устраивали некогда еврейские погромы. Это, действительно, позор; эти факты должны огненными буквами пылать в памяти каждого культурного россиянина. Евреи в некоторых случаях устраивали контр-погромы (речь идет не о самообороне, а именно о контр-погромах). Однако об этом радикальный лагерь предпочитает не помнить. В любых революционных брошюрах и даже в иных западных монографиях мы легко найдем и сегодня упоминание о том, как русская "черная сотня" убила депутатов Думы М. Герценштейна и Г. Иоллоса, евреев по национальности, что опять же, бесспорно, является безобразным и постыдным фактом. Еврей Богров убил величайшего политического деятеля предреволюционной России – Петра Аркадьевича Столыпина, чья жизнь, не оборвись она в 1911 году, возможно, обеспечила бы всем народам нашей страны совсем иное будущее, большевикам и прочим крайним течениям – историческую Лету, а нам с вами, российским обывателям (т.е. гражданам) – благополучное правовое и экономическое существование на манер западно-европейского, при демократическом строе и под скипетром, возможно, императора Алексея Николаевича. Так вот, еврей Богров убил Столыпина, чем изменил судьбу России, – и никто, кроме отдельных крайне правых в прошлом, а ныне вообще никто из образованных людей не напоминает евреям в целом об этом несчастном

Богрове и не заявляет, что, мол, "ваш Богров уравновесил наши погромы". И когда бульварный писак В. Пикуль подчеркнул по чьему-то там заданию "сверху" в своем романе "У последней черты" (Наш современник. М., 1979, № 4—7) именно еврейство Богрова, то всякий нормальный человек в образованной части нашего общества сей демарш иначе как антисемитским и отвратительным не воспринял. А ведь есть не только Богров. Есть Янкель Юровский, лично застреливший царя и четырнадцатилетнего больного царевича Алексея, есть вообще группа евреев, ответственная за чисто уголовное убийство императорской семьи, есть Натан Френкель, создатель системы сталинских лагерей смерти, есть одиозные евреи-революционеры, палачи России и ее народов (и в первую очередь — русского) — от Троцкого и Ягоды до Мехлиса и Кагановича.

Мы не говорим о радикалах — с ними все более или менее привычно и ясно, особенно с ныне правящими в России. Но почему даже в наших "либерально-демократических кругах", буде такие вообще существуют, до сих пор вполне принято кривиться при одном упоминании о Союзе Русского Народа и не принято кривиться при упоминании о крайне левых еврейских экстремистах, внесших определенную лепту в дело растреления нашей родины? Сколь бы ни были от меня сейчас мировоззренчески далеки лидеры правых и крайне правых — А. Дубровин или М. Меньшиков (кстати, оба расстреляны большевиками), В. Пуришкевич или Н. Марков-второй, В. Грингмут или Г. Бутми де Кацман (вот ведь, среди них не только славяне были!) — я никогда не узнаю, как бы они повели себя, если бы получили в руки бесконтрольную власть над Россией. А вдруг бы оказались страшными только на словах? Но зато я знаю, как повели себя в нашей стране и что с ней и над ней сделали крайне-левые, среди лидеров которых евреев было огромное количество. И этот простой исторический факт свидетельствует лишь о том, что россияне и из славян, и из евреев во всероссийской сваре первой половины XX века были одинаково запятнаны. И тем и другим, если уж говорить об исторических счетах и винах, есть в чем каяться... Почему так не рассуждают — не наше "образованное общество", нет, его занимают в основном по-прежнему летающие тарелки и различные диеты, — но хотя бы та его часть, которая пытается осознать прошлое и настоящее, а следовательно и будущее России? Почему так не рассуждают наши "демократические круги"? Почему во всех подобных рассуждениях огонь ведется исключительно по русскому народу и "России-суке"?

Существует некий грязный факт. В конце семидесятых годов XX века, несмотря на сопротивление цивилизованных стран, в число

которых, к сожалению, в настоящее время Россия не входит, ООН приняла резолюцию о признании сионизма видом расизма. Проблемы сионизма не относятся напрямую к теме данной работы; однако нельзя не подчеркнуть, что признание сионизма видом расизма есть не просто акция лжи; это еще и пятно глубокого позора на тех государствах, которые голосовали за такую резолюцию.

Существует столь же грязный факт в истории России и российской цивилизации и культуры, имеющий значение, доселе не осознанное ни одним общественным слоем и ни одной группой. Политическая партия недавнего прошлого, объединявшая сотни наших дедов и прадедов из всех сословий общества и именовавшаяся Союз Русского Народа, ныне предана несправедливым проклятиям, оболгана, оклеветана, приравнена чуть ли не к германским нацистам или в лучшем случае итальянским фашистам.

Если прибегнуть к некоторой парадоксальности оборотов, то можно было бы сформулировать следующее: кадеты, проагукавшие Россию в пасть к большевикам, результатом чего явилось уничтожение шестидесяти миллионов ее населения и невиданная, до сих пор дрящная аграрная и промышленная разруха, вызванная в корне порочной экономической доктриной, эти самые кадеты суть, таким образом, не только безответственные краснобаи, но злодеи и преступники в сравнении с Союзом Русского Народа, некоторые (именно некоторые!) рядовые члены коего запятнали себя участием в одном-двух погромах... Но подобный подход не будет ни христианским, ни даже формально законным, т. е. и лишенным любви и милосердия, и попросту несправедливым. Ибо несправедливо и немилосердно в преступлениях большевиков обвинять кадетов (а также "старый режим", царя, немцев, меньшевиков и т. д.). Но точно так же не милосердно и не справедливо раз и навсегда держать под клеймом клеветы достаточно обычную партию вовсе не "погромного" характера в целом только потому, что русская левая в тактических целях превратила ее в жупел и в объект своей бешеной идеологической ненависти и травли.

Кто, молитву сотворя,
За Русь и царя,
В ком вера и честь не шатается —
Черносотенцем тот называется.

Автор этих горьких строк — В. М. Пуришкевич, "страшная бука" русских левых, человек, имевший в себе изрядную долю малопочтенных черт, но уж нисколько не меньшую, чем, к примеру, П. Милюков, А. Керенский или Б. Савинков (признанные умеренно-левые и левые

лидеры), и уж гораздо меньшую, чем такие вожди революции, как В. Ленин, Л. Троцкий или Г. Зиновьев.

Я хочу быть правильно понят. Я не пытаюсь доказать здесь, что С.Р.Н. был партией спасителей России и состоял из умилительных Платонов Каратаевых и Иванов Сусаниных, ведомых Дмитриями Пожарскими. Кое-кто из членов Союза, несомненно, морально, а то и физически, участвовал в еврейских погромах, что может лишь безоговорочно осуждаться. Кое-кто из вождей партии, к сожалению, позорно и безответственно бравировал экстремистскими лозунгами, поддерживал мерзкие шовинистические газетенки или потворствовал распространению скандальной фальшивки – "Сионских протоколов". Но будем смотреть правде в лицо. Когда кадетская или социалистическая печать издевалась над болезнью наследника – это столь же мерзко и подло. Но Ленин и все крайне-левые приклеивали ярлык "черносотенства" любым своим политическим оппонентам, – например, авторам "Вех".

Единственное, что я хочу, – это напомнить, что тогдашние "крайне-правые" партии в России были националистическими, а не нацистскими, и хотя, возможно, имели в себе семена потенциального последующего перерождения в какое-нибудь направление итало-фашистского или вишистского толка, но в той же мере могли бы (тут мы вступаем на шаткую и гадательную почву) в последующем приобрести характер в худшем случае испанского фалангизма, приведшего Испанию к экономическому взрыву и демократии, а в лучшем – британского консерватизма. Ни за, ни против подобных прогнозов ничего сказать нельзя.

Нелишне будет также поставить следующий вопрос: бранясь словом "погромщик", кого назовем им – министра внутренних дел России Д.С. Сипягина, "реакционера, прославившегося беспощадной борьбой с рабочими, голодающими крестьянами и студентами", или убившего его эсера Балмашева? Разумеется, можно возразить: террористы – сознательные громилы и в этом смысле еще хуже несознательных лабазников или излишне крутых карателей, но это де не снимает с последних ответственности. Что ж, примем это возражение. И зададим тогда следующий вопрос: кого назовем погромщиками – черносотенных священнослужителей, членов С.Р.Н., практически всегда прятавших еврейское население во время тяжелых погромов гражданской войны (эти факты собраны и обобщены, например, С. Гусевым-Оренбургским в его "Книге о еврейских погромах на Украине", 1919 г.) или красноармейцев и комиссаров, расстреливавших подряд всех, кто носил рясю, монахов, монахинь и т.д.?

Иначе говоря: до тех пор, пока в лексикон российских гуманистов и универсалистов любых толков и согласий не войдет, как категорически отрицательный, термин "черносотенство" и "красная сотня", эти самые гуманисты не обладают моральным правом манипулировать понятием "черносотенство" и словосочетанием "черная сотня". Так-то вот. И если с "правыми" погромщиками сражаются погромщики "левые", то эта "левизна" нисколько их не обеляет, как нисколько не очерняет их оппонентов "правизна".

Прочтите "Заметки о русском" Д. Лихачева и прочтите речи А. Солженицына (желание "русского аятоллы" – это ведь очевидная погромность); вы убедитесь, что обвинение этих писателей в погромности есть не что иное, как призыв к погрому.*

Что возвращает нас к точному высказыванию о. А. Ельчанинова.

5.

Итак, русский вопрос. Быть может, нам и не дожить до его положительного разрешения. Но если мы с вами не будем пытаться

---

* "Заметки о русском" Д. Лихачева можно и даже нужно критиковать – только сторонникам, а не противникам русского национального возрождения. И критиковать за излишний романтизм в изображении русского народа, излишнюю радужность... К великому сожалению нашему, нам присущи далеко не одна только доброта, удаль, стремление к воле и подвигу. Я именно не спрашиваю, где же они, эти чувства, сейчас, – ибо сейчас, когда российское общество обуржуазилось, эти чувства, естественно, пребывают под спудом и проявляют себя более сокровенно, хотя столь же глубоко. Речь о том, что помимо этих положительных качеств мы имеем еще и изрядный набор отрицательных – о которых автор заметок не хотел или не мог написать. "Заметки о русском" Д. Лихачева не заслуживают никакой иной оценки, кроме положительной; но подобная оценка не исключает критики. Чтобы не быть голословным, замечу хотя бы то, что обращение "доченька" или "сынок" в нашем народе, действительно очень трогательное и с напоминания о котором Д. С. фактически начинает свой очерк, во-первых, почти повсеместно исчезло в наши дни (тем большей сладкой болью отдается в сердце, когда его слышишь от редких пожилых людей), а во-вторых, все же вызвано не только народной добротой, но и – будем трезвы – пережитками патриархальных родовых отношений. С другой стороны, при нынешней затравленности России и всего русского, при положении, когда слово "русифил" является ругательным, нет ничего удивительного в том, что писатель считает для себя более важным в настоящее время говорить о национальном идеале, а не о прискорбной национальной действительности. Но излечит нас все же не романтизм, но только трезвость, трезвение.

разрешить этот самый больной и главный наш вопрос, то мы — никто. Так, прореха на человечестве.

Владимир Соловьев писал, что национальный вопрос для народа есть вопрос о его существовании, а в России стоит много сложнее — о достойном существовании тысячелетнего национально-государственного единства, т.е. именно говорил о насущной необходимости национального возрождения и обновления. Н. Бердяев и С. Булгаков, П. Струве и С. Франк, Г. Федотов и П. Кончаловский (заметьте, это все мыслители отнюдь не "правого" лагеря) — писали о том, что национальное возрождение России нужно и необходимо, что с ним связаны все надежды россиян, что без него у нашей страны нет будущего.

И вот сейчас, в восьмидесятые годы XX столетия, кто-то должен взять на себя смелость быть освицанным русофобами и повторить это во всеуслышание.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ И РУССКИХ — НАСУЩНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.

Единое национальное движение всех, кто любит Россию, всех, кто признает, что вскормлен ею (прежде всего, духовно), национальная сплоченность всех русских, россов, россиян есть не просто необходимость. Это — наша первоочередная задача. Она давно поставлена перед нами временем и историей. Без стараний ее разрешить — распад и смерть.

И хотя наше общество устало от трескучих фраз, громких лозунгов, ярких плакатов, от транспарантов, аплодисментов и добровольно-принудительных призывов к высоким целям — к тому же, иные из нас справедливо опасаются впадения в очередную крайность, все же, как говорится, волков бояться — в лес не ходить. А от ругани или равнодушного отмахивания "крайность" как раз и расцветает... Если признать, что общество и политика имеют право на идеалы (а не только на принцип "не тронь меня, а я тебя"), то оживление русских национальных идеалов и наполнение их духом истины и жизни есть дело, в котором следует участвовать.

Сейчас в России и у русских с традициями, культурой, духом, культурным и духовным строительством не благополучно. Вот почему надо быть заинтересованным всем этим, надо болеть этим, переживать и стараться исправить. Оставаться к этому холодным нельзя. Что это значит? Разумное сочетание частной жизни со служением родине в годину ее явного бедственного положения.

Каковы пути этого служения?

Прежде чем говорить о них, постараемся понять и усвоить качества, требуемые от каждого, кто встает на путь служения России,

русскому (российскому) возрождению и российским национальным идеалам. Качества эти — любовь, трезвость и мир.

"Миром (т.е. с миром в душе) Господу помолимся!" — этим призывом в храме начинается каждая литургия. Миром да будем делать дело обновления нашей страны и нашего народа. Семена ненависти, вражды, поисков новых тайных врагов, на коих можно было бы в который раз переложить ответственность за нынешнюю нашу духовную и материальную скудость — эти семена принесут лишь очередную смуту и неправду. "БЛАЖЕННЫ МИРОТВОРЦЫ", — говорит Господь (Мф. 5.9).

Любовь, трезвость и мир — именно эти качества и позволят движению нашего национального возрождения, если оно "начнет быть", не впадать в крайности национализма, самозамыкания, обид и предъявления исторических счетов. Не говоря уже о стоящих на этом пути чрезвычайно опасных ловушках нашей языческой природы — тех соблазнах, которыми легко туманит рассудок всякая мистика крови и почвы.

Руководствуясь именно духом любви, трезвости и мира, гораздо легче смотреть правде в лицо, как радостной, так и горькой. Я имею в виду правду о нас самих.

Макс Вебер как-то сказал, что мы (абстрактно — мы; впрочем, он имел в виду ученых) должны уметь признавать неудобные для нас факты, т.е. неудобные с точки зрения нашей установки или партийной позиции. А для всякой партийной позиции, продолжает Вебер, существуют такие крайне неудобные факты.

Полностью поддерживая вышеупомянутого А. Назарова в принципе, тем не менее нельзя согласиться с целым рядом его положений, а иногда и попыток именно обойти эти самые неудобные для нас факты.

Прежде всего, не может не вызвать протеста то, в какой форме А. Назаров утверждает, что "наша нация есть великая, избранная нация" (с. 269). И такой протест будет оправдан. Дело в том, что русская нация есть, действительно, и великая и избранная, и печально, что говорить об этом сейчас приходится, заранее пригибаясь и затыкая уши. Но великая и избранная нация не по тем причинам, которые приводит автор упомянутой статьи.

Отстаивать от русофобских нападок наше московское и владимирское прошлое нет нужды. В который раз напомним — а судьи кто? Культурная и религиозная жизнь русского средневековья столь же насыщенная, напряженная и богата, как и испанского, французского или польского — только по-своему. Это — триумф, и если он неизвестен

иним образованцам, то им просто надобно поучиться. Если термин "великая нация" вообще правомочен (а он, видимо, правомочен, как и понятие "малых народов"), то употреблять его можно, во-первых, не как противоположность каким-либо нациям "второстепенным", но как обозначение многочисленной и имеющей значительную территорию нации, а во-вторых, — причем наличествовать должны оба компонента — как нации, внесшей бесспорный вклад в общечеловеческую историю и культуру.* Исторические достижения русской нации (три главные ветви которой суть белорусы, великорусы и украинцы), благодаря отечественным и зарубежным исследователям, а также очевидным фактам, становятся все более неоспоримыми. А блистательным нашим XIX веком и тем, что от него осталось в эмиграции в первой половине XX века, Россия внесла такой вклад в духовный потенциал всего мира, что разом и навсегда сравнялась с традиционной и общепризнанно-передовыми Англией, Францией и Германией (как сравнялась с ними своим XX веком и Америка).

Если величие русского народа А. Назаров объясняет несколько туманно, то об избранности русских им говорят вещи прямо убедительные. Избранность и величие — это вовсе не "возможность побольше милостей Господних для себя урвать" (с. 270), — пишет он. Здесь возражений нет. Но его главный довод — "ощути в себе готовность на Крест взойти — вот уже и избран" — представляется в высшей степени странным. Во-первых, так упрощенно говорить о Кресте, по-видимому, не очень корректно. Более того: очень не корректно. И ощущение готовности взойти на Крест может быть ложным и выдуманным, и от готовности этой до самого восхождения может лежать целая пропасть... И Крест и избранность есть тайна; они подводят нас к Тайне Тайн — Кресту Господню, который при всей своей единственности и несравненности становится прообразом нашего индивидуального креста. Если мы настолько входим в Истину и Дух, что становимся способны сраспинаться со Христом — это таинство, совершающееся в нашей душе и до конца не понятное

* Исходя из подобной точки зрения, "великими нациями" в чистом виде должны быть, наверное, признаваемы американцы, англичане, арабы, испанцы, итальянцы, китайцы, немцы, русские, французы, японцы, а также греки и евреи — последние две нации по уникальному их значению в мировой истории. Но само словосочетание это жизненно лишь тогда, когда его употребляют как формальную характеристику, а не с целью ущемить права прочих народов или оскорбить их достоинство. Величие проявляется в широте и милосердии; если нация "велика", то именно ей вверяется Богом и историей защита "малых" народов и забота о них.

нам самим; куда уж строить на столь интимном и сокровенном какие бы то ни было теории национального мессианизма!

Во-вторых, никто не давал нам морального права — ни Россия, ни даже Сам Иисус Христос — требовать от людей готовности взойти на Крест. Слишком уж просто получается: "ощути готовность — вот уже и избран!" Ощути себя подобным Христу — хлоп! вот ты и святой! Сейчас канонизируют...

А если нет этой готовности? Да и откуда ей быть у людей неверующих, у тех, которые имея уши не слышат и имея глаза не видят, а таких большинство в каждом обществе и каждом отечестве. Люди мучительно пробиваются к вере, люди не умеют любить ни родины, ни земли, ни других, ни самих себя даже, но: "ощути — вот уже и избран!" Слишком уж просто получается...

Мы о себе-то не знаем, готовы ли мы к крестным мукам. Можем ли мы ждать такой готовности от ближних и дальних?

Наконец, вышеупомянутая попытка объяснения касается отдельных судеб, но никак не всего народа. "Создатель возвел на Голгофу за грехи человечества целый народ, — пишет тем не менее А. Назаров, — избрание на этот великий искупительный подвиг пало на Россию. И нам поэтому-то нужно осознать, что мы избранная нация" (с. 289). Ничего себе объяснение! Нам нужно осознать, что мы избраны потому, что мы избраны. Так почему же мы все-таки избраны-то?

И потом: этот целый народ, возведенный на Голгофу за грехи человечества, — это только великороссы или все русские? А, к примеру, латыши, азербайджанцы, кабардинцы или буряты тоже сюда входят? А шаманисты-юкагиры? И буряты — они все входят, или только православные, а буддисты — нет? Или еще вопрос: албанский и кампучийский, китайский и северо-корейский народы — они не на Голгофе? Политические мафии, растлевающие Албанию и Северную Корею, открыто декларируют, что в их стране Церковь Христова уничтожена полностью. Почему же Голгофа только у нас?

"Когда настала пора дать миру Откровение, Христос явился среди еврейского народа, ибо в тот момент только эта нация — именно иудеи, а не эллины, — отстоявшая чистоту монотеистического культа, стояла ближе всего к Истине", — поясняет А. Назаров (с. 270).

Вроде бы, становится яснее: видимо, Россия сейчас стоит ближе всего к Истине. Остается только определить метраж этой дистанции. И если бы это было возможно, боюсь, результат был бы для нас крайне плачевным. Ибо состояние нашего общества, в том числе и образованной его части, позорно-отвратительное. О близости к Истине здесь можно говорить разве только саркастически. И А. Назаров

сам неоднократно подчеркивает, что "советский народ — это новая страшная бездуховная общность грозит гибелью русской национальной идее" (с. 277). Вспомним теперь о трезвости и взглянем в глаза неудобной правде. Ведь советский народ и составляет теперь Россию. Не важно, "как далеко зашла советизация народа", — как бы далеко она ни зашла, десоветизация произойдет гораздо быстрее, были бы только для нее условия. Но советский народ, как бы там ни было, — "не шутка". Это А. Назаров признает сам, чем противоречит своему утверждению об избранности России как ближе всех стоящей к Истине.

Далее. Христос явился среди еврейского народа не потому, что только эта нация отстояла монотеизм, но эта нация отстояла монотеизм, потому что Бог ее готовил, потому что Христос среди этого народа явился. Не потому Он явился Израилю, что Израиль стоял к Истине ближе, чем эллины, ассирийцы или персы, но Израиль стоял ближе всех к Истине оттого, что Истина явилась среди еврейского народа — как и должна была явиться, по обетованию Аврааму и Давиду — "по писанием". Чистота монотеистического культа — следствие, а не причина. Таким образом, и это объяснение нашей избранности неудачно.

Так избранный народ русский или не избранный?

Избранный. Но об этом скажем позднее, в свое время.

Прежде надо взглянуть в лицо тем самым неудобным для нас фактам. Когда писатели, отстаивающие право России на существование и народность, выступают в официальной подсоветской печати и рисуют радужную картину нашего народа — с этим приходится мириться. Мы учитываем и то, что всякую конструктивную критику любого народа советская цензура просто не пропустит, и то, что защитники России справедливо боятся дать новую пищу ее клеветникам, не имея возможности адекватно писать о положительных сторонах русской нации (ибо здесь неизбежно должен затрагиваться аспект религиозный). Но когда писателю предоставляет возможность высказаться свободный православный журнал — к чему эта радужность, эта розовая вода? Зачем обманывать самих себя, делать нас лучше, чем мы есть? Неужели от такого наступит возрождение? Это, скорее, напоминает "передовой и научный" подход марксистов, эту магию газетных заголовков о "росте благосостояния", "тружениках села" и всем прочем "великом", "нерушимом" или "легендарном" — так что после подобных самоуспокоительных заклинаний коммунистическим чиновникам и многим обманутым ими подданным и действительно начинает казаться, что все, что

пишется в газетах и высказывается в речах, каким-то чудом происходит на деле.

К чему писать, что "в характере русского человека нет неприязни к другим народам, ни чувства превосходства над ними" (с. 279)? Ведь это, к сожалению, не так. Юрий Крижанич в XVII веке, действительно, подчеркивал в нашем народе, скорее, ощущение превосходства других над собой: "Ксеномания — по-гречески, а по-нашему — чужебесие — это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ". (Ю. Крижанич, *op. cit.*, с. 497). Упрекать наш народ в самовлюбленности и самопревозношении было бы не просто заблуждением, но прямой клеветой. Однако ныне это свойство принадлежит, пожалуй, лишь национальному идеалу. Действительность много печальнее. Коммунизм и насаждаемая им мелкая буржуазность воспитали в наших обывателях и удивительную черствость к прочим народам, и поразительное по глупости и пошлости чувство своего превосходства, на которое указывает сам А. Назаров: "Теперь советский человек уже с сочувствием прислушивается, когда ему рассказывают, как он по полюсу гордо шагает, меняет течение рек, высокие горы сдвигает. То есть он понимает, конечно, что шагает по полюсу не он лично, но все-таки наши, а значит символически как бы и он тоже. Ему нравится, что его страна такая большая и могучая. Его распирает от гордости, что мы создали ракету и перекрыли Енисей, а также и в области балета преуспели. И в области хоккея тоже — это еще важнее. И на олимпиаде больше всех медалей выиграла... простите: завоевали! И разгромили всех врагов! И много еще чего понатворили. И все мы! Мы!!! Мы!!!!!!" (с. 261). Наше общество в своем целом (где же сокровенный и заветный характер наш, наша доброта и открытость?) не возмутилось — пусть даже шепотом, про себя — ни оккупацией Чехословакии, ни беспрецедентной аннексией Афганистана. Не будем лгать самим себе — средний слой, составляющий большинство в нашей стране, поносил и бранил поляков, а вовсе не "болел" за них. Болели, страдали и молились за Польшу — единицы, пусть даже десятки. И приходится, горько, но приходится произнести: счастье, что хоть эти десятки были. Встречается у нас и мелочная, дрызгоподобная, гнусная неприязнь к другим национальностям. И к кавказцам, и к евреям, и к татарам, и между собой (между украинцами и великорусами, например). В Средней Азии среди русских так распространено словечко "национал", что иные таджики и киргизы часто могут использовать его в разговоре о себе самих. Некоторые

русские, живущие в Эстонии и Псковщине, презрительно именуют эстонцев "кураками" (т.е. чертями) ...

Конечно же, точно такая неприязнь к русским присуща в равной степени и евреям, эстонцам, татарам или таджикам. Но нам-то что за дело? Те народы или индивиды, которые ставят себя вне России и русской стихии — разве о них мы ведем речь? Разве о них сейчас наша главная боль и забота? У них, хочется надеяться, найдутся свои печалующиеся, которые укажут этим народам на их грехи и недостатки. А наша неприязнь к другим — наш грех и гнусность, и иначе, как о грехе и гнусности, говорить об этой черте не приходится. А то, что она не врожденная, а приобретенная... Тем возможнее исцеление, тем активнее следует ее обличать и с ней бороться — любовью, трезвостью и миром. Сколь бы ни был нам неудобен этот факт, мы обязаны его признать, с тем чтобы постепенно его изжить.

Как это ни парадоксально, утверждение А. Назарова, что "в душе русского народа никогда не было неприязни к евреям" (с. 281) — гораздо ближе к истине, чем только что разобранный предыдущий. Но следует уточнить: не вообще русского, а великорусского. И, быть трезвым, — не оттого, что москвитяне, владимирцы, костромичи и архангелогородцы лучше винничан, витеблян или киевлян, а потому что черта оседлости евреев приходилась на украинские и белорусские земли. Распространялась бы и на великорусские — встречались бы проявления антисемитизма и среди москалей, волгарей и сибиряков. Потому что два разноплеменных и иноверных народа жить бок о бок и за всю историю не ворчать друг на друга не могут. Потому что антисемитизм существовал во Франции, Германии, Америке, Польше, Испании, Италии, а великорусы ничем не хуже и не лучше этих национальных единиц. И, наверное, не отрещиваться надлежит от антисемитизма, а опять же бороться с ним, обличать его и изживать. Тем не менее, факт остается фактом — у великорусского племени антисемитизма не было; он в нем воспитан исключительно в XX веке. Как это произошло — пусть объясняют еврокоммунисты.

Еще один неудобный факт. "Ненависти к кому бы то ни было никогда не было у истинно русского человека, — утверждает А. Назаров. — Ненависти, глубоко затаенной ненависти никогда не знала русская душа" (с. 282). Давайте сразу уточним: а чья знала? Возьмет ли на себя кто-либо ответственность утверждать, что вот, мол, русская, австрийская и бенгальская души никогда не знали затаенной ненависти, а тибетская там, испанская и норвежская —

знали? И потом: что, как не затаенная ненависть, злоба и зависть, прорвалось в душах нашего народа всероссийской смутой 1917—1921 годов и далее? На чем, как не на ненависти и зависти масс, и победили-то большевики, чем же, как не этой скверной питалась и жирела сталинщина? Глубоко затаенная ненависть бушует в иррациональной стихии каждого человека; при пестовании тех или иных отрицательных сторон души она может прорываться и поработать эмоциональный план. Это — наследие первородного греха. Все возможное зло мира глубоко таится в наших душах, будь мы русские, фламандцы, евреи или суахили. Но и все добро мира точно так же таится в наших душах. И наше индивидуальное и общенациональное бытие зависит от того, чему мы открываем врата своих душ — иррациональному хаосу коллективного бессознательного, языческой архаике нашей падшей природы или — нашему небесному Отцу, Богу, Который хочет только нашего спасения, только нашего сыновства. Богу и Христу Его.

Русская душа — увь! — вполне знала и ненависть, и злобу, и зависть. Знала и знает. Как и всякая прочая живая душа. Не только психиатрия и психоанализ, но и гораздо более глубокий, высокий и действенный институт христианского духовничества знает, что с недостатком и грехом можно эффективно бороться тогда, когда сначала признаешь его, вынесешь его себе в план сознания. Давайте же помнить, что мы можем быть подвержены ненависти — национальной, религиозной, классовой — точно так же, как любой другой народ. И да не поддадимся ей никогда — особенно на сложном и тяжком пути нашего национального пробуждения.

"Самодовольной буржуазности нет в основе русского национального характера", — еще одно мнение А. Назарова, с которым нельзя согласиться (с. 285). То есть во времена, когда на отсутствие подобной черты указывали Г. Шпет или К. Леонтьев, ее, и вправду, не было. Но теперь эта буржуазность есть. Вошла ли она в основу, в "базис" русского народного характера или наличествует только в его "надстройке" — покажет дальнейшее развитие общества. Самодовольная буржуазность — качество, сознательно воспитываемое в россиянах коммунистами, вся внутренняя политика которых направлена к тому, чтобы сделать из своих подданных послушных потребителей, тот самый безотказный винтик, который, полностью снимая с себя всякую ответственность за все, что делается в стране и страной, привыкнет довольствоваться взамен "сносным" окладом, небольшой квартиркой, а то и дачкой, наконец, машиной, абонементом в кинотеатр, а там, глядишь, и спецснабжением продуктами, модными

книгами и одеждой. Эта погоня за чисто материальными благами у наших с вами соотечественников понятна: с одной стороны, почти за семь десятилетий их приучили думать, что "кроме материи ничего нет"; с другой — понимать, что все, и дом, и семья, и еда, и свобода, может быть отобрано в любое мгновение.

Буржуазия не лучше и не хуже прочих классов или сословий; она давала и дает человечеству мыслителей, писателей, священников, политиков, ученых. Но наша советская буржуазия сложилась в условиях неестественных и жутких. Не имеющая пока что выраженного самосознания, умеющая лишь брать и подчиняться, но не знающая, что такое свободно давать, наша буржуазия в подметки не годится буржуазии дореволюционной и не является ныне ни творческой, ни политической силой. Дополнительным бичом нашей буржуазии является также слабая образованность и нравственная дезориентированность. Наш народ, действительно, когда-то не был буржуазным; теперь он им стал. И это — одно из основных "достижений" марксизма в России. Новый класс заставил и заставляет всех "советских людей", "людей нового типа" гнаться за земными благами. Не естественно пользоваться ими, а именно гнаться. Но альтернативы нет. Русский народ стал народом мелкобуржуазным, и именно этот мелкобуржуазный народ обязан возрождать Россию. То есть самого себя. Как бы ни был неудобен для нас и этот факт, приходится признать и его.

Сказанное выше не исключает того факта, что в нашем обществе еще достаточно как социальных групп, так и отдельных индивидов, неизбежно ставших причастными советской мелкобуржуазной стихии и пестуемым ею шаблонам мышления и поведения, но достаточно устоявших перед советизацией, а иногда и сознательно внутренне "десоветизировавших" себя — в каковом случае неизбежно всплывают в них многие исконные положительные черты русского национального характера, замороженные советизмом. Отрицательные национальные черты — например, неумение мыслить и действовать умеренно, трезво и методично, ненависть или равнодушие к собственному прошлому, колебания, пристрастие к крайностям, разобщенность с другими, инертность — при этом способны проявляться в равной степени, но поскольку они никогда не "замораживались", но, наоборот, ловко использовались известными силами, то и говорить о них приходится не как об абстракциях, но как о конкретных сорняках нашей собственной народной души. Не упиваться ими следует, а бороться с ними, и не в "таком-сяком" русском народе, а в собственных сердцах каждого из нас.

Ибо критики России со вкусом видят "соринки" русского народа, но вполне мирятся с бревнами, торчащими в их собственных глазах.

6.

Сколь бы неудобными ни казались нам эти и иные факты, мы обязаны перед Россией иметь мужество, трезвость и любовь признавать их. Лесть есть ложь, а льстить самим себе — лгать вдвойне. "Страусы" едва ли будут способны дать нашей родине что бы то ни было, кроме очередного обмана, очередного сна, который "золотым" оказывается только на бумаге.

Ни один из отрицательных фактов о нас и нашей народности, ни одна наша отрицательная черта не должны и не могут парализовать нас унынием или желанием спрятаться от ответственности (хотя бы и за самообман). Ни один отрицательный аспект нашего исторического бытия не должен и не может дать реальное право ни нам самим, ни другим народам делать какие бы то ни было недобросовестные и расистские выводы.

"Перед судом народов нам не уйти от ответственности за совершенное от нашего имени" (с. 279), — восклицает А. Назаров. Верно. И как хотелось бы, чтобы эту покаянную фразу повторило за ним хотя бы наше "образованное общество".

Однако, необходимо продолжить: а перед Божьим судом — тем более. Но и перед тем, и перед другим, самым главным, Судом не уйти от ответственности ни одному народу, тем более великому.

"Начнем же судить Россию самым страшным судом — устоит ли она перед ним? И — самый главный, самый страшный вопрос: возлюбила ли она Бога более всего на свете? Не отреклась ли она от Него?" — пишет А. Назаров в другом месте, развивая свою апологию нашей страны и нашего народа (с. 271).

Ответ на поставленные выше вопросы дать гораздо легче, чем вопросы эти поставить (ибо, чтобы сделать последнее, надо обладать развитой совестью, чувством ответственности перед Богом, Россией и самим собой и любить свою землю). Конечно же, Россия не устоит перед самым страшным судом. Ну и что с того? Как будто подобное не относится к любой другой стране!

И не будем наивны. Конечно же Россия отреклась от Бога.

Сколь бы пронзительно трагичен ни был этот страшный факт, он не нами открыт. Только из того, что во второй половине XX столетия

мы в сознательном возрасте пришли к Богу и увидели всю глубину падения нашей родины, всю глубину ее отпадения от Бога, не следует, что нам дано право становиться ее несправедливыми судьями.

У России было достаточно обличителей, указывавших на ее грехи и на ее отступничество с пророческим вдохновением, с глубокой силой убеждения и в духе любви и истины. Было и есть — ибо они с нами, национальные пророки нашей истории. И в числе первых, еще в XVI веке, старец Елеазарова монастыря Филофей. Да, да, тот самый старец Филофей, который является одним из авторов "славянофильской" теории "Москва — третий Рим", который всячески подчеркивает всемирно-историческое значение Руси. Обличая русских в том, что их нравственная деятельность находится в вопиющем противоречии с их религиозными убеждениями, старец в послании великому князю Ивану Васильевичу пишет, что "Русия царство аще и стоит верою в православной вере, но добрых дел оскудение и неправда умножися", церкви терпят обиды, пастыри "умолкоша страха ради" и люди в целом "все уклонишася вкупе". (В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей. 1901, приложение, с. 64).

Вот с какими словами обращается к родине вождь славянофилов А. С. Хомяков.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов Он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи плетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

(России. 1854).

По-настоящему трудно касаться здесь пророческого гения А. С. Пушкина. Трудно, потому что касаться мимоходом его огненной поэзии — страшно, словно берешь в руку пылающую звезду. Но одной прозы Пушкина достаточно, чтобы сказать: поэт поразительно сознавал и беды, и нужды России. Перечитаем его статьи, вспомним его суровую и однозначную характеристику "русского бунта" в "Капитанской дочке", чтобы понять, насколько глубоко этот подлинный пророк обнимал своим разумом и русские отрицательные черты, и даже возможность богоотступничества. Но и никто, наверное, из наших поэтов (кроме, разве что, другого гения — Тютчева) не любил Россию так, как Пушкин, этот "певец империи, преследуемый до самого конца за неистребимый дух свободы", как замечательно назвал его Г. П. Федотов.

Для Пушкина именно сила христианства, увиденная им в христианской верховной власти, только и может спасти и преобразить Россию. Это — христианская государственность, христианская империя, не "самовластье", а бодрое и честное правление, основанное на надеждах, трудах и милости —

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

(Друзьям. 1828).

Здесь стоит обратиться за помощью к тому же Федотову, в своей блистательной статье "Певец империи и свободы" отмечающему, что "Россия была дана Пушкину не только в аспекте женственном — природы, народности, как для Некрасова или Блока, но и в мужеском — государства, Империи. (...) Змей или наводнение (в "Медном всаднике" — А. М.) — это все иррациональное, слепое в русской жизни, что, обуздываемое Аполлоном, всегда готово прорваться: в сектантстве, в нигилизме, в черносотенстве, бунте. Русская жизнь и русская государственность — непрерывное и мучительное преодоление

хаоса началом разума и воли. В этом и заключается для Пушкина смысл империи". (Г.П. Федотов. Новый Град. Нью-Йорк, 1952, с. 244, 249).

Сможет ли наше общество воскреснуть нравственно и ожить для новой жизни? И что же ему в этом поможет? "Бог может помочь, — отвечает К.С. Аксаков, — но к Нему прибегают всего реже. (...) Не праздно утешаться заранее светлым будущим должны мы, но (даже хотя для скорейшего приближения этого желанного будущего) обратить испытующий взор на настоящее зло, на болезнь нашего времени. Познание болезни необходимо для исцеления, и часто оно уже одно — верный шаг к исцелению. Да, нам необходимо теперь сознание, сознание своего недуга, своей лжи. Ложь эта так еще сильна, что способна привести даже в отчаяние человека, некрепкого духом. (...) Расшатались нравственные общественные основы, если и не совсем отброшены. Расслабело все общество и не может противопоставить силы общественного отпора злу, вторгающемуся в его область. Но общество — существо живое, и если оно может совокупно падать, то может совокупно и вставать. Будет ли время, когда деятельная мысль и просвещенная воля укрепят общество и сделают его самостоятельным?" ("О современном человеке"; цит. по: "Русский Архив", 1903, № 7 /книга третья/).

Приходится ли говорить о поразительной актуальности аксаковских строк в наши дни?

Коротко не сказать и о Владимире Соловьеве. Этот автор, к знакомству с которым наше общество только лишь приступает, обладает пророческим даром, сплетающимся с равными дарами Пушкина (в поэзии) и Достоевского (в прозе) в единый стеновой хребет будущей всерусской культуры, ту основу, из которой исходить всем, кому дорога Россия и ее воскресение. Пророческие строки В.С. будто бы написаны в наши дни: "Равнодушие к истине и презрение к человеческому достоинству, к существенным правам человеческой личности — эта восточная болезнь давно уже заразила общественный организм русского общества и доселе составляет корень наших недугов. (...) Безмерное тело России нездорово". (В. Соловьев. Собр. соч., т. V, с. 261). Характерно само название цитируемой работы Соловьева — "О грехах и болезнях". В статье "Русский национальный идеал" (как и во многих других) он прямо формулирует, что патриотическая наша обязанность — "трудиться над освобождением России от явных общественных неправд, от прямых противоречий христианскому началу. (...) Дать христианское решение всем этим поднявшимся национальным и вероисповедным вопросам — вот

к чему обязывает Россию ее истинный народный идеал; в этом его оправдание, без этого он только пустая и лживая претензия". (Там же, с. 387). В провидческих стихотворениях своих Соловьев предсказывает падение России в случае ее отречения от Христа, в случае, если остынет ее божественный алтарь. А альтернатива Христу — всегда железная пята насилия, лжи и механического властвования ксерксов и навуходоносов:

О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?

(Свет с Востока. 1890).

Из глубин веков, от св. митрополита Илариона, преп. Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского, от старца Филофея и Нила Сорского через Максима Грека и Дмитрия Туптало, св. Тихона Задонского и Георгия Конисского, Арсения Мацеевича и Григория Сковороду, Радищева и Пушкина, Достоевского и Гоголя, Чаадаева и Хомякова, Леонтьева и Соловьева, саровского чудотворца и оптинских старцев до патриарха Тихона, митрополита Вениамина и архиепископа Луки, до Флоренского, Булгакова, Струве, Зеньковского, Пастернака, Мандельштама, Солженицына сверкает этот бесконечный и щедрый ряд печальников и молитвенников за русскую землю, ее строителей и обличителей, о ней мечтателей и за нее страдальцев.

Так не много ли мы на себя берем, сажая Россию на скамью подсудимых перед народами земли и Самим Богом? Ведь каждый народ и каждая страна и без того поставлены перед судом истории и высшей нравственности. Во-первых — Богом. Во-вторых, своими святыми, мудрецами, философами, учеными, поэтами.

Необходимо их изучать и осваивать, прислушиваться к их критике и к их советам — и исполнять их заветы. Грехи и темные стороны нашей страны и нашего народа давно выявлены и высвечены. Путь исцеления давно указан.

За дело!

А в который раз выводить русский народ перед судом клеветников России, на потеху обуреваемости, скрываемой под безгласностью или "свободолюбием" — не нужно. Пустое это занятие. Тем обличители и отличаются от клеветников, что выступают всегда с любовью, трезвостью и миром, с жадой добра и возрождения.

Они могут слишком гордиться Россией или слишком рыдать о ней, могут быть исполнены радостью или горем, но никогда — злобным сарказмом, кокетливой иронией или грубой бранью в духе "византийско-татарских недоделков". Почему? Потому что обличая и указывая на наше зло, они стоят на христианских позициях, выступают не от своего имени, не от своей самости и самоуверенности, а опираются на божественную личность ИИСУСА ХРИСТА, Его авторитет, Его учение и Его Благую Весть.

"Говорящий сам от себя ищет славы себе; а кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен и нет неправды в Нем". (Ин. 7.18).

Оказывается, даже свободолюбие может быть прикрытием ненависти к русскому народу. А. Назаров цитирует удивительное мнение своего оппонента, — "Не "национальное возрождение", а борьба за Свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей будущего" (с. 256). Это мнение "удивительно" потому, что оно — во всяком случае, в том виде, в каком приведено А. Назаровым и передано здесь, — абсолютно лишено смысла. Нельзя бороться за слух, но отказываться бороться за уши. Борьба за свободу и духовные ценности и есть борьба за национальное возрождение. Разделять их можно лишь исходя из крайней недобросовестности, либо заблуждаясь, как — увы! заблуждались некогда весьма многие...

По этому поводу позволю себе еще раз обратиться за помощью к Г.П. Федотову и процитировать уже упоминавшуюся его статью о Пушкине. Г.П. не просто вскрывает глубину пушкинского гения, но исключительно точно и тонко намечает контуры того раскола, той прискорбной дезориентации, которая разорвала наше общество после смерти великого поэта. Конечно, Пушкин, пишет Федотов, "никогда не был политиком (как не был ученым историком). Но у него был орган политического восприятия в благороднейшем смысле слова (как и восприятия исторического). Во всяком случае, в его храме Аполлона было два алтаря: России и свободы. Свобода и Россия — это два метафизических корня, из которых вырастает его личность. (...) Замечательно: как только Пушкин закрыл глаза, разрыв империи и свободы в русском сознании совершился бесповоротно. В течение целого столетия люди, которые строили или поддерживали империю, гнали свободу, а люди, боровшиеся за свободу, разрушали империю. Этого самоубийственного разлада — духа и силы — не могла выдержать монархическая государственность. Тяжкий обвал императорской России есть прежде всего следствие

этого внутреннего рака, ее разъедавшего". (Г.П. Федотов, *op. cit.*, с. 243—244).*

Что же это за путь, который нам "давно указан"?

Путь этот — покаяние и возвращение ко Христу. "Призыв к национальному возрождению есть призыв к возвращению в лоно Истины", — сказано у А. Назарова (с. 289). Всякий россиянин, желающий действительного и действенного добра своему народу, не может не подписаться под этими словами.

* "Державин пел "царевну киргиз-кайсацкие орды", а Пушкин, последний певец Империи, предсказывал, что имя его назовет "и ныне дикий тунгус и друг степей калмык", — пишет Г.П. Федотов в другой своей статье ("Судьба империй"). — Кому из поэтов послепушкинской поры пришло бы в голову вспоминать о тунгусах и калмыках? (...) После Пушкина, рассорившись с царями, русская интеллигенция потеряла вкус к имперским проблемам, к национальным и международным проблемам вообще. Темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоиступления". (Г.П. Федотов, *op. cit.*, с. 187). Говоря об одном из аспектов трагического разрыва и последующей вражды, в статье "О гуманизме Пушкина" Г.П. поясняет, что "в послепушкинской России Лермонтов и Гоголь отказались от славы и этим нанесли Империи (т.е. идее русского национального царства — А.М.) первую смертельную рану" (с. 271). В. Розанов пишет то же, но еще резче: "Разнообразный, всесторонний Пушкин составляет антитезу к Гоголю. (...) Пушкин есть как бы символ жизни: он — весь в движении, и от этого-то так разнообразно его творчество. Все, что живет, — влечет его, и подходя ко всему — он любит его и воплощает. Слова его никогда не остаются без отношения к действительности. Ничего напряженного в нем нет, никакого болезненного воображения или неправильного чувства. (...) Пушкин научает нас чище и благороднее чувствовать, отгоняет в сторону всякий нагар душевный, но он не налагает на нас никакой удушливой формы. И, любя его поэзию, каждый остается сам собою. Все это и делает его поэзию идеалом нормального, здорового развития. (...) Только гений не может быть губительным для гения, и именно — гений другого, противоположного типа. Известно, как затосковал Гоголь, когда безвременно погиб Пушкин. В это время "Мертвые души" уже выросли в нем, но они еще не появились, а того, кто последующими своими созданиями мог бы уравновесить их, — уже не стало. Он знал, он не мог не знать, что он погасит Пушкина в сознании людей, и с ним — все то, что несла его поэзия". (В. Розанов. Легенда о Великом Инквизиторе. СПб, 1906, с. 255—257). Соображения эти представляются крайне важными, хотя, разумеется, русская духовность и общественность прошлого столетия не ограничивается Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, относящимися, однако, к числу ее центральных фигур. Тот факт, что между стремлением к политической свободе и признанием необходимости национального возрождения в нашем обществе до сих пор существует пресловутый разрыв, объясняется нашей глубокой незрелостью, ибо все "сливки" из всех сословий нашего общества были физически уничтожены или изгнаны. Мы же думать, верить, надеяться и любить только-только начинаем.

Спросят: в чем же нам каяться? Как, неужели не в чем? Россию ругать, оказывается, всегда есть за что, а как себя... Неужели и это следует разжевывать? Разве не написано у того же А. Назарова, что "русская душа всегда знала свой грех"? Разве нашим академикам и продавцам, колхозникам и бухгалтерам, фабричным рабочим и свободным художникам, инженерам и стюардессам не в чем каяться? Не в чем каяться ни военным, ни нашим ученым, ни нашим бюрократам, ни работникам нашего политического сыска, ни нашим писателям?

Разве не грешим мы постоянно грехами наших отцов и дедов — неуважением и равнодушием как раз к отцам и дедам, поставлением своих эгоистических интересов выше всех прочих, ложью, ненавистью к ближним, завистью, ленью, перекладыванием ответственности с себя на других или на внешние обстоятельства, самовлюбленностью и самостью? Эти общечеловеческие грехи — разве не присущи они каждому из нас (не говоря уже о грехах против личной нравственной чистоты)?

Разве не грешим мы равнодушием к Истине, нетерпимостью к тем, кто мыслит иначе, поклонением сиюминутным кумирам моды или собственного эгоцентризма? Наконец, главный грех — разве не отступился наш народ в своем большинстве от Бога?

С этого и следует начинать наше покаяние — с признания собственных грехов, с сокрушения о них и с возвращения к Небесному Отцу. Абстрактное признание Высшего Разума — бесплодно. Абстрактное самокопание и самобичевание — только разрушительно. Подлинное очищение себя через покаяние, реальное возрождение в Иисусе Христе — вот единственный залог нашего национального спасения.

Основа национального возрождения — возрождение духовное. Основа духовного возрождения — смирение и покаяние, и не абстрактное "за народ", и не всенародное, подобно формальной "общей исповеди", практикуемой ныне вследствие нехватки храмов, а личное покаяние каждого из нас. Покаяние в национальных грехах следует начинать с покаяния в грехах личных. Общих для всей человеческой природы, характерных для нас лично, характерных для русской души особо.

Если мы признаем, что нам в целом присуща лень и пассивность, то бороться с этими грехами надлежит не в ближних и не в абстрактных "русских", а в самих себе. И не на словах, а на деле. Если мы настолько выросли, что смогли увидеть существовавший со времени петровских реформ трагический раскол российского общества

на "образованный слой" и "народ", то в своих собственных сердцах и именно в них придется нам не только покаяться за этот раскол (с какой бы стороны мы себя ни отождествляли в случае, если не доросли до понимания своей принадлежности обеим), но и постоянно выкорчевывать из собственной души скверну, приведшую некогда к этому расколу, — снобистскую спесь "образованных и интеллектуальных", презрение к низшим, злобную зависть к тем, кто "больше знает", к "чистеньким", стремление подменять работу и созидание самоутверждением и соперничеством, страх перед теми, кто в чем-то ниже или выше нас, враждебное недоверие ко всем, кто "другой".

Раз мы поняли, что нашему народу свойственна разобщенность, неуверенность в своих национальных идеалах и силах, отсутствие чувства национальной солидарности, что в конечном счете выливается то в некритическое самовосхваление, то (чаще) в ненависть к собственной стране, ее истории и культуре, то не следует ли нам самим научиться вначале чтить отца своего и мать свою — и тогда благо нам будет и долголетни будем на земле? Не следует ли нам самим сперва научиться не разделять всех на "они" и "мы", научиться чувствовать свою принадлежность России, научиться не бояться быть русскими?

Да простят мне еще один "случай из жизни", — очередное интеллигентское застолье, совсем недавнее. Люди от тридцати до пятидесяти лет от роду, вполне солидные члены общества, все "настроенные критически" — преуспевающий журналист, печатаемый философ-истматчик, крупный министерский чиновник, актриса, ряд научных работников различных гуманитарных и технических институтов, кое-кто из традиционных "подавантов в Израиль" — все эти люди целый вечер и целую ночь проговорили о России (почти только ругали). Пьянели, трезвели, пили чай с тортом, дремали, снова спорили, разошлись под утро. В общем, обычное дело. За эти почти десять часов ни один и ни одна из рассуждавших о русском характере, русской душе, русской мягкости и русской дезориентированности — никто, разглагольствуя о России, ни разу не вспомнил тот простой факт, что вокруг стола сидели русские люди, а следовательно — Россия, а следовательно, можно было бы отнести все сказанное к себе самим и не изрекать сентенции о чем-то внешнем, а разобрать собственные внутренние проблемы и недостатки. То плохое, что видим в России, — увидеть в себе.

Почему мы почти всегда — вещая за чаем или водкой, публикуя "отрывки, взгляды и нечто" — всегда говорим: "русский

народ"? Почему мы, как правило, стесняемся говорить: наш народ?

До тех пор, пока все мы, представители всех слоев и сословий, не начнем стремиться к взаимопониманию и внутренней сопричастности народу и его корням — никакого национального и социального возрождения страны не произойдет. Даже более того, страна начнет хромать, задыхаться и распадаться, ибо фальшивый стержень марксизма и советизма при настоящем общегосударственном испытании рассыпется в пыль, исчезнет как не бывало, а обращаться к "братьям и сестрам", к "великому русскому народу", как поневоле пришлось властям в сорок первом, будет бесполезно и поздно. Не к кому будет...

Наконец, последний вопрос. Каковы корни нашего народа? Ведь сознательно вернуться к ним, стать им причастными, открыть их росткам и побегам свои души можно, лишь зная природу и суть этих корней. Каковы же они, корни народа?

Не надо обманывать себя: конечно, это православие.

(Продолжение следует)

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ АКТИВНЫХ ХРИСТИАН В СССР

(Арест и суд над С. Маркусом)

Я обращаюсь к христианам всего мира с просьбой выступить в защиту моего мужа, Сергея Владимировича Маркуса.

Сергей — православный христианин, по профессии искусствовед, работал научным сотрудником московского музея "Коломенское". 09.01.84 г. он был арестован по обвинению в хранении и распространении материалов, "содержащих клеветнические измышления против советского строя" (ст.190-1 УК РСФСР). При обыске в нашей квартире в день ареста были изъяты несколько икон, нательные крестики и религиозная литература. Непонятно, какая же клевета может содержаться в этих материалах.

Сергей принял крещение в сознательном возрасте и сразу же активно включился в жизнь церкви. Быть христианином для Сергея означает связывать свою деятельность с проповедью Евангелия, открыть его другим. Профессия Сергея дала ему возможность организовать в музее, где он работал, молодежный клуб "Под шатром".¹ Здесь он вел занятия по изучению древнерусской культуры, и эти занятия могли стать для некоторых началом пути в церковь. Сергей читал лекции по древнерусской живописи в Москве и других городах перед самыми различными аудиториями. До сих пор мне доводится слышать слова благодарности и признательности от многих подчас незнакомых мне людей, побывавших на этих лекциях.

Все, что делал Сергей — чтение лекций, свободное дружеское общение, обмен книгами, — было пронизано подлинно христианским духом.

Арест моего мужа нельзя расценивать иначе, чем посягательство на право человека жить так, как подсказывает ему совесть и, в данном случае, как требует от него долг христианина.

В настоящее время Сергей содержится в одной из камер московской тюрьмы "Матросская тишина". Ход следствия не располагает к каким бы то ни было надеждам: шантаж и запугивание свидетелей — вот один из приемов, которым пользуются следственные органы для получения нужных показаний.²

¹ Ср.: храм Вознесения в Коломенском — одна из первых каменных шатровых церквей Московской Руси (1532).

² В конце июля Маркус был осужден на 3 г. ИТК общего режима (ЮПИ, 31.7.84).

Сергею 29 лет. Он отец четверых детей. На одном из допросов следователь Леонтьева без обиняков заявила, что государство сумеет лучше воспитать наших детей, чем такой отец. Их имена – Даниил (7 лет), Михаил (4 года), близнецы Никита и Агния (1,5 года).

Я надеюсь, что главы христианских церквей, священники, теологи и миряне – все христиане – не останутся безучастными к факту преследований за веру и к судьбе моей семьи.

18. 05. 84 г.

Алла Шахназарова (Маркус)

ИСПРАВЛЕНИЕ К № 141

На стр. 22 снизу помещена фотография о. Александра Шмемана в группе Движенцев. В надпись под фотографией вкралась ошибка: группа снята не в США, а на съезде Движения в Берхтесгадене в 1948 г. В центре стоит не митрополит Леонтий, а митрополит Серафим Ляде.

Из истории РСХД

В. А. ЗАНДЕР

ПУТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ*

В эмиграции Вы были тесно связаны с РСХ Движением. Что оно Вам дало, в чем была его особенность и недостаточность?

С Русским Студенческим Христианским Движением я познакомилась с первых же дней моего приезда в Париж. Перед своим отъездом из Константинополя я получила от американского Красного Креста, где я работала, ряд рекомендательных писем, в разные парижские учреждения. Одно из них было адресовано на общежитие для молодых девиц на Бульваре Сэн-Мишель. По приезде, я отправилась туда, где меня очень любезно приняла директриса, милейшая Мисс Уатсон, и предложила познакомиться с несколькими русскими пансионерками. Среди них была Милица Лаврова (в будущем жена Николая Михайловича Зернова). Встреча с ней была для меня знаменательной. Узнав, что я дочь священника и интересуюсь церковной жизнью, она посоветовала мне пойти 14 ноября на доклад проф. Карташева, который должен был состояться в зале русского посольства, на улице Гренель. Темой его доклада будет сообщение о состоявшемся с 1-го по 8-е октября съезде молодежи в Пшерове, близ Праги. Милица сказала, что она была послана туда делегаткой от парижского студенческого кружка, существующего с благословения владыки Евлогия с 1921 года. Съезд этот произвел на нее огромное впечатление. Я заинтересовалась ее словами и вместе с отцом отправилась на доклад. Зал посольства был переполнен. Были и старые, и молодые. В яркой и образной речи, иногда, в минуты особого вдохновения, закрывая глаза, Карташев рисовал картину будущего воссоздания русской общественности на основе вживания в церковную жизнь, ее традиции и устои. Для этого, говорил он, необходимо, прежде всего, создание за границей русской богословской школы, о чем уже ведутся серьезные разговоры. Необходимо также образование разного рода приходских организаций и небольших православных ячеек, которые могли бы впоследствии сплотиться в единое православное братство,

* Начало интервью см. в № 141 "Вестника РХД".

освящающее все уголки общественной жизни. С особым пафосом Карташев обрисовал происшедшую на Пшеровском съезде встречу и объединение старшего и младшего поколений русской эмиграции. Объединение это, по его словам, произошло на почве совместного желания поставить в основу своей жизни служение православной Церкви.

Перечисляя участников съезда, Карташев особо отметил имена недавно высланных из России философов: о.Сергия Булгакова, Н.А.Бердяева, С.Л.Франка, Н.О.Лосского, П.И.Новгородцева, Б.П.Вышеславцева. Съезд был организован на средства Всемирной Студенческой Христианской Федерации, представители которой также присутствовали. Деятельное участие в организации съезда приняли бывшие члены христианских кружков в России, Л.Н.Липеровский (будущий прот. Лев) и А.И.Никитин. Они оба участвовали в съезде ВСХ Федерации (апрель 1922 г.) в Пекине. По словам Карташева, съезд в Пекине оказался providенциальным для русской эмиграции в Европе: на съезде присутствовал председатель Федерации, д-р Джон Мотт, которому, по инициативе русской группы участников съезда, была подана докладная записка с просьбой о финансовой поддержке для организации богословского образовательного центра в Европе. Как владеющий английским языком, записку подал доцент владивостокского университета Зандер и получил от д-ра Мотта обещание в содействии этому делу. Карташев отметил энергию Зандера, недавно приехавшего с Дальнего Востока в Прагу, назвав его "христианским подвижником". Относительно предполагаемой богословской школы Карташев добавил, что д-р Мотт, возвращаясь с Пекинской конференции в Америку, был проездом в Праге, и Карташеву удалось с ним встретиться и передать ему, совместно с П.Б.Струве, аналогичную пекинской записку о необходимости создания богословской академии для подготовки будущего духовенства за рубежом.

Заканчивая свой доклад, Карташев горячо призывал присутствующих к созиданию пути христианского делания, т.к., говорил он, "мы Церковь воинствующая и призваны к строительству "града Божия" на земле и к преображению всей нашей жизни". Примером для этого могут служить те православные юго-западные братства, которые в продолжение 300 лет охраняли Православие в Литве, Польше и на Украине, во время гонений на него со стороны католиков. Дело созидания братств может стать делом всей русской молодежи, не подверженной, "как мы, старики", сказал он улыбаясь, политическим страстям и разным расхождениям и более способной к взаимному объединению.

Все слушали оратора затаив дыхание, меня тоже речь его глубоко захватила, а упомянутое Карташевым имя "Зандер" меня сильно взволновало. "Неужели это Лева?" — думала я, и, по окончании доклада, подошла к Карташеву и спросила его, не есть ли упомянутый им в докладе Зандер тот Лев Александрович, бывший гейдельбергский студент и лицеист, уехавший в 1918 г. из Петрограда в Пермь для чтения лекций по философии в университете? Карташев ответил утвердительно и удивился, что я его знаю. "Мы друзья с ним с юных лет", — сказала я и попросила дать мне его адрес. Карташев дал мне адрес проф. Зеньковского и сказал, что тот письмо ему передаст. Я тотчас написала по данному адресу и вскоре получила ответ от Левы с сообщением, что он, вероятно, скоро приедет в Париж и что парижские студенты (он упомянул и имя Милицы) хлопочут о визе для него.

В январе 1924 г., за всенощной в храме на улице Дарю, где я стояла перед иконой Казанской Божьей Матери, кто-то позади тихо окликнул меня по имени. Я оглянулась. Это был Лева Зандер.

Вместе с ним приехал из Праги, тоже выехавший с Дальнего Востока, доктор медицины Лев Николаевич Липеровский, секретарь пражского студенческого христианского объединения. Они оба с энергией взялись за собиранье в Париже русской молодежи для посильного ее ознакомления с Православием. Зандер пробыл в Париже весь январь 24 г. и прочел ряд докладов в зале посольства ("Заветы Достоевского", "Путь к Церкви", "Бог и Мир"), читал у студентов об-ва изучения славянских культур, на университетском празднике св. Татьяны и, по-французски, в помещении Франц. Студ. Федерации на улице Жан де Бовэ, "О русской идее у Достоевского" и "О Православии".

Вот впечатление одной из слушательниц о лекциях Л.А. Зандера: "При первом взгляде он на меня особого впечатления не произвел. Но вот он заговорил о Достоевском... До него я ничего никогда подобного не слышала. Впечатление было потрясающим. Впервые в жизни я поняла силу человеческого слова". Я была счастлива за своего друга.

Я тогда работала в бюро одного французского журнала мод. Был тогда 8-часовой рабочий день, с 9-ти утра до 7-ми вечера, даже по субботам, но полагалось 2 часа перерыва занятий на время завтрака. Тогда Лева заходил за мной, по дороге мы где-нибудь спешно закусьивали и шли осматривать Париж, пользуясь этим временем для беседы.

Лева сообщил мне многое из своей дальневосточной жизни, о поездках в Пекин и о своей работе с университетской молодежью.

А я рассказала ему о всех переживаниях за 6 лет нашей разлуки. Не преминула я и сводить его к св. Женевьеве, прославленной до разделения православной Церкви и католической. Знакомство мое с св. Женевьевой, покровительницей Парижа, произошло таким образом. В один из первых дней моего приезда в Париж поиски работы завели меня в ту часть города, где стоит посвященная ей церковь Сент-Этьен-дю Монт, вблизи Пантеона. Молитвенная атмосфера, царившая в церкви, с множеством свечей у ее саркофага (из которого во время французской революции были выброшены в Сену ее мощи), произвело на меня неизгладимое впечатление. Камень, на котором она молилась, сохраняется в раке, а частица мощей хранится в кивории и, как мне сказали, выносятся в день ее памяти для поклонения. Она является покровительницей Парижа и своими молитвами охраняла его от нашествия варваров. Горячо помолвившись там, я в скором времени устроилась на работу и с тех пор стала считать ее и своей покровительницей.

“И ходим с тобой по церквам”... — читал мне по дороге Лева стихи Марины Цветаевой...

Приезд в Париж Зандера и Липеровского привлек новых лиц в студенческий кружок, спорадически собиравшийся с 1921 г. В кружке деятельное участие принимал, кроме медички Милицы Лавровой, студент-филолог Петр Евгр. Ковалевский. Кружок являлся стержнем, вокруг которого собирались студенты для беседований на религиозные темы. Но по причине загруженности университетской работой деятельность кружка не могла быть систематической. Приезд моего отца разрешил многие трудности. Еще на докладе Карташева, на котором он присутствовал, сидя где-то в задних рядах, некоторые молодые люди обратили на него внимание по его виду, несколько отличавшему его от местных священников. Ряса, сшитая из американского одеяла, придавала ему захолустный вид. Широким, благоговейным жестом благословлял он к нему подходивших, и я слышала, что некоторые спрашивали друг друга: “Не из России ли приехал этот незнакомый батюшка?” Милица Лаврова, познакомившись с моим отцом, стала просить его посещать студенческий кружок. Но в это время отец был назначен разъездным священником для обслуживания разных провинциальных заводских центров, где русские рабочие начали организовывать православные церкви.

Отец попросил о. Леонида Колчева помочь в этом деле, и о. Леонид провел несколько беседований на тему о символике православного богослужения с небольшой группой молодежи, собиравшейся в мансарде многоэтажного дома вблизи храма на улице Дарю. Эти беседования

вскоре должны были кончиться, т.к. о. Леонид в скором времени отбыл с семьей в Копенгаген, по приглашению имп. Марии Федоровны, знавшей его по Крыму. Тогда человек семь из кружка стали собираться в нашей гостиничной мансарде, где руководство беседами взял на себя мой отец. Несмотря на тесноту помещения, недостаток стульев, места всем хватало. Сидели на полу, на кроватях. Вот что пишет об этих собраниях Милица: “Большим счастьем для нас было присутствие и благословение священника. Отец Александр Калашников любовно и горячо, кротко и смиренно освещал и укреплял наши стремления. Атмосфера домашнего уюта, несмотря на скудость гостиничной обстановки, теплющаяся перед иконами лампадка, ласка матушки Евгении Константиновны помогали взаимному общению, сплачивали нас в одну семью”.

Еженедельные собрания, начинавшиеся в 8.30 вечера, посвящались изучению богослужения. После молитвы о. Александр читал по-славянски Евангелие. Читал он просто, благоговейно, вникая в каждое прочитанное слово. Запомнилось два Евангелия от Иоанна о явлениях Христа по воскресении. “Сущу позднее... и дверем затворенным, явился Господь собранным ученикам и глагола им: “Мир вам!” (Ио. 20, 19). Быть может, впервые касался этот “мир Христов” сердца здесь присутствовавших, т.к. были среди членов кружка пришедшие от атеизма и с детских лет не подходившие к Чаше. Ярко запомнилось также другое явление Христа ученикам при море Тиверийском (Ио. 21, 1–5), когда Он спросил их: “Дети, имате ли что снедное?” И ученики отвечали Ему: “Ни”. Евангельская картина передана здесь с изумительной реальностью, в ярких деталях. И это “ни” воспринималось, как наше собственное оскудение и духовное обнищание. А последующие слова Христа: “Приидите, обедуйте”, — радостно звучали как призыв к Евхаристическому единению.

Среди новых членов кружка оказался особенно активным Павел Николаевич Евдокимов. Вместе с ним мы начали разрабатывать программу нашей будущей работы. Он считал нужным расширение нашего маленького кружка, вел переговоры с представителями Французской Христианской Федерации и с их секретарем Абелем Альфонсовичем Мироглио, говорившим по-русски, с Сюзан де Дитриш и с Наташей Брюнель (будущей женой Евдокимова), с помощью которых нам была предоставлена для наших расширенных собраний зала Федерации, на улице Жан де Бовэ. Но наш маленький первоначальный кружок продолжал собираться в нашей мансарде.

О. Александр мудро руководил нами. Говоря о христианском делании, он сравнивал нашу жизнь со “ступеньками”, по которым

христианин поднимается к созиданию в своем сердце Царства Божия. "Пусть малой будет вначале эта ступенька, но это будет уже ступенька перехода от слов к делу", — говорил он. "Отец Александр был не столько "руководителем", сколько любящим отцом нашей небольшой группы ищущих православных студентов", — вспоминает о нем Петр Ковалевский. "Уверенность о. Александра в необходимости нашего делания поддерживала его вера в то, что настало время воскресения русских исторических братств, и он часто подчеркивал нашу преемственность от них. Все наши житейские недоразумения, — пишет Ковалевский, — решались о. Александром в свете христианской любви. От всего его облика веяло духовным спокойствием и миром, сглаживавшим наши страсти и недоумения". "Лицо батюшки, — вспоминает другой его духовный сын, — всегда приветливо, беседа его всегда проста, как с близким человеком. Забота его никогда не навязчива, смирение его не знало границ, а святое благодушие, поистине Серафимово, не покидало его и при перенесении неприятностей. Он никогда не искал себе чести и славы и никогда не настаивал на своем. В беседе или на исповеди, он оставался как бы в тени, становясь лишь только свидетелем, отдавая все в руки Божии. "Помолимся", — говорил он, когда приходили к нему для разрешения жизненных вопросов, и, уходя после беседы с ним, мы уносили в душе мир и успокоение. Своих духовных чад он вел незаметно для них самих". По приезде в Париж о. Александр был причислен к причту кафедрального собора св. Троицы и св. Александра Невского на улице Дарю. И мы часто собирались в нижней церкви, где о. Александр служил или молебен, или акафист св. Троице.

"На огонек не зовут, а на огонек приходят, — говорил нам перед своим отъездом о. Леонид Колчев, — не смущайтесь вашими слабыми силами, и Господь вам поможет". И действительно, "на огонек" зажженной нами малой свечи начали приходиться на организуемые нами воскресные собрания в зале Французской Федерации. У нас завязались дружеские отношения и с членами Федерации, перед которыми приходилось защищать и отстаивать Православие, а не интерконфессиональное ведение собраний, как это было заведено у них в их кружках и на съездах. Особенно помню мои споры с Сюзанн де Дитриш, потом согласившейся с нашей точкой зрения, и с мадемуазель Бидгрэн. Сторонниками нашими среди французов были А. Мироглио и Наташа Брюнель, с которой я очень подружилась.

Но на личные разговоры приходилось, поздно вечером, урывать время в метро или на улице, после церкви, или провожая друг друга после собрания. В малом нашем кружке, собиравшемся по четвергам,

после обычных наших занятий по изучению Евангелия и богослужения, мы подготавливали программу для воскресных собраний, а иногда возникали и другие вопросы. Особенно волновали нас вопросы аскетического характера: о том, допустимо ли стремление к личному счастью, о том, возможно ли сочетание браком со служением Христу, оправдано ли светское искусство перед ликом красоты духовной, а также — не является ли искусительным изучение философии. Некоторые члены нашего кружка настроены были максималистически и, со всей пылкостью и целостностью юношеской настроенности, отстаивали точку зрения полного отрешения от всего личного и житейского. Двое из представителей этого направления через некоторое время приняли постриг, один уехал на Афон, а другой, постриженный в Париже владыкой Евлогием, спустя несколько лет, после настоятельства в одном храме в провинции, уехал миссионером в Индию. Но оба продолжали поддерживать с нами письменную связь. Время от времени Антон Влад. Карташев приглашал нас к себе (жил он тогда недалеко от русского посольства, на улице Гренель) и за чайным столом беседовал с нами о нашей работе и наших запросах. "Нет вам визы на затвор", — говорил он и продолжал развивать свою теорию маленьких братств. "Были бы братья, а братство будет", — предрекал он с вдохновением. Я начала изучать литературу по истории юго-западных братств и составила небольшую компилятивную работу на эту тему.

Мы долго и многосторонне обсуждали в нашем кружке вопрос о том, сможем ли мы, ничтожные и слабые, в какой-то мере воплотить в жизни идею православного братства, и пришли к заключению, что, с Божьей помощью и совместными усилиями, мы должны последовать примеру исторических русских братств, посвящавших свою деятельность трем целям: соблюдению евангельских заповедей, сохранению православных догматов, традиций и предания и посылному "братотворению". Мой отец не только сочувствовал нашим стремлениям, но считал, что будущую роль создающегося братства нельзя ограничивать духовным созревaniem отдельных его членов, а стараться сделать его той ответственной ячейкой Русского Христианского Движения, которая должна сохранять в нем православные традиции. После усердной молитвы, мы решили посвятить наше зарождающееся братство имени Пресвятой Живоначальной Троицы.

Но пока наше решение было негласным и обсуждалось только в нашем маленьком кружке. Но мы не забывали и нашей ответственности за открытые собрания расширенного кружка. Во время пребывания двух Львов в Париже, нам пришла мысль устроить совместное

собрание обоих кружков за городом, и, в одно из воскресений, после обедни, захватив еды, отправились вместе с о. Александром в Шавильский лес... "Никогда не забуду этого воскресного дня", — писала нам Наташа Брюнель, которая была приглашена нами вместе с А. Мироглио. "Эти переживания во время молитвы в лесу были некими символами ожидаемого нами будущего". И, как пишет Наташа, чтение акафиста Воскресению Христову под серым, пасмурным, дождливым небом и внезапно прорвавшийся сквозь тучи солнечный луч, осветивший окруженную березами небольшую поляну, на которой мы собрались, были какими-то символами, данными нам в этот день воскресения. Этот день был неким поворотным моментом в жизни обоих кружков. Уже трудно стало проводить воскресные дни, не собравшись вместе: или в нижней церкви в 5 часов пополудни на улице Дарю, где о. Александр обычно читал акафист, а мы все пели, или в зале Федерации на вечернем собрании открытого кружка, где бывали приглашенные и по своему почину приходившие гости.

Львы уехали в начале февраля 1924 г., а через две недели мы получили извещение, что в Праге, под председательством Василия Васильевича Зеньковского, должен состояться съезд Бюро объединенных Русских Студенческих кружков, организуемый после конференции в Пшерове, и нам предлагали послать на него двух представителей. Мы единогласно выбрали Милицу Лаврову и Петра Ковалевского. Они привезли нам сведения о выработанных Бюро задачах, возлагавшихся на местные кружки. Пшеровский съезд, по словам Зеньковского, был поворотным пунктом, повернувшим Движение к Православной Церкви и к задачам сохранения и воплощения в жизнь ее заветов. Бюро наметило устройство следующего общего съезда Движения снова в Пшерове, а подготовку местного съезда во Франции возлагало на нас. По возвращении в Париж, Петр Ковалевский совместно с А. Мироглио и Наташей Брюнель принялись за приискание соответствующего для съезда помещения, каковое нашлось в Нормандии, где графиня де Монмор предоставила для этого свой старинный замок в Аржероне. Вся разработка программы, приглашение лекторов и остальные заботы легли на плечи парижского православного кружка.

Приближался праздник Пасхи, и владыка Евлогий, ввиду невозможности вместить в храме на улице Дарю всех собирающихся к Пасхальной заутрени, возложил на нас задачу составления хора для проведения службы в палатке, в саду храма. Мы пригласили помочь нам в этом членов константинопольского Харбийского хора, с которыми мы с сестрой продолжали иметь связь. Заутреня прошла с большим вдохновением и еще больше нас сплотила.

Перед праздником Троицы 8 человек нашего маленького кружка, после совместного Причащения, принесли обет молитвы друг за друга и посильного служения Православной Церкви. Так совершилось в жизни кружка то событие, которое определило его существование на всю жизнь, претворив его в Братство.*

К этому времени (весне 1924 г.) наша семья переехала в Клармар (парижское предместье), где мой отец, по предложению кн. Гр. Ник. Трубецкого, с которым он был знаком еще в России, и с благословения владыки Евлогия, стал настоятелем сооруженной в усадьбе князя маленькой церкви во имя равноап. Константина и Елены. Я оставила свою утомительную работу в бюро французского журнала дамских мод и стала учительницей в одном русском доме. Братство стало собираться у нас, в кламарской квартире. В Клармаре же организовался и не вошедший в Движение так наз. "Клармарский кружок" (будущее Фотиевское братство), с которым мы иногда устраивали совместные собрания.

С 26-го по 31-е июля состоялся столь ожидаемый нами Аржеронский съезд, первый православный съезд парижского Русского Христианского Студенческого Движения. В работе съезда приняли участие о. Александр Калашников, о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, А. В. Ельчанинов, Л. А. Зандер, Л. Н. Липеровский и, в качестве гостей, Г. Г. Кульман (представитель YMCA), кн. Г. Н. Трубецкой, М. А. Каллаш и Т. В. Никаноров. Председателем съезда был П. Н. Евдокимов (секретарь парижских кружков), а секретарем съезда — приехавший из Праги Л. А. Зандер. В одной из зал замка был сооружен походный храм с престолом, жертвенником и раздвигавшимся на шнурках матерчатым иконостасом. О. Александром был отслужен молебен и окроплены святой водой все жилые комнаты замка. После приветственного слова П. Евдокимова, открывшего съезд, был заслушан доклад о. Александра на тему: "Как мы пришли к идее Братства?" "Перед всеми членами нашего малого кружка вставал тот же вопрос, — говорил о. Александр, — который кающиеся и ищущие правого пути люди задавали Иоанну Крестителю: "Что же нам делать?" После нескольких собраний, евангельских чтений, совместной молитвы

* Из 40 человек, составлявших в продолжение нескольких лет, до смерти в 1941 г. о. Александра, Братство св. Троицы, осталось в живых к 1983 г. еще 15 человек. Братство дало Православной Церкви 10 пастырей, дьякона, нескольких чтецов и одного богослова, окончившего Богословский Институт в Париже. Многие его члены активно работали в РСХ Движении и были его секретарями.

мы осознали, что единственный ответ, который может удовлетворить наши стремления, мы можем почерпнуть только из православной Церкви. Здесь мы находим неиссякаемое богатство духовного знания и опыта, запечатленных как в святоотеческой литературе, так и в практике Церкви. Но путь оправославления, своей строгостью, может вначале отпугнуть неподготовленного современного человека. Ибо наша современная жизнь настолько не совпадает с церковным идеалом, что осуществление его кажется не только трудным, но невозможным. Поэтому перед нами встает вопрос о христианстве как проблеме, о формах его воплощения в жизнь, доступных нашим слабым силам и возможностям. Между "миром сим" и миром горним нет компромисса, однако, резкое их разграничение можно видеть только в моменты обостренной борьбы этих двух начал, или окончательной дифференциации мировых сил. В обычное время в церковной практике мы встречаемся с началом постепенности, т. к. идеал сразу недостижим, и только последовательное восхождение по ступеням совершенствования приближает к нему. Самым главным является стяжание любви Христовой и благодати Духа Святого, а остальное только средства, изменяющиеся в зависимости от человека и обстоятельств. Поэтому перед нашим кружком стоял совершенно конкретный вопрос о том, как нам сочетать нашу земную жизнь с учением Христовым. Христианство непознаваемо вне опыта жизни, а жизнь наша по необходимости связана со стихиями мира сего. Одиноким человеком с трудом противостоит им, но насколько сильнее становится он, когда он связывает свои стремления вместе с другими в единстве веры, дисциплины и церковной практики. Этим именно целям и призваны служить братства. Братство является школой, с определенной последовательностью проводящей принцип "могий вместити да вместит". Обязанности, взятые нами на себя по обету, являются очень скромными, однако и первый шаг имеет значение, и он есть вступление на первую ступеньку той лестницы, которая ведет в горнее. Пока наше Братство во имя Живоначальной Троицы и Ее тройческого единства не имеет еще утвержденного устава и представляет из себя только зачинающийся организм. Принятие обета является внешним выражением и внутренним укреплением своего решения жить в братстве и с братством. В связи с этим Братство выработало некоторые правила для вступающих в Братство и молебный чин при вступлении в него. А цель его ясна: оно существует для того, чтобы помогать своим членам в осуществлении ими практического христианства".

Доклад вызвал оживленный обмен мнениями, причем центральной темой обсуждений был самый факт возникновения и существования

Братства. А. В. Ельчанинов сказал, что мы не можем сравнивать себя с первохристианами, на которых изливались потоки благодати, но проблема перед нами та же, хотя мы к ней и не подготовлены и духовно распаяны, и та форма, в которую естественно должна была бы укладываться христианская жизнь и работа — приход — фактически отсутствует. Поэтому особенно значительным является возникновение подобного братства.

Но оказалось, что отношение к Братству было далеко не единомысленное. Критические замечания исходили, главным образом, от Кламарского кружка, члены которого находили, что нельзя начинать с организации готовой формы братства, нельзя также связывать его членов обетом, т. к. в деле братского общения не должно быть принуждения, и что если братство ставит себе только цель, не выходящую за пределы нашей обычной церковной жизни, то оно бесполезно. И когда на вечернем заседании были заслушаны сообщения с мест, то представитель Кламарского кружка сказал, что члены его ставят себе целью как изучение богословских вопросов, догматики и учения святых отцов, так и борьбу с уклонами веры и мысли и критическое к ним отношение.

Резюмируя все высказывания, В. В. Зеньковский указал на то, что кружковая работа не может быть шаблоном для религиозного развития всех и каждого, что необходима величайшая индивидуализация и полная свобода.

Следующий день начался с литургии, совершенной прибывшим накануне на съезд владыкой Евлогием в сослужении о. Сергия Булгакова и о. Александра, а после литургии был отслужен молебен св. Живоначальной Троице.

Вечернее собрание того же дня, 27-го июля, было посвящено слушанию и обсуждению моего (В. А. Калашниковой) доклада "Об исторических юго-западных братствах XVI, XVII и XVIII вв.". (Этот доклад был потом напечатан в 1925 г. в журнале "Духовный Мир Студенчества" и издан отдельной брошюрой). В своей рецензии на брошюру Константин Струве (сын Петра Бернгардовича, впоследствии ставший монахом, архим. Саввой) пишет: "Эта небольшая, хорошо и любовно написанная брошюра освещает идею православного братства в историческом аспекте". К. С. пишет далее, что у многих русских людей существовало недоверие к самой идее братства, но что "В. А. Калашникова ее восстанавливает, приоткрывая ее в ее конкретном проявлении. Появление братских союзов в России автор относит к 1159 г., но выступление "церковных братств" на поприще истории заметно лишь с 1439 г. Процветали они, главным образом, в юго-западном

крае, где шла упорная борьба православных с поляками-католиками и униатами. Констатирование этого должно вести к заключению, что для организации братства мало одних добрых намерений, а потребно живое, религиозно воспринимаемое делание во Христе". "Мы можем предполагать, что немалую роль в успехе этих братств брали на себя их организаторы", — заключает К. С.

После доклада В. А. один из членов Клармарского кружка признал, что его слова о бесполезности Братства были ошибкой и что доклад вполне убедил его, что братская работа является наисущественнейшей задачей нашего времени.

При обсуждении доклада (в заключительных словах которого я высказывала убеждение, что не погасли в душах русских молодых людей юные религиозные порывы, и все вместе они, по примеру древних братств, могли бы засветить общую свечу перед престолом Божиим) А. В. Карташев сказал, что братства должны быть осуществлением и исполнением прихода, который для многих задач слишком объемист. "Форма братства абсолютно канонична, и в этом отношении надо отбросить всякие сомнения, но пользоваться этой формой надо сообразно ее природе. Братство есть духовная семья и строится поэтому на основании семейных связей. Поэтому чем теснее и интимнее братство и, следовательно, чем больше отдельных братств, тем лучше. Братство должно быть маленьким, смиренным, домашним — духовной конуркой, постелькой, в которой можно согреться".

О. Сергей Булгаков подтвердил, что не надо смущаться небольшими масштабами работы. "У каждого из нас, — говорил он, — имеется целый мир — его собственная душа, которая отдана ему в его бесконтрольную свободу для созидания самого себя. Здесь ответ на вопрос: "Что нам делать?" Удаляясь в свою внутреннюю келью, человек видит в ней жизнь иную, чем мир, и в этом смысле каждый христианин есть инок, и это иночество объединяет нас в некий общий монастырь, членами которого являются наши домашние местные церкви. Срастание наших домашних братств уже рождает в нас мощь христианского мироощущения".

31 июля, после накануне отслуженной всенощной и исповеди, мы совместно приступили к Причащению, и это вкушение от Евхаристической Чаши дало нам, для некоторых, может быть, впервые, наше соборное церковное единство.

На заключительном собрании о. Александр сказал: "Мы работали каждый над своей маленькой задачей, и вот, эта работа стала предметом столь глубокого, вдумчивого и серьезного обсуждения. Во время этих 4-х дней мне неожиданно вспомнилось то впечатление,

которое я испытывал во время своей недавней жизни на Лемносе. Мы жили в палатках и сидели ночью в темноте, как кроты. Но иногда нас наводил свой прожектор проходящий корабль, и мы внезапно оказывались облитыми лучами яркого света, и тогда — с какой яркостью и отчетливостью выступала вся убогость нашей жизни! На этом съезде, — говорил о. Александр, — наше Братство явилось на суд своих братьев. Инстинктивно мы поставили более значительные и важные вопросы, чем думали. Однако все выслушанные доклады выросли из наших конкретных нужд, и ответы на них жизненны и применимы к нашей работе. Многие сомнения разрушились, и было высказано, что братство, как живая форма церковной жизни, — своевременно и нужно, и что мы не имеем права пренебрегать миром, который ждет от нас нашей работы. Поистине, мы пережили светлый праздник. Понесем же зажженными наши свечки после этой Христовой заутрени".

Пение "Христос Воскресе" явилось естественным выражением общего переживания всей радости съезда.

В последующие годы нас ожидали, как в Братстве, так и в Движении, многие трудности, разногласия и расхождения, но память о том, что Евхаристическая Чаша является для нас единственной возможностью нашего спасения, поддерживала и укрепляла нас в жизни.

Первый Аржеронский съезд явился для меня как бы прототипом остальных движенских съездов, наводящих, по словам о. Александра, лучи прожектора на наши слабости, недостатки и ошибки, а также указывающих нам путь, по которому следует идти. Как Аржерон, так и остальные движенские съезды, дали мне почувствовать радость общения с другими людьми, даже не всегда сходными со мной по своей психологии, но солидарными в главном. Но это не всегда чувствовалось всеми движенцами, особенно живущими вдалеке от Парижа. И это заметил приехавший в 1926 г. в Париж и принявший на себя духовное руководство, как "священник Движения", о. Сергей Четвериков. Он разослал всем кружкам, и нашему Братству в частности, свое послание, датированное 10-м октября 1928 г. Он пишет в нем: "От многих членов Движения мне приходится слышать, что они нередко чувствуют себя очень одинокими, не получают необходимой нравственной и религиозной поддержки от других членов Движения, от других кружков, от всего Движения вообще и от центра Движения в частности. Они не видят в Движении живого чувства единства, которое бы одушевляло и ободряло их. За краткими одушевленными моментами общих Съездов следуют долгие промежутки духовного ослабления и одиночества. От этого они падают духом,

опускаются. Чувствуется необходимость принятия на себя обязательных правил, некоторого обета, который укрепил бы волю и регулировал бы духовную жизнь. Одной из важнейших причин такого положения дела является, без сомнения, отсутствие в нашем Движении связующего элемента постоянной друг за друга молитвы. Если бы каждый член Движения знал, что в центре Движения совершается постоянная молитва, как о всем Движении, так и о членах его, то это воспринималось бы членами Движения как огромная и радостная поддержка". И о.Сергий предложил всем членам Движения взять на себя добровольно исполнение полагаемого Церковью утреннего и вечернего правила, которое, однажды на себя принятое, становится обетом. Затем о.Сергий предложил желающим образовывать Содружество, в которое и вступили многие члены Движения, особенно многочисленные в Прибалтике. Связь, скрепившая вместе членов Содружества, оказалась настолько прочной, что существует она до настоящего дня между разбросанными по белу свету содружниками, как существует она и в нашем Братстве. Особенно дала она себя почувствовать, когда была устроена на бульваре Монпарнасс № 10 своя движенская церковь во имя Введения во храм Пресв. Богородицы. В Духов день 1926 г. она была освящена, а в 1935 г. была перенесена на ул. Оливье де Серр. От братства была в эту церковь написана мной икона Живоначальной Троицы, которая до сих пор висит в алтаре над престолом.

В.В.Зеньковский ("бессменный" председатель Движения и будущий отец Василий) писал: "Хочется от всей души поблагодарить Вас, что Вы содействовали моему вступлению в Братство. Каждый день я ощущаю себя в новой семье, и мне так хорошо на душе, ибо и без особенной психологической близости уже дана иная, прочная, крепкая близость. И как я жалею, отчего я так поздно вступил в Братство. — (Он пишет это в 1926 г. из Праги, через два года после первого Аржеронского съезда). — И есть особое утешение и питание, есть особая тайна и милость Божия, что наше Братство — во имя св. Троицы. Когда я входил в него, я об этом не думал, но войдя в него, не раз думаю об этом. Тайна св. Троицы — тайна единосущия, — и нам дано частичное единосущие, заложенное в человеке (софийность его), в Церкви раскрывающаяся. И я особенно радуюсь, что наше Братство связало себя именно с тайной единосущия — самым основным и важным для нас откровением. Думаю, что хорошо, что "романтика" братской идеи, первые восторги отошли, ибо нужно, чтобы на место ее пришла спокойная, ничем не смущающаяся, трезвая любовь. Братство имеет неоцененные заслуги перед всем Движением. Первый шаг сделан,

и мысль наша "движенская" встала на рельсы "братства". Реальность Братства, сила и значение братского общения в молитве так ясна, что хотелось бы сообщить тем, кто этого не чувствует, именно это сознание. И в той форме, в какой Братство живет, оно есть огромный и ценный факт. Я люблю Братство как-то особенно свежо — это ведь новая страница в моем "движении" в Движении, это моя первая любовь на пути к "братству", но сверх любви я "объективно" ощущаю "капитал" братства, и так хотелось бы, чтобы он рос!" В письме от 1927 г. из Америки он пишет моему отцу: "Может быть я утопист, но новая моя "утопия" покоится на создании небольших братств и на их объединении в некую общину". В этом высказывании он был единомыслен с А.В.Карташевым.

Эта мысль в Движении не нашла себе отклика. Движение живет разрозненно, не скоординированно, и в этом я нахожу его недостаток.

Особый этап в нашей с мужем движенской жизни составляет трехлетнее пребывание в Прибалтике, где в Латвии и Эстонии муж состоял секретарем РСХД (с конца 1929 до осени 1931 г.). Там нам открылось широкое поле деятельности, и там особенно чувствовалась близость России. Живя в Печорах, мы иногда подходили к границе между Эстонией и СССР, и нам удавалось разговаривать с работавшими в поле крестьянами, но потом там были поставлены вышки с охранниками и крестьянам было запрещено подходить близко к границе. Ездили мы в Изборск, где сохранилась замечательная старая церковь с псковского стиля колокольной. Ходили и на "Труворову" могилу. Это был край, где "зачалась русская земля". Перед Пасхой говели мы в Псково-Печерском монастыре или в женском Пюхтинском, основанном о. Иоанном Кронштадтским. В обоих монастырях были нами организованы Съезды РСХД. Мы образовали также кружок по изучению иконописи, преподавать которую был приглашен из деревни Раюши старообрядческий иконописец Пимен Максимович Софронов. Иконописные кружки работали и в Риге, и в Юрьеве. Были организованы воскресные школы, педагогические кружки, кружки по изучению Евангелия и богослужения. В Риге вспоминается Московский Форштадт, где главным образом жило русское население, из которого многие работали на местном фарфоровом заводе Кузнецова. С Московским Форштадтом соприкасалась улица Тургенева, где было снято помещение Рижского студенческого объединения. Там устраивались елки, пасхальные розговни, готовились финансовые кампании. В Эстонии вспоминаются Черный Посад на Чудском озере, со старинными

избами, деревня Тайлово и село Калугеино, где была устроена летняя колония. Нам приходилось перекочевывать из Латвии в Эстонию, из города в город, из одной комнаты в другую. С благодарностью вспоминаю семью Белоцветовых в Риге, оказавшую нам особое внимание и заботу в первое время нашего пребывания в Латвии. Вспоминается также и добрейший Елпидифор Михайлович Тихоницкий, брат митрополита Владимира, к которому он ездил в Ниццу, чтобы испросить благословения на вступление в брак, а меня просил благословить его иконой. Он был убит при вступлении в Ригу большевиков. Вечная ему память! В Ревеле (Таллине) кружок собирался под собором; в Юрьеве (Тарту) в жизни Движения принимал деятельное участие о. Анатолий Остроумов и Клавдия Николаевна Бежоницкая; в Нарве однажды, после собрания Движения, мы провели с некоторыми его членами чудесную майскую ночь, гуляя по городу и слушая пенie соловьев. Любовались и древними башнями Иван-Города и Германом по обеим сторонам реки Наровы.

В Латвии, кроме рижских движенцев, помню еще некоторых из Режицы, Двинска, Валка. Некоторым движенцам после занятия Прибалтики Советами удалось уехать в разные страны, включая Америку, а другие были арестованы, и некоторые из них погибли. В числе последних был заменивший мужа по секретарству в Прибалтике Иван Аркадьевич Лаговский, преподававший раньше в Париже в Богословском Институте. Он был отправлен в Ленинградскую тюрьму, и были получены сведения о его кончине. Убиты были Татьяна Дезен и Николай Пенькин из Ревеля, Алеша Буковский и Исаевич из Риги — особенно активные члены Движения, о. Кирилл Зайц. Вечная память всем этим пострадавшим за веру движенцам!

Со многими движенцами из Прибалтики, частично там оставшимися, частично рассеянными по белу свету, я продолжаю быть в дружеской переписке до сих пор.

До нашего пребывания в Прибалтике большим событием в жизни Движения был организованный осенью 1925 г. съезд в Югославии, в женском Хоповском монастыре, куда насельницы Леснинского монастыря принуждены были перебраться во время первой мировой войны. Игуменьей монастыря была матушка Екатерина (граф. Ефимовская), светильник веры, большая молитвенница. Из-за несчастного случая у нее была ампутирована нога, но она сохранила и духовную бодрость, и свежесть мысли. Она была богословски образована и в Лесне вела большую педагогическую работу. Ее заветной мыслью было восстановление чина диаконисс, и на подготовительном съезде к собору 1917 г. она подала докладную записку по этому вопросу.

Написала также на эту тему несколько статей. Вопрос вызвал интерес и обсуждался членами собора, но революция прекратила дальнейшее его обсуждение. На Хоповском съезде она собрала у себя женщин участниц съезда и беседовала с ними о важности женского церковно-служения. На этой беседе присутствовал о. Сергей Булгаков и выразил несколько слов сочувствия по этому вопросу.

Тема эта меня живо затронула, и я несколько раз поднимала ее и в Париже, и в Прибалтике. В конце 40-х годов у меня появилась мысль организовать девичье общежитие в окрестностях Парижа для предварительной подготовки девушек к прислуживанию в церкви и сообщения им некоторых богословских знаний. Мы образовали комитет для осуществления этого предприятия, начали собирать средства для будущего "Дома русской девушки", но встретили много трудностей. Я обратилась за советом к о. Василию Зеньковскому, и мы вместе наметили другой план: устройство Женских Богословских Курсов. План этот встретил сочувствие у профессоров Парижского Богословского Института, и средства, собранные на "Дом девушки", были употреблены на открытие Женских Богословских Курсов. Они открылись в 1950 г. и просуществовали 20 лет. К этому времени начали принимать вольнослушательниц в Богословский Институт, где женщины имеют возможность получать богословское образование, и необходимость самостоятельного существования богословских курсов для женщин отпала. А изданными нами на ротаторе лекциями по богословию студенты Богословского Института пользуются до сих пор.

А то, что Движение мне в жизни дало, вытекает из вышеизложенного. Подтвержу еще, что оно дало мне много светлых моментов и радостных переживаний в связи с новыми встречами, с особым ощущением церковного и братского единения. А помимо всего остального, благодаря ему, я имела возможность встретиться с моим будущим мужем, Львом Александровичем Зандером, и вместе решить заключить нашу многолетнюю дружбу бракосочетанием. Свадьба наша состоялась вскоре после Аржеронского съезда, и венчал нас в Кламарской церкви о. Сергей Булгаков.

Гр. ПОМЕРАНЦ

СТИЛЬ ПОЛЕМИКИ

С большим опозданием — месяцев на 8 или на 9 — до меня дошел текст статьи А.И. Солженицына "Наши плюралисты" (Вестник РХД № 139). Одновременно читал выступление в Японии и на Тайване, поразил контраст. Японцев Александр Исаевич пытается понять и убедить. А плюралистов — и не пытается, только растоптать и стереть в порошок. Думаю, что через некоторое время опять придется объяснять, что его неправильно поняли. И что он вовсе не хотел сказать то, что он сказал:

"Преувеличением столичного диссидентства и эмиграционного движения отвратили внимание мира от коренных условий народного быта в нашей стране, а лишь: соблюдает ли этот режим-убийца свои собственные законы?" (с. 151).

Один абзац вызывает уже несколько вопросов. Имеет ли смысл требовать, чтобы заседания суда были действительно публичными? Чтобы осужденных, отбывших срок, выпускали (а не давали им вторые сроки)? Чтобы здоровых не держали в психушке? Или все это не имеет никакого смысла? Если можно обращаться к вождям с предложением переменить идеологию, то почему не обратиться к ним с предложением соблюдать хотя бы существующие законы? С чего начинать движение идущему, как избежать надвигающейся катастрофы и смуты, если не с укрепления законности? Разумеется, не только с нее; но разве борьба за укрепление законности пойдет народу во вред? Не поможет ли она, напротив, обсуждению "коренных условий"? Все эти вопросы хочется поставить — и подождать, пока Александр Исаевич ответит. А пока помолчать.

Но есть вопрос, который невозможно отложить: о тоне полемики. Тон этот совершенно недопустимый. И решительно ничем оправдать его нельзя.

Солженицын может полемизировать иначе. Он корректно спорит с Лакшиным (№ 137 "Вестника"). Значит, решил быть корректным — и сумел. А с прочими разрешил себе говорить, как с нелюдьми. Почему? Официальное объяснение: "Если б касались только меня, то

без затруднений прожил бы я так и еще двенадцать, и умер бы, так и не прочтя, что ж они там понаписали. Но нет, облыгают — народ, лишенный гласности, права читать и права отвечать" (с. 133). Это неправда. Подавляющее большинство высказываний, против которых полемизирует Солженицын, — даже в том виде, в котором он их приводит, — народа не затрагивают. Они "облыгают" политические традиции самодержавия (против которого и народ иногда бунтовал) и сочувственно оценивают интеллигенцию, демократию и демократический социализм (которые "облыгает" Солженицын). Трудно понять, почему вопрос о достоинствах "Нового мира" может обсуждаться спокойно и трезво (и даже признается частичная правота Лакшина), а в плюрализме все худо, все гадко, все сплошная мерзость.

Но может быть, идеи плюралистов ошеломили Солженицына своей неожиданностью, и он потерял власть над собой? "Шесть лет не читал я ни сборников их, ни памфлетов..." (с. 133). И это неправда. Читал Янова. И ответил. Читал Клепикову. Читал критические статьи в "Континенте". Бесспорно читал статьи, направленные против его оппонентов и опубликованные в "Вестнике" № 125 и 126. Эти статьи так хорошо согласованы, так единодушны в своих обвинениях, что трудно не заметить дирижера. Прочитана была и статья Б. Михайлова об эстетизме (косвенная ссылка есть в тексте "Наших плюралистов"). Так что неожиданности никакой не было.

Нет и наивности, непонимания законов полемики. Ал. Солженицын прекрасно понимает, как надо себя вести, и упрекает Лакшина, когда тот выходит за рамки дозволенного:

"Всю статью Лакшин имитирует скрупулезность — он указывает номера страниц "Теленка". Но когда появляется необходимость перевернуть посильнее, он именно в этом месте "случайно" не указывает страницу". (Вестник № 137, с. 128). Не случайно ни в "Образованщине", ни в "Раскаянии" страницы не указаны нигде. А в "Наших плюралистах" — и фамилии пропали. Двойной стандарт требований к оппонентам и к самому себе вполне осознан, и А.И. Солженицын испытал некоторые колебания, хорошо ли это: "Цитаты из разных, из разных, я чаще не указываю кто, однако на полях рукописи помечаю — книгу, журнал, страницу". (с. 136). Почему же не в сносках печатного текста? Читению бы эти данные не помешали. Отчего, зная законы полемики, Александр Исаевич их нарушает? Потому что абсолютная истина не может быть поставлена на один уровень с абсолютной ложью. И во имя истины, в борьбе с ложью, все позволено. Нравственно то, что полезно для высшей цели.

Однако продолжим анализ полемических приемов пророка. Фамилии он упоминает не случайно, а каждый раз с особым умыслом. Например — чтобы сильнее обругать: «"Пинский" и "Синявский" — тоже прилагательные. Да ведь какой "ученый" — а то тоже прилагательное» (с. 137).

Другой пример: риторическая фигура: если имярек таков, то тем более все остальные!

"Казалось бы: философу Шрагину с его искренней "тоской по истории"... — вот бы и брать историю! разведать, оценить, указать на ошибки, раскритиковать, разнести вдрызг? Нет..." (с. 139).

Ну, а прочие плюралисты, разумеется, и думать не думали об исторических источниках... Ничего подобного, думали. И создали журнал "Память". В котором, между прочим, напечатаны воспоминания социал-демократа о первых годах революции и жизни на Соловках, довольно сильно разнящиеся от "Архипелага". Вот бы и вступить в честный разговор со стариком-автором, непосредственным свидетелем событий. А упрекать философа, что он не занимается историческими источниками, — несерьезно.

Моя фамилия вводится по той же формуле: если и "разборчивый Померанц" (клеветает, передергивает, лжет), то что говорить об остальных! В другом месте фамилия снимается, и Александр Исаевич грубит: «"Пока старые большевики не были истреблены, над ЦК и ЧК клубился дух демократии". (Попал бы ты к ним туда!)» (с. 140).

И никому невдомек, что тыкают того же плюралиста, к совести которого Александр Исаевич взывает: «Изо всех обращусь лишь к тому, от кого нельзя было ожидать. Григорий Соломонович! Вы ведь призываете, чтобы даже в разоблачении ГУЛага... "не было бы пены на губах". Отчего же... Вы допускаете ей пениться на ваших собственных губах? И не пристыдите единомышленников и Ваших учеников? Судя по Вашей статье, Вы "Архипелаг" прочли, и Вы помните, что я там пишу о страданиях выселенных крымских татар, и сочувствую я им или тем, кто их выслал...

И после этого вот так выворачивать (т.е. критиковать фразу: "Татарское иго над Россией навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками орды". — Г.П.). А ученики зовут Вас "кротчайший мудрец"...

И весь расчет — только на то, что я все равно смолчу, занят Узлами — и не отвлекусь?» (с. 157).

Опять риторика! Текст "Сна о справедливом возмездии" опубликован (хотя с несколькими досадными для меня сокращениями). Читатель может убедиться, что я выписал из статьи Солженицына

все, с чем я согласен, а потом полемизировал с тем, с чем не могу согласиться — во всей статье, вовсе не в одной, вырванной из контекста, фразе.

Я думаю, что нельзя достичь мира, вспоминая старые распри. Это не какая-то недостижимая нравственная высота, а простой здравый смысл и естественное человеческое чувство. Через некоторое время любая обида забывается — и слава Богу. Растревлять обиды, чтобы заново сосчитать, кто кому насколько напакостил, — нелепость. Есть срок давности для эмоциональной памяти. Разумеется, не юридически точный, общий для всех, и есть пограничная полоса, в которой к одним и тем же лицам и фактам можно относиться по-разному. Но за этой полосой — бесспорно Прошлое, где (как за гробом) смолкают страсти. События, лежащие за пределами памяти наших отцов и дедов, живо вспоминаются только в одном случае: если они втянуты в область религии (исход из Египта, страсти Христовы).

Все прочее довольно быстро становится Историей, а идеал историка обрисован Пушкиным в Пимене:

Так точно дьяк, в приказах посевевший,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Правда, Пушкин не был Пименом и по случаю взятия Варшавы вспоминал Смутное время. Но это человеческая слабость, а не принцип. Солженицын же возводит захваченность страстью в теорию и отодвигает границу страстей и обид ровно настолько, чтобы Россия всегда оказалась обиженной (а не обидчицей). В отношениях с Польшей — к XVII—XVIII вв., а с тюркскими народами — еще дальше. Между тем, все попытки отодвинуть границу обид в невыгодном направлении решительно отсекаются:

«"Была ли Россия тюрьмой народов? У кого достанет совести это отрицать?" А у кого достало совести эту ленинскую мерзость повторять? У Шрагина». ("Наши плюралисты", с. 137).

Мысль о России как тюрьме народов гораздо старше Ленина. Она восходит ко временам Герцена и Шевченко:

От молдаванина до финна,
На всех языках все молчать,
бо благоденствуе...

Солженицын совершенно серьезно утверждает то, что вызывало сарказм у Шевченко, — всеобщее благоденствие при царизме: "... жители

свободно переезжали с места на место, и, самое дорогое, — в эмиграцию тотчас, кто хотел..." (с. 136).

Вся эта благодать длилась полвека. Да и то не для всех. А царская Россия — это не только 50 лет между раскрепощением крестьян и революцией. Это века крепостного права, традиции которого все время вылезали наружу. Например, в порке крестьян (официально — по указу Александра III, и неофициально, но много, много раз, при усмирении аграрных беспорядков. Мыслимо ли было пороть французов?). Наконец, неподвижным пережитком всеобщей неволи оставалась до самой революции черта оседлости. Какая уж тут свобода передвижений!

Нельзя понять революцию, если считать, что ее участники вдруг, без всяких причин, осатанели, с жиру бесились. У них были причины для возмущения. В том числе — у народов, покоренных Россией. Я понимаю, что медленные изменения лучше революционных переворотов. Но, к сожалению, люди творят историю вслепую. Они ослеплены своим разумом и своими предрассудками, своей ненавистью и своей любовью. Это равно относится и к русским, и к нерусским, к царю и к террористам, пытавшимся взорвать его. Слеп был царь и слепы его министры, не сознававшие, что готовят гибель династии. Слепы либералы, не сознавая, что на смену царскому деспотизму придет тоталитарный. Слепы крестьяне, громившие усадьбы и голосовавшие ногами за большевистский конец войны: никто не угадывал, что впереди — 1929 год. Слепы инородцы, ввязываясь во всю эту кашу в надежде на мировую революцию. И коммунисты не знали, что в новых застенках палачи будут ломать им ребра. Слеп и Солженицын. Он до сих пор не понял, что фраза его, будто татарское иго навсегда ослабляет наши возможные вины перед осколками орды, не только нравственно чудовищна, — она и политически чудовищна. Это прямой вызов всем тюркским народам (т. е. нескольким десяткам миллионов). Идеологи сеют ветер — а потом народы пожинают бурю.

Защищаясь от обвинений в шовинизме, Александр Исаевич ссылается на сочувственное описание татар в "Раковом корпусе" и "Архипелаге". Такие ссылки ничего не меняют. Тогда перед умственным взором писателя стоял человек, попираемый тоталитарной машиной. Русский, татарин, — ему было почти все равно. А в "Раскаянии" перед нами устроитель новой державы, он решает государственные вопросы: как быть с Казанью? С Уфой? И память о татарском иго ему нужна как аргумент в политическом споре.

Что-то подобное можно показать, сравнивая "Дневник писателя" с творчеством Достоевского. В "Записках из Мертвого дома" — обя-

тельные образы мусульман. А в "Дневнике" — "Константинополь должен быть нашим". Что же делать туркам? "Продавать мыло и халаты".

Но оставим спор. Допустим, что я принял риторические обращения всерьез, что Александр Исаевич в чем-то убедил меня и я хочу удержать своих единомышленников от крайностей полемики (я действительно хочу этого от всех). Как мне понять, где перегиб, где нет его, если фразы выдраны из контекста и ни имени, ни адреса? Кажется, что сравнение России с девушкой, которую все насилуют, — сарказм, и вовсе не против России, а против идиотской теории, что огромная страна была в 1917–1918 гг. изнасилована кучкой инородцев. Это надо бы проверить, но где? Кажется, что иные фразы действительно нелепы, но кто их сказал? У меня нет партии, выполняющей указания вождя, нет журнала, где по моему слову вяжут и разрешают. Меня самого печатают вкривь и вкось, через пятое в десятое. К кому мне обратиться?

Двух авторов, засекреченных Александром Исаевичем, я все же угадал. Первый умер. Он был страстным поклонником Солженицына, все свое сердце вложил в "Архипелаг", от критики "Письма вождям" отмахивался (пустяк, все великие люди в чем-то ошибаются) — но высокомерного тона "Раскаяния" не вынес. Вместе с верой в Солженицына для него рухнула вера в Россию: нестерпимое мучение для человека, глубоко укорененного в русской культуре. Незадолго до смерти он говорил мне о "ненавидящей любви" и величайшим своим грехом считал, что содействовал развитию этого учения в этой стране, из которой на человечество грозит обрушиться атомная смерть.

А.И. Солженицын сводит психологию плюралиста к реакциям червя, уколотого булавкой: ненависть — и только. На самом деле кризис веры в Россию (через который прошли Чаадаев, Печерин и многие другие достойные люди) совсем не так прост и не сводится к духовному ничтожеству. Достаточно привести стихотворение Н. Коржавина, написанное в 1972 году (когда начиналась третья эмиграция):

Иль впрямь я разлюбил свою страну? —
Смерть без нее, и с ней мне жизни нету.
Сбежать? Нелепо. Не поможет это
Тому, кто разлюбил свою страну.

Зачем тогда бежать?
Свою вину
Замалчивать? —
И так, и этак тошно.
Что ж, куст зачах бы, отвратясь от почвы,
И чахну я. Но лямку я тяну.
Куда мне разлюбить свою страну!
Тут дело хуже: я в нее не верю.
Волною мутной накрывает берег.
И почва — дно. А я прирос ко дну.
И это дно уходит в глубину.
Закрыто небо мутною водою.
Стараться выплыть? Но куда? Не стоит.
И я тону. В небытии тону.

Второй плюралист, которого я угадал, — Р.Б. Лерт, одна из основателей диссидентского журнала "Поиски":

«"Перерождалась и умирала сама партия." Той, в которую "я вступила радостно, давно нет в живых". (Позволительно поправить — что та самая, которая в Киеве 1918 года, вместе с молодым активом, творила первые каннибальские убийства...» (с. 141).

— Правда это? — спросил я Раису Борисовну. — Что вы там наворили?

Раиса Борисовна улыбнулась и сказала, что в 1918-м ей было 12 лет. Власти в Киеве в этом году менялись четыре раза. Каждый раз стреляли на всех перекрестках, убивали первых попавшихся, потом кого-то расстреливали. По детским впечатлениям, все безобразничали примерно одинаково, и никто не вызывал особых симпатий. Политическая ориентация сложилась только в следующем, 1919 году, когда Киев взяли белые. С разрешения коменданта города, генерала Бредова, был учинен трехдневный погром. Богатые кварталы грабили вежливо (офицеры собирали контрибуцию). Но квартал, где жили Лерты, достался казакам. На мать Раи (к которой девочка прижалась) наставили винтовку и потребовали драгоценностей. Старшую сестру пытались изнасиловать (она убежала). Семья Лерт отделалась несколькими украденными вещами и испугом. Зато в соседнем доме отца и мать привязали к креслам и двух девочек-гимназисток изнасиловали и убили.

Я думаю, что генерал Бредов и другие рыцари были совершенно убеждены, что воюют с Абсолютным Мировым Злом. А в борьбе с абсолютным злом все позволено. На такую психологию я насмотрелся, когда наши войска перешли границу Германии (одно из первых впечатлений: обнаженный труп изнасилованной и убитой девочки лет 15, валявшийся на помойке). Начинали с готовности жизнь отдать за родину (и действительно отдавали), а потом насиловали девочек.

И еще на одно я насмотрелся: на революционеров. С 30 октября 1949 года по июнь 1950-го, на Лубянке и в Бутырках. Тогда сидели повторники, т.е. уцелевшие в лагерях и в ссылках и взятые за это по новой. Я видел живых эсеров, живых анархистов (как они непохожи на схемы в романе "Август 14-го!"). Коммунисты несколько отличались по своему нравственному складу (сказывалась партия нового типа), но и в них вспыхивали искры воодушевления, запомнившегося Р.Б. Лерт. Я мог сравнить Лубянку—22 и Лубянку—49. Анархист рассказывал, как его на честное слово выпустили хоронить Кропоткина. Все старики подтверждали, что Дзержинский каждую неделю обходил камеры и спрашивал, нет ли жалоб на грубость надзора. Сквозь тюремщика в нем еще проступал каторжанин...

В 1949 году это звучало, как сказки 1001 ночи.

После реабилитации я разговаривал с одной старой большевичкой о Тагоре.

— "Гитанджали", — сказала она, — я в 16 лет готова была носить на груди.

— Почему же Вы не сохранили книгу?

— Пришли ходоки из деревни и сказали, что там книг вовсе нет. Я отдала всю свою библиотеку.

— Тагора в деревню? На самокрутки?

— Разве я могла тогда так рассуждать? Революция — значит все общее. Все мои друзья погибли на фронтах...

Не думаю, чтобы участники белого движения были хуже, у них были свои достоинства: меньше опьянения идеями, больше традиционных нравственных ценностей. Отчасти поэтому — меньше размах террора. Но начинали все с энтузиазма, с веры в святую цель; а потом обе идеи (и грядущее без нищих и калек, и святая Русь) потонули в зверствах.

Гражданская война — не столкновение абстрактного Добра со Злом, а трагическая борьба двух энтузиастов, двух вер — и двух

списков злодеяний. Об этом я и писал в "Сне о справедливом возмездии". Различие моих установок и установок Александра Исаевича можно пояснить образами Шондина и Никхила в романе Тагора "Дом и мир", а кто этого романа не помнит, поясню в нескольких словах. Первый принцип: "Чем больше энергии и ярости в борьбе с чудовищем, тем лучше"; второй: "Если ярость победит в нас, то наша победа будет победой ярости. Гидру ненависти надо заморить голодом".

Мир для Александра Исаевича резко делится на белое и черное, добро и зло, истину и ложь. Он сам — борец с Абсолютной ложью. Абсолютной лжи логически противостоит Абсолютная Истина. Следовательно, мнения А.И. Солженицына суть абсолютная истина. И всякий, посягающий на абсолютную истину, служит абсолютной лжи. Следовательно, я чудовище, Синявский чудовище, Шрагин чудовище.

Есть только два подхода ко всем мировым вопросам: 1) Россия хороша, социализм плох; 2) Социализм хорош, Россия плоха. Первая модель истинна. Все, кто ее критикует, поддерживают вторую модель: "ненависть к России и только" (с. 144). Попытка показать, что возможны еще какие-то подходы, ничего не вносит, кроме путаницы. Я ссылался на Н.А. Бердяева — он путаник. Я ссылался на Г.П. Федотова. Он тоже путаник. Я мог бы сослаться на молодых авторов, выступивших когда-то в "Вестнике" с идеей национального покаяния. Но у них даже в слогe чувствуется что-то нерусское. Я опубликовал в "Русской мысли" статейку, что обе модели кажутся мне одинаково пустыми; никакого внимания. Александру Исаевичу удобнее валить всех "плюралистов" в одну кучу. Как это аргументируется — не очень важно. Захватывает и покоряет убежденность. Когда я был мальчиком, меня такой страстный голос непременно бы завлек. Сейчас — вызывает скорее тревогу. Я побаиваюсь людей, которые слишком хорошо знают, "как надо".

Приемы полемики — зародыш нового политического стиля. Это показал опыт журнальной и государственной деятельности В.И. Ленина. И поэтому стиль полемики А.И. Солженицына — вопрос первостепенной важности для будущего России. Если этот стиль утвердится, не останется никаких надежд.

Стиль полемики гораздо прочнее, чем идеи, вызвавшие спор. Идеи меняются, а стиль остается. Кошмар современности не в идеях, а в стиле борьбы за свои идеи. И плюрализм — это не просто много разных мнений. Это стиль полемики, основанный на уважении к своему оппоненту.

Разумеется, для самодержавной истины забота о стиле полемики мелочна и ложна. Цель оправдывает средства, и совесть остается спокойной. Ибо самих себя мы видим только с лицевой стороны, а противников — только с изнанки.

Однако я знаю, что Александр Исаевич испытывал потрясающие нравственные перевороты, и не перестаю надеяться на лучшее. Если можно было понять благородные мотивы поведения японцев, отказавшихся от вооруженных сил и оставшихся беззащитными, то почему не понять благородные мотивы плюралистов? Почему не понять, что терпимость и внимание к чужому мнению — одно из коренных условий народной жизни?

Москва, 1984 г.

СПРАВКА

При подготовке к печати отрывка "Наши плюралисты" (Вестник РХД № 139) проверкой цитат занималась я.

1. Все цитаты — строго буквальны и взяты с уважением к контексту. За прошедший после публикации год не оспаривалась корректность ни одной из них.

2. Отрывок — из художественной книги. 28-страничный текст содержит 213 прямых цитат и несколько десятков косвенных. Такое количество сносок изменило бы жанр очерка (к тому же имеющего целью обзор направления, а не спор с каждым из его выразителей). Однако мы храним все ссылки, и я готова дать любую справку.

3. Г.С.Померанца конкретно интересует контекст сравнения России с "девушкой, которую все насилуют". Привожу: В.Белоцерковский. "Феномен Солженицына". Еженедельник "Новый Американец" № 110, Нью-Йорк, 1982: "Никто не обращает внимания и на то поразительное обстоятельство, что Солженицын с его окружением, выпячивая негативную роль Ленина, точнее, Парвуса—Ленина—Троцкого и прочих "иностранцев", изливая на них весь свой священный гнев, все более и более "забывают", заслоняют и вытесняют роль Сталина. ... Чем вызвано это "вытеснение" роли Сталина? Очевидно тем, что оно (так, Н.С.) мешаает антисемитской пропаганде. Ведь уж очень трудно сказать, что у Сталина было еврейское окружение. Кроме того, русские националисты понимают наверное, что прибавить к числу "насилльников" — после немцев на службе у царей, евреев и латышей на службе у советской власти — еще и грузин, будет "замного". Что это за девушка, которую все, кому не лень, насилуют?!"

А вот приемы оппонентов в двух до сих пор мне известных откликах на "Наших плюралистов":

4. А.Синявский ("Товарищ Пророк!" "Нувель Обсерватер", Париж, 9.12.1983) цитирует так, выделяя жирным взятое Синявским. А.С-н, Вестник-139, стр.153: "...ведь десятилетиями жили в столицах, и многие служили ... марксистскими философами, журналистами, очеркистами, лекторами, режиссерами кино и радио, даже пропагандистами ЦК, референтами ЦК, даже прокурорами! — и нам, с лагерного и провинциального дна справедливо казались неотличимы от цекистов и чекистов, от коммунистической власти. Они жили с нею в ладу, ею не наказывались и с нею не боролись. И когда я в

окружающей советской немоте 50-х годов готовил свой первый прорыв через стену Лжи — то именно через них прорыв, через их ложь, — и ни от кого из них нельзя было ждать поддержки." Синявский приводит лишь последнюю фразу, и не только умалчивает, что она относится к пропагандистской советской элите, но нечестно подставляет взамен всю "российскую интеллигенцию" и переадресовывает цитату тем, кто "восхищался и горячо поддерживал" повесть об Иване Денисовиче.

5. У Солженицына (Вестник-139, стр.155): "вкруговую знают, что лгут, — и лгут!" — по частному поводу, что он якобы предлагает теократию. У Синявского (там же): "вкруговую знают, что лгут, — и лгут!" — как всеобщая характеристика плюралистов, и еще от себя приписывает Солженицыну: "лгут сознательно и планомерно".

6. Отклик в "Трибуне" (№ 5, янв. 1984, стр. 20—22, номер выпущен Б.Шрагиным) содержит две цитаты из текста "Плюралистов" — и обе передернуты. Приведенные, как раз в изложении Шрагина, политические пожелания третьей эмиграции по отношению к США (см. "Новый Американец" № 105, 1982, стр.10 и Вестник-139, стр.147) — приписаны Солженицыну как предлагаемые им "запреты" для России. Мысль С-на, что необходимо думать не только о свободе слова, но и об устройстве дома для этой свободы, об устройении земли и всей жизни в будущей России (стр.151—152), — грубо вывернута как отклонение самой свободы слова.

НЕ СТЫДНО ЛИ?

С недавнего времени Г. Померанца осенила новая, и, как вероятно ему кажется, блестящая мысль, которую он уже изложил в журнале "Страна и мир".* Теперь он ее сервирует в ответ на отповедь Солженицына всем тем новым эмигрантам, которые взялись опораживать в глазах иностранцев и наших в первую очередь Россию, а заодно и автора (между прочим) "Архипелага ГУЛага". Оказывается, идеи, содержание большого значения не имеют, все дело в "стиле", в "интонации". Мысль самоочевидно однобокая, но, надо признаться, выигрышная: она позволяет, в случае чего, избегать спора по существу. Что говорят "плюралисты", не важно (но почему-то их стилем, да и своим собственным, Померанц мало озабочен), что говорит Солженицын не существенно (хотя Г. Померанц как будто с ним не согласен и по существу), важно лишь, как он говорит. Г. Померанцу хотелось бы, чтобы Солженицын спорил со своими, мягко сказать, оппонентами, а большей частью хулителями, так же, как он обращался в приветственных речах к пригласившим его японцам. Желание нелепое: что общего между речью именитого гостя в чужой стране и полемическим спором со своими же? Г. Померанцу тон "Плюралистов" кажется неприемлемым. Ну что же, это мнение субъективное, а чтобы придать ему объективное значение, следовало бы тщательно проанализировать полемические приемы и Солженицына, и его оппонентов. Такого стилистического анализа у Померанца и в помине нет. Он ограничивается тем, что берет под сомнение — по какому праву? — приводимые в "Плюралистах" цитаты. Для проверки у него нет под рукой не более и не менее ... чем партии. (Явный намек, что таковая у Солженицына имеется; смею заверить, что у Солженицына нет другой помощи, кроме жены, тещи да, с недавнего времени, подрастающих детей). Но почему же Г. Померанцу не пришло в голову, что будь цитаты передернуты, то "плюралисты" уже давно об этом прожужжали бы всем нам уши?

Объявив абсолютный примат стиля, Г. Померанц тут же начинает спор по существу, потом его бросает, потом снова к нему возвращается. Это чрезвычайно характерно для сбивчивой манеры публициста

Померанца. Кстати, pro domo mea: Г. Померанц обижен на "Вестник", что в нем никогда не печатались его статьи. Это обстоятельство он приписывает Солженицыну, из которого делает этакое негласное диктатора-редактора. Не знаю, как мне разубедить Г. Померанца в его предвзятом мнении (а скорее мифе, на моих же глазах сочиненном "плюралистами").* Если я ему скажу, что Солженицын знакомится с содержанием "Вестника" при получении журнала, он мне не поверит. По крайней мере, он должен помнить, что его, Померанца, статьи (о Достоевском, о славянофилах) предлагались "Вестнику" задолго до высылки Солженицына на Запад и были отклонены редакцией за их туманность.**

Но вернемся к основной мысли статьи Померанца. Она сводится к силлогизму: "Плюралисты" написаны в том же тоне, что статьи Ленина. Ленин — известно кто. А Солженицын и того почище.

К этому сравнению клонит вся "аргументация" Померанца. Но тут уж разводишь руками. Что это за навязчивая мысль у "плюралистов" — при каждом удобном случае сравнивать с Лениным, а то и со Сталиным, кого? — автора "Ивана Денисовича", "Матренина двора", "Круга первого", "Ракового корпуса", "Архипелага ГУЛага", "Августа 14", "Октября 16", не говоря о "Теленке" (которого, кстати, так высоко ставит Г. Померанц). Кто сделал в наши дни больше для русского слова, для русской славы, для просветления сознания у себя на родине или за рубежом, пусть смело шагнет вперед. Думаю, что немного найдется охотников выступить из рядов. И даже А. Синявский смиренно должен будет признать, что не "Голос из Хора" и не "Прогулки с Пушкиным" произвели переворот в умах людей (как это он сам пишет об "Архипелаге ГУЛага", тут же прибавляя, что Солженицын с "Ивана Денисовича" неуклонно катится вниз).***

* Наряду с нелепым мифом об эмигрантской цензуре. Цензура только тогда может существовать, когда все средства информации принадлежат государству. Отбор статей по качеству, по созвучности общей линии каково-нибудь журнала Синявские называют цензурой. А в № 12 "Синтаксиса", присвоив себе ответную статью, адресованную в "Вестник", о получении которой редакция "Вестника" даже не была извещена, размазывают в передовице о том, что несчастные самиздатские авторы не имеют себе нигде пристанища ... кроме как в "Синтаксисе". Так фабрикуются, выражаясь мягко "мифы", а попросту не что иное, как сознательная ложь.

** Справедливости ради отмечу, что не все статьи Померанца туманны: так, стройна и содержательна его недавняя статья о Льве Толстом. Синтаксис, № 4, стр. 56–71.

*** Alternative, № 26, стр. 17.

* №№ 1–2, 3.

Казалось бы, за десятую долю написанного и сделанного Солженицын заслуживал бы нашей признательности, а нет, каким-то соотечественникам все мало, ничто впрок не идет, и вместо благодарности, они подносят тяжеловесный ком одних и тех же ругательств: Сталин, Ленин — Ленин, Сталин...

Такая непоследовательность чувств и разума (о стиле и говорить не приходится!) не отличительный ли признак тех, кого Солженицын заклеил под именем "плюралистов"? Г. Померанц в своем ответе выдает себя с головой, он не только "плюралист", т.е. придерживается одновременно ряда несогласованных мнений, но и подлинный — что то же самое, и даже с философской точки зрения точнее — релятивист. Видите ли, "кошмар современности не в идеях" (и марксизм, значит, невинен как дитя), а всего лишь "в стиле борьбы", т.е. коммунизм просто плохо, нестильно проводится, а так сам по себе он ничего! Да и гражданская война была всего лишь схваткой "двух энтузиастов", которая так или иначе плохо бы кончилась. А вот интересно, в Испании победили белые, и через сорок лет просвещенная диктатура мирно перешла в конституционную монархию, сохранив в целостности живую душу страны. Возможен ли был бы такой исход при победе красных? Пока история нам этого не показала. И Дзержинский, умиляется Померанц, по камерам великодушно расхаживал, это после или до расстрела митр. Вениамина, Николая Гумилева и тысяч иже с ними невиннейших жертв? Ну нельзя же быть столь непосредственно эмоциональным! Чего стоит характер того "плюралиста", что потерял веру в Россию от якобы высокомерного тона одной из статей Солженицына (в которой он, кстати, всех призывает к раскаянию). И в качестве заключения, по Померанцу, оказывается, Россия страдает не от истребления лучших классов и лучших во всех классах, не от формирования покалеченного и оглушенного homo sovieticus'a, а всего лишь ... от полемических приемов.

До чего же это все несерьезно!

Г. Померанц почему-то считает, что он вправе поучать Солженицына, как и с кем ему следует спорить. Уж лучше вынул бы бревно из собственного глаза: от спора по существу он отваливает, а тем не менее якобы беспристрастно и миролюбиво внушает, что "пророк" Солженицын так же опасен России, как когда-то Ленин.

Ну, не стыдно ли? Нам, во всяком случае, за Г. Померанца стыдно.

Марк МАКАРОВ

К полемике о мировоззрении А. А. Фета

ШЕНШИН И ФЕТ

На страницах "Вестника" (№№ 139, 141) столкнулись два мнения, два ответа на вопрос: "Был ли Фет атеистом?"

"Да, был", — считает Ефим Григорьевич Эткинд.

"Нет, не был", — возражает Никита Алексеевич Струве.

И оба приводят убедительные доводы...

Как же быть мне, рядовому читателю, давно и искренне уважающему обоих участников спора, хоть и не имея чести быть лично с ними знакомым?

Как быть, если еще более сильную любовь я испытываю к Афанасию Афанасьевичу Фету, а еще несравнимо большую — к Богу, в Которого верил (или не верил?) Афанасий Афанасьевич?

Мне кажется, я знаю, как разрешается этот спор. Но прежде всего я должен принести извинения за то, что мне придется указать на истину, которая может показаться общеизвестной и даже банальной. Дело в том, что именно эта забытая истина оказалась, в пылу полемики, забытой.

Я утверждаю, что *оппоненты ведут речь о двух разных людях.*

Не случайно, что Никита Алексеевич ссылается только на *стихи*, в то время как Ефим Григорьевич оперирует в основном цитатами из частной *переписки* Афанасия Афанасьевича и его современников.

Я тоже хочу сослаться на слова самого Фета. Они приведены в статье Н. Н. Страхова. Николай Николаевич не только близко знал Афанасия Афанасьевича и его творчество, но и был одним из тех немногих друзей, чьим суждениям Фет верил порой больше, чем своим.

"Он говорил, что поэзия и действительность не имеют между собой ничего общего, что как человек он — одно дело, а как поэт — другое."

("Заметки о Фете" в кн.: Полное собрание стихотворений А. А. Фета, СПб., 1912, с. 18)

У меня нет сомнения, что участникам спора эти слова Фета известны. (В них-то и есть забытая истина, упомянутая мною.) Мне только

думается, что оппоненты не увидели, что эти слова могут послужить ключом к разрешению спора.

Итак, я осмеливаюсь утверждать, что и Ефим Григорьевич, и Никита Алексеевич — *оба правы*.

Ефим Григорьевич говорит о ревностном военном служащем, мировом судье, расчетливом помещике, занимавшемся литературой и умершем в 1892 году.

Никита Алексеевич говорит о гениальном поэте, который не умер до сих пор и умереть может только со смертью русского языка. У них, кстати, и фамилии были разные. Первый был Шеншин, второй — Фет. (Правда, сорок лет они были однофамильцами.) А то, что на двоих у них было одно тело, и что со смертью первого второй уже не мог написать ничего нового — разве это так уж важно?

Один из двух Афанасьев Афанасьевичей действительно был если не атеистом в советском понимании, то неверующим в христианском смысле слова, равнодушным к общепринятой религии.

Другой — горячо и страстно стремился к Высшему, неземному, сверхъестественному, и не только не сомневался в существовании сверхъестественного Творца, с Его особым миром, но видел в этом Высшем, неземном — единственную достойную внимания реальность, и в служении этому иному миру — истинный смысл жизни и творчества.

Контраст между этими двумя людьми во всех отношениях огромен. У них были совершенно разные цели и интересы.

Шеншин, по бюрократическим причинам вынужденный с 14-летнего возраста носить фамилию матери — Фет, — всеми силами старался изменить это положение. Всю жизнь он упорно гнался за то и дело ускользавшим дворянством, за богатством, за связями с высшими кругами. Надо отдать ему должное: и того, и другого, и третьего он в конце концов добился.

Фету же на всю эту суету было совершенно наплевать. У него были несравненно высшие интересы и наслаждения. Ему принадлежали вечность и бесконечность мира, и все богатства вселенной:

Как богат я в безумных стихах!.. —

воскликнул он, отнюдь не лицемеря.

И недаром, когда в 1873 г. Шеншин получил свою фамилию назад, под стихами подпись не изменилась. Фет остался Фетом.

Лично для меня о твердой и пылкой вере Фета свидетельствуют не обязательно его стихи на библейские темы. Я согласен, что к библейским образам прибегают и поэты, в Библию как в Слово

Божие не верящие. Справедливо писал о Библии В. Брюсов:

Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя!
Еврей, христианин, безбожник —
Все, все учились у тебя.

Но есть у Фета такие духовные высоты (причем в самые неожиданные моменты), какие неверующему недоступны.

Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: "То бред души больной!"
Но я иду по шаткой пене моря
Отважно, не тонушей ногой.

Здесь нельзя не вспомнить апостола Петра, который шагнул из лодки навстречу Иисусу и пошел по воде, "но, видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал..." (Еванг. от Матфея 14:30). Иисус еще упрекнул его в маловерии.

Очевидно, Фету сильный ветер не помеха. Кто же посмеет назвать его неверующим? (Хотя нам, христианам, конечно, жаль, что он не идет навстречу Иисусу.)

В страданьи блаженства стою пред тобою, —
И смотрит мне в очи душа молодая.
Стою я, овейный жизнью иною, —
Я с речью не здешней, я с вестью из рая.

Пафос поэзии Фета — это пафос не сомнения, а именно твердой веры в то, что недоступно земному разуму.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
Где веришь, что счастьем не будет конца.

Конечно, прав Никита Алексеевич: неверующий так не напишет. И таких примеров можно привести множество.

Но, укажут мне, вы с Никитой Алексеевичем говорите не об авторе, а лишь о его лирическом герое (говоря терминами формальной школы, о рассказчике, или сказителе). А вот Ефим Григорьевич говорит именно об авторе, то есть о реальном человеке, не путая его с лирическим героем. И поэтому он прав.

Конечно, Ефим Григорьевич прав. Не был Шеншин верующим. Но вспомним его убеждение, что как человек он одно, а как поэт — другое. Значит, сам Фет не считал, что лирический герой — это фикция, плод творческого воображения Шеншина. И в том и в другом он видел себя! Человек и поэт для него реальные, хотя и разные, личности.

Разумеется, Шеншин был более реален в материальном смысле. Но по-моему, нельзя отрицать существования их обоих.

А если так, то напрашивается вопрос. Хорошо, грубо говоря, "человек" был неверующим, а "поэт" — верующим. Но кто из них более для нас интересен? До которого из двоих нам есть дело?

Что осталось от Шеншина? Образцовое хозяйство под Мценском или в Курской губернии? Но там сейчас колхозы, и помещика никто не помнит. Статьи "по вопросам о сельских порядках"? Да кто их нынче читает! Тогда какая нам разница — верующим был или неверующим бывший хозяин Степановки и Воробьевки, восторженный поклонник Великого князя Константина Константиновича, его жены и поэзии? Стоит ли из-за его мировоззрения копыа ломать? Его давно съели черви.

Но Фет — с нами и сегодня. И вера у этого человека есть: не просто искренняя, но огромной силы и заразительности. Личное свидетельство: я смело могу сказать, что если бы я не знал с юношеских лет о том неземном мире, о котором поведал мне Фет, мой путь к Богу (много лет спустя) был бы гораздо труднее. У меня есть все основания быть благодарным Фету за помощь в моих духовных поисках.

И последнее. Ефим Григорьевич замечает, что атеистов на нашей родине большинство. Никита Алексеевич ссылается на социологические анализы, показавшие, что атеистов в России не больше 7% населения. Кто прав?

Мне бы очень хотелось, чтобы правы были эти (неизвестные мне) соц. анализы. Но увы, собственный опыт говорит, что в этом случае прав Ефим Григорьевич. Атеистов там пока — подавляющее большинство. Среди нескольких сотен моих друзей и знакомых — верующих от силы десятков.

Но все растет число людей, ведущих поиски Высшей истины, вечных ценностей. Таким-то и помогает вера Фета в иной, неземной мир — помогает этот мир найти.

Шимон МАРКИШ

Господин редактор!

В № 141 Вашего журнала напечатана статья Зинаиды Шаховской "Евреи и Россия". Оставляя в стороне оценку идей и выводов Вашего автора, я хотел бы обратить Ваше внимание лишь на то, что сказано в статье о моем отце: один "из тех евреев, из-за которых антисемитизм развился и в послереволюционной России" (стр. 253).

Ниже (стр. 258) Ваш автор подробно цитирует Давида Шуба, очевидным образом разделяя его мысли о "причинах, способствующих ... распространению антисемитизма" в СССР. Согласно Шубу, они "в общем" таковы: обилие евреев "среди главных вождей большевистской партии" до и во время революции, "отдельные евреи" на самых ответственных постах "в первые годы советской власти", "очень большой процент евреев" в советской бюрократии (в том числе и в особенности — в "тайной и явной полиции") "первые десять-пятнадцать лет советской диктатуры".

Неосведомленный читатель не может сделать иного вывода, кроме того, что мой отец принадлежал к одной из называемых Шубом категорий.

Между тем мой отец, Перец Маркиш (1895—1952), не был ни партийным вождем, ни государственным чиновником, ни полицейским. Он был еврейским поэтом и прозаиком, писавшим только на языке идиш, к русской же культуре не принадлежавшим вообще. На государственной службе никогда не состоял. Никаких должностей, административных или партийных, никогда не занимал. В партию вступил в 1942 году, во время войны с гитлеровской Германией — так же, как, например, нынешний член редколлегии парижской "Русской Мысли" г-н Александр Некрич. В 1949 году арестован, в 1952 расстрелян вместе со всеми остальными руководителями Еврейского антифашистского комитета, созданного в начале войны для организации среди евреев всего мира помощи воюющей России, а затем уничтоженного за ненадобностью — в точности так же, как общественный Комитет помощи голодающим в 1921 году.

Из всего вышеизложенного следует: полуфраза Вашего автора о моем отце есть клевета и попытка диффамации.

Пользуясь предоставляемым французскими законами правом ответа, прошу Вас, господин редактор, напечатать это письмо в Вашем журнале.

Женева, 11 июня 1984

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.	
От редакции. Андрей Тарковский на Западе — Никита Струве . . .	3	
БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ		
Приготовление к Крещению — прот. Александр Шмеман	5	
К православному единству — о. Матта Эль-Мескин	27	
Несколько слов к русскому читателю от переводчика статьи		
о. Матты Эль-Мескина — мать Юлиания	49	
Страстная и Пасха в Коптском монастыре — мать Юлиания	52	
Пасхальная ночь 1984 в Сергиевом Посаде — *** (Москва)	56	
■ К 50-летию кончины священника А. Ельчанинова — публикация и примечания Н. А. Струве		59
Из жизни в России (1881—1921)		
Встречи с Вячеславом Ивановым	60	
Встречи с В. А. Тернавцевым	65	
Из встреч с П. А. Флоренским	68	
Два письма к В. Ф. Эрну	78	
Первые годы в эмиграции (1921—1925)		
На педагогическом съезде в Праге	82	
Со съезда РСХД в Аржероне	86	
Священнический путь (1926—1934)		
Четыре письма к о. Сергию Булгакову	88	
О "Содружестве" РСХД Движения	94	
Письмо Кириллу Пыжову	97	
Из дневников	99	
"Бунт" Ивана Карамазова — Карл Гершельман	112	
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ		
Стихи — Ольга Седакова (Москва)	128	

SOMMAIRE

	Pages	
<i>A nos lecteurs. A. Tarkovski choisit l'Occident — Nikita Struve . . . .</i>	3	
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE		
<i>La préparation au baptême — P. Alexandre Schmemann . . . . .</i>	5	
<i>Vers l'unité orthodoxe — P. Matta el-Meskin . . . . .</i>	27	
<i>Quelques précisions de la part du traducteur de l'article du</i>		
<i>P. Matta el-Meskin — mère Juliana . . . . .</i>	49	
<i>La Semaine Sainte et Pâques dans un monastère copte — mère Juliana . .</i>	52	
<i>La nuit de Pâques 1984 à la Laure de la Trinité St-Serge — (Moscou)</i>	56	
■ <i>Pour le 50e anniversaire de la mort du P. Alexandre Eltchaninoff —</i> <i>notes intimes et lettres inédites — publication de N. Struve . . . .</i>		59
En Russie (1881—1921)		
<i>Entretiens avec V. Ivanov . . . . .</i>	60	
<i>Entretiens avec V. Ternavtsev . . . . .</i>	65	
<i>Entretiens avec P. Florenski . . . . .</i>	68	
<i>Deux lettres à V. Ern . . . . .</i>	78	
Premières années dans l'émigration (1921—1925)		
<i>Voyage à Prague . . . . .</i>	82	
<i>Le congrès de l'ACER à Argeronne . . . . .</i>	86	
Années de prêtrise (1926—1934)		
<i>Quatre lettres au P. Serge Boulgakov . . . . .</i>	88	
<i>La fraternité de l'ACER . . . . .</i>	94	
<i>Lettre à Cyrille Pyjov . . . . .</i>	97	
<i>Journaux intimes (extraits) . . . . .</i>	99	
<i>La révolte d'Ivan Karamazov — Karl Guershelman . . . . .</i>	112	
LITTERATURE ET VIE		
<i>Vers — Olga Sedakova (Moscou) . . . . .</i>	128	

Триптих – Нина Бодрова (Мюнхен)	131
... Колеблет твой треножник – А. Солженицын	133
Интервью с Даниэлем Рондо – А. Солженицын	153
Интервью с Бернаром Пиво – А. Солженицын	166
Отклики французской печати на выход в свет "Красного Колеса" (Август Четырнадцатого), статьи "Наши плюралисты" и телеинтервью с Бернаром Пиво	173
■ К столетию со дня рождения Е. Замятина	
Из неизданных лекций о художественной прозе – Е. Замятин	187
Из неопубликованных воспоминаний о "Вольфиле" Н. И. Гаген-Торн	196
Два письма гимназисту – З. Н. Гиппиус (Публ. Ю. Иваска)	201
СУДЬБЫ РОССИИ	
Воспоминания о храме св. бессребреников Кира и Иоанна на Солянке – В. Алексеева	209
■ В порядке дискуссии	
Русский вопрос – А. Миров (Москва)	217
Преследование активных христиан в СССР	269
■ Из истории РСХД	
Путь моей жизни – В. А. Зандер	271
■ Вопросы общественности	
Стиль полемики – Гр. Померанц	288
Справка – Н. Солженицына	298
Не стыдно ли? – Н. А. Струве	300
■ Письма в Редакцию	303

<i>Tryptique (vers) – N. Bodrova .....</i>	131
<i>«Fait vaciller ton trépied» – A. Soljénitsyne .....</i>	133
<i>Interview accordée à D. Rondeau – A. Soljénitsyne .....</i>	153
<i>Interview accordée à B. Pivot (extraits) – A. Soljénitsyne .....</i>	166
<i>«Août 14» et «Nos pluralistes» jugés par la presse française .....</i>	173
■ Pour le centenaire de la naissance d' E. Zamiatine	
<i>Conférences sur l'art de bien écrire – E. Zamiatine .....</i>	187
<i>Souvenirs inédits sur la «Libre Association de Philosophie» N. Gagen-Torn .....</i>	196
<i>Deux lettres à un collégien – Z. Guippius .....</i>	201
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
<i>Souvenirs sur l'église des saints anargyres Cyr et Jean – V. Alekseeva (Moscou) .....</i>	209
■ Tribune libre	
<i>La question russe – A. Mirov (Moscou) .....</i>	217
<i>Persécution de militants chrétiens .....</i>	269
■ Histoire de l'ACER	
<i>Ma vie – V. A. Zander .....</i>	271
■ Problèmes politiques et sociaux	
<i>Le style de la polémique – Gr. Pomerantz .....</i>	288
<i>Note – N. Soljénitsyne .....</i>	298
<i>Un peu de pudeur – N. Struve .....</i>	300
■ Lettres à la rédaction	303

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

ВЫШЛИ В СВЕТ

Г. СТРУВЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИЗГНАНИИ

Труд профессора Глеба Петровича СТРУВЕ — единственный полный обзор русской литературы в эмиграции. Изданный в 1956г., он уже давно стал библиографической редкостью. Новое издание исправлено и дополнено обстоятельным указателем имен. (428 стр.)

Льготная цена до 1-го января: 90.- Фр.
(с 1-го января: 100.- Фр.)

ПОСЛЕДНИЙ ТРУД ПРОТОПР. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

ЕВХАРИСТИЯ (Таинство Царства)

В этой книге сосредоточен весь опыт о. А. Шмемана как священника, литургиста и проповедника. В 12 главах автор дает не столько объяснение разных моментов литургии, сколько мистическое проникновение в то таинство, которое является основоположным в христианском откровении. Как реставратор икон, о. А. Шмеман очищает византийскую литургию от всех второстепенных исторических наслоений и ошибочных толкований и воссоздает ее нам в ее сокровенно божественном смысле. (313 стр.)

Льготная цена до 1-го января: 80.- Фр.
(с 1-го января: 90.- Фр.)

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОБЫТИЕ — НОВАЯ КНИГА АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

вышел в свет

II-ой УЗЕЛ КРАСНОГО КОЛЕСА

ОКТЯБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО

в двух томах, каждый по 590 стр.

"Временной отрезок Октября Шестнадцатого беден историческими событиями, но он избран автором в качестве последнего перед революцией Узла как сгусток тяжелой и малоподвижной атмосферы тех месяцев".

Роман писался с 1971г. еще в России, затем на основе новых материалов, в Цюрихе и Вермонте. Перед глазами читателя проходит во всем своем богатстве и разнообразии вся Россия: крестьянская, рабочая, буржуазная, интеллигентская, инженерная, политическая (от Государя до революционеров).

Главный герой, полковник Воротынцев, возвращается с неподвижного фронта в надежде повлиять на внутренний ход событий. Но и его засасывает тяжелая атмосфера конца 1916г. и вместо гражданского подвига он погружается в бурную личную жизнь...

Льготная цена до 1-го января: 200.- Фр. оба тома.
(с 1-го января — каждый том : 120.- Фр.)

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France.

Издательство Y M C A — P R E S S
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, F

А. СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ — Большой формат, в переплете,
ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКЕ

Вышли в свет: т. X — ПУБЛИЦИСТИКА (1966-1981).

Общественные заявления, интервью,
прессконференции. О литературе и
языке.

тт. XI и XII — КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 1
АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО, чч. 1-2

тт. XIII и XIV — КРАСНОЕ КОЛЕСО. Узел 2
ОКТАБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО, чч. 1-2

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на все пять томов, с пересылкой — 700.- фр.фр.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ — Малый формат,
тонкая бумага, в переплете. Тома продаются отдельно.

- тт. 1-2 — В круге первом . . . . . фр. 200.-
тт. 3-4 — Раковый корпус. Повести и рассказы 200.-
тт. 5,6,7 — Архипелаг ГУЛаг 250.-
т. 8 — Пьесы и киносценарии 150.-
тт. 9-10 — Публицистика 200.-
тт. 11-12 — Красное колесо. Узел I.
Август четырнадцатого, чч. 1-2 . . . . . 200.-
тт. 13-14 — Октябрь Шестнадцатого, чч. 1-2 . . . . . 220.-

“РУССКАЯ МЫСЛЬ” «LA PENSÉE RUSSE»

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.
Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	74	138	265
ЗАГРАНИЦА	107	204	397

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

72-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 90 амер. долларов
6 месяцев — 50 амер. доллара

Воскресное издание только:
один год — 35 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 10001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

**КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

ПОСЕВ

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 48 нм

НАДЕЖДА

Христианское чтение. Составитель З. Крахмальникова (Москва). Религиозный Самиздат. 2 раза в год. 400 стр. карманного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 50 нм за три номера.

LE MESSAGE ORTHODOXE

Edité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, F.

NUMEROS ANCIENS (années 1970 à 1979)
(Prix du numéro : 10 F — 6 numéros : 50 F)

Prix-valables jusqu'au 1er janvier 1985 seulement.

1970	N 49-50	— La foi des prophètes (Alexis Kniazeff) — Mariage et Eucharistie (Jean Meyendorff) — Vocation et condition du prêtre (Métr. Georges Khodre) — Le sacerdoce royal du peuple de Dieu (C. Andronikoff)
	N 51	— Essai sur la Mère de Dieu et l'humanisme théocentrique (P. Nellas) — Intercommunion et Orthodoxie (P. Boris Bobrinskoy) — Technologie et justice sociale (Métr. Georges Khodre) — Anthropologie chrétienne (Arch. Alexandre Semionov) — Le Socialisme (P.B. Struve)
	N 52	— La double conscience de l'Intelligentsia et la pseudo-culture (O. Altaev) — Situation de l'Eglise Orthodoxe d' U.R.S.S. (A. Krasnov-Lévitine) — Lettre inédite de Léline

1971	N 53	— Réflexions sur un texte de Saint Jean — Intercommunion et Orthodoxie (E. Simonod) — Alexandre Soljénitayne (A. Schmemmann)
	N 54	— Qui est saint ? (A. Freund) — La sainteté aujourd'hui (Hiéromeine Syméon) — Jean de Cronstadt (E. Simonod) — Le Père Amphilokios Makris (1889-1970) — Saint Séraphim de Sarov et le saint Curé d'Ars (V. Zander) — Ecrits du Stareta Silouane de l'Athos (1866-1938)
	N 55-56	— La Semaine Sainte (A. Schmemmann) — Le sacrement du Mariage (Elie Mélia) — La Vierge Marie chez les Pères orientaux (Elie Morcas) — Saint Germain, thaumaturge de l'Alaska (Soeur Taisia)

1972	N 57	— Numéro consacré au centenaire du Père Serge Boulgakov (1871-1944)
	N 58	— Le Mariage Orthodoxe (A.M. Stavropoulos) — Séraphim de Sarov et François d'Assise — Autour de la lettre d'A. Soljénitayne au Patriarche Pimène
	N 59-60	— Le sacrement de Pénitence (Elie Mélia) — Art et création (Métr. Georges Khodre) — Orthodoxie et politique (Panayotis Nellas) — «Jésus Christ Superstar» (Thomas Hopko)

1973	N 61	— La Transfiguration du Seigneur (Textes réunis et commentés par E. Simonod)
	N 62-63-64	— En lisant «Toi, ce petit Dieu» de P. Grassé (Evêque Alexandre Semionov) — Un confesseur de la foi : Manuel Léméchevski (1885-1968) — Interview de Gabriel Marcel — Interview d'A. Soljénitayne à des correspondants de presse occidentaux

(Règlement à la commande à l'ordre de «LE MESSAGE»)

Frais de port en sus : +10%

- 1974 N.65 - Encyclique de l'Eglise Orthodoxe en Amérique sur l'Unité des chrétiens et l'Oecuménisme
 - La lutte pour la liberté spirituelle en U.R.S.S.
 N 66-67 - Quelques propos sur l'Orthodoxie (E. Simonod)
 - Le Pèlerin (Ignace Briantchaninov)

- 1975 N 68-69 - Le Sacrement de la Parole (Alexandre Schmemmann)
 - André Roublev et Grégoire Palamas (A. Vassilieff)
 - Lettre d'A. Soljénitsyne au Concile de l'Eglise Russe Hors-Frontières
 N 70 - Le christianisme de Dostoievski

- 1976 N 71 - Judaïsme et Christianisme
 - Le problème des réformes dans l'Eglise (M. Novosélov, 1925)
 Message des Chrétiens de l'U.R.S.S.
 N 72 - Sermons de Kabanovo (P. Dimitri Doudko)
 Un martyr de la foi : Mgr Mitrophan d'Astrakhan
 Interview d'A. Soljénitsyne à la Télévision Espagnole
 Les Editions YMCA - PRESS (V. Veidle)
 N 73 - Byzance et l'Eglise universelle (Gabriel Patasci)
 Le Baptême en Russie (P. Dimitri Doudko)

- 1977 N 74 - Réflexions sur la spiritualité orthodoxe (Thomas Hopko)
 - Les Juifs et le Christianisme (P. Alexandre Men)
 - Appel des membres des Eglises Chrétiennes de l'U.R.S.S.
 N 75 - EPUISE
 N 76 - EPUISE
 N 77 - L'Eglise Orthodoxe en Europe Occidentale

- 1978 N 78 - Propagation de l'Evangile selon les Ecritures (N. Koulomzine)
 Vision Orthodoxe de l'Occident Chrétien (Ephrem Méziani)
 Oecuménisme et Mission
 N 79 - L'avenir de l'Orthodoxie en Occident (C. Andronikov)
 Sainte Geneviève et Saint Syméon le Stylite (G. Fédotov)
 Interview de Mgr Alexandre Semionov et de Mgr Baïle, archevêque de Bruxelles
 N 80 - Souvenirs d'un prêtre romain devenu prêtre orthodoxe : le P. V. Guettée (J. Besse)
 L'archimandrite Antonin Kapoustine, 1817-1894 (P. Cyprien Kern)
 Pensées spirituelles (P. Serge Schoukine, 1880-1931)
 N 81 - Vie spirituelle et sainteté

- 1979 N 82 - Le monachisme évangélique (Archim. Georges)
 - Réception des catholiques-romains dans l'Orthodoxie
 - L'Eglise en Roumanie
 N 83 - Quelques textes sur la Samaritaine (E. Simonod)
 - Retour à Pie X ? (J. Besse)
 N 84 - Humilier son âme par le jeûne (P. Placide Deseille)
 - La Laure de la Trinité-Saint Serge (P. Paul Florenski)
 - De Moïse aux Palestiniens (J. Besse)
 - La persécution religieuse en U.R.S.S.

Numéro spécial : N°95 (I-II 1984)

LE MONT ATHOS AUJOURD'HUI

98 p. Prix: 25 Frs

Abonnement annuel 1985 :

France - 90 Frs
 Etranger - 105 Frs
 AIR MAIL - 125 Frs

Numéros anciens :
 Frais de port en sus + 10%

(réglable à l'ordre de: «LE MESSENGER»)

CENTRE CULTUREL ET SPIRITUEL du MOULIN DE SENLIS à MONTGERON (91230) (tél. 940-21-24 et 942-93-38)

Offices monastiques et conférences du P. Placide Deseille

Les réunions auront lieu les seconds samedi et dimanche de chaque mois, selon l'horaire suivant:

samedi 17h30 : *Vigiles*, suivies d'un repas en commun vers 21h.
 dimanche 10h30 : *Divine Liturgie*, repas en commun à 12h30.

Conférence à 14h30 : Thème général - LA PRIERE

13 et 14 octobre 1984 : *La prière dans la vie du chrétien.*
 10 et 11 novembre : *Prière vocale et prière du cœur.*
 8 et 9 décembre : *La règle de prière quotidienne*

Retenez également les dates :

12 et 13 janvier 1985
 9 et 10 février
 9 et 10 mars (*EXPOSITION d'ICONES*)

(pour tous renseignements, tél. 575-55-13, après 19h)

ВЕСТНИК

Издание Русского Христианского Движения

58-ой год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Америке — East

Mrs. Elisabeth Dorman, 99 Mercer St., Jersey City, N.Y. 07302, USA.

— West

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA

В Канаде:

« Parish News », 1175 C
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church
Keston, Kent.

4001504

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслям ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.